МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 12 № 2 / 2022

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 12 № 2 / 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право (Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.05; 5.5.2; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)
Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)
Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)
Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)
Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Русскевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)
Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)
Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)
Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)
Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)
Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)
Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, доцент, Курская государственная сельскохозяйственная академия (г. Курск, Россия)
Хисамутдинова Равиля Рахимяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)
Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)
Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 04.04.2022.
Дата выхода в свет 23.05.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 27,2.
Тираж 1000 экз. Заказ 17.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.05; 5.5.2; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)
Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)
Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)
Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)
Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)
Tatiyana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)
Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)
Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)
Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)
Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State Agricultural Academy (Kursk, Russia)
Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)
Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)
Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2022

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

16+

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 04.04.2022.
Release 23.05.2022. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 27,2.
Circulation 1000 copies. Order 17.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 10

Оригинальные статьи

О государственной корпорации «РОСБИОМЕД»: организационно-правовой аспект 10

Мохов А. А.

Частное право Молдавии XVI–XVII веков 20

Погорлецкая И. И.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО 32

Протесты против цен на газ в Казахстане: первое в истории вмешательство ОДКБ в одном из ее государств-членов 32

Иермано А., Гуторова А. Н.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 42

Основные подходы к изучению права на достаточное жилище: систематический обзор научных источников 42

Ковалева О. А.

Личное доверие как принцип семейного законодательства 52

Телегин Р. Е.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО 62

Оригинальные статьи

Пути совершенствования правового регулирования оказания содействия органов внутренних дел в работе уголовно-исполнительных инспекций по контролю за поведением условно осужденных 62

Григорьян И. Г.

Проблемы конструирования состава преступления, устанавливающего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (статья 264^2 Уголовного кодекса Российской Федерации) 75

Ровнейко В. В.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО 87

Оригинальные статьи

Административно-правовая трансформация взаимодействия и партнерства органов управления в системе обеспечения безопасности и жизненных интересов человека 87

Позднякова Е. В.

ПОЛИТОЛОГИЯ 98

Оригинальные статьи

Основные направления политического вмешательства США во внутренние дела Китая (на примере Тайваня и Синьцзяна) 98

Букреева Т. Н.

Об основных задачах государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности в сфере внешней политики 114

Устинович Е. С., Шныптев М. М.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ 124

Оригинальные статьи

Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года.....124

Горюшкина Н. Е.

Императорская охота в Крыму как начало природоохранной деятельности в России (конец XIX – начало XX века)…….....……135

Сироткина А. А.

Учреждения начальной профессиональной музыкальной подготовки в России в 1990-е годы (на примере Ульяновской области)…… .....……145

Суетин И. Н.

Роль Архитектурно-планировочного управления в организации строительства оборонительных рубежей под Ленинградом (июнь – сентябрь 1941 года)…… ..... …..154

Мурга Н. В.

Немецкая пропаганда антисемитизма и политика геноцида евреев: реакция местного населения и его политические настроения (на примере Генерального округа Беларусь).....164

Пушкаренко Е. А.

«Посольство Русской Церкви»: восстановление отечественных паломнических связей с Ближним Востоком в 1964 году…… ..... ……177

Апанасенок А. В.

Развитие советско-японских литературных связей во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х годов…… ..... ……..191

Киба Д. В.

Художественная интеллигенция Байкальской Сибири в процессе организации научных экспедиций во второй половине XIX – начале XX века…… .....……206

Ткачев В. В.

Лекарственное обеспечение и развитие аптечной сети Курской области в первое послевоенное двадцатилетие (1945–1965 годы)…… ..... ……219

Яценко М. В.

К сведению авторов 234

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW……..……10

Original article

On "ROSBIOMED" State Corporation: Organizational and Legal Aspect…….....……..10

Aleksandr A. Mokhov

Private Law of Moldova of the XVI–XVII Centuries…… ..... ……..20

Irina I. Pogoretskaya

CONSTITUTIONAL LAW…… …… ……32

Original article

Protests against Gas Prices in Kazakhstan: the First-Ever Intervention by the CSTO in One of Its Member States…….....……32

Anna Iermano, Alla N. Gutorova

CIVIL LAW…… ……..42

Original article

Basic Approaches to the Study of the Right to Adequate Housing: a Systematic Review of Scientific Sourses… 42

Olga A. Kovaleva

Personal Trust as a Principle of Family Law…… ..... ……52

Ruslan E. Telegin

CRIMINAL LAW…… ……62

Original article

Ways to Improve the Legal Regulation of the Provision of Assistance to Internal Affairs Bodies in the Work of Penal Enforcement Inspections to Control the Behavior of Probationers…… .....……..62

Ivan G. Grigoryan

Problems of Constructing the Corpus Delicti Establishing Criminal Liability for Violation of Traffic Rules by a Person Subjected to Administrative Punishment and Deprived of the Right to Drive Vehicles (article 264^2 of the Criminal Code of the Russian Federation)…….....……75

Vera V. Rovneiko

ADMINISTRATIVE LAW…… ……87

Original article

Administrative-Legal Transformation of Interaction and Partnership of Government Bodies in the System of Ensuring Security and Vital Interests of a Person…….....……..87

Elena V. Pozdnyakova

POLITICAL SCIENCES…… ……98

Original article

The Destabilising Interference by the US in China's Internal Affairs (the Case of Taiwan and Xinjiang)……..…..98

Tatyana N. Bukreeva

On the Main Tasks of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Navigation Activities in the Sphere of Foreign Policy…….…..... ..114

Elena S. Ustinovich, Mikhail M. Shnyptev

HISTORICAL SCIENCES…… ……124

Original article

The Place of the Rural Gathering in the Regulation of the Drinking Trade after the Wine Reform of 1863…..…..124

Natalia E. Goryushkina

Tsarist Hunting in Crimea How Environmental Protection Initiated in Russia (Late XIX – Beginning XX Centuries)……..…. ..... ……135

Anna A. Sirotkina

Institutions of Primary Professional Music Training in Russia in the 1990s (on the Example of the Ulyanovsk Region)……. ..... ……145

Ilya N. Suetin

The role of the Architectural and Planning Department in Organizing the Construction of Defensive Lines on the Outskirts of Leningrad (June – September 1941)……..... ……..154

Nikolay V. Murga

German Propaganda of Anti-Semitism and the Policy of the Genocide of Jews: the Reaction of the Local Population and its Political Sentiments (on the Example of the General District of Belarus)…… .....……...164

Elena A. Pushkarenko

"Embassy of the Russian Church": restoration of Russian Pilgrimage ties With the Middle East in 1964…… ..177

Alexander V. Apanasenok

The Development of the Literary ties Between Russia and Japan During the Second Half of the 20th Century (1940–1980s)……..... ……191

Darya V. Kiba

The Artistic Intelligentsia of Baikal Siberia in the Process of Organizing Scientific Expeditions in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries……..…..…….206

Vitaliy V. Tkachev

Drug Supply and Development of the Pharmacy Network of the Kursk Region in the First Post-War Twentieth Anniversary (1945–1965)…… ..... ……219

Maria V. Yatsenko

INFORMATION FOR AUTHORS…… ……234

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-10-19

CC BY 4.0

О государственной корпорации «РОСБИОМЕД»: организационно-правовой аспект

А. А. Мохов[1] ✉

[1] Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
ул. Садовая-Кудринская 9, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: med-farm-law@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Введение ограничительных политических и экономических мер в отношении Российской Федерации привело к тому, что импорт целого ряда средств, веществ и технологий, необходимых для развития и нормального функционирования здравоохранения, сельского хозяйства, ветеринарии и некоторых других социально значимых областей, стал недоступен. Сложившаяся ситуация обусловливает необходимость государственного стимулирования научно-исследовательской и инновационной деятельности, направленной на разработку и создание аналогов средств, веществ и технологий, приобретаемых до недавнего времени за рубежом. Однако выполнение поставленной задачи возможно только при условии решения комплекса правовых, организационных и финансовых вопросов.*

Целью *является разработка теоретических рекомендаций по совершенствованию законодательства, регулирующего процессы создания и внедрения новых средств, веществ и технологий в медицину, сельское хозяйство, ветеринарию и другие отрасли национальной экономики*

Задачи: *установить влияние санкций, введённых в отношении России, на здравоохранение, ветеринарию, сельское хозяйство и иные сферы; обозначить правовые проблемы, препятствующие развитию научной и инновационной деятельности организаций, занятых разработкой биотехнологий, лекарственных средств, медицинских изделий и иных средств медицинского, ветеринарного и сельскохозяйственного применения; обозначить перспективы создания госкорпорации, осуществляющей научно-исследовательскую, инновационную, внедренческую, производственную деятельность в области биологии, медицины и биомедицинских технологий.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

Результаты *исследования носят теоретико-прикладной характер и содержат предложения по совершенствованию российского законодательства в части правового регулирования создания и порядка деятельности государственной корпорации, осуществляющей научно-исследовательскую, инновационную, внедренческую, производственную деятельность в области биологии, медицины и биомедицинских технологий.*

Вывод. *В ходе исследования было представлено обоснование необходимости принятия специального федерального закона, на основании которого в дальнейшем будет создана государственная корпорация «РОСБИОМЕД».*

Ключевые слова: *научная деятельность; инновационная деятельность; биомедицина; государственные корпорации.*

Финансирование: *статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

© Мохов А. А., 2022

Для цитирования: Мохов А. А. О государственной корпорации «РОСБИОМЕД»: организационно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 10–19. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-10-19.

Поступила в редакцию 25.01.2022 Принята к публикации 28.02.2022 Опубликована 04.04.2022

On "ROSBIOMED" State Corporation: Organizational and Legal Aspect

Aleksandr A. Mokhov [1]✉

[1] Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: med-farm-law@mail.ru

Abstract

Relevance. *The introduction of the restrictive political and economic measures against the Russian Federation has led to the fact that imports of a number of means, substances and technologies which are necessary for the development and normal functioning of healthcare, agriculture, veterinary science and some other socially significant areas have become inaccessible. The current situation makes it necessary to stimulate scientific research and innovation activities aimed at developing and creating analogues of means, substances and technologies purchased abroad until recently. However, the task is possible only if a set of legal, organizational and financial issues is resolved.*

The purpose *of this study is to develop theoretical recommendations for improving legislation that that regulates the creation and implementation of new tools, substances and technologies in medicine, agriculture, veterinary science and other sectors of the national economy.*

Objectives *to establish how the sanctions imposed on Russia affected health care, veterinary science, agriculture and other areas; to identify legal problems that impede the development of scientific and innovative activities of organizations engaged in the development of biotechnologies, medicines, medical products and other means of medical, veterinary and agricultural use; to consider the prospects for the creation of a state corporation that carries out research, innovation, implementation, production activities in the field of biology, medicine and biomedical technologies.*

Methodology. *When writing the work, dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method were used.*

The results *of the study are theoretical and applied nature and contain suggestions for improving Russian legislation in terms of legal regulation of the creation and operation of the state corporation engaged in research, innovation, implementation, production activities in the field of biology, medicine and biomedical technologies.*

Conclusion. *The study provided a rationale for the need to adopt a special federal law, on the basis of which the state corporation "ROSBIOMED".*

Keywords: *scientific activity; innovative activity; biomedicine; state corporations.*

Funding: *The article was prepared as a part of the strategic academic leadership program "Priority – 2030".*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Mokhov A. A. On "ROSBIOMED" State Corporation: Organizational and Legal Aspect. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 10–19. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-10-19.

Received 25.01.2022 Accepted 28.02.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Устойчивое развитие экономики и социально-культурной сферы в XXI в. обусловливает постановку и быстрое решение задачи по развитию ряда критически значимых для России технологий. К

числу таковых в период формирования основ биоэкономики [1] относятся биологические, биомедицинские и иные технологии, которые будут все в большей мере востребованы в здравоохранении, сельском хозяйстве, ветеринарии и некоторых других сферах человеческой деятельности. Обладание современными биологическими и иными технологиями становится чрезвычайно важным как в контексте устойчивого развития, так и обеспечения биологической и иных видов безопасности.

Все чаще и чаще отдельные аспекты биотехнологического развития звучат в указах Президента Российской Федерации и иных документах[1].

Сведущие лица в области биологии, медицины, биологической безопасности, права, управления также активно обсуждают вопросы ускоренного развития ряда направлений науки и техники, мелкосерийного и массового производства отдельных средств, веществ (некоторые химикаты, фармацевтические субстанции и др.) [2].

В то же время наличие практически безграничных возможностей (за исключением отдельных контролируемых технологий) по приобретению ряда веществ, средств, технологий за пределами России до самого последнего времени позволяло лицам, принимающим важные управленческие решения, «откладывать в долгий ящик» решение комплекса организационных, правовых, финансовых и иных вопросов, которые бы способствовали ускоренному инновационному развитию биологических, биомедицинских и некоторых иных технологий здоровьесохраняющей направленности [3; 4].

Пандемия новой коронавирусной инфекции со всей очевидностью показала порочность, вредоносность такой позиции (в контексте обеспечения некоторых видов безопасности и возможностей по устойчивому развитию общества). Целый ряд технологий, средств, веществ в силу различных причин стало невозможно импортировать в Россию [5]. Возник даже термин «вакцинный суверенитет», свидетельствующий об использовании биомедицинских и иных технологий в решении не только и не столько тех проблем, которые были обусловлены непосредственно распространением нового для человечества заболевания, но и попытками решения политиками и управленцами некоторых стран и отдельных биотехнологических корпораций своих геополитических и глобальных экономических задач.

Обстановка усугубилась в 2022 г. в связи с новым витком санкционной войны, начатой США и рядом стран Западной Европы. Ряд технологий, веществ, средств стал физически недоступен для России, ее юридических лиц и граждан. Некоторые из сохранившихся на национальном рынке продуктов существенно возросли в стоимости, что серьезно ограничивает доступ к ним нуждающихся, но не обладающих достаточными денежными средствами граждан.

Методология

Диалектико-материалистический метод научного познания, применённый в ходе настоящего исследования, позволил рассмотреть правовые и организационные проблемы, возникшие в сфере биотехнологического развития, в единстве с другими правовыми явлениями, характерными для российской системы права. Также в процессе исследования применялись методы анализа и синтеза норма-

[1] О развитии генетических технологий в Российской Федерации: указ Президента РФ от 28 нояб. 2018 г. № 680 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 49, ч. VI, ст. 7586; О Национальном центре генетических ресурсов растений: указ Президента РФ от 8 февр. 2022 г. № 44 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 7, ст. 944; О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 6 июня 2010 г. № 1141-р: распоряжение Правительства РФ от 1 авг. 2020 г. № 2015-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 32, ст. 5351.

тивных правовых актов, теоретических и правоприменительных источников, данные методы позволили установить, каким образом регулируется процесс создания и внедрения инноваций в иные социально важные сферы и какие из известных решений применимы для медицины, ветеринарии, сельского хозяйства и т.д. Системный метод позволил найти в источниках специального законодательства особенности правового регулирования, присущие исключительно рассматриваемым отношениям. Формально-юридический метод использовался для осмысления содержания нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области научной и инновационной деятельности по критически значимым для страны направлениям.

Результаты и их обсуждение

В России имеется ряд научных и образовательных организаций, занятых разработкой отдельных биотехнологий, лекарственных средств, медицинских изделий, иных средств медицинского, ветеринарного и иного применения. Есть несколько инновационных коммерческих биотехнологических компаний со своими производственными мощностями. Однако отсутствие современных организационных и правовых основ для научной и инновационной деятельности по критически значимым для страны направлениям (например, вакцины, стратегически значимые лекарственные препараты) приводит к тому, что до национального рынка доходит очень малое количество действительно новых и важных продуктов. Часть перспективных разработок, в силу слабых стимулов для их разработчиков, а также плохой защиты интеллектуальной собственности, конфиденциальной информации, «утекают» (продаются, сливаются, воруются) в руки зарубежных компаний.

В России около десяти последних лет не только стали обсуждаться организационные и правовые проблемы развития ряда технологий, но также предприниматься практические попытки решения некоторых из них. Например, ст. 20 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ[1] посвящена промышленным кластерам и мерам стимулирования их деятельности.

Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 160-ФЗ[2] (далее – Закон №160-ФЗ) направлен на урегулирование отношений, возникающих в связи с созданием и обеспечением функционирования международного медицинского кластера. Как следует из данного Закона, международный медицинский кластер создается на территории города Москвы в целях развития медицинской деятельности по оказанию медицинской помощи, повышения ее качества, содействия разработке лекарственных препаратов для медицинского применения, медицинских технологий и медицинских изделий, развития образовательной деятельности и проведения научных исследований в сфере охраны здоровья.

Несмотря на позитивный тренд в нормативном правовом регулировании деятельности медицинского кластера, Закон № 160-ФЗ обладает некоторыми дефектами: формулировка «содействие в разработке лекарственных препаратов…» является размытой; разработка – один из начальных этапов жизненного цикла лекарственных средств, он не охватывает всей совокупности стадий движения инновационного продукта до потребителя. В акте отсутствуют конкретные правовые

[1] О промышленной политике в Российской Федерации: федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 488-ФЗ: [ред. от 20.07.2020]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 15.01.2022).

[2] О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2015 г. №160-ФЗ: [ред. от 26.07.2019]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181842/ (дата обращения: 15.01.2022).

средства и механизмы поддержки научной и инновационной деятельности, требующиеся именно лекарственным препаратам исходя из их специфики (длительность цикла, дороговизна и др.).

Попытки стимулирования отдельных технологий предпринимаются также на территориях опережающего социально-экономического развития и иных территориях[1]. В большинстве своем законодатель ограничивается созданием государством рамочных условий для занятия резидентами этих обособленных территорий инновационной деятельностью с расчетом на высокую активность бизнеса, в том числе зарубежного.

В условиях санкционной и информационной войны, развязанной против России, надеяться на высокую активность бизнеса, тем более западного, его значительные инвестиции в высокотехнологичные проекты не приходится. В этой связи необходим поиск и обсуждение иных моделей осуществления критически значимых для государства и общества направлений деятельности.

Государство может на отдельном этапе взять на себя значительную часть организационных и финансовых затрат по созданию новой системы организации научной и инновационной деятельности в области биомедицины, развития отраслевых, профильных технологий. Часть проектов на том или ином этапе жизненного цикла этих технологий может реализовываться также на основе государственно-частного партнерства [6; 7].

Исследуя общие и специальные правовые режимы инновационной деятельности, вопросы единства и дифференциации экономической и иных видов деятельности, нельзя обойти вниманием государственные корпорации и близкие к ним государственные компании.

В настоящее время в стране на основе самостоятельных федеральных законов действует ряд широко известных государственных корпораций[2]. Близкий правовой статус к госкорпорациям имеют действующие на основании федеральных законов государственная компания, а также агентство[3].

«Росатом» и «Ростех» – одни из известных лидеров инновационного развития [8], чья деятельность заслуживает внимания. При этом в целом отношение к государственным корпорациям неоднозначное.

В положительном ключе их рассматривают как: один из институтов развития (наряду с особыми экономическими зо-

[1] О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2014 г. № 473-ФЗ: [ред. от 11.06.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962; Об инновационном центре «Сколково»: федер. закон от 28 сент. 2010 г. № 244-ФЗ: [ред. от 02.07.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105168/ (дата обращения: 15.01.2022).

[2] О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ: [ред. от 06.12.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182616/; О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: федер. закон от 1 дек. 2007 г. № 317-ФЗ: [ред. от 02.07.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72969/; О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: федер. закон от 23 нояб. 2007 г. № 270-ФЗ: [ред от 31.07.2020]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72710/ (дата обращения: 15.01.2022).

[3] О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ: [ред. от 30.12.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89458/; О страховании вкладов в банках Российской Федерации: федер. закон от 23 дек. 2003 г. № 177-ФЗ: [ред. от 30.12.2021]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (дата обращения: 15.01.2022).

нами, кластерами, фондами и др.), позволяющий реализовать конкретный крупный национальный проект [9; 10]; инструмент решения государством первоочередных экономических и социальных задач [11]; механизм контроля над стратегически важными отраслями [12].

Сторонники госкорпораций также пишут о том, что такой опыт характерен для многих стран, пытавшихся на отдельных этапах своего развития формировать новые отрасли, секторы экономики [13; 14; 15].

В качестве их основных недостатков отмечают: чрезмерное вмешательство государства в экономику, расширение госсектора, недостаточный контроль за имуществом госкорпораций, монополизацию рынка, отсутствие четких критериев эффективности их деятельности и др. [16; 17]

Примечательны аргументы В. В. Путина и Д. А. Медведева относительно государственных корпораций и их роли в экономике. По мнению В. В. Путина, госкорпорации – это необходимость, …особенно в тех сферах, где нужны крупные долгосрочные инвестиции, на которые не идет частный бизнес. Они должны вкладываться в «проекты прорыва»[1].

Д. А. Медведев говорит, что госкорпорации – инструмент решения текущих задач, они выступают формой концентрации ресурсов, являются событием временным, подобны национальным проектам. При этом его позиция не является последовательной. Им с подачи руководства Федеральной антимонопольной службы ранее предпринимались попытки провести акционирование государственных корпораций либо ликвидировать их[2].

По мнению И. Артемьева, такая мера должна привести к развитию конкуренции в стране[3]. Позиция высокопоставленного чиновника не нова – она является отражением ликвидационной концепции, согласно которой государственного предпринимательства быть не должно, государственные предприятия и иные хозяйствующие субъекты, аффилированные с государством, непригодны для рыночной экономики, в связи с чем их нужно либо ликвидировать, либо приватизировать [18].

Общими особенностями госкорпораций являются: создание на основе специального федерального закона; некоммерческий характер их деятельности (достижение установленных федеральным законом задач); ограниченное участие в деятельности, прямо направленной на извлечение прибыли (приносящей доход деятельности); наделение государством корпорации имуществом для решения возложенных на нее задач; участие в реализации публичных функций, оказании государственных услуг [19; 20].

Выводы

Формирование на имеющейся, но разрозненной имущественной базе России (закрепленной в настоящее время за некоторыми научными, образовательными, производственными и иными организациями) государственной корпорации способно придать импульс ускоренному развитию не только научных исследова-

[1] Путин: Госкорпорации должны вложиться в «проекты прорыва» // REGNUM. 2018. URL: https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/2507127.html (дата обращения: 15.01.2022); Путин назвал госкорпорации «необходимостью» // Lenta.ru. 2009. URL: https://lenta.ru/news/2009/12/03/corporate/ (дата обращения: 15.01.2022);

[2] Медведев поручил до 1 марта представить предложения по госкорпорациям // РИА НОВОСТИ. 2009. URL: https://ria.ru/ 20091113/193391882.html (дата обращения: 17.01.2022)

[3] ФАС предложила уничтожить госкорпорации ради «российского экономического чуда» // Forbes. 2019. URL: https://www.forbes.ru/biznes/382675-fas-predlozhila-unichtozhit-goskorporacii-radi-rossiyskogo-ekonomicheskogo-chuda (дата обращения: 15.01.2022).

ний в области биомедицины, но и их ускоренному внедрению в медицину, сельское хозяйство, ветеринарию и другие отрасли и сферы национальной экономики. В качестве такой корпорации может выступить «РОСБИОМЕД» (наименование условное; в нем подчеркнуты основные направления деятельности субъекта) как субъект (совокупность организаций), призванный реализовывать государственную политику (развитие биологии, медицины), осуществлять научно-исследовательскую, инновационную, внедренческую, производственную деятельность, оказывать профильные услуги в области биологии и медицины, биомедицинских технологий (современных лекарственных средств, медицинских и иных изделий).

Значительные организационные, имущественные, финансовые и иные изменения, которые фактически и юридически потребуются в случае принятия политического решения о создании новой государственной корпорации, не могут быть осуществлены без принятия специального федерального закона. Согласно ч. 1 ст. 7.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» государственная корпорация создается на основании федерального закона для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций.

Имея развитое законодательство о государственных корпорациях и опыт его применения, для экспертов и законодателя не составит большого труда подготовить рамочный проект Федерального закона «О государственной корпорации «РОСБИОМЕД». В дальнейшем будет вестись тонкая настройка отдельных норм проектного законодательства с учетом конкретных задач и функций корпорации, специфики развиваемых и внедряемых технологий.

Итоговый документ должен определять: цель, задачи, полномочия, функции корпорации; порядок осуществления деятельности, функционирования, управления корпорацией; имущественные отношения; порядок реорганизации и ликвидации корпорации.

Список литературы

1. Биоэкономика: доктрина, законодательство, практика: монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М.: Проспект, 2021. 464 с.

2. Mobilization project for securing the biosafety at the national and international levels: organizational and legal support / A. A. Mokhov, Y. A. Svirin, A. V. Pekshev, N. S. Posulikhina, E. E. Artyukhov // Relações Internacionais no Mundo Atual. 2021. Vol. 4, no. 33. P. 62–78; 2022. Vol. 1, no. 34. P. 39–54.

3. Карцхия А. А. Правовое регулирование и возможности современных биотехнологий // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 8. С. 33–46.

4. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 224 с.

5. Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Курицына К. С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. № 3. С. 119–142.

6. Канунникова Н. Г. К вопросу о государственной корпорации как форме некоммерческой организации // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 3–5.

7. Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства: монография / А. А. Аюрова, О. В. Гутников, С. А. Синицын [и др.]; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Синицын. М.: ИЗиСП: КОНТРАКТ, 2019. 208 с.

8. Пересыпкин А. В. Некоторые проблемы нормативного регулирования, связанные с организацией и осуществлением прокурорского надзора в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» // Медицинское право. 2021. № 4. С. 31–38.

9. Суханова Н. В., Сысоев А. П. Государственные корпорации и их роль в инновационном развитии российской экономики // Креативная экономика. 2015. Т. 9, № 7. С. 861–872.

10. Бондарь Т. В. Государственная корпорация как новый институт реализации государственной собственности // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312, № 6. С. 42–46.

11. Красильникова Т. Государственное предпринимательство и государственная корпорация в России (проблемы правового регулирования и перспективы развития) // Власть. 2009. № 12. С. 136–139.

12. Степанов В. А. Государственная корпорация как институт рыночной экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 26 с.

13. Давыденко А. С. Субъекты корпоративного управления инновационной деятельностью в высокотехнологичных отраслях промышленности // Транспортное дело России. 2009. № 1. С. 54–57.

14. Дерябина М. Государственные корпорации как форма стратегических прорывов в российской экономике // Вестник Института экономики РАН. 2008. № 3. С. 74–85.

15. Казак А. Ю., Оганян М. Ш. Российские государственные корпорации: сущность, риски при осуществлении деятельности и пути их минимизации // Успехи современного естествознания. 2009. № 5. С. 35–36.

16. Колобова Г. А. Государственные корпорации как политико-государственные механизмы регулирования российской экономики // Грамота. 2012. № 8. С. 101–104.

17. Степанов К. С. Государственные корпорации: внешние эффекты и противоречия развития // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2011. № 2. С. 41–44.

18. Дойников И. В. Управление государственной и муниципальной собственностью. М.: Юстиция, 2020. 143 с.

19. Жукова Т. В., Жуков И. В. Государственные корпорации и оказание государственных услуг // Законы России: Опыт. Анализ. Практика. 2010. № 4. С. 31–35.

20. Замрыга Д. В. Особенности правового регулирования осуществления государственными корпорациями предпринимательской деятельности // Юридическая наука и практика. 2017. № 4. С. 27–31.

References

1. Bioekonomika: doktrina, zakonodatel'stvo, praktika [Bioeconomics: doctrine, legislation, practice]; ed. by A. A. Mohov, O. V. Sushkova. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 464 p.

2. Mokhov A. A., Svirin Y. A., Pekshev A. V., Posulikhina N. S., Artyukhov E. E. Mobilization project for securing the biosafety at the national and international levels: organizational and legal support. *Relações Internacionais no Mundo Atual*, 2021, vol. 4, no. 33, pp. 62–78; 2022, vol. 1, no. 34, pp. 39–54.

3. Karckhiya A.A. Pravovoe regulirovanie i vozmozhnosti sovremennyh biotekhnologij [Legal regulation and possibilities of modern biotechnologies]. *IS. Promyshlennaya sobstvennost' = IP. Industrial Property,* 2020, no. 8, pp. 33–46.

4. Churilov A. Yu. Pravovoe regulirovanie intellektual'noj sobstvennosti i novyh tekhnologij: vyzovy XXI veka [Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the XXI century]. Moscow, Yusticinform Publ., 2020, 224 p.

5. Starzheneckij V. V., Butyrina V. A., Kuricyna K. S. Rossijskoe antisankcionnoe regulirovanie: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya [Russian anti-sanction regulation: current state and ways of improvement]. *Zakon = Law,* 2021, no. 3, pp. 119–142.

6. Kanunnikova N. G. K voprosu o gosudarstvennoj korporacii kak forme nekommercheskoj organizacii [On the question of a state corporation as a form of non-profit organization]. *Bezopasnost' biznesa = Business security,* 2021, no. 2. pp. 3–5.

7. Ayurova A. A., Gutnikov O. V., Sinicyn S. A., eds. Zashchita isklyuchitel'nyh prav na izobreteniya, ispol'zuemye v lekarstvennyh preparatah: problemy pravovogo regulirovaniya i napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [Protection of exclusive rights to inventions used in medicines: problems of legal regulation and directions for improving legislation]; ed. by O. V. Gutnikov, S. A. Sinicyn. Moscow, IZiSP, KONTRAKT Publ., 2019. 208 p.

8. Peresypkin A. V. Nekotorye problemy normativnogo regulirovaniya, svyazannye s organizaciej i osushchestvleniem prokurorskogo nadzora v sfere realizacii nacional'nogo proekta "Zdravoohranenie" [Some regulatory issues related to the organization and implementation of prosecutorial supervision in the implementation of the national project "Healthcare"]. *Medicinskoe pravo = Medical law,* 2021, no. 4, pp. 31–38.

9. Suhanova N. V., Sysoev A. P. Gosudarstvennye korporacii i ih rol' v innovacionnom razvitii rossijskoj ekonomiki [State corporations and their role in the innovative development of the Russian economy]. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy,* 2015, vol. 9, no. 7, pp. 861–872.

10. Bondar' T.V. Gosudarstvennaya korporaciya kak novyj institut realizacii gosudarstvennoj sobstvennosti [State corporation as a new institution for the realization of state property]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University,* 2008, vol. 312, no. 6, pp. 42–46.

11. Krasil'nikova T. Gosudarstvennoe predprinimatel'stvo i gosudarstvennaya korporaciya v Rossii (problemy pravovogo regulirovaniya i perspektivy razvitiya) [State entrepreneurship and state corporation in Russia (problems of legal regulation and development prospects)]. *Vlast' = The Authority,* 2009, no. 12, pp. 136–139.

12. Stepanov V. A. Gosudarstvennaya korporaciya kak institut rynochnoj ekonomiki. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [State corporation as an institution of market economy. Cand. econ. sci. abstract diss.]. Moscow, 2010. 26 p.

13. Davydenko A. S. Sub"ekty korporativnogo upravleniya innovacionnoj deyatel'nost'yu v vysokotekhnologichnyh otraslyah promyshlennosti [Subjects of corporate management of innovation activities in high – tech industries]. *Transportnoe delo Rossii = Transport business of Russia,* 2009, no. 1, pp. 54–57.

14. Deryabina M. Gosudarstvennye korporacii kak forma strategicheskih proryvov v rossijskoj ekonomike [State corporations as a form of strategic breakthroughs in the Russian economy]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,* 2008, no. 3, pp. 74–85.

15. Kazak A. Yu., Oganyan M. Sh. Rossijskie gosudarstvennye korporacii: sushchnost', riski pri osushchestvlenii deyatel'nosti i puti ih minimizacii [Russian state corporations: the es-

sence, risks in the implementation of activities and ways to minimize them]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya = Advances in current natural sciences,* 2009, no. 5, pp. 35–36.

16. Kolobova G. A. Gosudarstvennye korporacii kak politiko-gosudarstvennye mekhanizmy regulirovaniya rossijskoj ekonomiki [State corporations as political and state mechanisms of regulation of the Russian economy]. *Gramota = Gramota,* 2012, no. 8, pp. 101–104.

17. Stepanov K. S. Gosudarstvennye korporacii: vneshnie effekty i protivorechiya razvitiya [State corporations: external effects and contradictions of development]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management,* 2011, no. 2, pp. 41–44.

18. Dojnikov I. V. Upravlenie gosudarstvennoj i municipal'noj sobstvennost'yu [Management of state and municipal property]. Moscow, Yusticiya Publ., 2020. 143 p.

19. Zhukova T. V., Zhukov I. V. Gosudarstvennye korporacii i okazanie gosudarstvennyh uslug [State corporations and the provision of public services]. *Zakony Rossii: Opyt. Analiz. Praktika = Laws of Russia: Experience. Analysis. Practice,* 2010, no. 4, pp. 31–35.

20. Zamryga D. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya osushchestvleniya gosudarstvennymi korporaciyami predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Features of legal regulation of the implementation of entrepreneurial activity by state corporations]. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Juridical Science and Practice,* 2017, no. 4, pp. 27–31.

Информация об авторе / Information about the Author

Мохов Александр Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: med-farm-law@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8139-7932

Aleksandr A. Mokhov, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Head of the Department of Medical Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation,
e-mail: med-farm-law@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8139-7932

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-20-31

(cc) BY 4.0

Частное право Молдавии XVI–XVII веков

И. И. Погорлецкая[1] ✉

[1] Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
ул. 25 Октября 128, г. Тирасполь 3300, Молдавия

✉ e-mail: begass.iren@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье рассматриваются основные источники правового регулирования частноправовых институтов Молдавии XVI – XVII веков. Раскрываются основные институты частного права: права собственности, обязательственного, наследственного, семейного права. Определяются основные черты молдавского минората, права наследования дочерьми (синисфора). Выявляются характерные черты семейного права Молдавии, вопросы наделения приданым брачующихся.*

Целью *статьи является определение круга основных источников частного права Молдавии XVI–XVII веков, а также выявление особенностей развития отдельных институтов частного права средневековой Молдавии.*

Задачи: *проанализировать основные источники частного права Молдавии XVI–XVII веков, а также определить некоторые особенности частноправовых институтов средневекового молдавского государства.*

Методология. *Методологической основой послужили принципы историзма, методы объективности и научности, историко-сравнительный подход.*

Результаты *научного исследования позволили сделать выводы о том, что основным источником частного права выступали обычаи. Продолжается развитие основных частноправовых институтов: права собственности, вещного, обязательственного, наследственного, семейного права. Основные институты частного права формировались под непосредственным влиянием византийского законодательства. Молдавской частноправовой системе XVI–XVII веков был присущ приоритет младших детей над старшими (в том числе и дочерей) – минорат, а также равенство в наследовании не только сыновей, но и дочерей (синисфора).*

Выводы. *Был сделан вывод о том, что в исследуемый период продолжают складываться основные частноправовые отрасли права, в частности вещное, обязательственное, наследственное, семейное право. Формирование указанных институтов происходит под непосредственным влиянием византийского законодательства. В числе источников частного права можно назвать обычай, Синтагаму Матфея Властаря, Византийский Земледельческий закон, Уложение Василия Лупу 1646 года. Молдавской правовой системе XVI–XVII веков было присуще равенство наследования, как сыновей, так и дочерей (синисфора). Кроме того, для молдавского права был характерен минорат, который получил распространение не только в отношении сыновей, но и дочерей. Все это свидетельствовало об относительной независимости молдавских женщин, что объясняется исторически сложившимися семейными традициями, а также обычным правом. В этом смысле при всей незрелости молдавской правовой системы в определенных положениях наследственного права, а именно в равенстве прав наследников вне зависимости от пола, Молдавия опережала многие развитые европейские страны с богатыми правовыми традициями.*

Ключевые слова: *Средневековье; обычное право; Синтагама Матфея Властаря; Уложение Василия Лупу; минорат; синисфора.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Погорлецкая И. И. Частное право Молдавии XVI–XVII веков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 20–31. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-20-31.

Поступила в редакцию 31.01.2021 Принята к публикации 01.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Погорлецкая И. И., 2022

Private Law of Moldova of the XVI–XVII Centuries

Irina I. Pogoretskaya [1]✉

[1]Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko
128 October 25 str., Tiraspol 3300, Moldova

✉ e-mail: begass.iren@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article examines the main sources of legal regulation of private law institutions in Moldova of the XVI - XVII centuries. The main institutions of private law are revealed: property rights, obligation, inheritance, family law. The main features of the Moldovan minority, the rights of inheritance by daughters (sinisfora) are determined. The characteristic features of the family law of Moldova, the issues of dowry are revealed.*

The purpose of the article *is to determine the range of the main sources of private law in Moldova of the XVI - XVII centuries, as well as to identify the features of the development of individual institutions of private law in medieval Moldova.*

Objectives: *to analyze the main sources of private law in Moldova of the XVI - XVII centuries, as well as to identify some features of private law institutions of the medieval Moldovan state.*

Methodology. *The methodological basis was the principles of historicism, methods of objectivity and scientific approach; historical and comparative approaches.*

The results *of the scientific research allowed us to conclude that the main source of private law was customs. The development of the main private law institutions continues: property rights, property, obligation, inheritance, family law. The main institutions of private law were formed under the direct influence of Byzantine legislation. The Moldovan private legal system of the XVI-XVII centuries was characterized by the priority of younger children over older ones (including daughters) – the minority, as well as equality in inheritance not only of sons, but also of daughters (sinisfora).*

Conclusions. *It was concluded that during the period under study, the main private law branches of law, in particular property, obligation, inheritance, and family law, continue to take shape. The formation of these institutions takes place under the direct influence of Byzantine legislation. Among the sources of private law are the custom, the Syntagma of Matthew Vlastar, the Byzantine Agricultural Law, the Code of Vasily Lupu of 1646. The Moldovan legal system of the XVI-XVII centuries was characterized by equality of inheritance, both sons and daughters (sinisfora). In addition, Moldovan law was characterized by a minority, which became widespread not only in relation to sons, but also daughters. All this testified to the relative independence of Moldovan women, which is explained by historically established family traditions, as well as customary law. In this sense, despite the immaturity of the Moldovan legal system in certain provisions of inheritance law, namely, in equality of rights of heirs regardless of gender, Moldova was ahead of many developed European countries with rich legal traditions.*

Keywords: *Middle Ages; customary law; Syntagama of Matthew Vlastar; Code of Basil Lupu; minorat; sinisfora.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Pogoretskaya I. I. Private Law of Moldova of the XVI–XVII Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 20–31. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-20-31.

Received 31.01.2021 Accepted 01.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Становление основных институтов частного права молдавского государства XVI–XVII вв. было обусловлено дальнейшим развитием товарно-денежных отношений, увеличением количества гражданско-правовых сделок. Переходя к рассмотрению частноправовых институтов средневековой Молдавии XVI–XVII вв., необходимо уточнить основные источники права рассматриваемого периода. В

числе наиболее упоминаемых источников можно назвать местные обычаи, номоканоны, кормчие книги (в частности, молдавский список), Синтагаму Матфея Властаря, Византийский Земледельческий закон, Уложение Василия Лупу 1646 г. Данный период характеризуется немногочисленностью источников правового регулирования частноправовых отношений, к числу которых также можно отнести законы, издаваемые князьями, а главным образом «устными положениями, которые продолжают именоваться "обычаями" даже после того, как славянское наречие перестало служить официальным языком» [1, с. 21].

Применение наиболее обширных памятников византийского права, таких как Василики и Шестикнижие Арменопула, можно отнести лишь к началу и второй половине XVIII в. соответственно. По свидетельству Л. А. Кассо: «…скудость гражданского права в памятниках XVII века является лишним аргументом против заимствования Молдавиею XV века Василик, хотя бы и в виде сокращенного сборника; она также говорит против предположения некоторых писателей, которые, в желании своем отыскать начало рецепции византийского права в Молдавии, думают, что Александром Добрым был получен не сборник Василик, а только Шестикнижие Арменопула» [1, с. 20–21].

Даже на начало XVIII в. «практика по гражданским делам руководствовалась …исключительно земским обычаем (obiceiul pamintului), который продолжал жить в народном правосознании, хотя это национальное право по своей неопределенности и шаткости не всегда удовлетворяло потребностям тогдашней несложной экономической жизни княжеств» [1, с. 22].

В области частного права Молдавии XVI–XVII вв., главным образом вещного и наследственного права, обычаи выступали в качестве главного источника права. По свидетельству Д. Кантемира, молдавский народ придерживался различных обычаев, сохранившихся во время его переселения и изгнания, таких как: право наследования, завещания, распределения наследственного имущества среди наследников [2, с. 124], т. е. народ руководствовался в основном нормами обычного права.

Тем самым до начала XVIII в. в области гражданского права действовали в основном нормы обычного права, наряду с немногочисленными памятниками римско-византийского права (номоканонами, Синтагамой Матфея Властаря, Византийским Земледельческим законом).

Особое место в их числе занимает Уложение Василия Лупу 1646 г., которое, впрочем, характеризовалось преобладанием уголовно-правовых начал. При этом многочисленный актовый материал конца XVII в. свидетельствует об интенсивном развитии вещного, наследственного, обязательственного, семейного, залогового права.

Методология

При написании статьи был использован принцип историзма, методы объективности и научности, историко-сравнительный подход. Историзм как методологический принцип исследования позволил проследить исторический путь развития частноправовых институтов права средневекового молдавского государства. Методы объективности и научности позволили выявить закономерности развития институтов частного права молдавского государства.

Результаты и их обсуждение

Переходя к рассмотрению основных положений институтов частного права, следует сказать, что они формировались под непосредственным влиянием византийского законодательства.

Молдавское право знало различие права владения чужой вещью и право собственности. Наряду с правом частной собственности широко была распростра-

нена совместная собственность на неразделное имущество – право на владение и использование двух или более лиц одним общим неразделяемым имуществом. В праве собственности постепенно намечается различие между правом собственности и правом владения.

В числе способов приобретения права собственности можно назвать: захват, находку, давность и пожертвование. Молдавскому праву был известен и институт приобретательской давности: для приобретения права собственности не было установлено конкретного срока (например, как в России), а формулируется неопределенно – «многие лета». В резешских общинах сохранились акты трехсотлетней давности [3; 4]. В целом, можно сделать вывод, что область вещных правоотношений была более детально регламентирована законодательством, нежели область обязательственных отношений. Поскольку зачастую новый господарь не признавал юридические документы своего предшественника, собственники и владельцы недвижимости старались возобновить все имущественные права на собственность.

Обязательственное право характеризуется постепенным усложнением практики договорных отношений, хотя оно и не имело широкого развития ввиду слабого развития товарно-денежных отношений и неразвитости производительных сил. Институт обязательственного права регулировался традиционно нормами обычного права, некоторыми заимствованными на тот период византийскими законами, а также местными законодательными актами (Уложением Василия Лупу 1646 г.).

Для участия в сделках гражданско-правового характера лицо должно было отвечать определенным требованиям: достижение определенного возраста, пол, социальное и имущественное положение. Для совершения сделок устанавливался возрастной ценз в 15 лет. Для принятия присяги в суде необходимо было достичь 20-летнего возраста. Основным документом, направленным на передачу права собственности, выступал договор.

Заключение договора сопровождалось совершением ряда формально-определенных действий, таких как: подписание договорных грамот покупателями, соприсяжниками или свидетелями, с XVIII в. встречаются подписи продавцов, а потом и продавца и покупателя [4, с. 100]. Факт перехода права собственности сопровождался и рядом других ритуальных действий, таких как присяга, судебный поединок, присяжные-поручители. Допускалась как устная, так и письменная форма договора. Письменная форма была более распространена уже в XVIII в. Письменные договоры подписывались обеими сторонами, а в случае неграмотности сторон договор подписывался духовными отцами или близкими родственниками сторон. Своеобразной формой нотариального удостоверения было засвидетельствование уездными, волостными властями или главой сельской общины [5, с. 113].

Молдавское законодательство знало элементы условий действительности сделки, в частности наличие свободной воли. Сделка могла быть признана недействительной, если она была совершена обманным путем. Покупатель незаконно приобретенной вещи рисковал быть привлеченным к суду за участие в краже или укрывательстве.

Прекращение договора предусматривалось исполнением обязательства, истечением срока его действия, а также смертью одной из сторон. Обязательство могло быть прекращено или изменено по воле господаря, в случае если констатировалась невозможность его исполнения.

За нарушение договорных обязательств предусматривалась ответственность, которая со временем из личной трансформировалась в имущественную.

Субъект ответственности по обязательству мог быть как индивидуальный, так и коллективный. Субъектом коллек-

тивной ответственности выступала семья. Такой порядок был основан на кровнородственной солидарности. Например, после смерти мужа жена отвечала по долгам мужа, но не как наследница имущества, а именно как жена, т. е. всем своим имуществом [6].

Действие Византийского земледельческого закона в Молдавии вплоть до XIX в. дает нам основание считать, что субъектом коллективной ответственности могла выступать и община: «Если не имеющий средств для обработки своего поля земледелец бежал и ушел в чужие края, то пусть ответственные перед казной за подати собирают плоды, и не имеет права возвратившийся назад земледелец взыскивать с них что-либо. Если земледелец, убежавший со своего поля, платит [платил] ежегодно казенные экстраординарные налоги, то пусть собирающие плоды и пользующиеся его полем понесут ответственность в двойном размере» [7, с. 104].

Со временем обязательственные отношения начинают вытекать не только из договоров, но и из причиненного вреда.

Наиболее употребительными становятся договоры купли-продажи, мены, займа, дарения, имущественного и личного найма, поклажи, поставки, товарищества и т. п. При этом в молдавском праве существующая система обязательств отличалась нечеткостью границ между его видами. Так, договор купли-продажи по своей форме сближался с другими договорами, например, договором мены при совершении добавки: одежды, коня, сбруи и т.д., а договор займа часто походил на договор ссуды.

Среди основных институтов обязательственного права можно назвать: договор купли-продажи, мены, дарения, займа, залога.

Наследственное право имело в Молдавии широкое распространение, регулировалось преимущественно обычным правом, которое отличалось более строгим порядком наследования земли. Нормы наследственного права стали складываться одновременно с институтом права собственности еще до образования молдавского государства. Ряд норм наследственного права содержался в Уложении Василия Лупу.

Молдавское право, в отличие от волошского, предусматривало возможность наследования недвижимости и для женщин. С конца XV в. женщины могли наследовать наравне с мужчинами не только недвижимость, но и земельные владения. В случае смерти вдовы купленной вотчины право на нее могло переходить как в род мужа, так и в род жены. В случае смерти жены ее приданое распределялось между детьми, при этом родители умершей сохраняли за собой право наделения каждого из ее детей частью приданого [8]. Недвижимое имущество, пахотная земля оставалась в распоряжении мужа до наступления совершеннолетия детей. При этом родственники умершей жены имели право контролировать сохранность ее приданого. В случае бездетности жены приданое после ее смерти возвращалось ее родителям, а мужу оставались лишь брачные дары. Тем самым приданое жены становилось частью семейного имущества, но не частью имущества мужа.

Другим важным отличием средневекового молдавского права выступали некоторые черты минората, т. е. приоритета младшего сына по отношению к старшему. Черты минората известны в Молдавии начиная с XV в. Минорат в Молдавии получил распространение не только в отношении сыновей, но и дочерей. Минорат регулировался обычным правом, и согласно данному обычаю младшие дети (сын или дочь) имели некоторые преимущества при наследовании. Как правило, они получали родительский дом с усадьбой и пристройками. А. И. Галбен приводит один такой документ, который гласит: «В связи с тем, что все сыновья поженились, а дочери вышли замуж, родной дом с усадебным участком остав-

ляю самой младшей из сестер Настасии, ибо она еще не успела обзавестись семьей, а старшие получили от меня приданое» [5, с. 139–140].

Минорат был связан с тем, что, как правило, старшие дети раньше уходили из семьи и заводили свои семьи, а следовательно, уже не участвовали в ведении отцовского хозяйства. Почти всегда родительское имущество (усадьба, скот, орудия труда) создавалось при помощи младших детей, т. к. они дольше оставались в доме отца и помогали вести ему хозяйство [9, с. 328–330]. Другим следствием минората было предотвращение дробления земельных участков и другого имущества, т. к. институт минората распространялся и на наследование земельных участков. Впоследствии, к XVIII в. принцип минората стал все чаще нарушаться. Минорат был известен и на севере Руси, где к наследованию призывались не только братья, но и сестры. Черты минората встречаются в Русской Правде.

Право наследования, предусмотренное для младшего сына, распространялось и на младшую дочь. Известно, что уже в XV в., в отличие от соседних Валахии и Трансильвании, в период правления господаря Александру чел Бун (1400–1432 гг.), в молдавском праве уже существовало равноправие полов в вопросах наследования имущества. Как отмечает Л. Заболотная, в Средние века в Молдове, в отличие от многих других государств (Сербии, Англии, Великого Литовского Княжества), и женщины, и мужчины обладали равными правами на наследования недвижимого имущества [10, с. 75-82].

Обычай наследования дочерьми в XVI–XVII вв. назывался синисфора. Несмотря на то, что молдавские девушки ранее получили приданое имущество, после смерти родителей всё наследственное имущество (синисфора) делили поровну с их братьями. «Право на наследование земель было истоком “вольностей” женщин Молдовы, особенно, вдов» [10, с. 83]. Синисфора допускалась только тогда, когда вступали в силу нормы наследования по закону [11, с. 106].

В Молдавии начиная с XV в. допускалось наследование как по закону, так и по завещанию. Наследование по закону выступает исторически первой формой распоряжения имуществом после смерти. Если наследников не оказывалось либо они отказывались от принятия наследства, имущество умершего переходило к государству. Отказ от наследства влек за собой прекращение обязательств по долгам.

Самым древним видом наследования является наследование по закону. Он был известен с момента возникновения молдавского государства. Нормы наследования по закону вступали в действие тогда, когда: не было составлено завещание; завещание было признано недействительным; наследники отказались от наследства; наследники по завещанию умерли до открытия наследства.

Согласно нормам обычного права, начиная с XV в. в Молдавии к наследованию призывались близкие родственники, прежде всего дети, как со стороны матери, так и со стороны отца. Если к наследованию призывались родственники по восходящей линии, то они также допускались как со стороны матери, так и со стороны отца. Если и таковых не было, то призывались к наследованию наследники по боковым линиям.

Согласно Уложению Василия Лупу 1646 г. вотчина (дедина) передавалась по наследству законным наследникам. Уложение закрепляло возможность наследования детей обоих полов, дочери наследовали наравне с братьями как движимое, так и недвижимое имущество. По мнению Н. Л. Пушкарёвой, «именно в нормах наследственного права раскрываются эволюция и те глубокие сдвиги, которые происходили в системе личных и общественных отношений супругов» [12, с. 108].

В документе от 9 октября 1651 г. содержится последняя воля наследодателя, в качестве которого выступает женщина. «Великий логофет Георге Штефан и другие молдавские бояре свидетельствуют, что Тетя, дочь Мирона, никем не принуждаемая, делит свои отчины и дедины, села Строешть, Неполакэуць, Малинць и Бэрбешть между своими детьми, одним сыном и четырьмя дочерями, всем в равной доле» [13, с. 235–236].

Женщина могла выступать и в качестве наследника, и в качестве наследодателя, как в отношении движимого, так и недвижимого имущества. Она самостоятельно распоряжалась собственностью, обращалась к господарю с просьбой о подтверждении на собственность без присутствия супруга.

Круг наследников по закону (обычаю) был очень широк. К наследованию могли призываться дети от разных браков, усыновленные, а с XVIII в. даже незаконнорожденные обоих полов [14, с. 54]. Наследовать могли двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы, дяди и тети, переживший супруг и его родственники [5, с. 142]. В связи с таким широким кругом наследников документы почти не содержат упоминаний относительно выморочного имущества. Тем не менее согласно обычаю земли выморочное имущество переходило к государю как главе государства [15, с. 27].

Нормы обычного права в области наследования предусматривали пять очередей наследования. К наследникам первой очереди относились наследники нисходящей линии: дети обоих полов, внуки. Внуки по праву представления получали долю умерших родителей. При жизни родителей к наследству они не призывались.

К наследникам второй очереди относились восходящие родственники: родители, дед и бабка, полнородные братья и сестры, дети ранее умерших братьев и сестер.

Третью очередь составляли неполнородные братья и сестры наследодателя, а также дети умерших неполнородных братьев и сестер, получающих наследство по праву представления.

Четвертую очередь образовывали остальные боковые кровные родственники без ограничения степени родства.

В пятую очередь к наследованию призывался переживший супруг. Если к наследству призывалась супруга умершего, не имеющая собственного имущества, то за ней признавалась доля, равная четверти наследства [16; 17].

При отсутствии наследников имущество признавалось выморочным и поступало в государственную казну.

Допускалось и наследование по завещанию. Ряд историков права (А. Греку, В. Ханга) относят возникновение завещательного распоряжения к концу XVI – началу XVII в. [18, с. 10–12] При этом данное мнение следует признать ошибочным, т. к. в XVI–XVII вв. происходит лишь дальнейшее развитие данного института.

Первое упоминание о завещательном распоряжении относится к 1407 г. В период XVI–XVII вв. количество упоминаний о завещаниях возрастает. Тем не менее в XVI в. количество завещаний было незначительным. Согласно обычаю земли передача имущества по завещанию предусматривалась, в первую очередь, прямым родственникам. В случае их отсутствия завещание могло составляться в пользу родственников второй или третьей степени, в пользу церкви, посторонних лиц, сельской общины при отсутствии прямых родственников [5, с. 150].

Вначале использовалось завещание в устной форме, с XVII–XVIII вв. появляется письменное завещание. Завещание представляло собой письменный документ, в котором определялась судьба имущества завещателя.

Завещание в письменной форме было обязательным в случае его составления сторонним лицам. При этом согласно

нормам обычного права, если завещание писалось или подписывалось рукой завещателя, то оно признавалось действительным и без свидетелей.

К личности завещателя предъявлялись определенные требования. Оно должно было быть дееспособным, действовать по доброй воле, без принуждения, в присутствии свидетелей. Их количество колебалось от 5 до 7 [5, с. 147]. Завещатель вправе был лишить наследства прямых родственников в случае их недостойного поведения и завещать имущество третьим лицам [5, с. 149]. При этом наследодатель должен был объяснить причину лишения наследства прямых наследников. Уложение Василия Лупу 1646 г. содержало нормы, которые допускали возможность обхода прямых наследников в завещании, в том числе для получения родовой недвижимости [19]. В целом же права прямых наследников почти всегда соблюдались.

Тем самым допускалось наследование по закону (обычаю) и завещанию. В период XVI–XVII вв. наследниками по закону могли быть: дети, родные братья и сестры, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы, тети и дяди, а также переживший супруг.

Наследник считался принявшим наследство, если он фактически вступил в управление наследственным имуществом либо заявил в присутствии свидетелей о его принятии.

В целом можно сказать, что наследственное право Молдавии в период XVI–XVII вв. было еще мало разработано. При этом система молдавского наследственного права XV–XVIII вв. знала меньше ограничений в вопросах наследования, чем соседняя Валахия и другие страны Западной Европы.

Семейное право основывалось главным образом на нормах обычного и римско-византийского права. В числе источников семейного права XVI–XVII вв. также можно указать на законодательные установления молдавских господарей, а также первый памятник молдавского права – Уложение Василия Лупу 1646 г.

Обычное право регламентировало вопросы наделения приданым, которое передавалось молодым супругам или родственникам невесты и жениха. В Уложении Василия Лупу область семейного права не получила детальной разработки. Оно содержало лишь отдельные нормы брачно-семейного права. Вопросы приданого регулировались либо «обычаями страны», либо, превращая прецеденты в практику, с помощью закона.

При этом семейное право в полной мере отражало классовый характер средневекового молдавского общества. После закрепощения Уложением 1646 г. молдавских крестьян, если феодально-зависимая девушка выходила замуж в другое село, то за нее платили выкуп главе общины. При заключении брака между цыганом одного феодала и цыганкой, принадлежавшей другому феодалу, дети от их брака распределялись между хозяевами родителей.

Родительская власть имела в Молдавии ограниченное действие, но согласие родителей или опекунов на заключение брака было обязательным. Заключение брака сопровождалось венчанием либо получением благословения. Родители были обязаны содержать детей, обеспечивать их жилищем и пищей, выдать приданое при заключении детьми брака. Однако в случае их недостойного поведения могли быть лишены приданого.

Нормы обычного права определяли меры уголовной и гражданской ответственности родителей и опекунов за действия несовершеннолетних. Дети, в свою очередь, должны были содержать своих родителей в преклонном возрасте.

Закон точно не устанавливал брачный возраст, однако согласно нормам обычного права для мужчины составлял 15–16 лет, для женщины – 13–15 лет. Однако восточное влияние проявлялось в том, что допускалось заключение брака и

в более раннем возрасте: у девочек – в 12-13 лет, у юношей – с 14–15 лет.

Обычай приданого уходит корнями вглубь веков. Приданое служило материальной основой для существования будущей семьи. Приданое являлось частью родительского богатства, которое девушка получала во время замужества. На основании Уложения 1646 г. можно сделать вывод, что состав приданого являлся частью обязанностей отца. Таким образом, выдача приданого – очень важная моральная обязанность, которую каждый отец старался выполнить при любых условиях.

Содержание приданого во многом зависело от социального статуса семьи, от возможностей каждой семьи. Величина приданого не была закреплена законом и во многом зависела от возможностей и щедрости родителей. Приданое состояло из предметов быта, скота, недвижимости (дом, земля), денег, драгоценностей. В качестве приданого могли выступать рабы-цыгане, поместья и вотчины со всеми документами на их владение [5, с. 157].

Уложение 1646 г. не дает точно ответа, на чьи плечи ложится обязанность выдачи приданого, если отец умер. Источники дают сведения, что если отец не оставил ни завещания, ни состояния на выдачу приданого, это бремя переходило на всех братьев, которые были обязаны жертвовать на приданое своих сестер даже из своего состояния. Из документов также следует, что за приданое отвечала также мать. Даже при самых тяжелых обстоятельствах она старалась выполнить это обязательство. Например, документ от 17 октября 1677 г. сообщает нам, что Тофана Андроничеаса, чтобы обеспечить девушку приданым, продает несколько домов с каменными погребами [20, с. 435].

Начиная с XVII в. на выданное приданое господари стали выдавать феодалам подтвердительные грамоты.

Согласно нормам обычного права приданое выдавалось родителями жениха и невесты. В формировании приданого участвовали и другие родственники брачующихся: братья, зятья, дяди, свекры и другие родственники и члены семьи.

Уложение Василия Лупу содержало условия, при которых жена не получала приданого при расторжении брака: когда жена убивает своего мужа; когда женщина совершает прелюбодеяние; когда женщина клевещет на своего мужа, чтобы скрыть прелюбодеяние; когда вдова не соблюдает года траура, и это будет год смерти мужа ее [19].

При вступлении в брак женщина оставалась исключительной собственницей имущества, принадлежащего ей в виде приданого. Такое положение вещей делало женщину более независимой. Она могла быть лишена приданого только в исключительных случаях, если она обесчестила мужа вследствие своего аморального поведения, если выявились какие-либо скрытые физиологические недостатки или если брак в других случаях был расторгнут по вине жены [5, с. 166].

Оформление приданого происходило путем заключения контракта между родителями жениха и невесты в присутствии свидетелей. Контракт именовался “Izvod de zester” и, по мнению А. И. Галбен, представлял собой «юридический документ, который устанавливал имущественные отношения между молодыми супругами при совместной жизни, уточнял материальную сторону будущей семьи, определял объем имущества каждого из членов семьи в случае прекращения брака» [5, с. 347].

Брак мог быть расторгнут по причине прелюбодеяния, неспособности мужа к супружеской жизни, бесплодия жены, длительной тяжелой болезни, принятия супругом монашества, смерти супруга. Развод осуществлялся церквями.

Выводы

В исследуемый период продолжают складываться основные частноправовые отрасли права, в частности земельное, гражданское, семейное, наследственное.

В период XVI–XVII вв. в Молдавии главным источником права в области частноправовых отношений следует назвать обычай. Наряду с обычаем в числе наиболее упоминаемых источников можно назвать номоканоны, кормчие книги (в частности, молдавский список), Синтагаму Матфея Властаря, Византийский Земледельческий закон, Уложение Василия Лупу 1646 г.

Происходит развитие основных частноправовых институтов: права собственности, вещного права, обязательственного права. Институт права собственности и вещного права формировался под непосредственным влиянием византийского законодательства. Молдавское право знало различие права владения чужой вещью и право собственности. Были известны такие формы собственности, как частная и совместная.

Наследственное право регулировалось преимущественно нормами обычного права.

В Молдавии начиная с XV в. известно наследование как по закону, так и по завещанию. Если наследников не оказывалось либо они отказывались от принятия наследства, имущество умершего переходило к государству. Согласно нормам обычного права предусматривалось пять очередей наследования.

Молдавской правовой системе XVI–XVII вв. было присуще равенство наследования, как сыновей, так и дочерей, женщины имели право наследовать как движимое, так и недвижимое имущество, а при заключении брака женщина оставалась собственницей своего имущества, принесенного в семью в виде приданого или приобретенного в процессе брака. Даже после получения приданого молдавские женщины получали наследство наравне с братьями и принимали участие в его разделе (синисфора). Это свидетельствовало об относительно независимом положении женщины в Молдавии. Такая относительная независимость женщин в Молдавии объясняется исторически сложившимися семейными традициями, а также обычным правом.

Подобная практика наследования свидетельствует о равноправии наследников женской и мужской линии в молдавском княжестве как во времена обычного, так и с появлением писаного права.

Семейное право основывалось в основном на нормах обычного и римско-византийского права. Обычное право регламентировало вопросы наделения приданым. Особенность молдавского обычая выдачи приданого состояла в том, что приданым наделялись не только дочери, но и сыновья. Братья и сестры имели равные права на приданое. Такое положение сохранялось вплоть до начала XIX в.

Список литературы

1. Кассо Л. А. Византийское право в Бессарабии. М.: Тип. Моск. ун-та, 1907. 71 с.

2. Кантемир Дм. Описание Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1973. 222 с.

3. РГАРМ (Республиканский государственный архив Республики Молдовы). Ф. 2. Оп. 1. Д. 6579. Л. 4.

4. РГАРМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 13, 30,121, 141.

5. Галбен А. И. Из истории феодального права Молдовы конца XVIII – начала XIX века (турецко-фанариотский период). Кишинев: Ruxandra, 1998. 398 с.

6. РГИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 27. Л. 17–56.

7. Сборник документов по социально-экономической истории Византии / пер. Е. Э. Липшиц. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 318 с.

8. НАРМ (Национальный архив Республики Молдова). Ф. 45. Оп. 1. Д. 1; Д. 108. Л. 142–157.

9. Ковалевский М. М. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин // Юридический вестник: Июнь – июль. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1885. № 6-7. С. 319–332.

10. Заболотная Л. Наследственное право молдавских женщин (XIV–XVII вв). Компаративное исследование = The Law of succession concerning Moldavian women in the 14th-17th centuries: A Comparative study // Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, XX. Poznań: Wydawnictwo Instytutu Historii UAM, 2013. P. 75–82.

11. Галбен А. И. Дин «обичеюл пэмынтулуй» ал Молдовей феудале (сек. XVIII – прима жум. а сек. XIX). Кишинэу: Штиинца, 1986. P. 106.

12. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.

13. Sovetov P. V. Молдавия в эпоху феодализма. Т. IV: 1641-1660. Славяно-молдавские и молдавские грамоты и записи = Moldova in epoca feudalizmului. Vol. IV: 1641-1660 Carti domnesti si zapise slavo-moldovenesti si moldovenesti Chişinău: Stiinta, 1986. 435 p.

14. Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду Бессарабской губернии. М.: Хотин. уезд. земство, 1886. 927 с.

15. Пергамент О. Спорные вопросы бессарабского права: Опыт комментария законов Арменопула и Донича. Одесса: Тип. Акц. Южно-рус. о-ва печ. дела, 1905. 65 с.

16. НАРМ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 265. Л. 1–196.

17. НАРМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 355. Л. 1– 32; Д. 482. Л. 5–10.

18. Баскин Ю. Я., Советов П. В. Некоторые проблемы создания курса «Истории государства и права Молдавской ССР// Ученые записки КГУ. 1960. С. 10–12.

19. НАРМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 109. Л. 2–3; Д. 223. Л. 2–3.

20. Documente privitoare la istoria oraşului Iaşi. Vol. II: Acte interne (1661-1690) / ed. de Ioan Caproşu şi Petronel Zahariuc. Iaşi : Editura Dosoftei, 2000. 778 p.

21. Carte românească de învăţătură 1646. Bucureşti : Ed. Acad. R.P.R., 1961. 432 c.

References

1. Kasso L. A. Vizantijskoe pravo v Bessarabii [Byzantine Law in Bessarabia]. Moscow, Tip. Mosk. un-ta, 1907. 71 p.

2. Kantemir Dm. Opisanie Moldavii [Description of Moldova]. Kishinev, Kartya moldovenyaske Publ., 1973. 222 p.

3. RGARM (Respublikanskij gosudarstvennyj arhiv Respubliki Moldovy) [Republican State Archive of the Republic of Moldova], f. 2, op. 1, d. 6579, l. 4.

4. RGARM, f. 45, op. 1, d. 13, 30,121, 141.

5. Galben A. I. Iz istorii feodal'nogo prava Moldovy konca XVIII – nachala XIX veka (turecko-fanariotskij period) [From the history of feudal law of Moldova of the late XVIII – early XIX century (Turkish-Phanariot period)]. Kishinev, Ruxandra Publ., 1998. 398 p.

6. RGIA, f. 1308, op. 1, d. 27, l. 17–56.

7. Sbornik dokumentov po social'no-ekonomicheskoj istorii Vizantii [Collection of documents on the socio-economic history of Byzantium]; ed. by E. E. Lipshic. Moscow, AN SSSR Publ., 1951. 318 p.

8. NARM (Nacional'nyj arhiv Respubliki Moldova) [National Archive of the Republic of Moldova], f. 45, op. 1, d; 1, d. 108, l. 142-157.

9. Kovalevskij M. M. Nekotorye arhaicheskie cherty semejnogo i nasledstvennogo prava osetin [Some Archaic features of Ossetian Family and Inheritance Law: June – July]. *Yuridicheskij vestnik: Iyun' – iyul' = Legal Bulletin: June – July*. Moscow, Tip. A. I. Mamontova i Ko, 1885, no. 6-7, pp. 319–332.

10. Zabolotnaya L. The Law of succession concerning Moldavian women in the 14th-17th centuries: A Comparative study. Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, XX. Poznań, Wydawnictwo Instytutu Historii UAM, 2013, pp. 75–82.

11. Galben A. I. The custom of the land in feudal Moldavia (mid XVIII – about the middle of the XIX century). Chisinau, 1986. 106 p. (In Romanian)

12. Pushkareva N. L. Zhenshchiny Drevnej Rusi [Women of Ancient Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 286 p.

13. Sovetov P. V. Moldaviya v epohu feodalizma. Vol. IV: 1641–1660. Slavyano-moldavskie i moldavskie gramoty i zapisi [Moldavia in the era of feudalism. Vol. IV: 1641-1660. Slavic-Moldavian and Moldavian letters and records]. Chişinău, Stiinta Publ., 1986. 435 p.

14. Sbornik statisticheskih svedenij po Hotinskomu uezdu Bessarabskoj gubernii [Collection of statistical data on the Khotinsky district of the Bessarabian province]. Moscow, Hotin. uezd. Zemstvo Publ., 1886. 927 p.

15. Pergament O. Spornye voprosy bessarabskogo prava: Opyt kommentariya zakonov Armenopula i Donicha [Controversial issues of Bessarabian law: The experience of commenting on the laws of Armenopoul and Donich]. Odessa, Tip. Akc. Yuzhno-rus. o-va pech. dela, 1905. 65 p.

16. NARM, f. 40, op. 1, d. 265, l. 1–196.

17. NARM, f. 41, op. 1, d. 355, l. 1– 32; d. 482, l. 5–10.

18. Baskin Yu. YA., Sovetov P. V. Nekotorye problemy sozdaniya kursa "Istorii gosudarstva i prava Moldavskoj SSR" [Some problems of creating the course "History of the state and law of the Moldavian SSR]. *Uchenye zapiski KGU = Academic notes of KSU*, 1960, pp. 10–12.

19. NARM, f. 45, op. i. d 109, l. 2-3; d. 223, l. 2–3.

20. Documents on the history of Iasi. Vol. II: internal acts (1661-1690); ed. by Ioan Caprosu and Petronel Zahariuc. Iasi, Dosoftei Publishing House, 2000. 778 p. (In Romanian)

21. Romanian book of learning 1646. Bucharest, Ed. Acad. R. P. R., 1961. 432 p. (In Romanian)

Информация об авторе / Information about the Author

Погорлецкая Ирина Ивановна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдавия,
e-mail: begass.iren@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1626-7394

Irina I. Pogorletskaya, Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko, Tiraspol, Moldova,
e-mail: begass.iren@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1626-7394

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-32-41

CC BY 4.0

Протесты против цен на газ в Казахстане: первое в истории вмешательство ОДКБ в одном из ее государств-членов

А. Иермано [1], А. Н. Гуторова [2] ✉

[1] Университет г. Салерно
ул. Джованни Паоло II 132, Фищано (СА) 84084, Италия

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: allagutorova@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Введение миротворческих сил Организации договора коллективной безопасности в Казахстан – это первый случай использования миротворческих сил ОДКБ для обеспечения суверенитета страны-участницы договора, предотвращения угрозы безопасности и стабилизации ситуации. Данная операция продемонстрировала готовность государств на основе взаимного согласия и по просьбе пострадавшей стороны оказывать помощь в рамках Договора о коллективной безопасности.*

Цель *настоящего исследования состоит в рассмотрении участия миротворческих сил ОДКБ во время конфликта в Казахстане.*

Задачи*: рассмотреть основные аспекты истории создания ОДКБ; изучить предпосылки возникновения конфликта в Казахстане; проанализировать деятельность организации применительно к конкретному конфликту; обосновать необходимость предпринимаемых организацией действий; исследовать роль ОДКБ в решении данного конфликта.*

Методология*. Для проведения настоящего исследования были использованы общенаучные и частноправовые методы (формально-юридический метод), а также историко-правовой метод.*

Результаты*. Организация договора о коллективной безопасности является региональной международной организацией, обеспечивающей мир и безопасность. Можно с высокой долей вероятности утверждать, что ОДКБ готова отражать попытки нарушения суверенитета государств-участниц.*

Выводы*. Необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы ОДКБ с целью противостояния новым угрозам и вызовам современности. Согласие государств в оказании помощи и поддержки друг друга обеспечит нормальное развитие каждого государства и исключит возможность вмешательства во внутренние дела извне. В целом, это именно та организация, которая может обеспечить безопасность в регионе.*

Ключевые слова: *миротворческие силы; суверенитет; международная организация; массовые протесты; беспорядки; коллективная безопасность; региональная безопасность.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Иермано А., Гуторова А.Н. Протесты против цен на газ в Казахстане: первое в истории вмешательство ОДКБ в одном из ее государств-членов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 32–41. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-32-41.

Поступила в редакцию 21.02.2022 Принята к публикации 30.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Иермано А., Гуторова А. Н., 2022

Protests Against Gas Prices in Kazakhstan: the First-Ever Intervention by the CSTO in One of Its Member States

Anna Iermano [1], Alla N. Gutorova [2] ✉

[1] University of Salerno
Giovanni Paolo II str. 132, Fisciano (Sa) 84084, Italy

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: e-mail: allagutorova@mail.ru

Abstract

Relevance. *The intervention of the peacekeeping forces of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) into Kazakhstan is the first case of using the peacekeeping forces of the CSTO to ensure the sovereignty of a Member State of the Treaty, to prevent security threats and stabilize situation. This operation demonstrated the readiness of the states to provide assistance within the framework of the Collective Security Treaty on the basis of mutual agreement and at the request of the injured state.*

The purpose *of this study is to examine the CSTO peacekeeping forces participation in the conflict resolution in Kazakhstan.*

The objectives *of the study are to consider the main aspects of the history of CSTO establishment; to study the triggers of the conflict in Kazakhstan; to analyze the activities of the organization in relation to the conflict under consideration; to substantiate the need for the actions taken by the Organization; to study the role of the CSTO in the resolution of this conflict.*

Methodology. *To carry out this study, general scientific and private-law methods (technical-legal method) as well as the historical-legal method were used.*

Results. *The Collective Security Treaty Organization is a regional international organization that ensures peace and security. It can be argued with a high degree of probability that the CSTO is ready to repel attempts to violate the sovereignty of its member states.*

Conclusions. *It is necessary to further improve the legal framework of the CSTO in order to counter new threats and challenges of the present. The consent of the Member States in assistance and support will ensure normal development of each Member State and exclude the possibility of outside interference in their internal affairs. In general, this is exactly the organization that can ensure security in the region.*

Keywords: *peacekeeping forces; sovereignty; international organization; mass protests; riots; collective security; regional security.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Iermano A., Gutorova A. N. Protests Against Gas Prices in Kazakhstan: the First-Ever Intervention by the CSTO in One of Its Member States. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 32–41. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-32-41.

Received 21.02.2022 Accepted 30.03.2022 Published 04.04.2022

***

Introduction

Ensuring security of countries and cooperation for these purposes is one of the most important aspects of the interaction of modern states. Despite the attempts undertaken to prohibit war as such, to limit the use of armed forces, the present-day conditions show an increase in the number of conflicts of various levels. Undoubtedly, the most important role in preventing the use of armed forces and maintaining international peace and security belongs to the United Nations, but the contribution of regional inter-

national organizations in peacekeeping cannot be ignored either. One of the regional organizations of this type is the Collective Security Treaty Organization. The Member States of the Organization determined the purpose of its establishment as the maintenance of regional security based on mutual cooperation and interaction with other organizations. In Article 7 of the CSTO Charter[1], the Member States, in order to achieve the purposes of the Organization, established the right to create and use peacekeeping forces. The use of peacekeeping forces is important both for maintaining international and regional security. S. V. Stulov [1, p. 162] rightly pointed out that peacekeeping is becoming an important part of a large-scale political process aimed at preventing and resolving crises, establishing peace and ensuring long-term international problems resolution. After signing CSTO Peacekeeping Agreement and its entry into force, peacekeeping forces were formed and are intended to operate not only within the territories of the CSTO countries, but also on the territory of other countries provide that it is mandated by the Security Council.

Accordingly, in the event of a security threat to one of the CSTO Member States, such a state can count on getting assistance from all Member States. This right was used by the President of Kazakhstan, Kassym-Jomart Tokayev, when the situation on the territory of the country got out of control. Since the groups that took part in the mass unrest had been obviously specially trained, Kazakhstan authorities could not independently ensure security and peace on the territory of the country. Implementing their international commitments, the Member States of the Organization sent their armed forces to suppress the unrest on the territory of Kazakhstan.

Methodology

To achieve the objectives set, general scientific cognition methods such as analysis and system methods were used, which made it possible to analyze the backgrounds and triggers that caused the conflict as well as the legal framework for organizing the CSTO activities. The history of the Collective Security Treaty Organization establishment and the conflict situation were studied applying historical-legal method. The use of private-law methods (in particular, a technical-legal method) made it possible to substantiate the legality of the intervention of peacekeeping forces into Kazakhstan after studying the rules of law.

Results and discussion

As it is known Kazakhstan has seen mass unrest in the opening days of the new year 2022 caused by the government's decision to stop liquefied petroleum gas subsidies. Although the decision was taken three years ago, on January 1, fuel prices became fully market-based. The cost of LPG, which many Kazakhs use instead of petrol or diesel to run their cars, soon shot up, doubling in some places from 60 tenge ($0.14) a litre at the end of last year to 120 tenge by January 2. The Kazakhstan Ministry of Energy justified the increase with the transition to electronic trading for LPG, which entailed a gradual end of subsidies for domestic consumers and a shift to market prices through online platforms.

The protests began in the oil-producing city of Zhanaozen[2], but then quickly spread to other cities in the country, especially the nation's largest city Almaty, fueled by rising dissatisfaction with the government and economic inequality. During the week-long

[1] CHARTER OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION, dated October 07, 2002 (with amendments made in The third Protocol signed on November 8, 2018.). URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_/#loaded (accessed 30.01.2022)

[2] In Zhanaozen, in December 2011, protests over labor conditions at oil fields, a primary source of wealth in the country, were brutally shut down by then-President Nursultan Nazarbayev's government, leaving at least 16 protesters dead.

violent unrest and crackdowns, 164 people were killed and over 9,900 were arrested.

In response, President Kassym-Jomart Tokayev declared a state of emergency in Mangystau Region and Almaty, effective from 5 January 2022. The Mamin Cabinet resigned the same day and the state of emergency was shortly extended to the whole country.

Kazakh authorities say they have detained nearly 12000 more people for their alleged participation in anti-government protests that rocked the former Soviet nation. In Almaty, protesters set government buildings on fire and briefly seized the airport, while security forces responded with live rounds and stun grenades. When things started going out of hand, Kassym-Zhomart Tokayev, the country's President, called on the Collective Security Treaty Organisation (CSTO) for help.

For this reason in connection with the appeal of the President of the Republic of Kazakhstan and in view of the threat to national security and sovereignty of the Republic of Kazakhstan caused, among other things, by aggression from outside, the CSTO [2] Collective Security Council[1] in accordance with Article 4 of the Collective Security Treaty (CST) decided to send the CSTO Collective Peacekeeping Forces to the Republic of Kazakhstan for a limited period of time in order to stabilize and normalize the situation in that country.

This is the first time that the organsation invoked Article 4 "If one of the Member States undergoes aggression, it will be considered by the Member States as aggression to all the Member States of this Treaty. In case of aggression against any of the Member States, all the other Member States at the request of this Member State shall provide the latter with the necessary help, including military, as well as support by the means at their disposal in accordance with the right to collective defense pursuant to article 51 of the UN Charter", which is very similar to NATO's Article 5[2], owing to the

[1] The bodies that deal with political and military issues of concern to the CSTO member-states are the Council on Collective Security, the Council of Ministers of Foreign Affairs, the Council of Ministers of Defence and the Committee of Secretaries of the Security Councils. The day-to-day management of the Organization is the responsibility of its Secretary-General, who is assisted by the Secretariat. The most important decision-making body of the organization is the Council on Collective Security, that consists of the heads of state of the member states. However, if so required, sessions of the Council may also be attended by the ministers of foreign affairs, the ministers of defence, the secretaries of the security councils of the member-states, the organization's Secretary-General and other invited parties. The Council reviews important issues with regard to the activities of the CSTO and it decides what needs to be done to accomplish the tasks that face the organization. The chairman of the Council is the head of state of the country on whose territory the Council is meeting, although the Council can decide otherwise. The Chairman remains in office until the next session takes place, but if he is not able to fulfil his duties, a new Chairman will be elected for the remaining period until the next meeting.

[2] Article 5: "The Parties agree that an armed attack against one or more of them in Europe or North America shall be considered an attack against them all and consequently they agree that, if such an armed attack occurs, each of them, in exercise of the right of individual or collective self-defence recognised by Article 51 of the Charter of the United Nations, will assist the Party or Parties so attacked by taking forthwith, individually and in concert with the other Parties, such action as it deems necessary, including the use of armed force, to restore and maintain the security of the North Atlantic area. Any such armed attack and all measures taken as a result thereof shall immediately be reported to the Security Council. Such measures shall be terminated when the Security Council has taken the measures necessary to restore and maintain international peace and security". In practise it says that the response may include armed force and thus "such action as it deems necessary" to restore and maintain security. The formulation used by Article 4 of the Collective Security Treaty is almost word-for-word identical to that

growing chaos in Kazakhstan as the President blamed foreign-trained "terrorist gangs" for the protests. It states that an armed attack threatening the security, stability, territorial integrity, and sovereignty of one of its members will be viewed as an act of aggression against all Member States. It further adds that upon request of a 'victim state' other Member States will provide all necessary assistance, including military assistance and any other means available to them in accordance with Article 51 of the UN Charter[1] regarding to the use of force in cases of individual or collective self-defense.

So, on January 10, 2022, under the chairmanship of the Prime Minister of the Republic of Armenia Nikol Pashinyan a meeting of the CSTO Collective Security Council was held via videoconferencing, focused on the situation in the Republic of Kazakhstan. The meeting began with a moment of silence, and the Collective Security Council members honored the memory of killed in the Republic of Kazakhstan.

In this context, the CSTO Secretary General Stanislav Zas spoke about the situation in the country and measures to normalize it and Nikol Pashinyan, the prime minister of Armenia, which holds the rotating chair of the CSTO in 2022, said the group had agreed to send in peacekeepers. In addition to Russia and Belarus, Tajikistan and Armenia also agreed to send contingents.

The cited Collective Security Treaty Organisation is an organization that is determined to play an important role in European and Central Asian security [3]. It grew out of the framework of the Commonwealth of Independent States, and first began as the CIS Collective Security Treaty (CST).

When the Cold War drew to a close in 1991, the Warsaw Pact, an alliance of eight socialist states dissolved and less than half a year after the break-up of the Soviet Union, Russia and five of its allies (Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan) in the Commonwealth of Independent States, signed a new Collective Security Treaty in Tashkent (also referred to as the Tashkent Pact or Tashkent Treaty) on 15 May, 1992. The number of treaty states grew to nine when Azerbaijan (on September 24), Georgia (on December 9) and Belarus (on December 31) also adhered to the treaty in 1993.

The Treaty entered into force on April 20, 1994 for a period of 5 years with a possible extension and was registered at the United Nations on November 1, 1995.

On April 2, 1999, six of the nine – all but Azerbaijan, Georgia, and Uzbekistan – agreed to renew the treaty for five more years.

At first glance it may seem odd that a large number of Former Soviet Republics, shortly after gaining their independence, signed a treaty that bonded them once more closely together in the important field of security. However, the conduct of the newly independent states was perfectly understandable at the time. The break-up of the Soviet Union resulted, despite efforts by the leadership of the general staff of the Soviet Armed Forces to retain the status quo, in the division of the collective armed forces. The new independent republics all undertook efforts to set up national armies and were not interested in retaining elements of the old infrastructure that was beyond their control. Nevertheless, the break-up sparked a number of regional conflicts. Most republics came to the conclusion that while their na-

used in the Washington Treaty of 4 April 1949, that is NATO's founding document.

[1] Article 51 allows for the use of force in cases of individual or collective self-defense. The commonly agreed criteria for invoking the right to self-defense are the presence of an ongoing or immediate armed attack, necessity, and proportionality. These criteria are equally applicable to individual and to collective self-defense. Yet, two additional criteria are inherent specifically to collective self-defense. The International Court of Justice in its 1986 Nicaragua decision stated that the 'victim' state must declare itself to be the victim of an armed attack (para. 195) and that the 'victim' state must request military aid in response (para. 199).

tional defence infrastructures were still in the process of formation it would be wise to become part of some sort of collective security and defence structure that could guarantee their security in case this was needed. At this regard the Treaty specifically states that if one of the Member States is threatened by aggression that the other Member States will consider this as an act of aggression against all.

In practice, however, it soon became apparent that the Treaty did not live up to the status of a collective security structure: two of the member-states – Armenia and Azerbaijan – used force to decide their conflict over Nagornyy Karabakh, while yet another member – Russia – secretly supported Armenia. It gradually became clear that problems within the CST member-states had a tendency to be decided first and foremost in Russia's favour[1]. It made a few Member States doubt the merit of membership in what they perceived to be a pro-Russian Organization. In fact, in 1999 – as mentioned above – when the Treaty was up for prolongation, Azerbaijan, Georgia and Uzbekistan decided they would not adhere for a second period and withdrew from the Treaty. By the end of the 1990s, however, interest in the CST increased significantly as a result of both the expansion of Taliban activity in Afghanistan and the terrorist attacks in Uzbekistan and Kyrgyzstan. The result was a number of initiatives intended to increase the efficiency of the CST. At a meeting in Minsk, Belarus, in May 2000, the Council on Collective Security decided to establish three distinct security regions: the European, the Caucasus and the Central Asian. In October 2000, in Bishkek, Kyrgyzstan, the Council also agreed on the creation of a system of collective security forces. In May 2001, in Yerevan, Armenia, the Council agreed to create collective security rapid response forces for the Central Asian region. In 2001, the Treaty Member States also decided to set up rapid deployment forces and to expand the rapid response forces. The latter was enlarged with Kazakh, Kyrgyz, Russian and Tajik battalions and was given adequate air capabilities, such as transport and combat aircraft as well as helicopters.

Nevertheless financial difficulties encountered by all Member States, including Russia, the largest CST partner, in combination with the great number of other internal and international, problems, made it difficult for the CST to live up to all expectations. Russia could not finance regular training of foreign armed forces, nor could it purchase new equipment to replace old and out-dated equipment for the other CST member-states. It was this lack of financial clout that caused some of the CST Member States to look elsewhere, namely towards NATO and, in particular, the US, for more financial support. In particular in the framework of the war on terrorism, the US also actively supports the development of the military in a number of strategically important CIS Member States. after September 11, 2001, Russia tried to increase cooperation among the CST-countries.

On May 15, 2002, the 10th anniversary of the CST, at a session of the Treaty Council, the Members agreed that new initiatives were required to bring CST activities and procedures to a higher level. It was this shared concern in combination with fears over an unstable situation in Afghanistan that triggered the CST Member States to transform the Treaty and set up a Collective Security Treaty Organization (CSTO) as a military alliance based on the Treaty, capable of becoming an important organization in the field of regional security.

Thus, on October 7, 2002, the Charter of the CSTO was approved and in December 2003 was registered with the UN Secretariat.

[1] For example in Tajikistan the pro-Russian regime of President Rakhmonov was established, which was a development that was not welcomed by Uzbekistan. In Nagornyy Karabakh, Russia helped Armenia to gain the upper hand and Georgia proved to be unable to regain control over Abkhazia. In both Tajikistan and Abkhazia, peacekeepers from the CIS were present, largely provided by Russia.

In 2004, the Organization received observer status in the UN General Assembly.

Therefore, until 2002, the Treaty was essentially a regional agreement, which played an important role in maintaining close cooperation and understanding in the military-political field, then the Collective Security Council made a decision to grant the status of an international regional organization to the Collective Security Treaty [4, p. 12].

At present, six states hold membership in the Organization: Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia and Tajikistan [5, p. 168]. Uzbekistan had quit the alliance in 2012.

One of the main incentives for reform was the countries' desire to establish a joint command structure for the military forces of the CSTO Member States so the Organization could effectively protect the individual and collective security of its members.

After the transformation of the CST into a proper political-military organization[1], political-technological cooperation among the CSTO member-states picked up significantly[2].

In particular, in accordance with Article 3 of the Charter, the objectives of the Organization are the strengthening of peace, international and regional security and stability, the protection on a collective basis of the independence, territorial integrity and sovereignty of Member States.

Essentially, there are three most important areas for the CSTO: the first one is the field of foreign policy; it is important that the Member States have a coordinated position on important regional and international developments, in order to make sure that they share the same assessment of events. The second important direction is opposing threats and challenges; this means the coordination of efforts by the law enforcement agencies and militaries of the Member States to oppose such threats as terrorism, extremism, narco-trafficking, organized crime, etc [6, p. 90]. In October 2007, the CSTO signed an agreement with the Shanghai Cooperation Organization (SCO), in the Tajik capital of Dushanbe, to broaden cooperation on issues such as security, crime, and drug trafficking. Also E. Marat underlines that the CSTO aspires to help Russia and Kazakhstan control immigrants, who they see as a national security challenge. By creating sub-structures, the CSTO was able to supplant NATO. Finally, the third priority area is the Organization's military component; first and foremost, this means the forming and improvement of the troops in the Western direction (Russia-Belarus), in the Caucasus (Russia-Armenia) and also of the Collective Rapid Deployment Forces (in the Central Asian region).

On December 10, 2010, the Member States approved a declaration establishing a CSTO peacekeeping forces and a declaration of the CSTO Member States, in addition to signing a package of joint documents and since December 21, 2011, the Treaty parties can veto the establishment of new foreign military bases in the member states of the CSTO.

However, despite the initiatives[3], the CSTO remains primarily a regional organi-

[1] A CSTO military exercise called "Rubezh 2008" was hosted in Armenia, where a combined total of 4,000 troops from all seven constituent CSTO member countries conducted operative, strategic and tactical training with an emphasis towards furthering efficiency of the collective security element of the CSTO partnership. The largest of such exercises was held in Southern Russia and central Asia in 2011, consisting of more than 10,000 troops and 70 combat aircraft.

[2] A good example of this increased interaction was the opening of a Russian airbase in Kant, Kyrgyzstan in October 2003. The base hosts a number of SU-24 and SU-27 aircraft as well as several military trainer aircraft and transport planes.

[3] For example on 4 February 2009, an agreement to create the Collective Rapid Reaction Force (KSOR) was reached by five of the seven members, to be used to repulse military aggression, conduct anti-terrorist operations, fight transnational crime and drug trafficking, and neutralize the effects of natural disasters; in August 2014, 3,000 soldiers from the members

zation that helps its Member States to defend its southern borders, rather than a collective security body in the full meaning of that term, that implies an organization that is capable of addressing both external threats and problems within the member-states, such as terrorism, Islamic fundamentalism, drugs and human trafficking. The CSTO has de facto been around for many years, but nevertheless, it remains an entity that is not well known in the West.

Traditionally, researchers compare the CSTO and NATO. This practice is quite justified, since the tasks of these organizations are to ensure security, and the similarity of tasks, in turn, invariably results in comparison of their activities, structure and internal policies. Actually, the CSTO and NATO, being international organizations, are very similar. Speaking about the role of the CSTO, it is often considered to be the most influential in its region [7] in terms of its exceptional capabilities "to maintain the balance of powers in the CIS region" [8]. At the same time, it should be noted that, unlike NATO, the CSTO does not take such an aggressive position in spreading its influence [9] and only attempts to restrain the spread of NATO in the region. Therefore, as A. Vozzhenkov rightly notes, it is necessary to form a preventive complex information impact on competing geopolitical actors; active counteraction to information and information-psychological threats initiated by them will significantly increase the level of collective security" [10].

In Article 4, the Collective Security Treaty indicates the possibility of a State Member of the Organization to request help in the event of aggression on its territory. Considering the definition of aggression given in the Resolution of the UN General Assembly of December, 14, 1974, Article 3 identifies the actions that can be qualified as an act of aggression, including the following: an act of aggression can be understood as "the sending by or on behalf of a State of armed bands, groups, irregulars or mercenaries, which carry out acts of armed force against another State of such gravity as to amount to the acts listed above (*paras a-f – authors note*), or its substantial involvement therein"[1]. Russia and other Member States of the Collective Security Treaty Organization considered the conflict situation in Kazakhstan as an attempt to interfere in the affairs of a sovereign state, through the use of armed and specially trained groups of people.

In accordance with the Agreement on Peacekeeping Activities of the Collective Security Treaty Organization of October 6, 2007, "CSTO peacekeeping activities" is a "set of the measures including the peaceful means and actions directed to the dispute resolution (according to the Charter of the UN), and also the collective actions taken by Member States with use of military, militia (police officer) and civil personnel, directed to prevention, control and the termination of military operations between the states or within the state by means of intervention of the third party and promoting peacekeeping and safety"[2].

of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia and Tajikistan participated in psychological and cyber warfare exercises in Kazakhstan under war games managed by CSTO; on 19 March 2015, the CSTO Secretary General Nikolai Bordyuzha offered to send a peacekeeping mission to Donbas, Ukraine; in July 2021, Tajikistan appealed to members of CSTO for help in dealing with security challenges emerging from neighboring Afghanistan. Thousands of Afghans, including police and government troops, fled to Tajikistan after Taliban insurgents took control of many parts of Afghanistan; in 2017 The member states adopted measures to counter cyber security threats and information technology crimes in a Foreign Ministers Council meeting in Minsk, Belarus.

[1] COLLECTIVE SECURITY TREATY dated May 15, 1992 (as amended by the Protocol on amendments to the Collective Security Treaty of May 15, 1992, signed on December 10, 2010). URL: https://en.odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (accessed 30.01.2022).

[2] The agreement on peacekeeping activities of the collective security treaty organization of October 6, 2007. + (accessed 30.01.2022).

CSTO collective peacekeeping forces were organized in accordance with Article 5 of the Agreements on Peacekeeping Activities of the Collective Security Treaty Organization. The peacekeeping mission was completed and the Decision of the CSTO Collective Security Council "On the Completion of the Peacekeeping Operation in the Republic of Kazakhstan" was signed. At an extraordinary meeting of the Council of Ministers of Defense of the CSTO, a joint Decision "On the Withdrawal of Military Contingents of the Member States of the Organization from the Territory of Kazakhstan" was signed, which was completed on January 19, 2022.

The peacekeeping forces managed to fulfill the task assigned to them and helped the state restore law and order, despite criticism of the internal structure of this Organization by a number of researchers. For example, T.I. Shchekoldina [11] wrote about inability of the organization to react to the conflict between Georgia and Ossetia in 2008, and also to the Kyrgyz conflict that was left without control and attention from the organization in 2010. The researcher justified the situation by the shortcomings of the legal regulation of the Organization's activities. However, the situation in Kyrgyzstan was discussed by the organization Member States at the summit in Yerevan in August 2010 and actually served as an impetus for the development of changes and amendments to the statutory documents. Malinovsky O.E. and Pashchenko I.Yu. indicate the lack of a unified organization strategy of actions in the event of an armed conflict threat [12].

Conclusion

The idea of collective security, which originated in the 19th century, was developed and resulted in the establishment of international organizations whose goals were to create and maintain universal and regional security systems that allow all states to coexist in peace. Indeed, despite the existing difficulties, the CSTO has achieved certain success in the field of cooperation between states, including military cooperation [13; 14]. The CSTO role in maintaining international peace and security is undoubtful. The events in Kazakhstan clearly demonstrated CSTO ability to timely and promptly respond to requests from its Member States. In accordance with the Decision "On measures to normalize the situation in the Republic of Kazakhstan", a military contingent was sent to the territory of the republic. It is necessary to emphasize once again the fact that the actions of the CSTO peacekeeping forces are possible only if the request of a Member State is received. The protests on the territory of Kazakhstan began due to the increase in the price of gas and turned into mass unrest, in which prepared and specially trained groups took part. The involvement of the Member States of the Organization contributed to the speedy no rmalization of the situation and the restoration of law and order.

References

1. Stulov S. V. [Methodological aspects of the operations of the CSTO peacekeeping forces as a direction for increasing military and economic security]. *Bulletin of the Bokhtar State University named after Nosir Khusrav. Humanities and Economics Series,* 2020, no. 1–4 (80), pp. 162–166. (In Russ.)

2. Rozanov A. A., Dovgan E. F. Collective security treaty organisation: 2002–2009. Geneva, 2010. 92 p.

3. Davidzon I. Regional Security Governance in Post-Soviet Eurasia. The History and Effectiveness of the Collective Security Treaty Organization. Springer International Publishing, 2021. 204 p.

4. Dovgan E. F. CIS, CSTO and the United Nations: could an active regional system of collective security be established? *Baltic yearbook of international law*, 2012, no. 12, pp. 131–155.

5. Graney K. E. Russia, the Former Soviet Republics, and Europe Since 1989: Transformation and Tragedy. Oxford University Press, 2019. 459 p.

6. Marat E. The military and the State in Central Asia: from Red Army to independence. Taylor & Francis, 2009. 160 p.

7. Khaidarov R. J. [Virtual space as a source of new threats to the CSTO]. *Proceedings of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov of the National Academy of Sciences of Tajikistan*, 2021, no. 2, pp. 96–99. (In Russ.)

8. Tsybakov D. L., Zaslonkina O. V. [CSTO Policy on the Protection of the Information and Psychological Sphere of Collective Security]. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10 (4), pp. 136–144. (In Russ.)

9. Martynenko S. E. [EAEU, CSTO and SCO as three pillars of Russian "Eurasianism"]. *Innovations and Investments*, 2020, no. 8, pp. 60–64. (In Russ.)

10. Vozhenikov A. V. [Modern priorities of the CSTO information space protection policy]. *Vestnik OrelGIET*, 2020, no. 4 (54), pp. 139–141. (In Russ.)

11. Shchekoldina T. I. [CSTO as a Tool for Ensuring Russia's Military-Political Interests in the CIS Space: Problems of Governance]. *Post-Soviet Studies*, 2019, vol. 2, no. 4, pp. 1165–1173. (In Russ.)

12. Malinovsky O. N., Pashchenko I. Yu. [Problems of CSTO development and its role enhancement in ensuring the collective security of Eurasia]. *Historical and Socio-Educational Thought*, 2011, no. 1, pp. 17–21. (In Russ.)

13. Belobrov Yu. Ya. [Military-political cooperation of states in the formats of the CIS and the CSTO at the present stage]. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world*, 2019, no. 3 (21), pp. 6–23. (In Russ.)

14. Romanovsky V. G. [Countering terrorism in the CSTO countries: main trends and prospects]. *Science. Society. State*, 2020, vol. 8, no. 1 (29), pp. 156–165. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Иермано Анна, старший научный сотрудник кафедры международного права факультета юридических наук, Университет Салерно, г. Салерно, Италия,
e-mail: aiermano@unisa.it,
ORCID: 0000-0003-4205-5862

Iermano Anna, Senior Researcher of International Law, Department of Legal Sciences, University of Salerno, Salerno, Italy
e-mail: aiermano@unisa.it,
ORCID: 0000-0003-4205-5862

Гуторова Алла Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: allagutorova@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0345-6903,
SPIN-код: 2021-0929

Alla N. Gutorova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: allagutorova@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0345-6903,
SPIN-код: 2021-0929

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-42-51

(cc) BY 4.0

Основные подходы к изучению права на достаточное жилище: систематический обзор научных источников

О. А. Ковалева[1] ✉

[1]Оренбургский государственный университет
просп. Победы 13, г. Оренбург 460018, Российская Федерация

✉ e-mail: radaurist@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Жилье является важнейшей потребностью человека, которая влияет не только на духовное и материальное благополучие, но и на здоровье. Право на достаточное жилище закреплено в международных актах ООН и продублировано в Основных законах многих стран мира. Однако содержание данного права в разных странах неравнозначно и рассматривается с учетом различных экономических, социальных, правовых и многих других аспектов.*

Цель *данного исследования состоит в систематизации опубликованных результатов исследований права на достаточное (иногда используется в литературе формулировка «адекватное») жилище в различных странах мира.*

Задачи: *проанализировать различные подходы к определению понятия достаточного жилья в правовых системах мира; выявить особенности содержания данного понятия в России и мире; определить возможность интеграции этого международного права в систему принципов жилищного законодательства России.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались методы анализа и синтеза, метод сводки и группировки информации. Основным методом исследования являлся сравнительно-правовой, позволивший автору изучить содержание права на достаточное жилище, закрепленное в различных правовых системах мира.*

Результаты. *Определены подходы к определению и содержанию права на достаточное жилище в доктрине различных стран мира.*

Вывод. *Автор приходит к выводу, что проблема определения признаков достаточности жилища существует во многих странах, не исключая Россию. По результатам систематического обзора высказывается предложение о необходимости включения в жилищное законодательство Российской Федерации принципа достаточного жилища.*

Ключевые слова: *право на достаточное жилище; принципы жилищного права; адекватное жилье; обзор публикаций.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ковалева О. А. Основные подходы к изучению права на достаточное жилище: систематический обзор научных источников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 42–51. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-42-51.

Поступила в редакцию 14.02.2022 Принята к публикации 23.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Ковалева О.А., 2022

Basic Approaches to the Study of the Right to Adequate Housing: a Systematic Review of Scientific Sourses

Olga A. Kovaleva[1] ✉

[1] Orenburg State University
13 Pobedy aven., Orenburg 460018, Russian Federation

✉ e-mail: radaurist@mail.ru

Abstract

Relevance. *Housing is the most important need of a person, which affects not only spiritual and material well-being, but also health. The right to adequate housing is enshrined in international UN instruments and duplicated in the Basic Laws of many countries of the world. However, the content of this right is unequal and is considered taking into account various economic, social, legal and many other aspects.*

The purpose *of this study is to systematize the published results of research on the right to adequate housing in various countries of the world.*

Objectives. *to analyze various approaches to the definition of the concept of adequate housing in the legal systems of the world, to identify the features of the content of this concept in Russia and the world.*

Methodology. *In the process of working on the study, methods of analysis and synthesis, the method of summary and grouping were used. The main method of research was comparative law, which allowed the author to study the content of the right to adequate housing, enshrined in various legal systems of the world.*

Results. *Approaches to the definition and content of the right to adequate housing in the doctrine of various countries of the world are defined.*

Conclusion. *The author comes to the conclusion that the problem of determining the signs of housing sufficiency exists in many foreign countries, not excluding Russia. Based on the results of a systematic review, a proposal is made on the need to include the principle of adequate housing in the housing legislation of the Russian Federation.*

Keywords: *right to adequate housing; principles of housing law; adequate housing; review of publications.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kovaleva O. A. Basic Approaches to the Study of the Right to Adequate Housing: a Systematic Review of Scientific Sourses. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 42–51. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-42-51.

Received 14.02.2022 Accepted 23.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Организация Объединенных Наций (ООН) признала жилье неотъемлемой частью права на достаточный жизненный уровень в своей Всеобщей декларации прав человека 1948 года (ст. 25). Данную позицию она подчеркнет почти два десятилетия спустя в своем Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 11). Действительно, наряду с едой и одеждой, жилье признается основной необходимостью даже в самых узких и строгих «абсолютных» определениях бедности, выдвигаемых сегодня неолиберальными правительствами, агентствами и аналитическими центрами по всему миру. Тем не менее несмотря на то, что в официальных международных и национальных документах (законах) это право обычно провозглашается необходимым, доступ к надлежащему и безопасному жилью, что делает это право далеко не универсальным и не для всех, и сегодня в большинстве стран

можно легко наблюдать широкий спектр неравенства между людьми в отношении жилья, включая их бездомность.

Центральным средством помощи в удовлетворении жилищных потребностей и источником неравенства остается проводимая государством жилищная политика. Несмотря на то, что во многих странах она является одной из наиболее игнорируемых областей политики, но в сравнительных, межнациональных исследованиях социальной политики рассмотрение права на достаточное жилище вызвало значительные дебаты относительно различных аспектов общественной жизни, в которых это право реализуется.

Методология

В процессе работы над исследованием использовались методы анализа и синтеза, метод сводки и группировки данных. Основным методом исследования являлся сравнительно-правовой, позволивший автору изучить содержание права на достаточное жилище, закрепленное в различных правовых системах мира.

Для обеспечения реализации сравнительного метода исследования нами была использована Preferred Report in gItems for Systematic Reviews and Meta-Analyzes (PRISMA) [1]. Это распространённая методика проведения мета-анализа в таких отраслях знаний, как медицина, биология и др. PRISMA позволяет провести скрупулёзный анализ большого количества научных публикаций. Отбор научных работ для анализа и изучения происходил в несколько этапов, в результате были изучены публикации ученых, которые наиболее близко соответствуют теме исследования.

Результаты и их обсуждение

В результате исследования опубликованных по теме работ следует выделить несколько аспектов, в рамках которых рассматривается право на достаточное жилище в разных странах мира. Основные обсуждения происходят в экономическом, социальном и правовом поле.

Анализируя экономическую сторону обеспеченности достаточным жильем, исследования сводятся к следующему. Многие ученые [2; 3] склоняются к необходимости государственного финансирования права на достаточное жилье, считая, что государство заинтересовано в развитии территорий, а наличие достаточного жилищного фонда положительно влияет на экономическую эффективность. Например, S. R. Merrill [3] считает, что все большее значение приобретает повышение доступности государственного микрофинансирования жилья (МФЖ) для обеспечения адекватного жилья и санитарных условий. Несколько десятилетий назад МФЖ в Латинской Америке было почти невидимым пасынком финансирования микропредприятий (ФМП). Кредиты микропредприятий в некоторых случаях использовались для жилищных целей, но это не признавалось как жилищное кредитование и конкретных кредитных продуктов для МФЖ не существовало. Однако перемены наступили быстро. Кредитные продукты для МФЖ теперь широко распространены. У МФЖ есть два «родителя»: государственные микрофинансовые организации (МФО) и группы, выступающие в защиту и поддержку жилья для малоимущих.

В США и Канаде пошли по иному пути, считая, что именно развитие частного жилищного сектора повлияет на повышение экономических показателей этих стран. В Канаде и США было прекращено строительство крупномасштабных государственных жилищных проектов. Федеральное правительство США полагалось на частный сектор в обеспечении субсидированной аренды жилья, и при очень незначительной помощи федерального правительства осуществить попытки «снизу вверх» развить некоммерческий жилищный сектор в общинах по всей территории США. В Канаде был со-

здан постоянный фонд качественного некоммерческого социального жилья, а также растущий и все более компетентный сектор развития жилищного строительства на базе местных сообществ. Канадский опыт показывает, что для создания потенциала некоммерческого сектора требуется время. Опыт США показывает, что существует большое количество талантливых специалистов на уровне общин, готовых и желающих обеспечить некоммерческое жилье при наличии надежного и адекватного финансирования [4].

Некоторые исследователи приходят к выводу, что отсутствие достаточного жилища в малых городах и сельских поселениях отрицательно влияют на их экономическое развитие и привлечение инвестиционного капитала. K. Mchunu, S. Nkambule замечают, что «отсутствие адекватного (достаточного) жилья не только ставит под угрозу развитие, но и создает социальные и экономические проблемы. Поэтому отсутствие адекватного жилья является препятствием для устойчивого развития населенных пунктов. Местный муниципалитет предоставляет основные услуги, такие как вывоз мусора, водоснабжение и канализация. Эти услуги неотделимы от жилья. Однако существуют серьезные проблемы с базовыми услугами, такими как плохая санитария, отсутствие воды, и это оказывает негативное влияние на обеспечение устойчивого развития населенных пунктов. Правительство обязано взять на себя больше обязательств по предоставлению адекватного (достаточного) жилья для своих граждан, поскольку это является основным элементом устойчивого развития малых поселений» [5].

Исследователи делают акцент на равный доступ лиц к достаточному жилью независимо от социального статуса [6; 7], финансового уровня [8], принадлежности к национальным или этническим меньшинствам [2; 9; 10; 11] и т.д. Существуют отдельные исследования о правах на адекватное жилище детей [12] и женщин [13; 14].

B. Yung, рассматривая реализацию права на достаточное жилье в Гонконге, отмечает, что равное «право на жилье», по сути, означает равные возможности или отсутствие дискриминации в реализации всех аспектов «права на жилье». В Гонконге для тех, у кого есть экономические средства, степень их «права на жилье» в основном удовлетворена, однако это может быть не так для тех, кто относится к более низким социально-экономическим слоям, особенно для представителей неблагополучных групп, которые вдвойне обездолены. Автор говорит о проблеме социального неравенства в предоставлении прав на жилье среди четырех обездоленных групп, а именно: неполных семей, этнических меньшинств, гомосексуалистов и новоприбывших с материка. Решение проблемы исследователь видит в привлечении внимания Комиссии по равным возможностям и представителей широкой общественности и снижении степени предвзятости к данным социальным группам в государственной жилищной политике [9].

В рамках социального аспекта права на достаточное жилище поднимается проблема бездомности, которая затрагивает не только развивающиеся страны, но и страны мира с развитой экономикой и социальной структурой. Ян Вранкен в своем исследовании [15] обсуждает предпосылки и формы функциональной политики в отношении бездомности. Прежде чем мы выработаем политику в отношении социального явления, это явление должно быть признано «социальной проблемой». По словам Вранкена, усилия по решению проблемы можно разделить на четыре политические модели, отличные от тех, которые использованы для анализа: модель права на жилье, модель государственной жилищной политики, модель солидарности и модель социальной изоляции. Модель государственной жилищной политики фокусиру-

ется на предоставлении средств для обеспечения наличия достаточного жилья [15]. В Финляндии бездомность рассматривалась и рассматривается в первую очередь как жилищная проблема, в то время как в Дании благодаря жилищной политике бездомность считается социальной проблемой.

Различные страны в настоящее время включают подходы, ориентированные на жилье, в рамки национальной политики, включая Австралию, которая пересмотрела свой подход к бездомности в 2008 г., и Шотландию, где подход, ориентированный на жилье, поддерживается законным правом на жилье для бездомных. Несмотря на этот сдвиг в политике, обусловленность остается неизменной чертой мер по борьбе с бездомностью в обеих юрисдикциях [16].

Значительное число публикаций в социальном аспекте рассмотрения права на достаточность жилища посвящено предоставлению жилья при переселении ввиду экологических катастроф или критических климатических изменений [17; 18; 19]. Например, на Филиппинах существует правовой стандарт права на достаточное жилище, разработанный в соответствии с международным правом в области прав человека и международным законодательством об изменении климата, а также обязательства Филиппин в отношении режима переселения граждан в связи с климатическими катастрофами. Однако исследователи утверждают, что меры филиппинского правительства после климатических катастроф носят фрагментарный, реактивный и эфемерный характер и что в действующем жилищном законодательстве имеются пробелы. Затем утверждается, что эти проблемы не соответствуют минимальным стандартам надлежащего жилья. Для обеспечения защиты жилищных прав лиц, перемещенных из-за изменения климата, рассматривается роль национальных судов в обеспечении выполнения обязательств правительства по адаптации переселенцев [17].

В США в начале 2009 г. Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям (FEMA) выпустило первую в истории Национальную стратегию жилищного строительства в случае стихийных бедствий, в которой содержится призыв к улучшению планирования и изложены ключевые принципы и политика, определяющие защиту от стихийных бедствий, временное жилье и восстановление постоянного жилья. Хотя все три жилищные проблемы являются очень сложными, предоставление надлежащего временного жилья, пожалуй, является наиболее сложной задачей. Несколько исследователей рассматривали вопрос об оптимальном распределении временного жилья, но сосредоточились главным образом на первой части проблемы, которая сосредоточена на выборе адекватной вместимости из числа имеющихся альтернативных вариантов временного жилья. Вторая часть проблемы, которая состоит в том, чтобы рекомендовать альтернативные варианты жилья отдельным семьям из пула единиц временного жилья, отобранных на первом этапе таким образом, чтобы были удовлетворены образовательные, медицинские и социально-экономические потребности, насколько нам известно, еще не решена [18].

Хотя право человека на достаточное жилище закреплено во многих международных договорах по правам человека и других правовых текстах, это право гораздо чаще остается в сфере неясности, чем в сфере реализации и действия. Тем не менее, если смотреть с глобальной точки зрения, во многих отношениях права на жилье наконец-то достигают совершеннолетия. Законодательное закрепление и фактическая реализация рассматриваемого права происходит практически во всех странах мира.

Право на достаточное жилье закреплено не только в Конституциях стран мира, но и отражено в отраслевом жилищ-

ном или гражданском законодательстве. Кроме того, многие страны пошли по пути принятия и развития государственных программ по обеспечению своих граждан адекватным жильем. Так, например, в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), состоящих из семи эмиратов, жилье рассматривается как конституционное право каждого гражданина Эмирата. В стране существуют две национальные жилищные программы: Жилищная программа Шейха Зайда и Инициатива Президента, которые предоставляют субсидии на доступное жилье, причем указанные программы предполагают не только предоставление жилых помещений гражданам, но и создание развитой инфраструктуры, экологической и санитарной безопасности жилищ [20].

В странах Европейского союза в свете принятых стандартов право на жилье рассматривается с позиции предотвращения бездомности и доступности стоимости жилья. Европейская конвенция по правам человека включает несколько положений о праве на жилище. В совокупности эти положения требуют, чтобы государства гарантировали гражданам право на получение временного достойного жилья при любых обстоятельствах и доступ к стандартному жилью без необоснованных задержек. Последнее, в свою очередь, требует, чтобы государства имели в своем распоряжении достаточный и достаточно постоянно обновляемый запас социального арендуемого жилья, доступного для уязвимых лиц и семей [21].

Из приведенных примеров можно также сделать вывод, что существует большая разница в понимании содержания понятия «достаточного жилья» в правовых системах разных стран мира.

В Испании, например, существует понятие условий пригодности для проживания существующего жилищного фонда. Ответственные организации ежегодно проводят оценку жилья, требующего немедленного улучшения и адаптации, определяя при этом те жилые помещения, которые не соответствуют праву жителей на достаточное жилище [22].

Рассматривая право на достаточное жилище в правовом ключе, авторы изученных публикаций проводят грань между понятием достаточности жилья при его предоставлении при переселении в связи с государственными программами (социально значимая застройка, переселение из непригодного жилья и т. п.) и при принудительном перемещении по негативным основаниям (выселение за долги, нарушение правил проживания и т. п.).

Например, в США существует Закон о единой политике в области переселения и приобретения недвижимости. В нем рассматривается влияние положений закона с точки зрения адекватной компенсации лицам, вынужденно перемещенным в результате обновления городов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что некоторые из наиболее нежелательных элементов переселения в том виде, в каком оно осуществлялось до 1970 г., были устранены с помощью компенсационных положений Закона. Поддержание высокого уровня домовладения, а также добавление многочисленных арендаторов к этому статусу, большая расовая и экономическая интеграция и общее улучшение жилищных условий были прямыми результатами Закона 1970 г. [23]

В жилищном законодательстве Бразилии принудительное переселение в связи с государственными нуждами возможно лишь при предоставлении достаточного жилища, включающего в себя не только объективные условия, связанные с местом проживания, но и сеть социальной инфраструктуры, места, где осуществляется производственная деятельность, а также различные формы землепользования [24].

Таким образом, при предоставлении жилых помещений при переселении по инициативе государства или при участии граждан в государственных программах многие страны мира придерживаются расширенной трактовки понятия достаточного жилища (с учетом соблюдения наличия социальной инфраструктуры, экологических и санитарных норм), т.е. соответствия критерию «не хуже, чем было». Чего нельзя сказать о принудительном выселении по негативным основаниям. В ЮАР, например, предусмотрена программа жилищных ваучеров, которая гарантирует лишь то, что при выселении по решению суда гражданин имеет право на жилье с минимальными характеристиками [25].

Выводы

Проанализировав большое количество публикаций о праве на достаточное жилище, приходим к выводу о наличии множественности в подходах к определению понятия и содержания названного института.

Относительно применения понятия достаточного жилища в российском правовом поле отметим следующее. Сравнивая принятое в жилищном праве России понятие «право на жилище» и «международное право на достаточное жилище», отмечаем неравнозначность данных понятий. Считаем, что право на достаточное жилище является более конкретной категорией, в содержание которой могут быть включены такие понятия, как требования санитарных и технических норм, окружающая инфраструктура, санитарная и экологическая безопасность жилища и другие критерии, в том числе конкретизируются уязвимые субъекты.

Не исключая необходимости включения в жилищное законодательство Российской Федерации понятия достаточности жилища, считаем, что это возможно лишь с учетом признания данного понятия в качестве принципа жилищного права с четким определением его понятия, содержания и критериев, к данному принципу относящихся.

Список литературы

1. Preferred reporting items for systematic review and meta-analysis protocols (PRISMA-P): elaboration and explanation / L. Shamseer, D. Moher, M. Clarke, D. Ghersi, A. Liberati, M. Petticrew // British Medical Journal. 2015. No. 349. https://doi.org/10.1136/bmg.g7647

2. Keating W. D. Housing market discrimination // The Cambridge Handbook of Social Problems; ed. by A. J. Treviño. Cambridge University Press, 2018. P. 409–422.

3. Merrill S. R. Microfinance for housing // International Encyclopedia of Housing and Home; ed. by S. J. Smith. Elsevier Sciences, 2012. P. 274–281.

4. Dreier P., Hulchanski J. D. The role of nonprofit housing in Canada and the United States: some comparisons // Housing Policy Debate. 1993. No. 4. P. 43–80.

5. Mchunu K., Nkambule S. An evaluation of access to adequate housing: A case study of eZamokuhle township, Mpumalanga; South Africa // Cogent Social Sciences. 2019. No. 5(1). P. 1–9.

6. Karlsson S. "You said "home"" but we don’t have a house’ – children’s lived rights and politics in an asylum centre in Sweden // Children's Geographies. 2019. No. 17. P. 64–75.

7. Cartwright C. Affordable rental housing for older people in Australia: what do older people want? // Annals of the New York Academy of Sciences. 2007. Vol. 1114(1). P. 258–266.

8. Balakrishnan R., Elson D., Heintz J. Financial regulation, capabilities and human rights in the US financial crisis: the case of housing // Journal of Human Development and Capabilities. 2011. Vol. 112. P. 153–168.

9. Yung B. Equal right to housing' in Hong Kong housing policy: perspectives from disadvantaged groups // Journal of Housing and the Built Environment. 2014. Vol. 29(4). P. 563–582.

10. Walker R. Aboriginal self-determination and social housing in urban Canada: a story of convergence and divergence // Urban Studies. 2008. Vol. 45(1). P. 185–205.

11. Yordanova A. Remiche. The influence of the social right to adequate housing on the interpretation of the civil right to respect for one's home// Human Rights Law Review. 2012. No. 12(4). P. 787–800.

12. Herrera M., Amezcua S. La protección del derecho a la vivienda de niños, niñas y adolescentesen el Derecho de las Familias // Derecho y Ciencias Sociales. 2018. No. 18. P. 8–36.

13. Bosch J. El derecho de la mujer a la viviendaenEspaña (2008-2017) // Estudosfeministas. 2020. Vol. 28, no. 1. P. 1–15.

14. Aggarwal A. G. UN Special Rapporteur on Adequate Housing: strengthening gendered norms for the right to adequate housing // Australian Journal of Human Rights. 2004. no. 10. P. 165–193.

15. Vranken J., Geerts A. Luttecontre la pauvreté dans les nouveaux accords de gouvernement et les notes de politique // Pauvreteen Belgique. 2015. Vol. 5. P. 145–169.

16. Clarke A., Watts B., Parsell C. Conditionality in the context of housing-led homelessness policy: comparing Australia's housing first agenda to Scotland's "rights-based" approach // Australian Journal of Social Issues. 2019. Vol. 55(1). P. 88–100.

17. Valdez A. I. A continuing mandamus to enforce rights to adequate housing in the era of super typhoons// Asia Pacific Journal of Environmental Law. 2021. Vol. 9. P. 120–143.

18. A decision support system for post-disasterinterim housing / T. Rakes, J. K. Deane, L. P. Rees, G. Fetter // Decision Support Systems. 2014. Vol. 66. P. 160–169.

19. Grösche P. Housing, energy cost, and the poor: counteracting effects in germany's housing allowance program // Energy Policy. 2010. Vol. 38(1). P. 93–98.

20. Kumar A. S., Pallathucheril V. G., Sangapala P. Affordable housing for Emiratis in the United Arab Emirates: the case study of Ras Al Khaimah // Housing Policy Debate. 2020. Vol. 30. P. 900–925.

21. Matti M. Housing as a human right in Europe // European Journal of Social Security. 2008. Vol. 10. P. 249–294.

22. Cornadó C., Vima-Grau S., Garcia-Almirall P. Pre-diagnosis protocol for large residential building stock. The Case of Barcelona's vulnerable areas // Hygrothermal Behaviour and Building Pathologies. 2020. Vol. 1. P. 123–155.

23. Silver Ch., Hays R. A. Can you compensate for a lost home? An assessment of the 1970 uniform relocation act // Journal of Urban Affairs.1980. Vol. 2. P. 33–49.

24. Chaves K. A., Monzoni M., Artuso L. F. Belo monte dam: rural resettlement, participatory process and the right to adequate housing // Revista Direito GV. 2019. Vol. 15, no. 2. P. 33–49.

25. Dickinson G. S. Blue moonlight rising: evictions, alternative accommodation and a comparative perspective on affordable housing solutions in Johannesburg // South African Journal on Human Rights. 2011. Vol. 27. P. 466–495.

References

1. Shamseer L., Moher D., Clarke M., Ghersi D., Liberati A., Preferred M. reporting items for systematic review and meta-analysis protocols (PRISMA-P): elaforation and explanation. Petticrew. *British Medical Journal*, 2015, no. 349. https://doi.org/10.1136/bmg.g7647

2. Keating W. D. Housing market discrimination. The Cambridge Handbook of Social Problems; ed. by A. J. Treviño. Cambridge University Press, 2018, pp. 409–422.

3. Merrill S. R. Microfinance for housing. International Encyclopedia of Housing and Home; ed. by S. J. Smith. Elsevier Sciences, 2012, pp. 274–281.

4. Dreier P., Hulchanski J. D. The role of nonprofit housing in Canada and the United States: some comparisons. *Housing Policy Debate*, 1993, no. 4, pp. 43–80.

5. Mchunu K., Nkambule S. An evaluation of access to adequate housing: A case study of eZamokuhle township, Mpumalanga; South Africa. *Cogent Social Sciences*, 2019, no. 5(1), pp. 1–9.

6. Karlsson S. "You said "home" "but we don't have a house' – children's lived rights and politics in an asylum centre in Sweden. *Children's Geographies*, 2019, no. 17, pp. 64–75.

7. Cartwright C. Affordable rental housing for older people in Australia: what do older people want? *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2007, vol. 1114(1), pp. 258–266.

8. Balakrishnan R., Elson D., Heintz J. Financial regulation, capabilities and human rights in the US financial crisis: the case of housing. *Journal of Human Development and Capabilities*, 2011, vol. 112, pp. 153–168.

9. Yung B. Equal right to housing' in Hong Kong housing policy: perspectives from disadvantaged groups. *Journal of Housing and the Built Environment*, 2014, vol. 29(4), pp. 563–582.

10. Walker R. Aboriginal self-determination and social housing in urban Canada: a story of convergence and divergence. *Urban Studies*, 2008, vol. 45(1), pp. 185–205.

11. Yordanova A. Remiche. The influence of the social right to adequate housing on the interpretation of the civil right to respect for one's home. *Human Rights Law Review*, 2012, no. 12(4), pp. 787–800.

12. Herrera M., Amezcua S. La protección del derecho a la vivienda de niños, niñas y adolescentesen el Derecho de las Familias. *Derecho y Ciencias Sociales*, 2018, no. 18, pp. 8–36.

13. Bosch J. El derecho de la mujer a la viviendaenEspaña (2008–2017). *Estudosfeministas*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 1–15.

14. Aggarwal A. G. UN Special Rapporteur on Adequate Housing: strengthening gendered norms for the right to adequate housing. *Australian Journal of Human Rights*, 2004, no. 10, pp. 165–193.

15. Vranken J., Geerts A. Luttecontre la pauvreté dans les nouveaux accords de gouvernement et les notes de politique. *Pauvreteen Belgique*, 2015, vol. 5, pp. 145–169.

16. Clarke A., Watts B., ParsellC. Conditionality in the context of housing-led homelessness policy: Comparing Australia's Housing First agenda to Scotland's "rights-based" approach. *Australian Journal of Social Issues*, 2019, no. 55(1), pp. 88–100.

17. Valdez A. I. A continuing mandamus to enforce rights to adequate housing in the era of super typhoons. *Asia Pacific Journal of Environmental Law*, 2021, vol. 9, pp. 120–143.

18. Rakes T., Deane J. K., Rees L. P., Fetter G. A decision support system for post-disasterinterim housing. *Decision Support Systems*, 2014, vol. 66, pp. 160–169.

19. Grösche P. Housing, energy cost, and the poor: counteracting effects in Germany's housing allowance program. Energy Policy, 2010, vol. 38(1), pp. 93–98.

20. Kumar A. S., Pallathucheril V. G., Sangapala P. Affordable housing for Emiratis in the United Arab Emirates: the case study of Ras Al Khaimah. *Housing Policy Debate*, 2020, vol. 30, pp. 900–925.

21. Matti M. Housing as a human right in Europe. *European Journal of Social Security*, 2008, vol. 10, pp. 249–294.

22. Cornadó C., Vima-Grau S., Garcia-Almirall P. Prediagnosis protocol for large residential building stock. The Case of Barcelona's vulnerable areas. *Hygrothermal Behaviour and Building Pathologies*, 2020, vol. 1, pp. 123–155.

23. Silver Ch., Hays R. A. Can you compensate for a lost home? An assessment of the 1970 uniform relocation act. *Journal of Urban Affairs*, 1980, vol. 2, pp. 33–49.

24. Chaves K. A., Monzoni M., Artuso L. F. Belo monte dam: rural resettlement, participatory process and the right to adequate housing. *Revista Direito GV*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 33–49.

25. Dickinson G. S. Blue moonlight rising: evictions, alternative accommodation and a comparative perspective on affordable housing solutions in Johannesburg. *South African Journal on Human Rights*, 2011, vol. 27, pp. 466–495.

Информация об авторе / Information about the Author

Ковалева Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация,
e-mail: radaurist@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0668-1946

Olga A. Kovaleva, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation,
e-mail: radaurist@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0668-1946

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-52-61

(cc) BY 4.0

Личное доверие как принцип семейного законодательства

Р. Е. Телегин [1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *За последние два десятилетия резко активизировался процесс трансформации привычных форм семейных правоотношений, детерминировавших появление новых, ранее не известных или даже осуждаемых в обществе отношений, постепенно легализирующихся в семейном законодательстве. Незыблемыми остаются принципы семейного законодательства, несмотря на существенное воздействие, оказываемое со стороны общества. Вместе с тем один из важнейших принципов построения и реализации семейных отношений – личное доверие – до настоящего времени не нашел своего законодательного закрепления, что, как представляется автору, существенно ухудшает качественный состав основных начал семейного законодательства.*

Цель *состоит в обосновании необходимости закрепления принципа личного доверия как основного начала семейного законодательства.*

Задачи *исследования: определить значение личного доверия как признака семейных правоотношений; выявить специфику использования концепта «личное доверие» в судебной практике; обосновать и сформулировать предложения по внесению изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в части закрепления в его нормах принципа личного доверия.*

Методология. *Статья выполнена на основе диалектического метода научного познания, методов анализа и синтеза, логического и системного анализа, формально-юридического.*

Результаты. *В ходе проведенной научной работы была обоснована необходимость придания личному доверию статуса принципа (основного начала семейного законодательства).*

Вывод. *Личное доверие является неотъемлемым признаком семейных отношений, так как лежит в основе нормальных взаимоотношений между их участниками. «Личное доверие» во многом предопределяет поступки людей не только в обычной жизни, но и тогда, когда необходимо принимать решения правового характера. Автор обосновал необходимость легализации личного доверия в качестве принципа семейного законодательства путем внесения в абзац второй статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации соответствующего дополнения.*

Ключевые слова*: семейное право; семейные правоотношения; семейное законодательство; принципы семейного права; личное доверие.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: *НИР в рамках государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» на 2022 год (№ 0851-20200033).*

Для цитирования: Телегин Р. Е. Личное доверие как принцип семейного законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 52–61. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-52-61.

Поступила в редакцию 04.02.2022 Принята к публикации 02.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Телегин Р. Е., 2022

Personal Trust as a Principle of Family Law

Ruslan E. Telegin[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gpkursk@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Over the past two decades, the process of transformation of familiar forms of family legal relations has sharply intensified, determining the emergence of new, previously unknown or even condemned relations in society, which are gradually legalized in family legislation. The principles of family law remain intact, despite the significant impact of society. However, one of the most important principles of building and implementing family relations - personal trust, has not found its legislative consolidation yet, which, it seems to the author, significantly impairs the quality of the basic principles of family legislation.*

The purpose *is to justify the need to establish the principle of personal trust as the basic principle of family law.*

The objectives *of the study are as follows: to determine the meaning of personal trust as a sign of family legal relations; to identify the specific use of the concept of "personal trust" in judicial practice; to substantiate and formulate proposals for amendments to the Family Code of the Russian Federation in terms of consolidating the principle of personal trust in its norms.*

Methodology. *The article is made on the basis of the dialectical method of scientific knowledge, methods of analysis and synthesis, logical and system analysis, formal-legal.*

Results. *In the course of this research work, the need to give personal trust the status of a principle (the basic principle of family law) was substantiated.*

Conclusion. *Personal trust is an indispensable feature of family relationships, because it is the basis of normal relationships between the participants. "Personal trust" largely predetermines the actions of people not only in ordinary life, but also when it is necessary to make decisions of a legal nature. The author justified the necessity to legalize personal trust as a principle of family law by introducing an appropriate addition to paragraph two of article 1 of the Family Code of the Russian Federation.*

Keywords: *family law; family legal relations; family legislation; principles of family law; personal trust.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding: *Research within the framework of the state task "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" for 2022 (No. 0851-20200033).*

For citation: Telegin R. E. Personal Trust as a Principle of Family Law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 52–61. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-52-61.

Received 04.02.2022 Accepted 02.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Принципы семейного законодательства имеют важнейшее значение для надлежащего обеспечения прав и законных интересов всех участников семейных правоотношений. Согласно ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) в число основных начал семейного законодательства включены принципы необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи

своих прав, возможности судебной защиты этих прав.

Исследованию принципов семейного права и законодательства уделено значительное внимание в науке семейного права, включая диссертационные исследования [1; 2]. Научный интерес обусловлен значимостью правовых принципов в регулировании всех общественных отношений, их особым положением руководящих идей, получивших законодательное закрепление. Разрабатываемые наукой, они становятся обязательными для субъектов правоотношений в случае их нормативного закрепления. Семейное право – одна из немногих российских отраслей, в которой принципы правового регулирования по своему содержанию являются частноправовыми, поскольку «специфика семейных отношений предполагает необходимость учета баланса нематериальных интересов их участников, причем интересов специфических, связанных с самыми сущностными потребностями человека (продолжение рода, зашита потомства и иных родственников)» [3, с. 17]. Вместе с тем один из самых важных принципов построения семейных отношений – личное доверие – своего отражения в СК РФ не нашел, что значительно обедняет базис основных начал семейного законодательства.

Методология

Основу научного поиска составил всеобщий диалектический метод. Достижение обозначенной в работе цели обеспечило использование общенаучных методов анализа и синтеза, позволивших сформулировать обоснованные выводы о необходимости легализации принципа личного доверия путем соответствующего дополнения аб. 2 ст. 1 СК РФ. Методы логического и системного анализа применялись для получения новых знаний о содержании принципа личного доверия, в частности о том, что семейное личное доверие может быть фактическим и юридическим, о его формировании между участниками семейных отношений задолго до начала конкретного семейного правоотношения. В исследовании использовался формально-юридический метод (при обращении к текстам нормативных правовых актов, регулирующих семейные отношения).

Результаты и их обсуждение

Личное доверие (лично-доверительный, доверительный) как признак традиционно характеризует семейные правоотношения. Его обоснование связывают с тем, что главное место в семейных правоотношениях занимают именно личные связи членов семьи [4, с. 9]. Весь существующий пласт российского законодательства, прямо или косвенно затрагивающий семейные правоотношения, исходит из наличия в них обозначенного признака. Это указывает на его ведущую роль, обусловленную наличием чувств.

По справедливому замечанию Ю. Ф. Беспалова, чувства как совокупность нравственных категорий неотделимы от субъекта [5, с. 2-3] и, как нигде, проявляются именно в семейных отношениях. Содержание семейных отношений ставят в зависимость от доверия, причем «их доверительный характер определяется не только кровным родством, но и уважением, любовью – сугубо нравственными основами» [6].

М. В. Антокольская отмечает, что семейное право почти никогда не придает лично-доверительному элементу правового характера. Т. Т. Алиев пишет о личном характере каждого семейного правоотношения, который, по его мнению, и ограничивает круг его участников «абсолютно установленными лицами» [7], отрицая особую лично-доверительную природу: «то, что в основании основной массы семейных отношений находится личное доверие их участников друг к другу, чувство влюбленности, любви, дружбы и т.п. совершенно не программирует подобный характер правоотношений, кото-

рые зарождаются между субъектами семейного права» [7].

Позволим не согласиться с вышеприведенными мнениями. В теории семейного права принцип личного доверия не нашел своего отражения [8, с. 7–11; 9, с. 30–36; 10, с. 28–31; 11, с. 5–9; 12, с. 51–54; 13, с. 9–17; 14, с. 52–59; 15, с. 107–110; 16, с. 237–241; 17, с. 71–76]. Е. М. Ворожейкин писал, что личностно-доверительный характер во взаимоотношениях участников семейного правоотношения – это его свойство, обусловленное природой самого семейного правоотношения. Семейные правоотношения, в которых элемент доверительности отсутствует, существуют искусственно. Доверительность он называл дополнительным свойством личных связей в семейном праве [18, с. 53–65]. Представляется, что доверие – это неотъемлемая составляющая личных семейных отношений, поэтому необоснованно считать доверительность дополнительным свойством.

Семейный кодекс РФ в ст. 1, называя в качестве основы построения семейных отношений чувство взаимной любви и уважения, взаимопомощь, не упоминает о доверии. Вместе с тем именно доверие (его утрата, злоупотребление им) зачастую фигурирует в судебных спорах между супругами/бывшими супругами и иными лицами. В частности, в обоснование требований о взыскании неосновательного обогащения истец указал в исковом заявлении, что «23.01.2018 г. он выдал Ш. доверенность на право управлять и распоряжаться его имуществом, а 20.04.2018 г., *утратив доверие* к ответчику, он своим распоряжением отменил доверенность»[1]; иск о расторжении брака обоснован утратой уважения и *доверия*, потерей привязанности[2]; ответчик в своих объяснениях указала, что «квартиру перед заключением договора она не осматривала, поскольку ранее неоднократно бывала в указанной квартире. Все было *на доверии* к мужу»[3], «с решением суда согласна, исковых заявлений нет, *доверяет* своему мужу З. во всех вопросах»[4], истец указал, что «весь период брака он любил ответчицу, дорожил их семьёй, хранил ей верность, полностью содержал, исполнял все её капризы, покупал ей дорогие вещи и украшения. Испытывая *полное доверие* к супруге, оформил на ее имя купленную братом дорогостоящую трехкомнатную квартиру в центре города»[5].

В рамках уголовного законодательства злоупотребление доверием, обусловленное личными отношениями с потерпевшим, является способом совершения такого преступления, как мошенничество, в то время как гражданское право этому обстоятельству значения не придает. Вместе с тем большое количество гражданско-правовых действий, совершаемых участниками семейных правоотношений, осуществляется именно исходя из наличия между ними личного доверия.

В Письме Минтруда России от 26.07.2018 г. № 18-0/10/П-5146 «О методических рекомендациях по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц за непринятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов» для характеристики отношений доверительного ха-

[1] См.: Решение Гулькевичского районного суда (Краснодарский край) от 20 мая 2019 г. по делу № 2-738/2019. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 07.09.2020).

[2] См.: Решение Кунгурского городского суда (Пермский край) от 10 января 2019 г. по делу № 2-14/2019. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 07.09.2020).

[3] Решение Косихинского районного суда (Алтайский край) от 16 мая 2018 г. по делу № 2-59/2018. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 07.09.2020).

[4] Решение Калининского районного суда (Тверская область) от 22 апреля 2014 г. № 2-626/14. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 07.09.2020).

[5] Решение Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) от 18 февраля 2013 г. № 2-909/2013. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 07.09.2020).

рактера названы следующие признаки: «совместное проживание, наличие регистрационного учета по одному месту жительства, ведение общего хозяйства, наличие общих внебрачных детей, участие в расходах другого лица, оплата долгов, отдыха, лечения, развлечений другого лица, регулярное совместное проведение досуга, дарение ценного имущества, иные обстоятельства, свидетельствующие о том, что жизнь, здоровье и благополучие близкого человека дороги соответствующему должностному лицу в силу сложившихся обстоятельств». Представляется, что указанные признаки не могут являться характеристикой семейного доверия, поскольку больше отражают общность семьи.

Лексическое значение слова «доверие» означает убежденность в честности, добросовестности, искренности кого-либо и основанное на этом отношение к кому-либо [19, с. 395]. Доверие применительно к семейным отношениям является нравственно-юридической категорией. Учитывая, что доверительность – это особенность семейных отношений, принцип личного доверия является одним из основополагающих для существования семьи. В то же время понимание семейного личного доверия субъективно, зависит от многих факторов, в том числе от воспитания, традиций, среды проживания и др. Личное доверие внутри одной семьи может быть отрицательно оценено (осуждено) обществом (например, поддержка осужденного за преступление членами его семьи).

Семейное личное доверие может быть фактическим и юридическим. Фактическое семейное доверие носит социальный, духовный, морально-нравственный характер и находится за пределами правового регулирования. Юридическое выражение личного доверия может проявляться, например, в выдаче доверенности одним членом семьи другому на распоряжение имуществом, организации семейного бизнеса, осознанное заключение брачного договора в ущерб своим интересам и пр. Однако утрата фактического семейного доверия может служить основанием для ухудшения и даже прекращения семейных отношений. Например, как отмечено В. В. Богдан, пандемия новой коронавирусной инфекции, случившейся в 2020 г., «”высветила”, с одной стороны, нейтральный, а с другой – негативный социально-правовой аспект: в отдельных семьях стало “открытием”, что член их семьи ведет бизнес в социальных сетях и получает дополнительный доход, скрываемый до момента всеобщей самоизоляции» [20, с. 40–41]. Налицо утрата доверия как фактора, пагубно влияющего на динамику семейных правоотношений.

Доверие, доверительность между участниками семейных отношений формируется задолго до начала конкретного семейного правоотношения. Особенно наглядно это проявляется в супружеских отношениях, которым всегда предшествуют романтические, чувственные отношения, закладывающие базис благополучной семейной жизни. Обман доверия на этой стадии может иметь самые различные последствия, что, например, дает основание отдельным авторам задуматься о правовом регулировании предбрачных отношений. Так, например, Ю. Ф. Беспалов [21, с. 37–40], Е. В. Гордеюк [22, с. 12] предлагают законодательно закрепить так называемые «добрачные процедуры», последствия отказа от заключения брака, защиту прав добросовестного участника добрачных отношений. Вместе с тем при поддержке общей идеи легализировать отдельные этапы предбрачных отношений, которые имеют под собой историческую основу, вопрос о необходимости «ответственности» в виде убытков и компенсации морального вреда ставится нами под сомнение, так же как и понятие «недобросовестное лицо» и «неуважительные причины». Если человек разлюбил, это достаточно уважительная причина, чтобы с него нельзя было взыскать убытки и компенсацию морального

вреда? Представляется, что подобные отношения вполне могут быть урегулированы договором по аналогии с брачным, в котором стороны, имеющие намерение вступить в брак, вправе предусмотреть и ответственность за нарушение его условий (доверие, подкрепленное договором). Но компенсация морального вреда как институт вряд ли применима к семейным отношениям в целом.

Появление и использование в общественной жизни цифровых технологий не повлияло на подход законодателя к необходимости личного присутствия при заключении брака и личного участия усыновителей в процессе усыновления, что, представляется, является одним из критериев формирования личного доверия как признака семейного правоотношения и выступает дополнительным аргументом в пользу его легализации как принципа семейного права.

Личное доверие неразрывно связано с субъектным составом семейных правоотношений. При этом следует различать субъектов семейного права и субъектов (участников) семейных правоотношений. Круг первых значительно шире, сюда включаются органы государственной власти, местного самоуправления, правоохранительные органы, суд. Отмечая многолетнюю полярную теоретическую дискуссию о государстве как субъекте семейных правоотношений, Е. С. Смагина пишет о невозможности «отрицания наличия государственного интереса в сохранении, поддержке и защите семьи в целом и детей в частности» [22]. Представляется, что органы государственной власти, местного самоуправления, правоохранительные органы, суд, органы опеки и попечительства, Уполномоченный по правам ребенка выступают «внешними регуляторами», деятельность которых направлена на достижение своих собственных целей и задач. Так, например, Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г.) «Об опеке и попечительстве» напрямую не содержит задач по укреплению семьи или охране семейных прав, отсылая к ст. 8 СК РФ. Органы опеки и попечительства выступают, по сути, медиаторами во многих семейных правоотношениях: разногласия по поводу имени и/или фамилии ребенка (ст. 58, 59 СК РФ); определение порядка общения с ребенком дедушек, бабушек, братьев, сестер и других родственников (ст. 67 СК РФ); отобрание ребенка в административном порядке (ст. 77 СК РФ); изменение или расторжение соглашения об уплате алиментов (ст. 101 СК РФ); установление отцовства по инициативе предполагаемого отца при обстоятельствах, изложенных в п. 3 ст. 48 СК РФ.

Субъектами (участниками) семейных отношений могут являться исключительно граждане, обладающие в рамках конкретного семейного правоотношения определенным свойством (качеством): отец, мать, супруг, ребенок, бабушка, дедушка, сестра, брат и т.д., между которыми устанавливаются правовые семейные связи, основанные на родстве, браке, рождении (усыновлении), фактических семейных отношениях. Правовой характер данных связей обеспечивается в том числе и государственным принуждением, независимо от добровольности или недобровольности их возникновения. В связи с этим именно наличие в семейных правоотношениях обязательного признака личного доверия между его участниками выводит из состава субъектов семейных правоотношений государственные органы, органы местного самоуправления и юридические лица.

Выводы

Выявляя, исследуя и разрешая проблемы современной теории семейных правоотношений, нельзя оставлять без внимания основополагающие начала, которые, при их незыблемости, подвержены социально-экономическому воздействию. Личное доверие всегда будет являться неотъемлемым признаком семейных отношений, поскольку лежит в основе нор-

мальных взаимоотношений между их участниками. Обобщение судебной практики показало, что «личное доверие» во многом предопределяет поступки людей не только в обычной жизни, но и тогда, когда необходимо принимать решения правового характера. Злоупотребление личным доверием в семейных правоотношениях может рассматриваться, например, как основание для признания сделок недействительными. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения в рамках теории недействительности гражданско-правовых сделок. В то же время в настоящий момент оправдана и обоснована необходимость легализации личного доверия в качестве принципа семейного законодательства. В частности, представляется необходимым внести в аб. 2 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации дополнение следующего содержания: после слов «построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения» дополнить словами «личного доверия».

Список литературы

1. Шерстнева Н. С. Принципы семейного права: дис. … докт. юрид. наук. М., 2007. 452 с.

2. Орлова М. А. Принцип равенства супругов и его реализация в современном праве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 179 с.

3. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 16–20.

4. Пчелинцева Л. М. Семейное право России. М.: Норма, 2005. 688 с.

5. Беспалов Ю. Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6. С. 2–3.

6. Зубарева О. Г. К вопросу о методологии исследования семейных правоотношений // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 7–9.

7. Алиев Т. Т. О специфике семейных правоотношений (на примере анализа соотношения гражданско-правовых и семейных правоотношений) // Современное право. 2014. № 11. С. 72–75.

8. Илюхина В. А., Демичев А. А. Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 7–11.

9. Левушкин А. Н. Роль принципов (основных начал) семейного права в формировании системы семейного права // Законодательство и экономика. 2012. № 8. С. 30–36.

10. Шершень Т. В. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 28–31.

11. Бахтияров И. П. Принципы семейного права Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 12. С. 5–9.

12. Куксин И. Н., Матвеев П. А. Семейно-правовые принципы как основные положения, выражающие сущность семейного права // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 51–54.

13. Булаевский Б. А. Принципы семейного права и правовое обеспечение семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 9–17.

14. Ильина О. Ю. «Непринципиальные» принципы семейного права и законодательства // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 52–59.

15. Бондов С. Н. Свобода развода и автономия семейной жизни: принципы современного семейного права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 107–110.

16. Рабец А. М. «Детские» конституционные принципы семейного права и проблемы их реализации в «совершеннолетнем» Семейном кодексе РФ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 237–241.

17. Кузнецова О. В. Принципы семейного права // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2 (6). С. 71–76.

18. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 335 с.

19. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1. М.: Рус. яз., 2001.

20. Богдан В. В. Семейный бизнес в социальных сетях // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации, 29 октября 2020 г. / под общ. ред. О. Ю. Ильиной. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. С. 40–41.

21. Гордеюк Е. В. Личные неимущественные права и иные нематериальные блага как объекты брачных прав по семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 22 с.

22. Беспалов Ю. Ф. К вопросу об имущественных правах супругов (бывших супругов) по семейному законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–39.

23. Смагина Е. С. Некоторые особенности участия органов опеки и попечительства в спорах об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 23–37.

Reference

1. Sherstneva N. S. Principy semejnogo prava. Diss. dokt. yurid. nauk [Principles of family law. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2007. 452 p.

2. Orlova M. A. Princip ravenstva suprugov i ego realizaciya v sovremennom prave Rossii. Diss. kand. yurid. nauk [The principle of equality of spouses and its implementation in modern Russian law. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2011. 179 p.

3. Kulakov V. V. Principy semejnogo prava [Principles of family law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2017, no. 5 (78), pp. 16–20.

4. Pchelinceva L. M. Semejnoe pravo Rossii [Family Law of Russia]. Moscow, Norma Publ., 2005. 688 p.

5. Bespalov Yu. F. K voprosu o predmete semejnogo prava [On the subject of family law]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2013, no. 6, pp. 2–3.

6. Zubareva O. G. K voprosu o metodologii issledovaniya semejnyh pravootnoshenij [To the question of the methodology of the study of family legal relations]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2015, no. 4, pp. 7–9.

7. Aliev T. T. O specifike semejnyh pravootnoshenij (na primere analiza sootnosheniya grazhdansko-pravovyh i semejnyh pravootnoshenij) [On the specifics of family legal relations (by the example of the analysis of the correlation of civil and family legal relations)]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2014, no. 11, pp. 72–75.

8. Ilyuhina V. A., Demichev A. A. Principy semejnogo prava Rossijskoj Federacii i Respubliki Armeniya (sravnitel'no-pravovoj analiz) [Principles of family law of the Russian Federation and the Republic of Armenia (comparative legal analysis)]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2016, no. 4, pp. 7–11.

9. Levushkin A. N. Rol' principov (osnovnyh nachal) semejnogo prava v formirovanii sistemy semejnogo prava [The role of the principles (basic principles) of family law in the formation of the family law system]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and Economics*, 2012, no. 8, pp. 30–36.

10. Shershen' T. V. Princip ravenstva prav suprugov: genezis i nekotorye problemy ego realizacii v sovremennom semejnom prave Rossii [The principle of equal rights of spouses: the genesis and some problems of its implementation in modern family law in Russia]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2010, no. 7, pp. 28–31.

11. Bahtiyarov I. P. Principy semejnogo prava Rossijskoj Federacii [Principles of family law of the Russian Federation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2008, no. 12, pp. 5–9.

12. Kuksin I. N., Matveev P. A. Cemejno-pravovye principy kak osnovnye polozheniya, vyrazhayushchie sushchnost' semejnogo prava [Family-legal principles as the main provisions expressing the essence of family law]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2014, no. 1, pp. 51–54.

13. Bulaevskij B. A. Principy semejnogo prava i pravovoe obespechenie semejnoj politiki [Principles of family law and legal support of family policy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2019, no. 3, pp. 9–17.

14. Il'ina O. Yu. "Neprincipial'nye" principy semejnogo prava i zakonodatel'stva ["Unprincipled" principles of family law and legislation]. *Social'no-yuridicheskaya tetrad' = Socio-legal notebook*, 2020, no. 10, pp. 52–59.

15. Bondov S. N. Svoboda razvoda i avtonomiya semejnoj zhizni: principy sovremennogo semejnogo prava [Freedom of divorce and autonomy of family life: principles of modern family law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 5, pp. 107–110.

16. Rabec A. M. "Detskie" konstitucionnye principy semejnogo prava i problemy ih realizacii v "sovershennoletnem" Semejnom kodekse RF ["Children's" constitutional principles of family law and problems of their implementation in the "adult" Family code of the Russian Federation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Tver State University. Series: Law*, 2014, no. 2, pp. 237–241.

17. Kuznecova O. V. Principy semejnogo prava [Principles of family law]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2003, no. 2 (6), pp. 71–76.

18. Vorozhejkin E. M. Semejnye pravootnosheniya v SSSR [Family legal relations in the USSR]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1972. 335 p.

19. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [A new dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation]. Vol. 1. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2001.

20. Bogdan V. V. [Family business in social networks]. *Social'no-pravovye aspekty transformacii instituta sovremennoj sem'i v kontekste realizacii gosudarstvennoj semejnoj politiki. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchyonnoj 25-letiyu prinyatiya Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Socio-legal aspects of the transformation of the institute of modern family in the context of the implementation of state family policy. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and

Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the adoption of the Family Code of the Russian Federation]; ed. by O. Yu. Il'inoj. Tver', Tver. St. Univ. Publ., 2020, pp. 40–41. (In Russ.)

21. Gordeyuk E. V. Lichnye neimushchestvennye prava i inye nematerial'nye blaga kak ob"ekty brachnyh prav po semejnomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Personal non-property rights and other intangible benefits as objects of marital rights under the family legislation of the Russian Federation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2019. 22 p.

22. Bespalov Yu. F. K voprosu ob imushchestvennyh pravah suprugov (byvshih suprugov) po semejnomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [On the issue of property rights of spouses (former spouses) under the family legislation of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2019, no. 1, pp. 37–39.

23. Smagina E. S. Nekotorye osobennosti uchastiya organov opeki i popechitel'stva v sporah ob opredelenii mesta zhitel'stva rebenka pri razdel'nom prozhivanii roditelej [Some features of the participation of guardianship and guardianship authorities in disputes about determining the place of residence of a child when parents are separated]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2016, no. 8, pp. 23–37.

Информация об авторе / Information about the Author

Телегин Руслан Евгеньевич, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-3564-9120

Ruslan E. Telegin, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gpkursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-3564-9120

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-62-74

CC BY 4.0

Пути совершенствования правового регулирования оказания содействия органов внутренних дел в работе уголовно-исполнительных инспекций по контролю за поведением условно осужденных

И. Г. Григорьян[1] ✉

[1]Пятигорский межмуниципальный филиал ФКУ УИИ УФСИН России по Ставропольскому краю
ул. Московская 72, г. Пятигорск 357500, Российская Федерация

✉ e-mail: vg-83@inbox.ru

Резюме

Актуальность *правового регулирования оказания содействия органов внутренних дел в работе уголовно-исполнительных инспекций по контролю за поведением условно осужденных продиктована тем, что их количество составляет свыше 50% от общего числа осужденных без изоляции от общества. Помимо этого, удельный вес повторной преступности условно осужденных в 2–3 раза превышает удельный вес рецидивной преступности других категорий осужденных. В связи с этим необходимо повысить эффективность содействия органов внутренних дел в работе уголовно-исполнительных инспекций путем оптимизации взаимодействия и обеспечения своевременного предоставления информации.*

Цель *заключается в определении путей совершенствования правового регулирования оказания содействия органов внутренних дел в работе уголовно-исполнительных инспекций по контролю за поведением условно осужденных.*

Задачи*: оценить целесообразность повышения эффективности содействия ОВД в работе УИИ; рассмотреть правовые основы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел; определить основные направления, по которым ОВД оказывает содействие УИИ в части контроля за поведением условно осужденных; выявить пробелы правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел и УИИ, негативные факторы, препятствующие осуществлению должного как совместного, так и самостоятельного контроля за поведением условно осужденных; предложить пути совершенствования правового регулирования контроля за поведением условно осужденных.*

Методология. *Методологическую базу исследования составляет совокупность общенаучных, специальных и частно-научных методов познания, которая позволяет исследовать проблемы оказания содействия уголовно-исполнительным инспекциям со стороны органов внутренних дел.*

Результаты *исследования отличают прикладной характер с элементами научной новизны в выявленных подходах и выводах по повышению эффективности оказания содействия органов внутренних дел в работе уголовно-исполнительных инспекций по контролю за поведением условно осужденных.*

Вывод*. Формы и методы оказания содействия органов внутренних дел в работе уголовно-исполнительных инспекций по контролю за поведением условно осужденных нуждаются в дополнительной правовой регламентации.*

Ключевые слова: *правовое регулирование; оказание содействия; органы внутренних дел; уголовно-исполнительные инспекции; контроль; условно осужденные.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Григорьян И. Г. Пути совершенствования правового регулирования оказания содействия органов внутренних дел в работе уголовно-исполнительных инспекций по контролю за поведением условно осужденных // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 62–74. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-62-74.

Поступила в редакцию 31.01.2022 Принята к публикации 24.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Григорьян И. Г., 2022

Ways to Improve the Legal Regulation of the Provision of Assistance to Internal Affairs Bodies in the Work of Penal Enforcement Inspections to Control the Behavior of Probationers

Ivan G. Grigoryan[1] ✉

[1]Pyatigorsk Intermunicipal Branch of the FKU UII of the Federal Penal Service of Russia in the Stavropol Territory
72 Moskovskaya str., Pyatigorsk 357500, Russian Federation

✉ e-mail: vg-83@inbox.ru

Abstract

The relevance *of the legal regulation of the provision of assistance to internal affairs bodies in the work of penal enforcement inspections to control the behavior of probationers is dictated by the fact that their number is over 50% of the total number of convicts without isolation from society. In addition, the proportion of repeat criminality of probationers is 2-3 times higher than the proportion of recidivism of other categories of convicts. In this regard, it is necessary to increase the effectiveness of the assistance of internal affairs bodies in the work of criminal enforcement inspections by optimizing interaction and ensuring timely provision of information.*

The purpose *is to identify ways to improve the legal regulation of the provision of assistance to the internal affairs bodies in the work of criminal enforcement inspections to control the behavior of probationers.*

Objectives: *to assess the expediency of increasing the effectiveness of the assistance of the Department of Internal Affairs in the work of the Department of Internal Affairs; to consider the legal basis for the interaction of criminal enforcement inspections with internal affairs bodies; to determine the main directions in which the Department of Internal Affairs assists the Department of Internal Affairs in terms of monitoring the behavior of probationers; to identify gaps in the legal regulation of cooperation between internal affairs bodies and the Department of Internal Affairs, negative factors that hinder the implementation of proper both joint and independent control over the behavior of probationers; to suggest ways to improve the legal regulation of control over the behavior of probationers.*

Methodology. *The methodological basis of the research is a set of general scientific, special and private scientific methods of cognition, which allows us to investigate the problems of assisting criminal enforcement inspections by the internal affairs bodies.*

The results *of the study are distinguished by an applied nature with elements of scientific novelty in the identified approaches and conclusions to improve the effectiveness of assistance to internal affairs bodies in the work of penal enforcement inspections to control the behavior of probationers.*

Conclusion. *The forms and methods of providing assistance to the internal affairs bodies in the work of criminal enforcement inspections to control the behavior of probationers need additional legal regulation.*

Keywords: *legal regulation; assistance; internal affairs bodies; penal inspections; control; probation prisoners.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Grigoryan I. G. Ways to Improve the Legal Regulation of the Provision of Assistance to Internal Affairs Bodies in the Work of Penal Enforcement Inspections to Control the Behavior of Probationers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 62–74. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-62-74.

Received 31.01.2022 Accepted 24.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

В настоящее время приоритетным направлением мировой уголовной политики является расширение применения внетюремных санкций. В России контроль за поведением осужденных условно осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями Федеральной службы исполнения наказаний (далее – УИИ). Среди наказаний и мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы, наиболее активно су-

дами применяется условное осуждение. Согласно статистическим данным ФСИН России[1], в конце 2008 г. под контролем УИИ находилось 558 346 осужденных, из которых 503 048 (90,09%) составляли условно осужденные. К концу 2020 г. на 463 717 осужденных приходилось 240 118 (51,78%) осужденных к условной мере наказания. В значительной мере это обусловлено применением более мягких наказаний, в том числе ограничения свободы, исправительных и обязательных работ. При этом удельный вес условно осужденных продолжает преобладать над остальными мерами, альтернативными тюремному заключению.

Методология

Методологическая основа исследования базируется на основных принципах диалектики, изучая государственно-правовые системы и явления с точки зрения единства и борьбы противоположностей. В его рамках активно используется анализ и синтез, которые помогают разделять сложные явления на отдельные элементы и исследовать их взаимосвязи. Применяя функциональный метод исследования, были специально изучены различные функции уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел, а также то, как они взаимодействуют друг с другом. Методы систематического междисциплинарного анализа и синтеза с применением общефилософских методов индукции и дедукции позволили сформулировать выводы.

Результаты и их обсуждение

Привлечение представителей государственных структур к содействию в работе с осужденными к наказаниям и мерам, не связанным с изоляцией от общества, является важнейшим фактором, обеспечивающим эффективность профилактики совершения повторных преступлений. Деятельность УИИ направлена в первую очередь на предупреждение рецидивной преступности и в значительной степени обусловлена эффективным регулированием правоотношений, возникающих при исполнении наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [1, с. 94]. Снижение уровня рецидивной преступности может быть достигнуто только совместными усилиями различных государственных и негосударственных субъектов профилактической деятельности [2, с. 23].

Оказание содействия государственных органов в работе уголовно-исполнительных инспекций – это деятельность лиц, являющихся сотрудниками государственных органов, осуществляемая в пределах установленных государством должностных обязанностей, направленная на исправление осужденных, совместное решение задач борьбы с преступностью и оказание помощи УИИ в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Основными формами содействия органов внутренних дел в процессе исправления осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и предупреждения совершения ими новых преступлений являются предоставление значимой информации для УИИ, участие в осуществлении контроля за соблюдением осужденными общественного порядка, исполнением возложенных судом обязанностей или установленных судом ограничений [3, с. 30].

Большое значение имеет деятельность органов внутренних дел в части содействия при осуществлении контроля за поведением условно осужденных. Условное осуждение заключается в установлении осужденному испытательного срока, в течение которого он должен доказать

[1] Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях: стат. данные ФСИН России. URL: http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII (дата обращения : 10.01.2022).

свое исправление. В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ, суд, назначая условное осуждение, устанавливает осужденному ряд обязанностей, которые последний обязан соблюдать в период испытательного срока. При этом суд учитывает возраст преступника, состояние его здоровья, степень общественной опасности совершенного преступления, а также иные обстоятельства, свидетельствующие о целесообразности возложения обязанностей.

Основным партнером УИИ из числа органов государственной власти, содействующих в контроле за поведением условно осужденных, являются органы внутренних дел. На различных межведомственных совещаниях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН России) и Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) неоднократно обращалось внимание на невозможность осуществления надлежащего контроля за поведением осужденных, состоящих на учете в УИИ, без взаимодействия с сотрудниками органов внутренних дел. На необходимость укрепления взаимодействия с органами внутренних дел, а также недостаточную эффективность взаимодействия УИИ и ОВД в последнее время обращают внимание многие ученые [4, с. 7; 5, с. 129]. Некоторые ученые отмечают, что правовые основы взаимодействия ФСИН и МВД России находятся в дисперсном несистематизированном состоянии [6, с. 203].

Целесообразность содействия ОВД в работе УИИ в части осуществления контроля за поведением условно осужденных обусловлена общностью задач, стоящих перед ними. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О полиции», сотрудники полиции обязаны оказывать содействие федеральным органам государственной власти, в том числе подразделениям Федеральной службы исполнения наказаний[1]. Предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений является одним из основных направлений деятельности полиции (п. 2 ст. 2 ФЗ «О полиции»). Кроме того, согласно ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), целью уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является исправление осужденных, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами[2]. Таким образом, содействуя в работе УИИ, соответствующие службы ОВД реализуют свои прямые обязанности [7, с. 21]. Вместе с этим стоит учитывать и тот факт, что удельный вес условно осужденных, совершивших повторные преступления, в 2–3 раза выше по сравнению с осужденными, отбывающими наказания в виде лишения свободы [8, с. 172]. При этом стоит отметить, что на текущий момент организационное и финансовое положение УИИ не позволяет им осуществлять контролирующую и предупредительную деятельность, задействовав лишь собственные ресурсы.

Данные обстоятельства представляют собой серьезный аргумент, свидетельствующий в пользу необходимости содействия в работе УИИ со стороны подразделений ОВД. Следует согласиться с мнением В. В. Асадова, исследование которого показало, что только налаженное взаимодействие, в первую очередь с органами внутренних дел, позволит проводить эффективную профилактическую работу [9, с. 255–256].

[1] О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 10.01.2022).

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ: [ред. от 21.12.2021]. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 10.01.2022).

В целях совершенствования взаимодействия УИИ с ОВД в 2012 г. был принят межведомственный нормативный правовой акт Минюста России и МВД России, который определяет алгоритм взаимодействия УИИ с органами внутренних дел в части осуществления контроля за осужденными состоящими на учете в УИИ[1]. ОВД оказывает содействие УИИ по следующим направлениям:

– обеспечение рассмотрения информации, поступившей из УИИ;

– контроль за поведением осужденных, состоящих на учете в УИИ;

– направление информации о возбуждении уголовных дел в отношении осужденных, состоящих на учете в УИИ (в течение 3 рабочих дней);

– направление в УИИ сведений о нарушении осужденным общественного порядка (в течение 3 рабочих дней);

– выявление фактов неисполнения возложенных на осужденных обязанностей и установленных ограничений (в течение 3 рабочих дней).

Несвоевременное представление или непредставление сведений по последним трем направлениям деятельности является основным недостатком при сотрудничестве территориальных органов МВД России и ФСИН России по предупреждению совершения осужденными, состоящими на учете в УИИ, преступлений и иных правонарушений.

В соответствии с ч. 1 ст. 190 УИК РФ, в случае уклонения условно осужденного от исполнения возложенных судом обязанностей, а также в случае нарушения общественного порядка, за которое осужденный привлекался к административной ответственности, сотрудники УИИ выносят ему предупреждение об отмене условного осуждения. В соответствии с ч. 2 ст. 187 УИК РФ, к осуществлению контроля за поведением условно осужденных могут привлекаться работники соответствующих служб органов внутренних дел.

Однако в практической деятельности существует множество негативных факторов, препятствующих осуществлению должного как совместного, так и самостоятельного контроля за поведением условно осужденных. Следует отметить необходимость особого внимания к условно осужденным. В отличие от осужденных к исправительным и обязательным работам, которые привлечены к труду, условно осужденные имеют в своем распоряжении большее количество времени и зачастую ведут антиобщественный образ жизни. Приоритет их положения в сравнении с осужденными к наказанию в виде ограничения свободы заключается в свободе перемещения за пределы административного образования по месту их жительства (пребывания) в любой из регионов Российской Федерации, а также в невозможности применения электронных средств контроля и надзора.

В соответствии с Инструкцией по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142, УИИ при постановке на учет условно осужденного направляет в ОВД сообщение о постановке на учет, содержащее сведения об осужденном, об испытательном сроке, с указанием обязанностей, возложенных на осужденного приговором суда. Представляется важным обеспечить своевременное поступление указанной информации адресату.

Так, например, на учете в УИИ по городу К. состоял условно осужденный А., на которого в соответствии с приговором суда были возложены обязанно-

[1] Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений: приказ Минюста России и МВД России от 4 окт. 2012 г. № 190/912. URL: https://base.garant.ru/70245252/ (дата обращения: 10.01.2022).

сти: находиться по месту жительства в ночное время суток и не посещать кафе, бары, рестораны. В четвертом квартале 2020 г. осужденный был проверен по месту жительства сотрудниками УИИ совместно с сотрудником ОВД. Согласно поступившему в январе 2021 г. требованию информационного центра МВД за четвертый квартал 2020 г. в отношении осужденного А. не составлялись протоколы об административных правонарушениях, не возбуждались уголовные дела. Во второй половине марта 2021 г. при проверке по месту жительства осужденного был выявлен факт того, что в отношении осужденного А. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. При получении требования информационного центра МВД за первый квартал 2021 г. было установлено, что осужденный А. в январе и феврале 2021 г. трижды привлекался к административной ответственности за нарушение общественного порядка в соседнем административно-территориаль-ном образовании в ночное время суток, а в середине марта был задержан по подозрению в совершении особо тяжкого преступления. При своевременном поступлении информации об указанных нарушениях, принятии мер реагирования можно было предупредить совершение особо тяжкого преступления. Своевременное принятие мер реагирования на нарушение условий отбывания наказания является эффективной мерой профилактики [10, с. 249].

Запрашиваемые УИИ требования информационных центров ОВД и сводки информации на осужденных могут исполняться несвоевременно, что приводит к нарушению порядка применения профилактических мер (например, вынесение предупреждения об отмене условного осуждения). Это может быть обусловлено наличием многочисленных задач, возложенных на ОВД, кадровыми перестановками, подготовкой новых сотрудников, техническими сбоями и иными объективными причинами. В связи с этим информация из ОВД в УИИ поступает с существенной задержкой.

К основным причинам, которые затрудняют организацию взаимодействия УИИ с ОВД, способствуют снижению его эффективности, следует отнести: пробелы в нормативно-правовом регулировании указанной деятельности; недостаточный уровень информационно-аналитического и материально-технического обеспечения; несовершенство кадрового и методического обеспечения [11, с. 39; 12, с. 719]. По мнению научных и практических работников, необходимо повысить уровень взаимодействия между сотрудниками УИИ и ОВД в части обмена сведениями о результатах профилактической работы, проводимой с осужденными [13, с. 257; 14, с. 91].

Если условно осужденные, будучи под следствием по месту жительства, так или иначе попадали в поле зрения сотрудников подразделений ОВД, то осужденные, прибывшие в административно-территориальное образование по месту дислокации УИИ из другого субъекта Российской Федерации, порой остаются без должного контроля, что отрицательно влияет на профилактику повторной преступности и косвенно способствует ее росту. Об остроте проблемы своевременного получения упреждающей информации и иных сведений о подконтрольных лицах в случаях, когда осужденные совершают правонарушения, в том числе преступления на территории обслуживания иных территориальных органов внутренних дел, отмечает ряд авторов [15, с. 162]. Взаимное информирование о состоянии оперативной обстановки относится к основным формам взаимодействия УИИ и ОВД [16, с. 266]. Не стоит отрицать и тот факт, что в личных делах осужденных часто отсутствуют рапорты участковых уполномоченных полиции, а если и имеются в делах, то большинство из них составляются формально и индивидуальной информации не содержат [17, с. 88].

С целью совершенствования и оптимизации взаимодействия, своевременного предоставления информации и принятия мер реагирования (в том числе взыскания) предлагается создать межведомственную базу данных УИИ и органов внутренних дел. По данным нашего исследования свыше 92% опрошенных сотрудников УИИ считают целесообразным создание такой базы данных. Это позволит своевременно получать информацию и обмениваться ею, обладать актуальными данными о лицах, состоящих на учете в УИИ, своевременно реагировать на нарушения, в том числе порядка и условий отбывания наказания, совершение осужденными административных и иных нарушений. Вместе с вышеназванными обстоятельствами база данных может послужить оперативному поступлению информации в органы внутренних дел или УИИ об изменении установочных данных условно осужденного (например, об изменении места жительства или пребывания, фамилии и иных персональных данных) [18, с. 126].

В то же время стоит обратить внимание на обеспечение безопасности сотрудников правоохранительных органов при выполнении должностных обязанностей, сбора доказательной базы в случае выявления преступлений, в том числе посягающих на жизнь и здоровье сотрудников УИИ и ОВД. Очевидна необходимость применения видеорегистраторов для обеспечения безопасности при осуществлении контролирующих функций за поведением условно осужденных по месту их жительства. Это позволит фиксировать нарушения при помощи технических средств, что послужит неопровержимым доказательством в случае судебного разбирательства.

В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ суд может возложить на условно осужденного исполнение иных обязанностей, способствующих его исправлению. К числу таких обязанностей следует отнести нахождение по месту жительства (пребывания) в ночное время и запрет на выезд за пределы муниципального образования, являющегося местом жительства осужденного. В связи с этим было бы целесообразно законодательно закрепить право сотрудников УИИ использовать оборудование системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) в отношении условно осужденных.

УИИ может использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля в отношении осужденных к наказанию в виде ограничения свободы (ч. 1 ст. 60 УИК РФ). С практической точки зрения СЭМПЛ является сдерживающим фактором для осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, склонных к совершению повторных преступлений [19, с. 54]. Кроме того, осуществление контроля с помощью электронного мониторинга помогает улучшить качество надзора за осужденными без изоляции от общества и предупреждению совершения преступлений и иных правонарушений [20, с. 420]. Целесообразно закрепить возможность применения аудиовизуальных средств контроля и надзора, с обязательной видеофиксацией проверок условно осужденных по месту жительства и контроля за исполнением обязанностей, возложенных решением суда. Считаем целесообразным определить срок хранения информации о результатах проверок с использованием видеорегистратора на электронном носителе 30 суток.

В связи с этим целесообразно ст. 188 УИК РФ дополнить ч. 1.1 следующего содержания: «При осуществлении контроля за поведением условно осужденных, в целях предупреждения преступлений и получения необходимой информации о поведении осужденных, уголовно-исполнительные инспекции вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации. Порядок применения указанных технических средств определяется феде-

ральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний».

Кроме того, необходимо внести изменения в ст. 74 УК РФ, дополнив ее ч. 3.1 следующего содержания: «Если условно осужденный отказался от использования в отношении его технических средств надзора и контроля, суд по представлению органа, указанного в части первой настоящей статьи, может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда». В связи с этим также целесообразно дополнить ст. 190 УИК РФ ч. 4.1 следующего содержания: «Если условно осужденный отказался от использования в отношении его технических средств надзора и контроля, то начальник уголовно-исполнительной инспекции направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда».

Кроме того, важно разработать проект распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для предупреждения преступлений, нарушений порядка и условий отбывания наказаний и мер уголовно-правового характера и для получения необходимой информации о поведении осужденных», в котором указать возможность использования видеорегистраторов сотрудниками УИИ при осуществлении контроля за осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества.

Выводы

Подводя итог, можно дать определения и выделить следующие пути решения обозначенных выше проблем:

1. Оказание содействия государственных органов в работе уголовно-исполнительных инспекций – это деятельность лиц, являющихся сотрудниками государственных органов, осуществляемая в пределах установленных государством должностных обязанностей, направленная на исправление осужденных, совместное решение задач борьбы с преступностью и оказание помощи УИИ в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества.

2. Основными формами содействия органов внутренних дел в процессе исправления осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и предупреждения совершения ими новых преступлений являются предоставление значимой информации для УИИ, участие в осуществлении контроля за соблюдением осужденными общественного порядка, исполнением возложенных судом обязанностей или установленных судом ограничений.

3. Необходимо создание межведомственной базы данных с правоохранительными органами для оптимизации и совершенствования информационного обмена между УИИ и органами внутренних дел. Совместная база данных позволит своевременно получать информацию и обмениваться ею, обладать актуальными данными о лицах, состоящих на учете в УИИ, своевременно реагировать на нарушения, в том числе порядка и условий отбывания наказания, совершение осужденными административных и иных нарушений.

4. Представляется необходимым закрепить в УИК РФ возможность применения оборудования СЭМПЛ в отношении условно осужденных, на которых судом возложена обязанность нахождения по месту жительства в ночное время суток и запрет на выезд за пределы муниципального образования. Установить ответственность в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве за отказ осужденного от применения к нему

аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля (СЭМПЛ).

В заключение следует отметить, что предложенные меры будут способствовать повышению эффективности содействия органов внутренних дел в работе УИИ по контролю за поведением условно осужденных, их исправлению и снижению уровня повторной преступности среди этой категории осужденных.

Список литературы

1. Буданова Л. Ю. Правовые основы функционирования учреждений и органов, исполняющих наказания без изоляции осужденного от общества, в сфере уголовно-процессуальной деятельности при исполнении приговора // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 94–97.

2. Габараев А. Ш. Вопросы взаимодействия органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений // Colloquium-journal. 2019. Т. 19, № 7 (43). С. 23–25.

3. Южанин В. Е., Григорян И. Г. О понятии содействия государственных органов и общественности в работе уголовно-исполнительных инспекций // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 1. С. 27–32.

4. Бабаян С. Л., Анфиногенов В. А. Анализ повторной преступности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и меры по ее профилактике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4 (44). С. 4–9.

5. Огородников В. И., Пономарева А. С. Некоторые аспекты взаимодействия уголовно-исполнительной инспекции с ОВД // Аграрное и земельное право. 2019. № 10 (178). С. 127–129.

6. Дубинина А. А., Трусов Н. А. Правовые основы взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний и Министерства внутренних дел Российской Федерации // Государственно-правовые исследования. 2018. № 1. С. 201–203.

7. Аксенов А. А., Казак Б. Б., Сысоев М. В. Организация управления уголовно-исполнительными инспекциями. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. 84 с.

8. Чистяков К. А. Контроль за поведением условно осужденных как одна из основных мер предупреждения убийств // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86). С. 172–175.

9. Асадов В. В. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел при исполнении наказаний без изоляции от общества // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127). С. 255–256.

10. Матвеев Д. Н., Мехтиев Э. Р. Теоретические и организационные аспекты правоохранительной деятельности в сфере взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел // Правоприменительная деятельность: история и современность: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доцента М. В. Геворкяна. Псков: Псков. гос. ун-т, 2017. С. 252–259.

11. Асадов В. В. Актуальные вопросы организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел при осуществлении контроля за условно осужденными // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и

взаимодействия: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН, 2020. С. 36–40.

12. Пономарева А. С. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Т. 2. Рязань: Акад. права и управления ФСИН, 2018. С. 717–720.

13. Гришин Д. А. Профилактика преступлений, совершаемых осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 247–251.

14. Смирнова И. Н., Минаева И. С. Организационно-правовые основы правоохранительной деятельности в сфере взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел: монография. Псков: Псков. гос. ун-т, 2018. 135 с.

15. Смирнова И. Н., Громова У. Ю., Петренко Н. И. Актуальные вопросы межведомственного взаимодействия при организации правоохранительной деятельности по предупреждению преступлений осужденных без лишения свободы // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4 (46). С. 161–164.

16. Пономарева А. С. Основные направления взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел // IV Международный пенитенциарный форум «преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников (к 140-летию уголовно-исполни-тельной системы России и 85-летию Академии ФСИН России). Т. 10. Рязань: Акад. права и управления ФСИН, 2019. С. 264–267.

17. Харитонович Е. Д. Осуществление контроля за поведением осужденных, страдающих различными видами заболеваний, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28, № 1. С. 85–90.

18. Пономарева А. С. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел в части контроля за лицами, отбывающими наказания, не связанные с лишением свободы: современность и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 209–210.

19. Смирнова И. Н. Организационно-правовое регулирование предупреждения повторных преступлений осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 1. С. 51–56.

20. Смирнова И. Н., Коноплева С. О. Организационно-правовое обеспечение эффективности функционирования уголовно-исполнительных инспекций // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 3. С. 418–424.

References

1. Budanova L. Yu. Pravovye osnovy funkcionirovaniya uchrezhdenij i organov, ispolnyayushchih nakazaniya bez izolyacii osuzhdennogo ot obshchestva, v sfere ugolovno processual'noj deyatel'nosti pri ispolnenii prigovora [The legal foundations of the functioning of institutions and bodies executing punishments without isolation of the convicted person from society in the field of criminal procedural activity in the execution of a sentence]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal enforcement law*, 2014, no. 2, pp. 94–97.

2. Gabaraev A. S. Voprosy vzaimodejstviya organov vnutrennih del i ugolovno-ispolnitel'noj sistemy po preduprezhdeniyu sovershеniya licami, sostoyashchimi na uchete

ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij, prestuplenij i drugih pravonarushenij [The interaction of bodies of internal Affairs and the penal system to prevent Commission of persons who are registered penal inspection of crimes and other offenses]. *Colloquium-journal*, 2019, vol. 19, no. 7 (43), pp. 23–25.

3. Yuzhanin V. E., Grigorian I. G. O ponyatii sodejstviya gosudarstvennyh organov i obshchestvennosti v rabote ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij [On the concept of cooperation of state bodies and the public in the penal inspection]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2019, vol. 27, no. 1, pp. 27–32.

4. Babayan S. L., Anfinogenov V. A. Analiz povtornoj prestupnosti osuzhdennyh k nakazaniyam i meram ugolovno-pravovogo haraktera bez izolyacii ot obshchestva i mery po ee profilaktike [Analysis of repeated criminality of those sentenced to punishments and measures of a criminal nature without isolation from society and measures for its prevention]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2018, no. 4 (44), pp. 4–9.

5. Ogorodnikov V. I., Ponomareva A. S. Nekotorye aspekty vzaimodejstviya ugolovno-ispolnitel'noj inspekcii s OVD [Some aspects of the interaction of the penal enforcement inspectorate with the Department of Internal Affairs]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2019, no. 10 (178), pp. 127-129.

6. Dubinina A. A., Trusov N. A. Pravovye osnovy vzaimodejstviya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij i ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Legal bases of interaction between the Federal Penitentiary service and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State-legal research*, 2018, no. 1, pp. 201–203.

7. Aksenov A. A., Kazak B. B., Sysoev M. V. Organizaciya upravleniya ugolovno-ispolnitel'nymi inspekciyami [Organization of management of penal enforcement inspections]. Ryazan, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia Publ., 2003. 84 p.

8. Chistyakov K. A. Kontrol' za povedeniem uslovno osuzhdennyh kak odna iz osnovnyh mer preduprezhdeniya ubijstv [Monitoring the behavior of probationers as one of the main measures to prevent murders]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = People: crime and punishment*, 2014, no. 3(86), pp. 172–175.

9. Asadov V. V. Vzaimodejstvie ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij s organami vnutrennih del pri ispolnenii nakazanij bez izolyacii ot obshchestva [Interaction of penal enforcement inspections with internal affairs bodies in the execution of punishments without isolation from society]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2018, no. 12 (127), pp. 255–256.

10. Matveev D. N., Mekhtiev E. R. [Theoretical and organizational aspects of law enforcement activity in the sphere of interaction between criminal enforcement inspections and internal affairs bodies]. *Pravoprimenitel'naya deyatel'nost': istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati docenta M. V. Gevorkyana* [Law enforcement activity: history and modernity. Materials of the International scientific conference dedicated to the memory of Associate Professor M. V. Gevorkyan]. Pskov, Pskov. St. Univ. Publ., 2017, pp. 252–259. (In Russ.)

11. Asadov V. V. [Topical issues of the organization of interaction of penal enforcement inspections with internal affairs bodies in the control of probation prisoners]. *Pravoohranitel'nye organy Rossii: problemy formirovaniya i vzaimodejstviya. Sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Russian law Enforcement

agencies: problems of formation and interaction. Collection of materials of the Interuniversity scientific and practical conference with international participation]. Pskov, Pskov. yurid. in-t FSIN Publ., 2020. pp. 36–40.

12. Ponomareva A. S. [Interaction of penal enforcement inspections and internal affairs bodies]. Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v Rossijskoj Federacii i za rubezhom. Sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Theoretical and practical problems of the development of the penal enforcement system in the Russian Federation and abroad. Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the international scientific and practical conference]. Vol. 2. Ryazan', Akad. prava i upravleniya FSIN Publ., 2018, pp. 717–720. (In Russ.)

13. Grishin D. A. Profilaktika prestuplenij, sovershaemyh osuzhdennymi k nakazaniyam, ne svyazannym s izolyaciej ot obshchestva [Prevention of crimes committed by convicts to punishments not related to isolation from society]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Right*, 2021, no. 4 (57), pp. 247–251.

14. Smirnova I. N., Minaeva I. S. Organizacionno-pravovye osnovy pravoohranitel'noj deyatel'nosti v sfere vzaimodejstviya ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij i organov vnutrennih del [Organizational and legal bases of law enforcement activity in the sphere of interaction of penal enforcement inspections and internal affairs bodies]. Pskov, Pskov St. Univ. Publ., 2018, 135 p.

15. Smirnova I. N., Gromova U. Yu., Petrenko N. I. Aktual'nye voprosy mezhvedomstvennogo vzaimodejstviya pri organizacii pravoohranitel'noj deyatel'nosti po preduprezhdeniyu prestuplenij osuzhdennyh bez lisheniya svobody [Topical issues of interdepartmental interaction in the organization of law enforcement activities to prevent crimes of convicted persons without deprivation of liberty]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii = Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2021, no. 4 (46), pp. 161–164.

16. Ponomareva A. S. [The main directions of interaction of penal enforcement inspections with internal affairs bodies]. IV Mezhdunarodnyj penitenciarnyj forum "prestuplenie, nakazanie, ispravlenie". Sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii). [IV International penitentiary forum "crime, punishment, correction". Collection of abstracts of speeches and reports of participants (for the 140th anniversary of the penal enforcement system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia)]. Vol. 10. Ryazan', Akad. prava i upravleniya FSIN Publ., 2019, pp. 264–267. (In Russ.)

17. Kharitonovich E. D. Osushchestvlenie kontrolya za povedeniem osuzhdennyh, stradayushchih razlichnymi vidami zabolevanij, otbyvayushchih nakazaniya, ne svyazannye s izolyaciej ot obshchestva [Monitoring the behavior of convicts suffering from various types of diseases serving sentences not related to isolation from society]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 85–90.

18. Ponomareva A. S. Vzaimodejstvie ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij s organami vnutrennih del v chasti kontrolya za licami, otbyvayushchimi nakazaniya, ne svyazannye s lisheniem svobody: sovremennost' i perspektivy [Interaction of penal enforcement inspections with internal affairs bodies in terms of control over persons serving non-custodial sentences: modernity and prospects]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*, 2020, no. 9 (189), pp. 209–210.

19. Smirnova I. N. Organizacionno-pravovoe regulirovanie preduprezhdeniya povtornyh prestuplenij osuzhdennyh, sostoyashchih na uchete ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij [Organizational and legal regulation of the prevention of repeated crimes of convicts registered with the

penal inspections]. *Mezhdunarodnyj penitenciarnyj zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2016, no. 1, pp. 51–56.

20. Smirnova I. N., Konopleva S. O. Organizacionno-pravovoe obespechenie effektivnosti funkcionirovaniya ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij [Organizational and legal support of the effectiveness of the functioning of penal enforcement inspections]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2017, vol. 25, no. 3, pp. 418–424.

Информация об авторе / Information about the Author

Григорьян Иван Георгиевич, начальник Пятигорского межмуниципального филиала ФКУ УИИ УФСИН России по Ставропольскому краю, г. Пятигорск, Российская Федерация,
e-mail: vg-83@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-6187-8560

Ivan G. Grigoryan, Head of the Pyatigorsk Intermunicipal branch of the FKU UII of the Federal Penal Service of Russia for the Stavropol Territory, Pyatigorsk, Russian Federation,
e-mail: vg-83@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-6187-8560

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-75-86

(cc) BY 4.0

Проблемы конструирования состава преступления, устанавливающего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (статья 264[2] Уголовного кодекса Российской Федерации)

В. В. Ровнейко[1] ✉

[1]Удмуртский государственный университет
ул. Университетская 1, г. Ижевск 1426034, Российская Федерация

✉ e-mail: veravr2012@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Необходимость соблюдения правил законодательной техники (в широком ее понимании), соблюдения требований социальной обусловленности, системности и научной обоснованности при внесении изменений в уголовный закон и конструировании признаков состава преступления признается и учеными, практиками и актуализируются в связи с введением статьи 264[2] Уголовного кодекса Российской Федерации.*

Цель *исследования состоит в выявлении проблем, связанных с конструированием состава преступления, устанавливающего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (статья 264[2] Уголовного кодекса Российской Федерации).*

Задачами *исследования являются: определение спорных аспектов, связанных с правилами законодательной техники, требованиями социальной обусловленности уголовно-правовой нормы, а также необходимостью соблюдения требования системности и научной обоснованности внесенных изменений в уголовный закон.*

Методология *исследования базируется на использовании общенаучных методов, таких как анализ и синтез, индукция и дедукция, формальная логика и диалектический подход, компаративистика, а также метод системного подхода для достижения поставленных целей и задач.*

Результаты. *В результате проведенного исследования определены проблемы, связанные с конструированием состава преступления, предусмотренного статьей 264[2] Уголовного кодекса Российской Федерации, и правилами законодательной техники, а также с отсутствием социально-правовых предпосылок (оснований и условий) криминализации в качестве самостоятельного состава преступления.*

Выводы. *Использование административной преюдиции для расширения сферы применения уголовного права на отношения, не являющиеся по своей природе уголовно-правовыми, неоправданно. Большой позитивный эффект от введения статьи 264[2] Уголовного кодекса Российской Федерации маловероятен, так как существующий опыт подобных дополнений и изменений в Уголовном кодексе Российской Федерации не позволяет на это надеяться. Полагаем, что юридико-технические правила при конструировании уголовно-правовых запретов нуждаются в глубоком и тщательном изучении.*

Ключевые слова: *правила дорожного движения; административное наказание; транспортное средство; административная преюдиция; уголовная ответственность*, *законодательная техника.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

© Ровнейко В. В., 2022

Для цитирования: Ровнейко В. В. Проблемы конструирования состава преступления, устанавливающего уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (статья 264^2 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 75–86. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-75-86.

Поступила в редакцию 10.02.2022 Принята к публикации 09.03.2022 Опубликована 04.04.2022

Problems of Constructing the Corpus Delicti Establishing Criminal Liability for Violation of Traffic Rules by a Person Subjected to Administrative Punishment and Deprived of the Right to Drive Vehicles (article 264^2 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Vera V. Rovneiko[1] ✉

[1]Udmurt State University
Universitetskaya str. 1/4, Izhevsk 426034, Russian Federation

✉ e-mail: veravr2012@mail.ru

Abstract

Relevance. *The need to comply with the legislative technique rules, in its broad sense, to comply with the social conditionality requirements, consistency and scientific validity when making changes to the Criminal Law and constructing the corpus delicti is recognized by scientists, practitioners and updated in connection with the introduction of Article 264^2 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

The purpose *of the study is to identify problems related to the construction of the corpus delicti establishing criminal liability for violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment and deprived of the right to drive vehicles (article 264^2 of the Criminal Code of the Russian Federation).*

The objectives *of the study are to identify controversial aspects related to the legislative technique rules, the social conditionality requirements of the criminal law norm, as well as the need to comply with the requirements of consistency and scientific validity of the Criminal Law amendments.*

The research methodology *is based on the use of general scientific methods such as analysis and synthesis, induction and deduction, formal logic and dialectical approach, comparative studies, as well as the method of a systematic approach to achieve goals and objectives.*

Results. *As a result of the conducted research, the problems associated with the construction of the corpus delicti provided for in Article 264^2 of the Criminal Code of the Russian Federation and the legislative technique rules, as well as with the absence of socio-legal prerequisites (grounds and conditions) for criminalization as an independent corpus delicti, were identified.*

Conclusions. *The using administrative prejudice for expand the scope of criminal law to relations that are not by their nature criminal law is unjustified. A large positive effect from the introduction of Article 264^2 of the Criminal Code of the Russian Federation is unlikely, because the existing experience of such additions and changes in the Criminal Code of the Russian Federation does not allow us to hope for this. We believe that the legal and technical rules in the construction of criminal law prohibitions need a deep and thorough study.*

Keywords: *traffic rules; administrative punishment; vehicle; administrative prejudice; criminal liability, legislative technique.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Rovneiko V. V. Problems of Constructing the Corpus Delicti Establishing Criminal Liability for Violation of Traffic Rules by a Person Subjected to Administrative Punishment and Deprived of the Right to Drive Vehicles (*article 264^2 of the Criminal Code of the Russian Federation). Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 75–86. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-75-86.

Received 10.02.2022 Accepted 09.03.2022 Published 04.04.2022

Введение

Необходимость соблюдения правил законодательной техники при конструировании составов преступлений очевидна. Нормативного определения содержания правил законодательной техники не существует, хотя такие попытки предпринимались (например, в проект закона Свердловской области «законодательный кодекс Свердловской области» включена глава «Законодательная техника»). Существуют различные подходы к определению содержания законодательной техники. Не вдаваясь в дискуссию о содержании законодательной техники, будем исходить из ее широкого понимания. При узком понимании – «исключение содержательно-правового аспекта вообще является главным в подходе к определению законодательной техники» [1, с. 59]. В этом случае «законодательная техника не участвует в выработке сути правовой нормы» [1, с. 59].

В связи с нестабильностью уголовного законодательства, а также «качеством» изменений многие авторы обращаются к вопросам о необходимости соблюдения правил законодательной техники, требований социальной обусловленности, системности и научной обоснованности при внесении изменений в уголовный закон [2; 3, с. 43]. На практическую значимость соблюдения вышеуказанных требований обращается внимание и в судебной практике. Согласно правовой позиции, выраженной, например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 мая г. 2008 № 8-П, «точность и ясность законодательных предписаний выступают как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольного преследования, осуждения и наказания». В действующий Уголовный кодекс РФ внесено огромное количество изменений и дополнений, которые, к сожалению, в большинстве случаев не соответствуют ни правилам законодательной техники, ни системности, ни требованиям социальной и научной обоснованности таких изменений. Такая ситуация имеет место и в отношении норм, устанавливающих уголовную ответственность преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Недостатки юридико-технического характера, содержащиеся в ст. 2642 УК РФ, связанные с наличием административной преюдиции, казуистичностью, включением в материально-правовую норму положений процессуального характера, отсутствием логичности и последовательности уголовно-правового запрета, делают необходимым их подробное рассмотрение.

Методология

Методология исследования базируется на использовании общенаучных методов, таких как анализ и синтез, индукция и дедукция, формальная логика и диалектический подход, компаративистика, а также метод системного подхода для достижения поставленных целей и задач.

Результаты и их обсуждение

При конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 2642 УК РФ, не учтены правила законодательной техники в широком смысле. В первую очередь это связано с отсутствием основания для криминализации такого правонарушения. Наличие одной только распространенности случаев повторного совершения указанных в ст. 2642 УК РФ нарушений, при отсутствии общественной опасности деяния, не позволяет рассматривать данное деяние как преступление, и ожидания превентивного эффекта могут не оправдаться. Данный вывод сделан на основании анализа результатов применения ст. 2641 УК РФ и их оценки практиками и теоретиками. Наличие формальных составов с административной преюдицией, к которым относится и ст. 2642 УК РФ, основано на доктрине «опасного состояния личности». Повтор-

ность проступка не в состоянии превратить его в качественно новое явление, которое требует уже не административно-правового, а другого, более строгого регулирования. Структура уже существующей ст. 264 УК РФ и содержащиеся в ней признаки бланкетного состава преступления позволяют установить уголовную ответственность за нарушение любых правил дорожного движения при наступлении общественно опасных последствий. Установление самостоятельной уголовной ответственности за каждое отдельное нарушение правил дорожного движения нецелесообразно.

В целом за время существования в УК РФ ст. 264 нормы, устанавливающие ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств, изменялись, отменялись и дополнялись более 10 раз. Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ внесены очередные изменения в Уголовный кодекс. Содержание УК РФ дополнено ст. 264^2, содержащей признаки состава, сконструированного как формальный состав с административной преюдицией.

Необходимость введения указанной статьи в УК РФ, согласно Пояснительной записке к законопроекту №41607-8, обусловлена исключительно тем, что «более 40% водителей не останавливает факт привлечения к административной ответственности за превышение скорости, и они повторно нарушают правила дорожного движения. Грубо нарушают правила, повторно выезжая на полосу для встречного движения, почти 10% водителей»[1]. По мнению авторов законопроекта, «предлагаемые изменения позволят более эффективно достигать цели общей превенции». Следует отметить, что согласно информации, размещенной на сайте «Система обеспечения законодательной деятельности», указанный законопроект был принят Государственной Думой РФ менее чем за неделю (17.12.2021 г. законопроект внесен в ГД РФ, а 22.12.2021 г. принят ГД в первом чтении)[2].

С доводами авторов законопроекта трудно согласиться, т. к. наличие одной только распространенности случаев повторного совершения указанных в ней нарушений, при отсутствии общественной опасности в уголовно-правовом значении этого понятия, не позволяет рассматривать данное деяние как преступление, и ожидания превентивного эффекта могут не оправдаться.

В юридической литературе отмечается, что «предупредительный потенциал наказания весьма ограничен – наказание априори не может воздействовать на весь комплекс детерминант, которые приводят к совершению преступления. Само по себе наличие санкций за те или иные опасные деяния, безусловно, оказывает определенный “сдерживающий” эффект путем реализации цели общего предупреждения в наказаниях, ею предусматриваемых, но не более того» [4, с. 8–9]. Как справедливо утверждал по этому поводу В. В. Лунеев, «уголовно-правовыми мерами нельзя решить экономических и по-

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 41607-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым наказанию и лишенным права управления транспортным средством). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/41607-8 (дата обращения: 09.02.2022).

[2] Законопроект № 41607-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части установления ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым наказанию и лишенным права управления транспортным средством)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/41607-8 (дата обращения: 09.02.2022)

литических проблем, хотя иллюзий на этот счет предостаточно» [5, с. 934].

Достижение цели общей превенции, на обеспечение которой направлено введение в действие ст. 264^2 УК РФ, маловероятно, т. к. уже существующий опыт подобных дополнений и изменений в УК РФ не позволяет надеяться на это. Так, Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ в УК РФ была введена ст. 264^1 с аналогичной законодательной конструкцией, предусматривающая ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, в целях общей превенции. Но предусмотренное ею наказание оказалось недостаточным. «В конце 2017 года МВД потребовало ужесточения санкций по рассматриваемой статье и перевода этого преступления из категории легких в деяния средней тяжести» [6, с. 174].

В 2021 г. санкция ст. 264^1 УК РФ была ужесточена. Согласно Пояснительной записке к законопроекту №1142948-7, «принятые законодателем в 2014 году меры возымели некоторый положительный эффект, однако очевидно, что их недостаточно. Приведенные статистические данные, а также анализ правоприменительной практики наглядно свидетельствуют об устойчивой тенденции роста повторных преступлений по статье 264^1 УК и неэффективности действующих санкций»[1].

Нельзя сказать, что наказание было ужесточено существенно. Необходимо отметить, что увеличение максимального наказания в ст. 264^1 УК РФ с двух лет до трех лет лишения свободы не повлекло за собой изменение категории преступления. Но следует отметить, что законопроект №1142948-7 рассматривался более тщательно, чем законопроект о включении в УК РФ ст. 264^2 (05.04.2021 г. законопроект поступил в ГД РФ, 09.06.2021 г. принят ГД РФ во втором чтении).

Логично будет предположить, что наказание, предусмотренное ст. 264^2 УК РФ, которая, как и ст. 264^2 УК РФ в первоначальной редакции, в качестве максимального наказания предусматривает лишение свободы на срок до двух лет, будет неэффективным. В случае со ст. 264^2 УК РФ история может повториться: появится очередной законопроект с Пояснительной запиской, в которой отмечается, например, что «принятые законодателем меры (дополнение УК ст. 264^2) возымели некоторый положительный эффект, однако очевидно, что их недостаточно» и необходимо ужесточение наказания. Полагаем, что в данном случае проблема заключается не в санкции, ее наличии или содержании, а в самой конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 2642 УК РФ, и отсутствии основания для криминализации.

Единственным основанием криминализации является общественная опасность, а не только распространенность деяния. Такой же позиции придерживается большинство авторов. Так, П. С. Тоболкин считает, что «не существует иных оснований криминализации, кроме общественной опасности деяний» [7, с. 58], Г. Ю. Лесников и Н. А. Лопашенко, а также Л. М. Прозументов полагают, что единственным основанием для криминализации является существование общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета [8, с. 75; 9, с. 81–91].

Наличие административной преюдиции в данном, сконструированном как формальный, составе (как и во многих других) определяет не столько общественную опасность повторно совершенного тождественного правонарушения

[1] Законопроект № 1142948-7 «О внесении изменения в статью 264-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части усиления уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения в состоянии опьянения). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1142948-7 (дата обращения: 19.02.2022)

как преступного деяния, сколько говорит о повышенной асоциальности конкретного лица и общественной опасности личности. Общественная опасность личности, которая может нанести вред социально значимым ценностям или себе, не может и не должна рассматриваться ни как основание криминализации, ни как проявление общественной опасности совершенного деяния, ни как основание уголовной ответственности. Как правило, «опасное состояние личности» служит основанием для применения мер безопасности, которые носят предупредительный характер и не являются уголовным наказанием.

«Идея “опасного состояния личности”, положенная в основу уголовно-социологической доктрины, предполагала, что принимаемые к преступнику меры безопасности и социальной защиты должны преследовать цель преодоления состояния опасности личности для общества, а в случае невозможности такового – локализацию социально опасных наклонностей человека» [10, с. 51–53]. В этом случае допустимым было применение мер социальной защиты, а не уголовной ответственности. Целью применения мер социальной защиты является только специальная превенция. Вина лица, в отличие от применения наказания, при применении мер защиты не имеет значения. «Меры социальной защиты обращены не к прошлому, а к будущему, то есть возможны и для “непреступников”» [10, с. 51–53]. Исходя из содержания пояснительной записки к законопроекту № 41607-8, необходимость введения ст. 264^2 УК РФ обоснована именно тем, что лицо, уже нарушившее определенные правила, в будущем может их нарушить снова и причинить существенный вред. Само же совершенное деяние никаких общественно опасных последствий еще не повлекло. Применение уголовной ответственности в данном случае связано с ожидаемым от лица поведением и опасностью, которая исходит от лица.

Вывод о том, что основанием криминализации преступления, предусмотренного ст. 264^2 УК РФ, стало именно опасное состояние личности, которое положено в основу составов с административной преюдицией, а не ее общественно опасное поведение, можно сделать исходя из содержания одной из пояснительных записок (№1142948-7): «Во многих субъектах Российской Федерации выявляются факты совершения лицами, ранее судимыми по статье 264^1 УК, более тяжких преступлений по частям второй, четвертой и шестой статьи 264 (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) УК, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью людей или их смерть»[1]. Таким образом, опасность представляет не само по себе управление автомобилем в нетрезвом состоянии, а то, что такое лицо, которое неоднократно управляло автомобилем в нетрезвом состоянии, может совершить преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ с наступлением общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человеку. Можно предположить, что эти основания имели место и в случае с введением в УК РФ ст. 264^2.

Сложно считать обоснованным мнение, что «общественная опасность уголовно-правовой нормы с административной преюдицией выражается через характер и степень общественной опасности деяния, а также через антисоциальные свойства личности, являющейся источником преступного поведения» [11, с. 203], т. к. в этом случае имеют значение только свойства личности.

[1] Законопроект № 1142948-7 «О внесении изменения в статью 264-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части усиления уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения в состоянии опьянения). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1142948-7 (дата обращения: 09.02.2022).

Почти все составы с административной преюдицией имеют общие признаки и общие недостатки. Использование административной преюдиции для расширения сферы применения уголовного права на отношения, не являющиеся по своей природе уголовно-правовыми, неоправданно. Трудно согласиться с тем, что хотя «"административная преюдиция" сама по себе играет незначительную роль в карательной практике уголовного судопроизводства, а ее применение в качестве криминализующего способа опасных деяний не вносит в уголовную политику страны сколько-нибудь значимых изменений. Но ее использование в отдельных конкретных случаях может обладать достаточным потенциалом для предотвращения новых административных правонарушений со стороны устойчивых правонарушителей» [12, с. 27]. Эти выводы не подтверждаются, в первую очередь, практикой применения преюдициальных норм, превентивный потенциал которых никак не проявляется.

М. И. Ковалев справедливо полагал, что повторность проступка не в состоянии превратить его в качественно новое явление, которое требует уже не административно-правового, а другого, более строгого регулирования. По его мнению, иное противоречило бы органическому принципу нашей правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету регулирования, а не по его субъекту [13, с. 11]. Он считал, что повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования [13, с. 12]. Принципиальным противником административной преюдиции является Н. А. Лопашенко, поскольку все административные правонарушения, совокупность которых на определенном этапе законодатель объявляет преступной, абсолютно по механическому признаку, повторяемости и накоплению самостоятельных административных правонарушений, никоим образом не связаны между собой [14, с. 71].

Другой проблемой конструирования ст. 264^2 УК РФ является загромождение текста необязательными подробностями, указаниями на признаки, которые не имеют смысловой нагрузки и не влияют на сферу применения уголовно-правовой нормы. При определении признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 2642 УК РФ, указаны два признака, но наличие второго не оправдано необходимостью, т. к. «лицо, подвергнутое административному наказанию за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ» не может не быть «лицом, лишенным права управления транспортными средствами за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ». Лишение права управления транспортными средствами за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, установлено сроком на один год и является безальтернативным и определенным. Оснований для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено в законе, КоАП РФ не предусматривает.

Также излишним является и наличие примечания к ст. 264^2 УК РФ о том, что «действие настоящей статьи не распространяется на случаи фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи», т. к. оно дублирует содержание санкций в ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ и в ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, которые исключают в таких случаях применение административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами.

Кроме того, включение в УК РФ положений, которые по своей природе являются процессуальными нормами, также нарушает логику и системность пра-

вового регулирования. Наличие в примечании к ст. 2642 УК РФ указания на то, что «фиксация административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами» исключает применения данной статьи, является процессуальной нормой, т. к. определяет средства и способы доказывания по данной категории дел.

Обращает на себя внимание и казуистичность уголовно-правового запрета, установленного ст. 264^2 УК РФ. За повторное нарушение правил дорожного движения законодатель установил ответственность только в отношении превышения скорости более 60 км/ч и 80 км/ч, а также за выезд на полосу встречного движения. С опасностью таких нарушений сопоставимы многие другие: нарушение правил переезда через железнодорожные пути, нарушение правил движения по автомагистрали, проезд на запрещающий сигнал светофора и т. п. Значит ли это, что нас ожидает появление новых статей со значками в УК РФ? Представляется, что структура уже существующей ст. 264 УК РФ и содержащиеся в ней признаки бланкетного состава преступления, сконструированного как материальный, вполне справляются с определением основания уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения при наступлении общественно опасных последствий. Установление самостоятельной уголовной ответственности за каждое отдельное нарушение правил дорожного движения нецелесообразно.

С определением содержания самого уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 264^2 УК РФ, возникают некоторые затруднения, т. к. сначала необходимо дважды обратиться к содержанию КоАП РФ, а затем определить, в чем заключается нарушение, предусмотренное в УК РФ. При конструировании уголовно-правовой нормы «важно не только определить элементный (внутриэлементный) состав нормы, но и соединить элементы нормы в единое целое через установление между ними разнообразных связей… в качестве межэлементных можно рассматривать формально-юридические, смысловые, целевые и функциональные связи» [15, с. 28]. Соединить элементы данной нормы в единое целое проблематично. Диспозиция ч. 1 ст. 264^2 УК РФ предусматривает: «Нарушение правил дорожного движения, предусмотренное ч. 4 или ч. 5 ст. 12.9 либо ч. 4 ст. 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Другими словами, лицо, совершившее правонарушение, запрещенное одной нормой, было наказано за правонарушение, предусмотренное другой нормой. При этом в ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ установлена ответственность за повторное нарушение, предусмотренное чч. 4 и 5 этой же статьи. Сколько раз лицо должно превысить скорость, чтобы наступила уголовная ответственность? Если лицо повторно превысило скорость, оно уже не может совершить деяние, предусмотренное чч. 4 и 5 ст. 12.9 КоАП РФ. При повторном нарушении этого запрета применяется ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ. Аналогичная ситуация складывается со ст. 12.15 КоАП РФ (чч. 4 и 5 – это разные нарушения (одно повторное, другое нет)). Следует согласиться с тем, что «неоднозначность и усложненная формулировка некоторых терминов и юридических понятий, используемых в законодательных, подзаконных и ведомственных актах, регламентирующих сферу дорожного движения, делает недоступным для понимания текст норм для большинства субъектов» [16, с. 15].

Проблемы конструирования, связанные с нарушением законодательной тех-

ники при формулировании уголовно-правового запрета, предусмотренного в ст. 264^2 УК РФ, носят юридико-технический характер. Загромождение текста необязательными подробностями, указание на признаки, которые не имеют смысловой нагрузки и не влияют на сферу применения уголовно-правовой нормы, включение в УК РФ положений, которые по своей природе являются процессуальными нормами, казуистичность уголовно-правового запрета и другие недостатки, которые нарушают логику и системность правового регулирования, в виде неоднозначности и усложненности формулировок, используемых в статье, затрудняют понимание ее содержания. Но эти недостатки не являются основными. Само по себе включение в УК РФ такой нормы не оправдает ожиданий и не даст желаемого эффекта в виде общей превенции.

Большой позитивный эффект от введения ст. 264^2 УК РФ маловероятен, т. к. существующий опыт подобных дополнений и изменений в УК РФ не позволяет на это надеяться. Механическое перенесение повторного административного правонарушения в разряд преступлений нарушает не только системность уголовного закона, но и системность права. Российская правовая система включает в качестве самостоятельных отраслей уголовное и административное право, каждая из которых содержит нормы, устанавливающие юридическую ответственность за правонарушения, уголовные и административные. Преступные деяния по российскому законодательству не делятся на преступления и проступки. Такая классификация имеет место в большинстве европейских государств.

Трудно согласиться с мнением тех авторов, которые предлагают перенять законодательный опыт зарубежных стран без учета особенностей правовых систем и юридической техники, свойственной каждому конкретному государству. Например, А. Д. Майле и С. А. Старостин считают, что по образцу германского уголовного права «необходимо все составы, подведомственные суду, перенести из КоАП в УК РФ» [17, с. 165].

Некоторые ученые, первоначально придерживающиеся такой позиции, впоследствии ее изменили. Например, К. А. Бакишев в 2019 г. отмечал как положительный момент появление в новом УК Республики Казахстан 2014 г. в главе «Транспортные уголовные правонарушения» новых статей, «которые были перенесены из Кодекса РК об административных правонарушениях» и которые «отличаются принципиально иным подходом к систематизации и конструированию уголовно-правовых норм об ответственности за транспортные преступления» [18, с. 142], а также то, что «статьи об ответственности за транспортные уголовные правонарушения… отвечают современным направлениям юридической техники и потребностям следственной и судебной практики Казахстана» [18, с. 144]. В 2021 г. К. А. Бакишев сделал вывод на основании анализа правоприменительной деятельности, что следует «отказаться от практики криминализации формально-материальных составов в виде управления транспортным средством в состоянии опьянения, затрудняющих судебную практику; такие деликты предпочтительно вернуть в КоАП РК, возможности которого в отношении таких правонарушений, на наш взгляд, далеко не исчерпаны» [19, с. 725].

Выводы

Использование административной преюдиции для расширения сферы применения уголовного права на отношения, не являющиеся по своей природе уголовно-правовыми, неоправданно. Большой позитивный эффект от введения ст. 264^2 УК РФ маловероятен, т. к. существующий опыт подобных дополнений и изменений в УК РФ не позволяет на это надеяться. Полагаем, что законодательная техника (в широком и узком смыслах) и

негативные последствия нарушения юридико-технических правил при конструировании уголовно-правовых норм, соблюдение которых необходимо при совершенствовании действующего уголовного законодательства, нуждаются в глубоком и тщательном изучении для выработки эффективных мер по исправлению существующей ситуации. Такие меры должны быть тщательно продуманы, чтобы поспешное исправление действительных и мнимых нарушений законодательной техники не привело к еще большим нарушениям системности и научной обоснованности уголовно-правовых норм.

Список литературы

1. Кочубей А. Г., Болдырев С. Н. Законодательная техника в юридической науке: теоретико-правовые особенности // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 56–60.

2. Рарог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 23–32.

3. Кауфман М. А. О злоупотреблении уголовным правом (к постановке вопроса) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 40–43.

4. Валеев М. Т. Криминологическое обоснование санкций уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 5–13. https://doi.org/10.17223/23088451/13/1

5. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1: Общая часть. М. : Юрайт, 2011. 1003 с.

6. Жмуров Д. В. Криминальная алкоголизация за рулем: взгляд правоприменителя и перспективы профилактики // Вестник Томского государственного университета. 2018. Т. 430. С. 174–179. https://doi.org/10.17223/15617793/430/24

7. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1983. 177 с.

8. Энциклопедия уголовного права: Понятие уголовного права. Т. 1 / Б. В. Волженкин, Г. Ю. Лесников, Н. А. Лопашенко [и др.]. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2005. 689 с.

9. Прозументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4(14). С. 81–91.

10. Сыч К. А., Родина Л. В. Дуалистическая система уголовно-правового воздействия: опыт зарубежного уголовного законодательства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 51–53.

11. Анисимов В. Ф., Акинина Н. Ю. Обоснованность уголовно-правовых норм с административной преюдицией // Вестник Томского государственного университета. 2018. Т. 435. С. 202–207. https://doi.org/10.17223/15617793/435/26

12. Титаренко А. П. О практической необходимости развития института «административной преюдиции» в уголовном законодательстве России // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 25–29.

13. Ковалев М. И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. С. 3–14.

14. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.

15. Илалутдинов А. И. Конструирование нормы права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 1. С. 23–30.

16. Олейник В. И. Анализ нормативной правовой регламентации дорожного движения: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2016. № 2. С. 12–16.

17. Майле А. Д., Старостин С. А. Особенности Германского административно-деликтного законодательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1 (41). С. 158–166.

18. Бакишев К. А. История законодательства о транспортных правонарушениях в Уголовном кодексе Казахстана // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 3(148). С. 134–145. https://doi.org/10.17803.1729-5920.2019.148.3.134-145.

19. Бакишев К. А., Нургалиев Б. М. Уголовная практика Казахстана в сфере противодействия управлению транспортным средством в состоянии опьянения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 3. С. 712–727. https://doi.org/ 10.21638/spbu14.2021.314

References

1. Kochubej A. G., Boldyrev S. N. Zakonodatel'naya tekhnika v yuridicheskoj nauke: teoretiko-pravovye osobennosti [Legislative technique in legal science: theoretical and legal features]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2015, no. 1 (68), pp. 56–60.

2. Rarog A. I. Zakonodatel'nye ataki na ustoi ugolovnogo prava [Legislative attacks on the foundations of criminal law]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law,* 2013, no. 1, pp. 23–32.

3. Kaufman M. A. O zloupotreblenii ugolovnym pravom (k postanovke voprosa) [On the abuse of criminal law (to raise a question)]. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Criminal law: development strategy in the XXI century. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference]. Moscow, RG-Press, 2018, pp. 40–43.

4. Valeev M. T. Kriminologicheskoe obosnovanie sankcij ugolovno-pravovyh norm osobennoj chasti UK RF [Criminological justification of sanctions of criminal law norms of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnaya yusticiya = Criminal justice*, 2019, no. 13, pp. 5–13. https://doi.org/ 10.17223/23088451/13/1

5. Luneev V. V. Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii. T. 1: Obshchaya chast' [Course of world and Russian criminology. Vol. 1: General part]. Moscow, Yurajt Publ., 2011. 1003 p.

6. Zhmurov D. V. Kriminal'naya alkogolizatsiya za rulem: vzglyad pravoprimenitelya i perspektivy profilaktiki [Criminal drink-driving: a look of law enforcement agent and perspectives of prevention]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2018, vol. 430, pp. 174–179. https://doi.org/ 10.17223/15617793/430/24

7. Tobolkin P. S. Social'naya obuslovlennost' ugolovno-pravovyh norm [Social conditionality of criminal law norms]. Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd-vo, 1983. 177 p.

8. Volzhenkin B. V., Lesnikov G. Yu., Lopashenko N. A., eds. Entsiklopediya ugolovnogo prava: Ponyatie ugolovnogo prava [Encyclopedia of Criminal Law: The concept of criminal law.]. St. Petersburg, Izd. prof. Malinina, 2005. Vol. 1. 689 p.

9. Prozumentov L. M. Osnovanie kriminalizatsii (dekriminalizatsii) deyanii [The basis of criminalization (decriminalization) of acts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2014, no. 4(14), pp. 81–91.

10. Sych K. A., Rodina L. V. Dualisticheskaya sistema ugolovno-pravovogo vozdeistviya: opyt zarubezhnogo ugolovnogo zakonodatel'stva [Dualistic system of criminal legal impact: experience of foreign criminal legislation]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin: crime, punishment, correction*, 2008, no. 2, pp. 51–53.

11. Anisimov V. F., Akinina N. Yu. Obosnovannost' ugolovno-pravovykh norm s administrativnoi preyuditsiei [Validity of criminal law norms with administrative prejudice]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University,* 2018, vol. 435, pp. 202–207. https://doi.org/10.17223/15617793/435/26.

12. Titarenko A. P. O prakticheskoi neobkhodimosti razvitiya instituta "administrativnoi preyuditsii" v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii [On the practical necessity of developing the institute of "administrative prejudice" in the criminal legislation of Russia]. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal Justice*, 2019, no. 14, pp. 25–29.

13. Kovalev M. I. [Crime and misconduct]. *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usilenie bor'by s pravonarusheniyami. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Problems of improving legislation on strengthening law and order and strengthening the fight against offenses. Interuniversity collection of scientific papers]. Sverdlovsk, Sverdlovsk yurid. in-t Publ., 1982, pp. 3–14. (In Russ.)

14. Lopashenko N. A. Administrativnoi preyuditsii v ugolovnom prave – net! [Administrative prejudice in criminal law – no!]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,* 2011, no. 3, pp. 64–71.

15. Ilalutdinov A. I. Konstruirovanie normy prava [Construction of the rule of law]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right,* 2015, no. 1, pp. 23–30.

16. Oleinik V. I. Analiz normativnoi pravovoi reglamentatsii dorozhnogo dvizheniya: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Analysis of regulatory legal regulation of traffic: domestic and foreign experience]. *Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noi prokurature Respubliki Kazakhstan Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan*, 2016, no. 2, pp. 12–16.

17. Maile A. D., Starostin S. A. Osobennosti Germanskogo administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva [Features of German administrative and tort legislation]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA)*, 2018, no.1 (41), pp.158–166.

18. Bakishev K. A. Istoriya zakonodatel'stva o transportnykh pravonarusheniyakh v Ugolovnom kodekse Kazakhstana [History of legislation on transport offenses in the Criminal Code of Kazakhstan]. *Lex Russica*, 2019, no. 3(148), pp. 134–145. https://doi.org/10.17803. 1729-5920.2019.148.3.134-145.

19. Bakishev K. A., Nurgaliev B. M. Ugolovnaya praktika Kazakhstana v sfere protivodeistviya upravleniyu transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya [Criminal practice of Kazakhstan in the field of countering the driving of a vehicle in a state of intoxication]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Right*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 712–727. https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.314

Информация об авторе / Information about the Author

Ровнейко Вера Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация,
e-mail: veravr2012@mail.ru

Aleksandr A. Mokhov, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation,
e-mail: med-farm-law@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8139-7932

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-87-97

CC BY 4.0

Административно-правовая трансформация взаимодействия и партнерства органов управления в системе обеспечения безопасности и жизненных интересов человека

Е. В. Позднякова[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Трансформирование административно-правового взаимодействия и партнерства субъектов управления в интересах обеспечения безопасности и благополучия человека – общепризнанная правовая цель. Для России в интересах системы обеспечения безопасности и благополучия рассматриваемая трансформация является фактором укрепления государственной целостности и единства власти, который в современных условиях приобретает особую значимость. Также весьма актуален теоретико-методологический аспект административно-правовой трансформации в государственной системе безопасности и благополучия России на основе взаимодействия и партнерства субъектов данных управленческих отношений.*

Цель *– изучение трансформации административно-правового взаимодействия и партнерства субъектов управления в интересах безопасности и благополучия граждан.*

Задачи: *провести административно-правовой анализ взаимодействия органов государственного и муниципального управления; обосновать возможность разработки концепции административно-правового взаимодействия и партнерства субъектов управления.*

Методология. *В исследовании использована совокупность методов, таких как: общенаучный метод изучения правовых явлений и процессов, метод анализа и системно-правовой, с помощью которых определена специфика рассматриваемых правоотношений.*

Результаты. *Автором сформулирована позиция о возможности разработки концепции по взаимодействию и сотрудничеству органов государственного и муниципального управления.*

Вывод. *Защита и безопасность граждан в условиях трансформации управления составляют единую систему с прямыми и обратными взаимосвязями. В связи с этим появилась необходимость анализа процесса трансформации управления, прежде всего в интересах защиты и безопасности граждан. Проведенное исследование дает основание сделать вывод, что взаимодействие и партнерство органов государственного и муниципального управления в системе обеспечения безопасности и жизненных интересов человека требуют трансформации, а также разработки новых стандартов в деятельности органов управления в рассматриваемой сфере.*

Ключевые слова: *административно-правовая трансформация; государственное управление; муниципальное управление; субъекты управления; взаимодействие органов управления; безопасность граждан.*

Финансирование: *НИР в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

© Позднякова Е. В., 2022

Для цитирования: Позднякова Е. В. Административно-правовая трансформация взаимодействия и партнерства органов управления в системе обеспечения безопасности и жизненных интересов человека // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 87–97. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-87-97.

Поступила в редакцию 28.01.2022 Принята к публикации 02.03.2022 Опубликована 04.04.2022

Administrative-Legal Transformation of Interaction and Partnership of Government Bodies in the System of Ensuring Security and Vital Interests of a Person

Elena V. Pozdnyakova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru

Abstract

Relevance. *Transformation of administrative-legal interaction and partnership of subjects of management in the interests of ensuring the security and well-being of a person is a generally recognized legal goal. For Russia, in the interests of the security and well-being system, the transformation under consideration is a factor in strengthening state integrity and unity of power, which in modern conditions is of particular importance. The theoretical and methodological aspect of the administrative and legal transformation in the state system of security and well-being of Russia on the basis of interaction is also very relevant.*

The purpose. *The study of the transformation of administrative-legal interaction and partnership of management entities in the interests of the security and well-being of citizens.*

Objectives: *to conduct an administrative and legal analysis of the interaction between state and municipal governments; substantiate the possibility of developing the concept of administrative-legal interaction and partnership of management subjects.*

Methodology. *The study used a combination of methods, such as: the general scientific method of studying legal phenomena and processes, the method of analysis and system-legal, with the help of which the specifics of the considered legal relations are determined.*

Results. *The author formulated a position on the possibility of developing a concept for the interaction and cooperation of state and municipal governments.*

Conclusion. *The protection and security of citizens in the context of the transformation of governance constitute a single system with direct and inverse relationships. In this regard, it became necessary to analyze the process of transformation of management, primarily in the interests of the protection and security of citizens. The conducted research gives grounds to conclude that the interaction and partnership of state and municipal governments in the system of ensuring the security and vital interests of a person require transformation, as well as the development of new standards in the activities of governments in this area.*

Keywords: *administrative-legal transformation; public administration; municipal administration; subjects of administration; interaction of authorities; security of citizens.*

Funding: *Research within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" (number 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Pozdnyakova E. V. Administrative-Legal Transformation of Interaction and Partnership of Government Bodies in the System of Ensuring Security and Vital Interests of a Person. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 87–97. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-87-97.

Received 28.01.2022 Accepted 02.03.2022 Published 04.04.2022

Введение

Реализация Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1] и Концепции общественной безопасности в Российской Федерации[2] основывается на развитии сотрудничества и партнерства органов государственного и муниципального управления. Данное партнерство приобретает особый, трансформационный характер в связи с совершенствованием правовых отношений на всех уровнях управления. В связи с чем возникает административно-правовая трансформация, которая развивается и основывается на сотрудничестве федеральных, региональных и местных органов в интересах безопасности и благополучия России. Увеличивается объем новых ресурсов Российской Федерации, ее субъектов и муниципалитетов, посредством объединения усилий государственных органов, местного самоуправления, власти народа и гражданского общества. Данный вопрос в настоящее время является одним из наиболее актуальных вопросов в сфере обеспечения безопасности и благополучия.

Юридически и фактически вопросы укрепления единства конституционных и административно-правовых принципов трансформации управления безопасностью являются средствами защиты жизненных интересов народа. Развитие отношений по взаимодействию и партнерству органов управления приводит к необходимости уделить особое внимание проблеме усиления, сплочения, мобилизации демократических сил на основе универсальных принципов трансформации административно-правовых отношений.

Данная проблематика обусловлена действием п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, однако точного понимания ее содержания с учетом современных условий не выработано. Речь идет не только об установлении на уровне Федерации общих принципов партнерства органов государственного и муниципального управления, но и качестве сотрудничества органов исполнительной власти и местного самоуправления в России. Конституция Российской Федерации устанавливает (п. «н» ч. 1 ст. 72): «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся… установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления»[3].

Взаимодействие субъектов управления, трансформация и административно-правовые основы такого взаимодействия в настоящее время понимаются как современные инновационные способы сотрудничества органов государственной власти, органов местного самоуправления с общественными организациями и населением соответствующего региона в целях обеспечения безопасности и благополучия России, а также поддержания гражданского мира и согласия. В свою очередь, содержание гражданского мира и согласия основывается на праве, а также на методах государственного управления.

Эффективное взаимодействие государства и гражданского общества играет немаловажную роль. Данный процесс создает условия, в том числе и административно-правовые, для самореализации личности как ячейки гражданского обще-

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ: [ред. от 31.07.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 04.02.2022).

[2] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/State/document117/ (дата обращения: 04.02.2022).

[3] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.02.2022).

ства. Также в процессе такого взаимодействия определяется оптимальное регулирование органами государственного управления, включая и органы местного самоуправления, различных видов правоотношений в обществе с целью укрепления правопорядка и безопасности. Такие условия возникают на основе принципов трансформации управления безопасностью и благополучием граждан, политики сотрудничества органов управления.

Концепция административно-правовой трансформации в системе участников управления безопасностью в единстве с правозащищенностью жизненных интересов граждан является как организационной, так и инновационной проблемой. Правовое воздействие государственных органов на общественные отношения в субъектах Российской Федерации напрямую влияет на изучение отношений по взаимодействию данных органов в сфере правового обеспечения безопасности и благополучия граждан.

Достигаемое сотрудничество в этом направлении деятельности органов государственного и муниципального управления призвано обеспечивать свободу личности, защиту как публичных, так и частных интересов.

В процессе правового обеспечения безопасности граждан необходимо сформировать систему административно-правовых институтов взаимодействия и партнерства органов управления, которая будет способствовать единению населения, сотрудничеству органов управления и граждан.

Исследования, в которых объектом выступало взаимодействие органов управления, не отличаются разнообразием. В частности, его рассматривали С. Б. Дохолян [1], В. Р. Гаипова [2], М. И. Абатова [3] и др. [4–10]

Методология

В настоящей статье использован общенаучный (диалектический) метод изучения правовых явлений и процессов. Проанализированы результаты, размещенные в научных статьях исследователей в сфере взаимодействия органов государственного и муниципального управления. Использован метод анализа в целях оценки уровня законодательства в области деятельности органов управления и системно-правовой, с помощью которого изучалась система взаимодействия и партнерства органов государственной власти и местного самоуправления.

Результаты и их обсуждение

Содержание административно-правовой трансформации как основы обеспечения безопасности жизненных интересов человека раскрывается в процессе взаимодействия органов государственного и муниципального управления и определяется юридической конструкцией соответствующих субъектов общественных отношений. Юридическая конструкция как модель общественных отношений должна носить объективный характер, отражать тенденции развития общества для целенаправленной деятельности всех субъектов общественных отношений [11, с. 269]. Анализ данных правоотношений как единой системы дает возможность позитивно решать проблемы взаимодействия элементов системы государственного и муниципального управления как правового института, который, в свою очередь, играет активную роль в трансформации управленческой деятельности. В результате такого анализа возможно определить роль административного права в сфере обеспечения партнерства органов управления, а также раскрыть процесс трансформации взаимоотношений государства, регионов и муниципалитетов.

Административно-правовой анализ отношений между субъектами управления различных уровней включает такие элементы трансформации данных субъектов государственного управления, как целостность территории, достижение

равноправия граждан, справедливость, сотрудничество и другие общечеловеческие ценности. Научное начало настоящих отношений составляет правовое установление общих принципов организации государственной власти и местного самоуправления (п. «н», ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации).

Важность трансформации административно-правового знания об отношениях субъектов настоящей системы управления очевидна на этапах административной реформы и правовой модернизации [12]. Это обстоятельство приводит к необходимости очертить роль административного права в регулировании взаимодействия данных субъектов, отграничить их от субъектов смежных сфер, учитывая сложность управления в системе обеспечения безопасности и защиты интересов человека [13].

В новой реальности Российская Федерация и ее субъекты столкнулись с целым рядом вызовов, связанных с последствиями «украинского кризиса», экономических санкций, ограничениями, связанными с эпидемией COVID-19, которые не лучшим образом повлияли на деятельность органов государственного управления и местного самоуправления [14]. Поэтому весьма актуальна проблема административно-правовой трансформации на основе взаимодействия и партнерства субъектов обеспечения и защиты жизненных интересов населения. Именно поэтому в настоящее время необходимы новые стандарты в деятельности органов государственного и муниципального управления. Особое внимание в данном случае следует уделить сфере безопасности, а также сфере деятельности правоохранительной и судебной системы с использованием новейших форм участия граждан в этом процессе [15].

Определяя доводы в пользу недостаточности текущего «нормативного» понимания взаимодействия и партнерства органов государственного управления и местного самоуправления, необходимо выделить главные аргументы в пользу именно административно-правовых отношений трансформации основы безопасности взаимодействия и партнерства между ними. Они формируются прежде всего под влиянием правовых и экономических интересов субъектов конституционного и административно-правового взаимодействия. Конституция Российской Федерации, а также конституции и уставы субъектов Российской Федерации содержат в преамбуле такие положения, как «соединенные общей судьбой на земле», «утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие», «установление общих принципов организации систем государственной власти и местного самоуправления», что говорит о необходимости конституционного взаимодействия общественных сил[1].

Административно-правовая трансформация в данном случае может выступать как одно из важнейших проявлений открытости, согласия, взаимодействия государственных органов управления со всеми общественными силами в интересах безопасности и благополучия России [16]. К системе субъектов такого управления применимы, помимо устоявшихся категорий («структура», «среда»), широко используемые понятия «информационно-правовая технология», «партнерство», «сплочение», т. е. трансформационный подход.

Трансформируя свое взаимодействие, субъекты государственного управления и местного самоуправления не просто что-то видоизменяют. В данном случае выстраиваются отношения по трансформации взаимовлияния, внутри которых

[1] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12. 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.02.2022); Конституции и Уставы субъектов Российской Федерации. URL: https://constitution.garant.ru/region/ (дата обращения: 04.02.2022).

укрепляется основа эффективного взаимодействия и партнерства, модернизируются субъекты и объекты защиты жизненных интересов населения. Для такой системы характерно влияние федерального управления на внутрирегиональные правовые процессы трансформации с учетом сложившейся ситуации в борьбе с коррупцией, самоуправством, хаотичностью в деятельности региональных управленческих структур. Свидетельство тому – факты несогласия населения с формами и методами регионального управления, особенно в здравоохранении и образовании.

Устранению такого негативного процесса может способствовать разработка концепции административно-правового взаимодействия и партнерства субъектов отношений в системе государственного и муниципального управления. В случае необходимости возможно законодательно закрепить положения данной концепции. Например, нормативно конкретизировать четкое разграничение полномочий органов государственной власти и местного управления посредством принятия модельных законов [17]. Это увеличит возможность сплочения сил в каждом субъекте Российской Федерации.

Система взаимодействия и партнерства органов государственной власти и местного самоуправления требует как научного, так и концептуального подхода к содержанию нормативно-правовых актов, регулирующих государственное управление и направленных на повышение сплоченности органов управления в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Правовая сущность взаимодействия и партнерства органов государственного управления и местного самоуправления выступает как экономически и политически независимая, трансформирующаяся деятельность органов управления в современных условиях. Несмотря на это отношения по взаимодействию пока формируются при ослаблением согласии между гражданами, государственными органами и общественными организациями. Между тем граждане, государственные структуры и муниципальные образования выступают против незаконных тенденций [18].

В предлагаемой к разработке концепции необходимо отразить принятие нормативно-правовых актов о реализации конституционных положений об утверждении гражданского мира и согласия; об обеспечении благополучия населения Российской Федерации; о сохранении исторически сложившегося государственного единства.

В связи с этим целесообразно рассмотреть возможность не только разработки новых нормативно-правовых актов, включая закон о взаимодействии и партнёрстве органов государственного управления и местного самоуправления, но и возможность кодификации отдельного блока законодательства о системе управления безопасностью граждан.

В результате слаженных действий властей всех уровней возможно усилить сотрудничество, взаимное доверие и информированность рыночных бизнес-структур и государственных органов как в субъектах, так и на местном уровне. Здесь действует блок нормативно-правовых актов, характеризующий юридический смысл взаимодействия и партнерства субъектов управления [19], который представляет собой согласованность по всем параметрам, включая дозволения, обязывания и запреты, основанные на праве, административно-правовых гарантиях территориальной целостности, единства, сплоченности народов Российской Федерации и ее субъектов.

В этих целях органы управления разрабатывают и проводят единую финансовую политику в регионах, разрабатывают меры в сфере развития предпринимательской деятельности, ограничения монополий, обеспечения безопасности граждан. В соответствии с действующим законодательством данные органы управляют

собственностью, осуществляют политику в сфере оплаты труда и ценообразования, содействуют в укреплении банковской и кредитной систем. В целях осуществления безопасности граждан органы управления реализуют меры по развитию социальной сферы, включая социальную защиту населения, рост благосостояния населения, охрану здоровья граждан.

В целях укрепления сплочённости действий органов государственного управления они обеспечивают рациональное размещение производительных сил, содействуют комплексному экономическому и социальному развитию городов, районов и других населенных пунктов. Органы, входящие в систему преобразований и трансформации в управлении, участвуют в разработке мер по укреплению общественного порядка и безопасности, по защите всех форм собственности, а также по защите жизненных интересов региона в целом. Также с целью укрепления единства они осуществляют мероприятия по обеспечению антикоррупционной безопасности граждан, оспаривают противоречащие законодательству акты управления [20]. Все это позволяет лучше скоординировать нормотворческие усилия в области взаимодействия и партнерства федеральных, региональных и муниципальных органов управления в интересах обеспечения безопасности и жизненных интересов граждан.

Выводы

Посредством конкретизации общих принципов административно-правового регулирования отношений взаимодействия и сотрудничества органов государственного и муниципального управления возможно разработать Концепцию по такому взаимодействию и на ее основе – федеральный закон о системе структурных преобразований в сфере государственного и муниципального управления безопасностью граждан как документ реального согласия в обществе, основанного на взаимодействии общества и государства. Именно такой документ необходим в условиях борьбы с пандемией, коррупцией, преступностью. Чтобы законодательно обеспечить взаимодействие и партнерство, необходима цивилизованная трансформация рыночных структур, предоставление им реальной свободы деятельности. Для этого важно добиться установления правовых основ единого рынка, на котором конкурентная борьба не только не нарушает правовое взаимодействие хозяйствующих субъектов, но и стремится к обеспечению безопасности граждан.

Применяемые на практике инновационные методы и средства правовой защиты безопасности граждан достигаются путем как совокупности управленческих технологий, так и трансформации управления в целом. В данном случае речь идет о видоизменении техники проектирования и принятия управленческих решений, опираясь на инновационно-правовые технологии, прогнозирование и компьютерное моделирование.

Административно-правовое развитие взаимодействия и партнерства в системе управления определяет необходимость сочетания как правовых, так и рыночных методов регулирования сотрудничества на основе программирования, инновационного обеспечения развития правовых основ государственного и муниципального управления. При этом важно учитывать особенности правового статуса каждого субъекта сотрудничества и партнерства в сфере государственного управления, которые в конкретном случае должны принимать самостоятельные правовые решения, опираясь на Конституцию Российской Федерации, федеральное и региональное законодательство, а также решения муниципальных органов управления.

Список литературы

1. Дохолян С. Б. Влияние концепции устойчивого развития общества на взаимодействия органов государственного управления и местного управления // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе: материалы VI Международной научно-практической конференции. М.: Государственный университет управления, 2021. С. 379–382.

2. Гаипова В. Р. К вопросу о взаимодействии органов государственного управления и органов местного самоуправления в сфере продовольственной безопасности // Право и национальная безопасность. 2017. № 4. С. 11–14.

3. Абатова М. И. Управление инновационной деятельностью в сфере взаимодействия органов государственной власти с населением // Экономика и социум. 2020. № 10 (77). С. 721–725.

4. Хохлова Т. П., Андреева Е. С. Взаимодействие государственных и муниципальных органов в управлении экономикой региона // Сфера услуг: инновации и качество. 2020. № 51. С. 114–126.

5. Афонина Н. В., Калюгина С. Н. Направления оптимизации взаимодействия государственных органов управления, коммерческого сектора и общества с некоммерческими организациями // Экономика и социум. 2019. № 1-1 (56). С. 222–227.

6. Журавлева Ю. Н. Особенности взаимодействия органов государственного и муниципального управления в социальной сфере // E-SCIO. 2019. № 9 (36). С. 31–40.

7. Курдюк П. М., Павлов Н. В., Очаковский В. А. Правовое регулирование взаимодействия органов государственного и муниципального управления. Краснодар: Эпомен, 2019. 85 с.

8. Голикова О. Д. Основные способы взаимодействия органов государственного управления и гражданского общества // Бизнес и общество. 2020. № 2 (26). С. 30.

9. Артемова А. И., Комов В. Э. Проблема делегирования местному самоуправлению отдельных государственных полномочий в рамках их взаимодействия с региональными органами государственного управления // Самоуправление. 2019. № 1 (114). С. 180–184.

10. Васильева В. Д., Ганеева Н. В. Повышение эффективности взаимодействия органов государственного и муниципального управления в современных условиях // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2021. Т. 1. С. 181–187.

11. Ивашевский С. Л. Юридическая конструкция как модель общественных отношений // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 266–270.

12. Ларина Е. А., Ларина О. Г. Становление и развитие современных институтов гражданского общества: теоретико-правовое исследование // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. № 4 (29). С. 27–32.

13. Административно-правовое регулирование отдельных сфер публичного управления / Е. В. Позднякова, А. Л. Боренштейн, А. Л. Воронцов [и др.]. Курск: Планета +, 2021. 138 с.

14. Белова И. В. Новые возможности государственного и муниципального управления в контексте пандемии // Евразийское научное объединение. 2021. № 11-1. С. 72–74.

15. Лихачев С. В., Ракша Н. С. Проблемы правового регулирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Российский следователь. 2022. № 1. С. 64–67.

16. Токмаков Д. С., Уйсенбаев А. Р. Нормативно-правовое регулирование принципа открытости в деятельности российских органов власти // Научный вестник Государствен-

ного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2017. № 1. С. 16–21.

17. Сульженко А. А. Правотворческая инициатива граждан как форма участия населения в осуществлении местного самоуправления // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. Ростов н/Д: Ростов. юрид. ин-т МВД РФ, 2017. С. 538–542.

18. Свистунова Л. Ю. О необходимости взаимодействия органов государственной власти и граждан Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2(52). С. 62–67.

19. Кадетова А. Д. Органы исполнительной власти Российской Федерации в системе субъектов правотворчества // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6 (58). С. 186–193.

20. Боренштейн А. Л., Ларина Е. А. Действенные институты гражданского общества в противодействии коррупционной направленности в России // Актуальные проблемы правового и экономического знания: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции: в 2-х т. / отв. ред. И. П. Подмаркова. Донецк: Цифровая типография, 2018. С. 33–37.

References

1. Doholyan S. B. Vliyanie koncepcii ustojchivogo razvitiya obshchestva na vzaimodejstviya organov gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo upravleniya [The influence of the concept of sustainable development of society on the interaction of public administration and local government]. *Rol' mestnogo samoupravleniya v razvitii gosudarstva na sovremennom etape. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [The role of local self-government in the development of the state at the present stage: materials of the VI International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Gosudarstvennyj univ. upravleniya Publ., 2021, pp. 379–382.

2. Gaipova V. R. K voprosu o vzaimodejstvii organov gosudarstvennogo upravleniya i organov mestnogo samoupravleniya v sfere prodovol'stvennoj bezopasnosti [On the issue of interaction between public administration bodies and local self-government bodies in the field of food security]. *Pravo i nacional'naya bezopasnost' = Law and national security*, 2017, no. 4, pp. 11–14.

3. Abatova M. I. Upravlenie innovacionnoj deyatel'nost'yu v sfere vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti s naseleniem [Management of innovation activities in the sphere of interaction of public authorities with the population]. *Ekonomika i socium = Economy and society*, 2020, no. 10 (77), pp. 721–725.

4. Hohlova T. P., Andreeva E. S. Vzaimodejstvie gosudarstvennyh i municipal'nyh organov v upravlenii ekonomikoj regiona [Interaction of state and municipal bodies in the management of the region's economy]. *Sfera uslug: innovacii i kachestvo = Service sector: innovations and quality*, 2020, no. 51, pp. 114–126.

5. Afonina N. V., Kalyugina S. N. Napravleniya optimizacii vzaimodejstviya gosudarstvennyh organov upravleniya, kommercheskogo sektora i obshchestva s nekommercheskimi organizaciyami [Directions for optimizing the interaction of government agencies, the commercial sector and society with non-profit organizations]. *Ekonomika i socium = Economy and society*, 2019, no. 1-1 (56), pp. 222–227.

6. Zhuravleva Yu. N. Osobennosti vzaimodejstviya organov gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya v social'noj sfere [Features of interaction of state and municipal authorities in the social sphere]. *E-SCIO*, 2019, no. 9 (36), pp. 31–40.

7. Kurdyuk P. M., Pavlov N. V., Ochakovskij V. A. Pravovoe regulirovanie vzaimodejstviya organov gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Legal regulation of interaction between state and municipal authorities]. Krasnodar, Epomen Publ., 2019. 85 p.

8. Golikova O. D. Osnovnye sposoby vzaimodejstviya organov gosudarstvennogo upravleniya i grazhdanskogo obshchestva [The main ways of interaction between public administration and civil society]. *Biznes i obshchestvo = Business and Society*, 2020, no. 2 (26), p. 30.

9. Artemova A. I., Komov V. E. Problema delegirovaniya mestnomu samoupravleniyu otdel'nyh gosudarstvennyh polnomochij v ramkah ih vzaimodejstviya s regional'nymi organami gosudarstvennogo upravleniya [The problem of delegating certain state powers to local self-government within the framework of their interaction with regional public administration bodies]. *Samoupravlenie = Self-government*, 2019, no. 1 (114), pp. 180–184.

10. Vasil'eva V. D., Ganeeva N. V. Povyshenie effektivnosti vzaimodejstviya organov gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya v sovremennyh usloviyah [Improving the efficiency of interaction between state and municipal authorities in modern conditions]. *Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody social'nyh issledovanij = Modern society: questions of theory, methodology, methods of social research*, 2021, vol. 1, pp. 181–187.

11. Ivashevskij S. L. Yuridicheskaya konstrukciya kak model' obshchestvennyh otnoshenij [Legal construction as a model of public relations]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2013, no. 7-2, pp. 266–270.

12. Larina E. A., Larina O. G. Stanovlenie i razvitie sovremennyh institutov grazhdanskogo obshchestva: teoretiko-pravovoe issledovanie [Formation and development of modern civil society institutions: theoretical and legal research]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, no. 4 (29), pp. 27–32.

13. Pozdnyakova E. V., Borenshtejn A. L., Voroncov A. L. eds. Administrativno-pravovoe regulirovanie otdel'nyh sfer publichnogo upravleniya. Kursk: Planeta +, 2021. 138 p.

14. Belova I. V. Novye vozmozhnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya v kontekste pandemii [New opportunities of state and municipal management in the context of a pandemic]. *Evrazijskoe nauchnoe ob"edinenie = Eurasian Scientific Association*, 2021, no. 11-1, pp. 72–74.

15. Lihachev S. V., Raksha N. S. Problemy pravovogo regulirovaniya obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Problems of legal regulation of ensuring national security of the Russian Federation]. *Rossijskij sledovatel' = Russian investigator*, 2022, no. 1, pp. 64–67.

16. Tokmakov D. S., Ujsenbaev A. R. Normativno-pravovoe regulirovanie principa otkrytosti v deyatel'nosti rossijskih organov vlasti [Regulatory and legal regulation of the principle of openness in the activities of Russian authorities]. *Nauchnyj vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya "Nevinnomysskij gosudarstvennyj gumanitarno-tekhnicheskij institut" = Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute"*, 2017, no. 1, pp. 16–21.

17. Sul'zhenko A. A. [Law-making initiative of citizens as a form of public participation in the implementation of local self-government]. Perspektivy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii v XXI VEKE. *Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoj konferencii kursantov i slushatelej vuzov MVD Rossii, studentov gumanitarnyh vuzov, ad"yunktov, aspirantov i soiskatelej* [Prospects of state and legal development of Russia in the XXI CENTURY: a

collection of materials of the All-Russian scientific and theoretical conference of cadets and students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, students of humanities, adjuncts, postgraduates and applicants]. Rostov on-Don, Rostov. yurid. in-t MVD RF, 2017, pp. 538–542.

18. Svistunova L. Yu. O neobhodimosti vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti i grazhdan Rossijskoj Federacii [On the necessity of interaction between state authorities and citizens of the Russian Federation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Law Journal*, 2018, no. 2(52), pp. 62–67.

19. Kadetova A. D. Organy ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii v sisteme sub"ektov pravotvorchestva [Executive authorities of the Russian Federation in the system of subjects of law-making]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA)*, 2019, no. 6 (58), pp. 186–193.

20. Borenshtejn A. L., Larina E. A. Dejstvennye instituty grazhdanskogo obshchestva v protivodejstvii korrupcionnoj napravlennosti v Rossii [Effective civil society institutions in countering corruption in Russia]. *Aktual'nye problemy pravovogo i ekonomicheskogo znaniya: teoriya i praktika. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual problems of legal and economic knowledge: theory and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference]; ed. by I. P. Podmarkova. Doneck, Cifrovaya tipografiya, 2018, pp. 33–37.

Информация об авторе / Information about the Author

Позднякова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и трудового права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5053-6239

Elena V. Pozdnyakova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Labor Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5053-6239

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-98-113

(cc) BY 4.0

Основные направления политического вмешательства США во внутренние дела Китая (на примере Тайваня и Синьцзяна)

Т. Н. Букреева[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: tnbinchina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Согласно результатам исследования китайского общества по вопросам прав человека, опубликованного в апреле 2021 года, во второй половине XX века (1945–2001) 81% всех вооруженных конфликтов проходили с участием США. США ставят под угрозу стабильность и безопасность отдельно взятых государств и регионов, пытаются дестабилизировать международное сообщество в глобальном масштабе. Эта тенденция прослеживается на фоне затяжного противостояния Китая и Тайваня, этнических противоречий в Синьцзяне и Тибете.*

Цель *работы – осветить сложившуюся ситуацию вокруг Тайваня и Синьцзяна в контексте прямого или опосредованного вмешательства США.*

Задачами *являются: определение интересов США в Тайваньском проливе; систематизация материалов по вопросам террористической угрозы на территориях государств, граничащих с северо-западом Китая и находящихся в области геополитических интересов США; представление ответных мер как способ противостояния вмешательству во внутреннюю политику Китая.*

Методология. *В работе применялись общенаучные и прикладные методы исследования, включая системный и сравнительный анализ, а также синтез информации по теме исследования.*

Результаты. *В результате исследования были определены интересы США в поддержке сепаратистских настроений на Тайване, рассмотрены факты «террористической терпимости» США, представлены возможные последствия для Китая и России антиправительственных выступлений в Казахстане, проанализированы шаги внешней политики Китая по обеспечению стабильности и безопасности.*

Вывод. *Во избежание поощрения сепаратистских настроений и террористической угрозы целесообразно поддерживать ведущую роль Организации Объединенных Наций, придерживаться принципа мультилатерализма, осуществлять сотрудничество в рамках международных организаций. Унифицировать понятийный аппарат, что позволит многие конфликтные ситуации, в том числе с территориями Китая (Тайвань и Синьцзян), определить в область национальных вопросов страны и предотвратит вмешательство США в проблемные ситуации, напрямую их не касающихся.*

Ключевые слова*: Тайвань; Синьцзян; сепаратизм; терроризм; США; Китай; международное сотрудничество; ООН, регион.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования Букреева Т. Н. Основные направления политического вмешательства США во внутренние дела Китая (на примере Тайваня и Синьцзяна) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 98–113. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-98-113.

Поступила в редакцию 11.02.2022 Принята к публикации 05.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Букреева Т. Н., 2022

The Destabilising Interference by the US in China's Internal Affairs (the Case of Taiwan and Xinjiang)

Tatyana N. Bukreeva[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: tnbinchina@yandex.ru

Abstract

Relevance. *According to the study conducted by the Chinese Society for Human Rights and published in April 2021, in the second half of the 20th century (1945-2001), the United States were involved in 81% of all armed conflicts. The United States endangers the stability and security of states and regions, and tries to destabilize the international community on a global scale. This trend is discernible amidst the confrontation between China and Taiwan, ethnic conflicts in Xinjiang and Tibet.*

The purpose *of the paper is to highligt the current situation around Taiwan and Xinjiang in the context of direct or indirect interference the United States.*

The objectives *are to determine US interests in the Taiwan Strait; systematize the materials on the issues of the terrorist threat in the territories of states bordering northwest China and located in the area of US geopolitical interests; study the retaliatory measures as a way to counter interference in China's domestic politics.*

Methodology. *The author has used general scientific and applied research methods, including systematic and comparative analysis, as well as the synthesis of information on the research topic.*

Results. *The study determines the interests of the United States in supporting separatist sentiments in Taiwan, considers the facts of 'terrorist tolerance' of the United States, and introduces the possible consequences for China and Russia of anti-government actions using terrorist forces in Kazakhstan. In this regard, the paper has analyzed the individual steps of China's foreign policy aimed at preventing the terrorist threat in Xinjiang and ensuring stability and security.*

Conclusion. *In order to avoid encouraging separatist sentiments and a terrorist threat, it is advisable to support the leading role of the United Nations, adhere to the principle of multilateralism, and actively cooperate within the international organizations. Unify the conceptual apparatus, which will allow many conflict situations, including the territories of China (Taiwan and Xinjiang), to be defined in the area of national issues of the country, and will not allow the United States to intervene in problem situations that do not directly concern them.*

Keywords: *Taiwan; Xinjiang; separatism; terrorism; the USA; China, international cooperation; UN; region.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bukreeva T. N. The Destabilising Interference by the US in China's Internal Affairs (the Case of Taiwan and Xinjiang). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 98–113. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-98-113.

Received 11.02.2022 Accepted 05.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

В современную политическую науку прочно вошло понятие стабильности, а обеспечение стабильности и безопасности прописано как одно из основных условий выживания международной системы в целом и сохранения государством суверенитета в частности. В этой связи первоначальной задачей любого государства становится пресечение возникновения ситуаций внутренней дестабилизации. Стабильность на глобальном уровне зависит от субъектов международных отношений, которые могут либо способствовать, либо препятствовать стабилизации, инициируя конфликты посредством создания и развития деструк-

тивных настроений в обществе (например, сепаратистских).

Как показывает практика, в последние десятилетия сепаратизм все чаще выступает фактором нестабильности и все больше опирается на агрессивные способы борьбы, используя терроризм с международным участием в качестве инструмента достижения политических целей. Терроризм уже стал средством активной внешнеполитической борьбы среди участников международных отношений. К таким участникам Н. А. Чернядьева причисляет, прежде всего, молодые и амбициозные субъекты международного процесса (Индия, Пакистан, арабские страны и др.), которые в качестве инструментов политического участия допускают нетрадиционные пути достижения целей, а также способны использовать спорные методы и средства, тайно поддерживая силы и организации, задачами которых является причинение ущерба современным лидерам мировой политики [1, с. 95]. Однако в настоящее время становится все более очевидным, что такими средствами для реализации собственных геополитических и экономических интересов пользуются и крупнейшие мировые державы.

Методология

Методология исследования по проблематике работы опиралась на современные концепции международных отношений применительно к внешнеполитическому курсу отдельных стран, направленному на установление доминирующего положения в регионе. В работе применялись такие общенаучные методы, как индукция и дедукция, позволившие представить ситуацию в Тайваньском проливе и Синьцзяне через характеристику процессов внешнего вмешательства от общего к частному и наоборот.

Анализ статистических данных официальных сайтов торгово-экономических учреждений США и Тайваня позволили определить приоритетные интересы сторон в выстраивании отношений. Системный анализ обеспечил возможность всесторонне подойти к изучению ситуации вокруг Тайваня и Синьцзяна, выявляя дестабилизирующие факторы, провоцирующие возникновение конфликтных проявлений в обозначенных регионах Китая.

Информационной базой явились материалы официальных сайтов Администрации международной торговли США и Американо-Тайваньского делового совета, материалы ведущих международных изданий и официальных представителей органов власти, а также научные труды ведущих специалистов в области обеспечения стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) Института Дальнего Востока РАН.

Результаты и их обсуждение

Китай, выступая бесспорным лидером и фундаментом стабильности и безопасности в Восточной Азии, стал объектом агрессии со стороны США, развернувших масштабное наступление по «возвращению в Азию» [2, с. 11]. Стремления США расширить свое влияние не остались без внимания Китая, еще в 2012 г. на 1-м Пленуме ЦК КПК 17-го созыва лидер страны Ху Цзиньтао, характеризуя международную обстановку, отметил волну нарастающего «неоинтервенционизма», в том числе и по отношению к Китаю [3, с. 62]. В свою очередь, очевидная тенденция внешнего вмешательства США во внутреннюю политику Китая в течение последнего десятилетия, во-первых, вызвала полемику среди китайских политологов и экспертов о дальнейшей целесообразности следования политике невмешательства, а также насколько такой курс защитит Китай от попыток Запада воспрепятствовать мирному развитию страны, навязанной «вестернизации» Китая и провоцирования его распада [4; 5]. Во-вторых, привела к тому, что двусторонние китайско-американские отношения переживают переход из плоскости сотрудничества в

состояние конкуренции и противостояния. В последние годы США неоднократно выступали инициаторами событий, отрицательно сказавшихся на китайско-американских отношениях в целом и имидже КНР в частности. К ряду таких событий, получивших большой резонанс в мире, можно отнести торговую войну, обвинения в угрозе национальной безопасности США (конфликт с Huawei), нарушения прав человека (беспорядки в Гонконге), геноциде уйгуров в Синьцзяне, сокрытии информации о новой коронавирусной инфекции, подготовке вторжения на Тайвань и, как следствие, санкции, объявление дипломатического бойкота Олимпиады-2022 и т. д. Особое место в череде провоцирования конфликтных ситуаций занимают отдельные периферийные территории КНР, имеющие приграничное положение, отличный этнический состав, определенную политическую автономию, тесно переплетающиеся со сложной картиной исторического развития. На рисунке 1 отмечены регионы Китая, в которых в разное время имели место сепаратистские настроения, поддержанные представителями этнических диаспор за границей или официальными властями других государств.

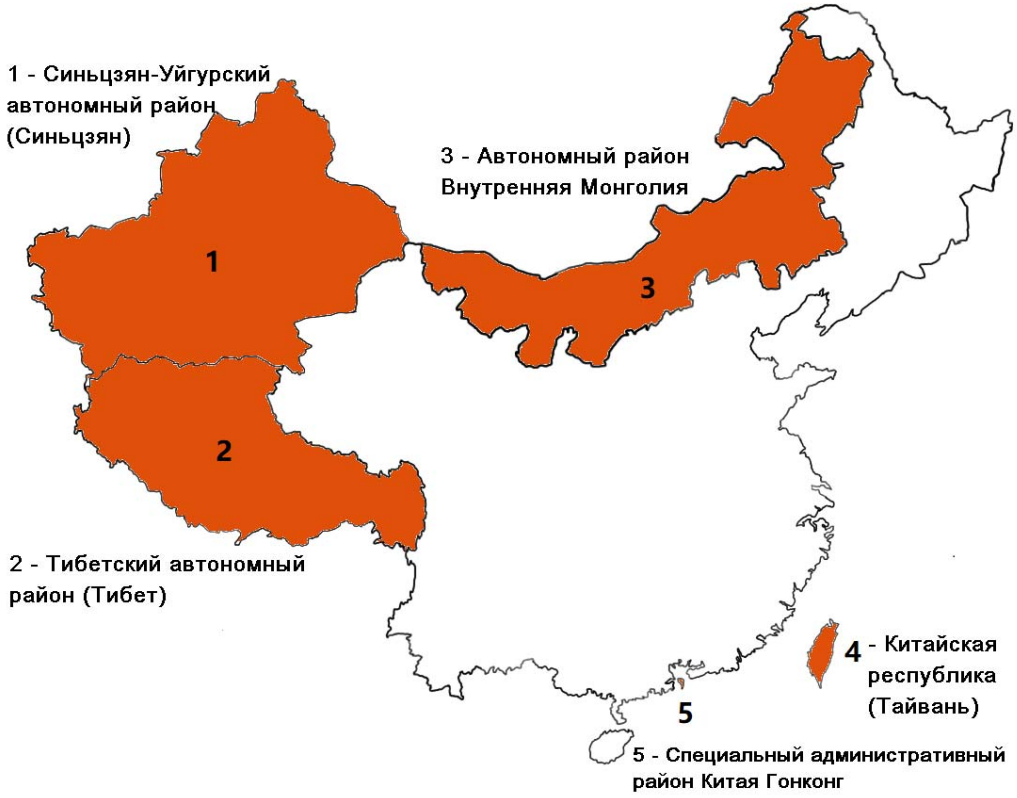

Рис. 1. Регионы Китая с повышенным уровнем напряженности

Fig. 1. China's regions with high level of unrest

В настоящее время очагами напряженности во внутренней политике Китая являются тайваньский вопрос и ситуация вокруг уйгурского населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (Синьцзян). Сепаратистские настроения в этих двух отдаленных друг от друга регионах служат центрами притяжения внешних сил, стремящихся различными путями, в том числе террористической деятельностью, активизировать болевые точки внутри страны и создать обстановку расшатывания ее единства. Рассмотрим подробнее ситуацию нагнетания конфликтов, вмешательства во внутренние дела Китая со стороны США и ее сторонников посред-

ством эскалации террористической и сепаратистской деятельности в каждом из этих регионов.

На современном этапе тайваньский вопрос вышел за пределы регионального конфликта и приобрел более широкое, глобальное значение ввиду присутствия в нем геополитического актора в виде США [6, с. 249]. Сепаратистские настроения на Тайване связаны с появлением в 1986 г. на политической арене Китайской республики Демократической прогрессивной партии (далее – ДПП) с курсом, направленным на независимость острова от материкового Китая. В марте 2014 г. после неудачной попытки ДПП отсрочить ратификацию соглашения по торговле услугами между Тайванем и КНР на острове поднялось молодежное протестное «движение подсолнухов», получившее широкую поддержку среди жителей Тайваня. Как отмечает А. А. Киреева, на-строенная скептически по отношению к КНР часть тайваньского общества видела за экономическим влиянием материкового Китая неизбежность политического влияния, что ставит на кон существование независимого Тайваня [7, с. 245]. Учитывая тот факт, что на выборах в 2016 и 2020 гг., не без поддержки США, одержал победу лидер ДПП Цай Инвэнь, можно с уверенностью утверждать, что, во-первых, у жителей Тайваня, в особенности молодого поколения, уже четко сложилось мнение об их отличной от материкового Китая этнической идентичности, а во-вторых, большая часть тайваньского населения выступает за экономическую и политическую независимость Китайской республики.

Сложившаяся ситуация активно используется США для выстраивания своего внешнеполитического курса в АТР, действуя с позиций активного поощрения тайваньского сепаратизма и используя для этого различные средства и технологии. Во-первых, несмотря на официальное признание американских властей «одного Китая», США прибегают к геополитическому манипулированию тайваньским вопросом посредством тиражирования идеи независимости Тайваня. Так, 9 марта 2022 г. Палата представителей США приняла закон о расходах, который включает поправку, запрещающую Госдепартаменту США закупать карты с «неточностью» в изображении Тайваня[1]. Под «неточностью» американские конгрессмены понимают изображение острова как части территории Китая, что само по себе не является новой идеей: в 2018 г. американский ритейлер одежды GAP тоже «ошибочно» упустил на своей продукции с изображением карты Китая остров Тайвань и Южный Тибет, а в 2019 г. подобный «казус» случился с крупнейшим производителем косметики MAC Cosmetics.

Во-вторых, США продолжают поставлять Тайваню вооружение (2019 г. – 10,72 млрд долл. США[2]). Учитывая тот факт, что 11 января 2022 г. законодательный юань Тайваня одобрил специальный (дополнительный) бюджет в размере 8,55 млрд долл. США на закупку вооружения для улучшения обороноспособности[3], можно предположить, что часть средств из специального бюджета пойдет на приобретение военной техники у США.

Наконец, появление в регионе в 2021 г. трехстороннего оборонного альянса AUKUS с участием США, Австралии и Великобритании, уже получившим на-

[1] Everington K. US House passes bill barring maps depicting Taiwan as part of China. Taiwan News. URL: https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4468061 (дата обращения: 10.02.2022).

[2] Taiwan Arms Sales Notified to Congress, 1990-2019. Official website of US-Taiwan Business Council. URL: https://www.ustaiwandefense.com/taiwan-arms-sales-notified-to-congress-1990-2019/ (дата обращения: 10.02. -2022).

[3] Fang Cheng-hsiang, Teng Pei-ju. Legislature approves special budget for weapons purchases. Focus Taiwan. URL: https://focustaiwan.tw/politics/202201110016 (дата обращения: 09.02.2022).

звание «восточное НАТО», является заявкой на гегемонистическое лидерство в восточном полушарии, что не может не вселять надежду в сторонников «тайванизации» на скорейшее появление на карте мира нового государства «Тайваньская республика». Вероятность активизации деятельности военной коалиции подогревается сообщениями в средствах массовой информации о перспективе расширения блока за счет присоединения других значимых акторов международной политики в регионе, например Японии[1].

В интервью китайскому новостному агентству Zhinews ведущий эксперт по китайско-американским отношениям, профессор института международных отношений Китайского народного университета (Пекин) Цзинь Цаньжун сравнил тайваньский вопрос с «трехсторонней игрой двух стран», где «две страны» – это Китай и США, а три направления – это материковый Китай, США и Тайвань[2]. Очередная волна нагнетания обстановки в Тайваньском проливе привела к тому, что 1 мая 2021 г. журнал “The Economist” назвал Тайваньский пролив «самым опасным местом на Земле», а в марте 2021 г. в конгрессе США было озвучено о возможном нападении Китая на Тайвань в 2027 г.[3]

Очевидно, что американские власти стремятся придать тайваньскому вопросу международный характер, вовлекая в затяжное противостояние третьи страны и вынося проблему на рассмотрение мирового сообщества. Так, 26 октября 2021 г., в 50-летнюю годовщину замещения присутствия Тайваня в ООН материковым Китаем, что произошло 25 октября 1971 г., Энтони Блинкен (государственный секретарь США) обратился к странам-членам ООН о поддержке конструктивного участия Тайваня в системе ООН[4].

Говоря о конкретных интересах США на Тайване, необходимо отметить их яркий геополитический характер, т. к. анализ экономических показателей демонстрирует, что для американской экономики торговля с Тайванем не является критически важной, особенно по сравнению с двусторонней торговлей США и Китая.

Тайвань является важным, но не ключевым торговым партнером США. Согласно данным Администрации международной торговли США за 2021 г., экспорт из США на Тайвань составил 36944,1 млн долл. США (в 2020 г. – 30219,1 млн долл. США), что позволило Тайваню занять 11 место в числе крупнейших стран, в которые поступает продукция из США, а импорт составил 77137,6 млн долл. США (8 место, в 2020 г. – 60427,8 млн долл. США). Без сомнения, для анализа внешнеэкономического сотрудничества двух стран необходимо исследовать структуру внешней торговли, например, поставку в США полупроводниковых приборов, которые имеют важное значение для автомобилестроения, а также инвестиционные процессы, производственную кооперацию и т. д.

Однако в данном случае для определения степени важности партнера по базовым показателям целью является срав-

[1] Япония получила приглашение участвовать в AUKUS // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20220413/aukus-1783245849. html (дата обращения: 02.02.2022).

[2] Zhu E.-D. The situation in the Taiwan Strait in 2022 is a bit dangerous // Baidu News. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1723739905925438104&wfr=spider&for=pc&searchword=%E9%87%91%E7%81%BF%E8%8D%A3%20%E5%8F%B0%E6%B9%BE (дата обращения: 10.02.2022).

[3] The most dangerous place on Earth // The Economist. URL: https://www.economist.com/leaders/2021/05/01/the-most-dangerous-place-on-earth (дата обращения: 02.02.2022).

[4] Ahmann T., Brunnstrom D., Martina M. Blinken urges all U.N. member states to support Taiwan participation // Reuters. URL: https://www.reuters.com/world/blinken-urges-all-un-member-states-support-taiwan-participation-2021-10-26/ (дата обращения: 25.01.2022).

нительная демонстрация объемов внешнеторговой деятельности и ее динамики. В связи с этим рассмотрим объем внешней торговли США с Китаем и соседними с США странами Северной Америки. Так, наибольший объем экспорта в 2021 г. из США направлялся в Канаду (307610,8 млн долл. США), второе место занимает Мексика (276458,9 млн долл. США), третье – КНР (151065,2 млн долл. США). При этом в импорте преобладают товары КНР, по значению которого Китай уже несколько лет подряд занимает первое место: в 2021 г. импорт в США из КНР составил 506366,9 млн долл. США, в 2020 г. – 434749 млн долл. США.

Таким образом, простое сравнение экономического эффекта от сотрудничества США с Китаем и Тайванем выглядит следующим образом: экспорт в КНР превышает аналогичный показатель Тайваня в 4,09 раза, импорт из Китая – 5,6 раза. В результате без учета иных факторов (например, геополитических) и анализа структуры внешней торговли в случае выбора между двумя контрагентами предпочтение отдается КНР[1]. Отсюда можно сделать вывод, что в спорных отношениях между Китаем и Тайванем, вероятнее всего, США не станет жертвовать экономическими интересами сотрудничества с Китаем в угоду поддержки независимости Тайваня, а будет стараться подстрекательным поведением провоцировать Китай на ответные меры.

Ввиду вышесказанного считаем уместным обратить внимание на три решающих фактора, определяющих интересы США в Тайваньском проливе: 1) геополитический; 2) идеологическо-ценностный; 3) экономический. Критическими из них являются первые два, а третий преодолевается в средне- или долгосрочном периоде и связан с относительно монопольным положением Тайваня как производителя определенной продукции в мировой экономике. Рассмотрим подробнее обозначенные направления в качестве жизненно важных для США.

Геополитический интерес. Тайвань принадлежит к «первой цепочке островов», выделяемой в стратегии сдерживания на море, разработанной американским внешнеполитическим деятелем Джоном Ф. Даллесом в 1951 г., из чего видно, что США рассматривает Тайвань, контролируемый Китаем, в качестве военной базы, что позволит китайским вооруженным силам расширить дальность действия своих ракет на 150 морских миль к востоку и защитить свои интересы в Восточно-китайском море. США, в свою очередь, будут оттеснены еще дальше, а угроза со стороны Китая возрастет[2]. К тому же наличие Тайваня в качестве союзника США в таком динамически развивающемся регионе мира значительно повышает их роль и влияние.

Идеологическо-ценностный мотив США. Стремление США к трансляции и воспроизводству западных ценностей, распространению и поддержанию принципов американской демократии по всему миру, используя для этого все доступные средства, т. е., как отмечает ряд экспертов, формирование демократий по трафарету без учета национальной специфики и прочих факторов.

В рейтинге Индекса демократии 2020 Тайвань занимает 11 место[3], являясь лидером рейтинга среди азиатских представителей по общей оценке, таким обра-

[1] U. S. Goods Trade With Global Partners 2020-2021. Official Website of the U.S. International Trade Administration. URL: https://www.trade.gov/data-visualization/us-goods-trade-global-partners (дата обращения: 12.01.2022).

[2] Bolton J., Zitelman D.R. Why Taiwan matters for the United States. The Diplomat. URL: https://thediplomat.com/2021/ 08/why-taiwan-matters-to-the-united-states/ (дата обращения: 20.01.2022).

[3] The 10 most democratic nations in the world. 2020. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/democracy-countries (дата обращения: 25.01.2022).

зом, США определяют Тайвань как модель демократии в Азии, что делает Китайскую республику своеобразным «проводником» «эталонной» демократии по примеру США в Азии, инструментом распространения определенных ценностей. Корейский исследователь, доктор политических наук Ли Дон Гю указывает, что США после вывода своих войск из Афганистана подверглись международной критике за то, что администрация Байдена отказалась от своих национальных интересов, в контексте этого защита и поддержка ценностей демократии на Тайване позволит США восстановить пошатнувшиеся союзнические отношения и укрепить антикитайскую коалицию [8, с. 3]. Стоит отметить, что в декабре 2021 г. Тайвань был приглашен в Вашингтон для участия в «Саммите в поддержку демократии», куда не попали Китай и Россия.

Решение тайваньского вопроса имело бы другую тенденцию развития без вмешательства США. Выстраивая американо-тайваньские отношения, США ссылаются на «Закон об отношениях с Тайванем» 1979 г., дополненный в 1982 г. документом «Шесть гарантий», в котором говорилось о том, что США не будут устанавливать дату окончания поставок оружия [9, с. 449]. Однако это не вносит четкого понимания и ясности восприятия будущего Тайваня американской стороной. Очевидно, что Китай и США поразному трактуют принцип «одного Китая», еще более очевидным становится тот факт, что изменяющаяся ситуация вокруг Тайваньского пролива, например, наращивание военного потенциала Тайванем (за счет и с помощью США) приведет к ответной реакции со стороны материкового Китая, которая будет определяться степенью готовности Китая продолжать сдерживание ответных масштабных действий, воздействуя на вовлеченные в противостояние стороны другими средствами (экономическими, политическими, дипломатическими и т. д.).

Еще одним ярким примером проявления сепаратистских тенденций на территории Китая является Синьцзян, в котором почти 50% населения составляют уйгуры, исповедующие ислам [10; 11]. Если поддержка США сепаратистских настроений на Тайване, в том числе и в лице правящей партии, является частью американской внешней политики и направлена на отсрочку воссоединения «двух берегов», то в Синьцзяне вектор внешнеполитических интересов США ориентирован на ускорение разобщения, причем в данном случае имеет место ярко выраженный геополитический фактор, направленный на ослабление Китая в качестве ключевого конкурента в регионе. При этом американские методы ведения борьбы за геополитическое влияние в регионе остаются довольно сомнительными: создавая очаги напряжения при помощи террористических сил и дестабилизируя обстановку в соседних государствах, США предпринимают попытки продвинуть спрос на американские услуги в обеспечении безопасности [12]. В результате США пытается добиться множественных положительных результатов в игре на одном поле:

– ослабить геополитические позиции конкурентов (прежде всего, КНР) в регионе;

– стимулировать развитие сепаратистских и террористических настроений с последующим образованием новых небольших (и зависимых) государств;

– снабжение сепаратистских движений и противоборствующих сторон с целью извлечения экономической выгоды.

На фоне сложившейся ситуации сдерживание сепаратистских настроений на северо-западе Китая происходит посредством обдуманной внутренней политики и политики китайских властей в отношениях с соседними странами Центральной Азии и Афганистаном.

На 21-м заседании Совета глав государств ШОС председатель КНР Си Цзиньпин выступил с заявлением, в ко-

тором обозначил задачи, стоящие перед новым правительством Афганистана, а также озвучил ожидания китайской стороны в отношении курса, на который следует ориентироваться афганским властям. Ключевые положения китайской позиции были изложены в официальном китайском интернет-издании The Global Times в августе 2021 г., сводятся они к следующему[1]:

– жесткая позиция осуждения Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ) (запрещено в России) и других террористических организаций, деятельность которых направлена на дестабилизацию ситуации в Синьцзяне;

– формирование инклюзивного правительства, реализующего программу повышения благосостояния афганского народа и политику невмешательства внешних сил во внутренние дела государства;

– дистанцирование от США и других недружелюбных сил Китаю, развитие отношений дружбы и сотрудничества с Китаем, а также другими соседними странами, вовлеченными в интеграционные процессы по поддержанию мира в регионе;

– проведение внутренней социальной политики, направленной на развитие прав и свобод человека, защиту прав женщин и детей и превращение Афганистана в страну умеренного ислама.

Вполне ожидаемо, что первым условием Китай назвал борьбу с террористической угрозой и непосредственно с ИДВТ, которую в 2002 г. госдепартамент США внес в список террористических организаций, а в октябре 2020 г. исключил из данного списка ввиду отсутствия доказательств ее существования. Данное заявление вызвало протестную реакцию со стороны китайских властей, расценив такой шаг США, как демонстрацию политики двойных стандартов и акт сдерживания международного антитеррористического сотрудничества. В то же время отдельные исследователи не только не отрицают само существование ИДВТ, но и говорят о связи организации с Исламской партией Туркестана (ИПТ) (запрещена в России), в настоящее время активно действующей на территории Сирии и Афганистана [13, с. 97].

Китайский эксперт в области международного терроризма Ли Вэй отмечает, что «западные страны часто применяют к террористическим организациям двойные стандарты, что фактически стало тактикой, используемой Соединенными Штатами и их западными коллегами, например, террористы в Синьцзяне (Китай) и в Чечне (Россия) – все они рассматриваются Соединенными Штатами как “борцы за свободу”, а контртеррористические ответные меры двух вовлеченных стран – “как нарушения прав человека”» [14, с. 273]. В свою очередь, говоря о курсе Китая по борьбе с «тремя силами зла» (терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. – *Прим. авт.*), профессор Северо-западного университета политики и права (г. Сиань, КНР) Ван Чжэнсюнь также указывает о необходимости преодоления американского фактора, который мешает возрождению китайской цивилизации и планомерно ведет политику «вестернизации» и разобщения внутри Китая [15, с. 45].

Официально представители движения «Талибан» (запрещено в России) неоднократно отрицали присутствие террористов ИДВТ на их территории, однако в 2014 г. источники в «Талибане» заявили, что на территории восточного Афганистана находятся около 250 уйгурских боевиков[2].

[1] Hu X.-J. What does China expect from the new Afghan government? Global Times. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202108/1232229.shtml (дата обращения: 10.02.2022)

[2] Ahmadzai A. Why China is slow-rolling Taliban Cooperation // Foreign policy. URL: https://foreignpolicy.com/2022/01/27/china-taliban-relations-cooperation-afghanistan-withdrawal/ (дата обращения: 10.02.2022).

Немаловажным является тот факт, что Афганистан остается региональным центром производства наркотических средств, доход от продажи которых идет на финансирование терроризма. По оценке китайских экспертов, в середине 2010-х гг. ежегодно на территорию Китая из Афганистана доставлялось 15–17 тонн героина, большая часть из этих средств шла на финансирование сторонников ИДВТ в Синьцзяне [16, с. 184]. Учитывая данные Управления ООН по наркотикам и преступности о рекордных засевах мака в Афганистане во второй половине 2010-х гг. (308 тыс. га в 2017 г.)[1], можно предположить, что увеличивается и доля средств, идущих на финансирование террористической деятельности, в том числе в Китае. При этом необходимо отметить, что внешний «уход» США в 2021 г. из Афганистана с оставлением вооружения и военной техники рядом экспертов представляется как передача оружия движению «Талибан», т. е. косвенным образом характеризует его поддержку со стороны США. В итоге формируется и развивается очаг напряженности в стратегически важном регионе и дестабилизируется положение. Кстати, посевы опиумного мака были значительно увеличены именно в период присутствия США в Афганистане на территории, контролируемой ими.

В свою очередь, Китай обеспокоен нежеланием и неспособностью талибов сдерживать интернациональные террористические группы, находящиеся на территории Афганистана, что может создать прямую угрозу стабильности и безопасности северо-западной части страны. Превентивными мерами можно назвать новой виток сотрудничества Китая и Таджикистана по строительству военной базы на таджикской стороне Ваханского коридора. Однако нужно понимать, что такая мера не может гарантировать полной защиты от проникновения джихадистских групп.

Сложившаяся ситуация связана с тем, что терроризм остается одним из эффективных механизмов геополитики, которым активно пользуются отдельные страны мира, стараясь с его помощью удержать доминирующую позицию на международной арене, укрепить влияние в регионах, получить доступ к ресурсам и путям коммуникаций для их транспортировки. В этой связи стоит остановиться на Центрально-Азиатском регионе (Казахстан, Киргизия и Таджикистан непосредственно граничат с Синьцзяном), который, как отмечает Л. Е. Васильев, «представляет значительный геополитический интерес для ведущих мировых акторов (западных государств во главе с США. – *Прим. авт.*) и выступает и как объект, и как субъект их глобальной политики во всех ее основных проявлениях», в том числе деструктивных [17, с. 56]. К тому же Д. В. Буяров обращает внимание на то, что Китай настораживает появление военных баз США и НАТО вблизи китайской границы [18, с. 208].

Очередная попытка совершения «цветной революции» в январе 2022 г. в Казахстане, в которой, по информации казахского издания «The Astana Times», были задействованы лица, имевшие опыт боевых действий в рядах радикальных исламистских группировок, стала еще одним шагом внешних сил, чтобы навести хаос на среднеазиатском пространстве[2]. Беспорядки в Казахстане уже получили оценку не только политических кругов, но и экспертов из научных сообществ стран, непосредственно граничащих с Казахстаном. Китайские исследователи в области терроризма Пан Гуан и

[1] AOTP Update Vol.2 – Heroin seizures and opiate trafficking along the Caucasus route. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/AOTP/-AFG-AOTP_newsletter_caucasus-route_2019_web.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

[2] Cao S.-Q., Xue Y.-L. China, Russia stand together in support of Kazakhstan's dealing with unrest // Global Times. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202201/1245698.shtml?id=11 (дата обращения: 10.02.2022).

Чжун Юнбяо едины во мнении, что «волнения в Казахстане, очевидно, были профинансированы Западом или террористическими силами». В свою очередь Китай официально поддержал ввод Россией коллективных миротворческих сил ОДКБ на территорию Казахстана и выразил свою поддержку властям[1].

События в Казахстане показали, что терроризм стал инструментом, способным не только дестабилизировать обстановку в отдельно взятой стране, но и «эффектом домино» отозваться в соседних государствах, привести к трениям в межгосударственных отношениях:

– спровоцировать волну беспорядков среди уйгурского населения в Синьцзяне (уйгурская диаспора в Казахстане насчитывает около 256 тыс. чел. на 2016 г.);

– послужить толчком к активизации сообществ трудовых мигрантов в России;

– столкнуть интересы России и Китая в контексте присутствия контингента российских военнослужащих на территории Казахстана, что было преподнесено в ряде западных средств массовой информации, в том числе The Wall Street Journal, как пример демонстрации доминирования России в Центральной Азии[2]. Однако данное заявление не произвело должного эффекта.

Кроме того, организация подобных массовых протестов позволяет опосредованным участникам спланировать дальнейшие действия и в целом стратегию с учетом ответной реакции на региональном уровне и контрмер, предпринятых официальными властями.

В условиях «террористической терпимости» со стороны США в отношении отдельных террористических организаций, а также попыток дискредитировать Китай на мировой арене, прибегая к нескончаемым обвинениям в нарушении прав уйгуров (по информации The Global Times, в 2020 г. западные средства массовой информации опубликовали более 20 провокационно-ложных новостей о ситуации в Синьцзяне[3]), Китай все больше ориентируется на проведение превентивных контртеррористических мероприятий и региональное сотрудничество, нацеленное на обеспечение национальной безопасности и реализацию масштабных энергетических и инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь», которые могут стать потенциальными целями террористов [19, с. 31].

К числу превентивных мероприятий относятся контртеррористические учения национального и международного уровней. Так, 30 июня 2020 г. Национальная иммиграционная администрации КНР, основанная в 2018 г., впервые провела крупнейшие по масштабу национальные военные учения по отражению террористической угрозы одновременно в четырех регионах страны: приграничных провинциях Цзилинь и Юньнань, автономном районе Синьцзян, а также в Шанхае[4]. Выбор локаций проведения антитеррористических учений продиктован уязвимостью пограничных регионов, в первую

[1] Pan G. Are there «three forces» behind the riots in Kazakhstan, and will they spill over? // Kan China News. URL: https://kan.china.com/article/1317046_2.html (дата обращения: 10.02.2022).

[2] Trofimov Ya. Kazakhstan Crisis Shows That Russia Still Trumps China's Power in Central Asia // The Wall Street Journal. URL: https://www.wsj.com/articles/kazakhstan-crisis-shows-that-russia-still-trumps-chinas-power-in-central-asia-11641842588 (дата обращения: 10.02.2022).

[3] Fact Check: Lies on Xinjiang-related issues versus the truth. URL: https://www.mfa.gov.cn/ce/cgak/eng/zlg[w/t1860151.ntml (дата обращения: 20.01.2022).

[4] Chick H., Zheng W. Drills put Chinese border police and soldiers to counterterrorism test // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/china/society/article/3091256/drills-put-chinese-border-police-and-soldiers-counterterrorism (дата обращения: 10.02.2022).

очередь это касается юго-западного региона (Юньнань, район Предтибетья) и северо-запада страны, граничащего со странами Средней Азии. Таким образом, китайские власти демонстрируют готовность к быстрому реагированию на незаконные пересечения границы, массовые беспорядки, пограничные провокации и открытые столкновения, террористические угрозы и трансграничные преступления. Немаловажным является тот факт, что «параллельная» мобилизация пограничных сил в разных точках страны служит своеобразным посылом потенциальным противникам, сомневающимся в способности подразделений китайских вооруженных сил одновременно оказывать сопротивление в разных горячих точках страны.

Участие Китая в двусторонних и многосторонних антитеррористических учениях наглядно показывает новые возможности вооруженных и специальных сил КНР. В двусторонних китайско-киргизских учениях «Сотрудничество-2019», проходивших в Синьцзяне, впервые приняло участие новое контртеррористическое подразделение Народной вооруженной полиции Китая «Горный орел», созданное специально для реагирования на террористические угрозы в северо-западном регионе страны. По официальным источникам, в структуре Народной вооруженной полиции находятся еще два подобных отряда – «Сокол» в Пекине и «Снежный леопард» в провинции Гуандун, созданные в 1982 и 2002 гг. соответственно[1]. Таким образом, данные особые подразделения охватывают территории в центральной части, юге и западе Китая и свидетельствуют о развитии антитеррористической деятельности.

Эскалация глобальной напряженности вокруг Китая и России сближает две страны и укрепляет многовекторное сотрудничество, включающее в себя двустороннюю торговлю, международную кооперацию, расширение расчетов в национальной валюте, борьбу с международной террористической угрозой и обеспечение стабильности и безопасности в регионе. Важна и принципиальная позиция лидеров двух стран в вопросах безопасности. Так, на очередных переговорах В. Путина и Си Цзиньпина было отмечено, что «стороны (Китай и Россия. – *Прим. авт.*) призывают уважать суверенитет, безопасность и интересы других стран, многообразие их цивилизационных и культурно-исторических укладов, объективно и справедливо относиться к мирному развитию других государств» [20, с. 15].

В итоге, разыгрывая затяжные конфликты, будь то на Украине (в отношениях с Россией, но косвенно касается и Китая, например, в ситуации с заводом «Мотор Сич»), Тайване или Казахстане, США как ключевой интересант стремятся столкнуть участников противостояния, ослабить страны экономически, создать определенные трудности для коммуникации этих стран в мировом сообществе. Не исключено, что со временем внешнеполитические интриги США могут стать более изобретательными, сплетая конфликтные регионы в один единый узел, вовлекая в него существующие правительства в изгнании (правительство Тибета в изгнании в Индии с проамериканским лидером Лобсанг Сенге) или некогда существовавшие (правительство Синьцзяна на Тайване (1951–1971), возглавляемое уйгурским военачальником Юлбарс-ханом) с целью создания в Китае очагов напряженности на политической, этнической и религиозной почве и вовлечение в конфликт зарубежных участников через национальные диаспоры, в том числе представителей политической власти крупнейших мировых держав. Таким образом, в ситуации с КНР в действии прослеживается один из основных прин-

[1] Guo Y.-D. New counter-terror force in Xinjiang // Global Times. URL: https://www.globaltimes.cn/page/201908/1162106.shtml (дата обращения: 10.02.2022).

ципов внешней политики ряда стран – «разделяй и властвуй». Создавая очаги напряженности и в разной степени манипулируя действиями конфликтующих сторон, появляется больше возможностей оказания влияния на страны и регионы мира. В результате спорные ситуации регионального или внутристранового характера трансформируются в глобальную проблему, а внешние страны (как США) не способствуют ее разрешению, а стремятся поддерживать конфликт как можно более длительный период времени с целью достижения своих геополитических целей.

Выводы

Во избежание поощрения сепаратистских настроений и террористической угрозы целесообразно на глобальном уровне поддерживать ведущую роль ООН как регулятора мирового порядка, а не поощрять гегемонистские устремления отдельной державы. В решении политических и этнических конфликтов опираться на глобальную стратегию безопасности, придерживаться принципа мультилатерализма, а не одностороннюю политику, направленную на интересы отдельно взятой державы, а также осуществлять активное сотрудничество в рамках международных организаций ШОС и БРИКС, выступающих региональными стабилизаторами обстановки. При этом необходимо повышение авторитета ООН (некоторые эксперты ввиду деятельности организации в последние годы указывают на недееспособность данного института и его ненужность) посредством трансформации его деятельности на изначально заявленные цели в Уставе при организации этого института. Например, возможно, имеет смысл изменить место штаб-квартиры ООН ввиду конфликтной ситуации, связанной с запретом на въезд в США (в ООН) ряду российских сотрудников. Таким образом будет проявлена несгибаемость позиции недопустимости использования ООН в целях отдельных государств в ущерб другим. В этом аспекте важно соблюдение принципов неотвратимости и неизбежности реакции, а не замалчивания ситуаций, что создает атмосферу безнаказанности и поощряет к дальнейшим действиям негативного характера.

Но, прежде всего, следует провести разграничение международных конфликтов по уровням и степени влияния и направить усилия на их урегулирование, а не на поддержание остатков напряженности, умело манипулируя фазами тлеющего конфликта и его горячего состояния.

Также следует уточнить или расширить трактовки таких терминов, как «терроризм», «сепаратизм», «экстремизм» и прочие во избежание ситуации, когда, например, террористы разделяются по принципу «свой-чужой». В таком аспекте конфликтные ситуации, связанные с некоторыми территориями Китая (Тайвань и Синьцзян рассмотрены в работе) перейдут в область национальных вопросов КНР, международного взаимодействия соседних государств и Организации Объединенных Наций, что не позволит США (иным странам) вмешиваться в проблемные вопросы, напрямую их не касающихся.

Список литературы

1. Чернядьева Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография. М.: Проспект, 2019. 336 с.

2. Титаренко М. Л., Петровский В. Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика / Институт Дальнего Востока РАН. М.: Весь мир, 2016. 304 с.

3. Duchatel M., Brauner O., Hang Z. Chinese debates on non-interference // Protecting China's Overseas Interests: The Slow Shift away from Non-interference. Stockholm International Peace Research Institute Publ., 2014. P. 5–20.

4. Zheng C. China debates the non-interference principle // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9(3). P. 349–374.

5. An H.-H. The principal of non-interference versus neo-interventionism // Foreign Affairs Journal. 2012. Vol. 104. P. 56–63.

6. Ванюков Д. А., Веселовский С. П. Непризнанные государства. М.: Книжный клуб Книговек, 2011. 416 с.

7. Киреева А. А. «Движение подсолнухов» на Тайване: причины и последствия социального протеста // Социальный протест на современном Востоке / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 233–250.

8. Gyu L. D. Prospects for the Taiwan Issue in the Era of U.S.-China Strategic Competition // Asan Institute for Policy Studies. 2021. Vol. 19 (S). P. 1–4.

9. Cordesman A. H., Burke A. A., Molot M. China and Taiwan // China and the U.S.: Cooperation, Competition and/or Conflict An Experimental Assessment. Center for Strategic and International Studies (CSIS) Publ., 2019. 645 p.

10. Manifestations of International Terrorism in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (China) / I. V. Minakova, T. N. Bukreeva, A. A. Golovin, E. I. Bykovskaya // Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Madrid, Spain: IBIMA, 2019. P. 7259–7264.

11. Букреева Т. Н., Попова А. В. Анализ социально-экономических и этнополитических причин проявления международного терроризма в Китае // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 11, ч. 2. С. 37–43.

12. Сафранчук И. Концепция «Новый Шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» // Международная жизнь. 2013. № 7. С. 45–53.

13. Soliev N. China. Counter terrorist trends and analyses // International Centre for Political Violence and Terrorism Research. 2021. Vol. 1(13). P. 95–100.

14. Ли В. Китай и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом / [пер. с англ. И. Сиренко]. М.: Серебряные нити, 2021. 296 с.

15. Wang Z.-X. Research on the situation of current violent terrorist activities. The current development trend and countermeasures of violent terrorist activities / ed. by J. Cao. Chinese Institute of Criminology Publ., 2014. 570 p.

16. Ma Y. A Study of South Asia's terrorism and counter-terrorism cooperation. Beijing: Shishi Publishing House, 2018. 275 p.

17. Васильев Л. Е. Особенности борьбы с терроризмом на пространстве ШОС в современных условиях // Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2021. 176 с. https://doi.org/10.48647/IFES.2021. 14.97.004

18. Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / отв. ред. Д. В. Буяров. Изд. стереотип. М.: КРАСАНД, 2015. 296 с.

19. Li W. International terrorism has entered a new phase // World Affairs. 2019. Vol. 10. P. 27–35.

20. Ивантер А., Сысоев Т. Не всегда вместе, но никогда против // Эксперт. 2022. № 7 (1240). С. 13–17.

References

1. Chernyad'eva N. A. Mezhdunarodnyj terrorizm: proiskhozhdenie, evolyuciya, aktual'nye voprosy pravovogo protivodejstviya [International terrorism: origin, evolution, topical issues of legal counteraction]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 336 p.

2. Titarenko M. L., Petrovskij V. E. Rossiya, Kitaj i novyj mirovoj poryadok. Teoriya i praktika [Russia, China and the New World order. Theory and Practice]. Moscow, Ves' mir Publ., 2016. 304 p.

3. Duchatel M., Brauner O., Hang Z. Chinese debates on non-interference. Protecting China's Overseas Interests: The Slow Shift away from Non-interference. Stockholm International Peace Research Institute Publ., 2014, pp. 5–20.

4. Zheng C. China debates the non-interference principle. *The Chinese Journal of International Politics*, 2016, vol. 9(3), pp. 349–374.

5. An H.-H. The Principal of non-interference versus neo-interventionism. *Foreign Af-fairs Journal*, 2012, vol. 104, pp. 56–63.

6. Vanyukov D. A., Veselovskij S. P. Nepriznannye gosudarstva [Unrecognized States]. Moscow, Knizhnyj klub Knigovek Publ., 2011. 416 p.

7. Kireeva A. A. "Dvizhenie podsolnuhov" na Tajvane: prichiny i posledstviya social'nogo protesta ["Sunflower movement" in Taiwan: causes and consequences of social protest]. Social'nyj protest na sovremennom Vostoke [Social Protest in the Modern East]; ed. by D. V. Strel'cov. Moscow, Aspekt Press Publ., 2016, pp. 233–250.

8. Gyu L. D. Prospects for the Taiwan issue in the era of U.S.-China strategic competition. *Asan Institute for Policy Studies*, 2021, vol. 19 (S), pp. 1–4.

9. Cordesman A. H., Burke A. A., Molot M. China and Taiwan. China and the U.S.: cooperation, competition and/or conflict an experimental assessment. Center for Strategic and International Studies (CSIS) Publ., 2019. 645 p.

10. Minakova I. V., Bukreeva T. N., Golovin A. A., Bykovskaya E. I. Manifestations of international terrorism in the Xinjiang Uyghur autonomous region (China). Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Madrid, Spain, IBIMA, 2019, pp. 7259–7264.

11. Bukreeva T. N., Popova A. V. Analiz social'no-ekonomicheskih i etnopoliticheskih prichin proyavleniya mezhdunarodnogo terrorizma v Kitae [Analysis of socio-economic and ethnopolitical causes of international terrorism in China]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2019, no. 11, pt. 2, pp. 37–43.

12. Safranchuk I. Koncepciya "Novyj Shelkovyj put'" i politika SSHA v "Bol'shoj Central'noj Azii" [The concept of the "New Silk Road" and US policy in "Greater Central Asia"]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Life*, 2013, no. 7, pp. 45–53.

13. Soliev N. China. Counter terrorist trends and analyses. *International Centre for Political Violence and Terrorism Research*, 2021, vol. 1(13), pp. 95–100.

14. Li V. Kitaj i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s terrorizmom [China and international cooperation in the fight against terrorism]. Moscow, Serebryanye niti Publ., 2021. 296 p.

15. Wang Z.-X. Research on the situation of current violent terrorist activities. The current development trend and countermeasures of violent terrorist activities; ed. by J. Cao. Chinese Institute of Criminology Publ., 2014. 570 p.

16. Ma Y. A Study of South Asia's terrorism and counter-terrorism cooperation. Beijing, Shishi Publishing House, 2018. 275 p.

17. Vasil'ev L. E. Osobennosti bor'by s terrorizmom na prostranstve SHOS v sovremennyh usloviyah [Features of the fight against terrorism in the SCO space in modern conditions]. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v interesah obespecheniya bezopasnosti geopoliticheskogo pros-

transtva SHOS: problemy i perspektivy [Cooperation between Russia and China in the interests of ensuring the security of the SCO geopolitical space: problems and prospects]. Moscow, Institut of the Far East of the RAS Publ., 2021. 176 p. https://doi.org/10.48647/IFES.2021. 14.97.004

18. Sovremennyj Kitaj: Social'no-ekonomicheskoe razvitie, nacional'naya politika, etnopsihologiya [Modern China: Socio-economic development, national policy, ethnopsychology]; ed. by D. V. Buyarov. Moscow, KRASAND Publ., 2015. 296 p.

19. Li W. International terrorism has entered a new phase. *World Affairs*, 2019, vol. 10, pp. 27–35.

20. Ivanter A., Sysoev T. Ne vsegda vmeste, no nikogda protiv [Not always together, but never against]. *Ekspert* = *Expert*, 2022, no. 7 (1240), pp. 13–17.

Информация об авторе / Information about the Author

Букреева Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tnbinchina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-7010-4591,
Scopus ID: 55849638700

Tatyana N. Bukreeva, Senior Lecturer of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
E-mail: tnbinchina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-7010-4591,
Scopus ID: 55849638700

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-114-123

(cc) BY 4.0

Об основных задачах государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности в сфере внешней политики

Е. С. Устинович [1]✉, М. М. Шныптев[2]

[1]Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И. И. Иванова
ул. Карла Маркса 70, г. Курск 305004, Российская Федерация

[2]Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Средний проспект В. О. 57/43, г. Санкт-Петербург 199178, Российская Федерация

✉ e-mail: lenausti@mail.ru

Резюме

Актуальность *темы настоящего исследования обусловлена необходимостью оценки действующих военно-политических механизмов при решении задач Военно-морским флотом Российской Федерации во внешнеполитической деятельности России, определенных в документах политического, доктринального, стратегического и правового характера.*

Цель исследования *– анализ состояния реализации задач визитов и деловых заходов Военно-морского флота России, демонстрации силы и боевой работы в условиях проведения спецоперации на Украине.*

Задачами исследования *стали: анализ информации и данных открытого доступа о количестве визитов и деловых заходов Военно-морского флота России за период с 2018 по 2022 год; контент-анализ отдельных положений документов политического, доктринального, стратегического и правового характера, определяющих современный вектор развития морской деятельности в России до 2030 года; анализ исследований современных российских ученых – военно-морских специалистов, гражданских политологов по проблематике задач российского военного флота во внешней политике государства и т.д.; формулирование выводов о направлениях трансформации задач Военно-морского флота России во внешнеполитической сфере с учетом провведения спецоперации в Украине.*

Методология. *В исследовании использованы общенаучные методы исследования – анализа и синтеза информации при включении методов политического анализа и политического прогнозирования. Применен политико-правовой подход к исследованию. Учтены факты политической реальности конца февраля – начала марта 2022 года.*

Результаты. *Авторами обоснована трансформация задач российского военного флота при реализации внешнеполитического направления своей деятельности.*

Выводы. *Дана оценка действующим военно-политических механизмам при решении задач Военно-морским флотом Российской Федерации во внешнеполитической деятельности России.*

Ключевые слова: *государственная политика; морская деятельность; военно-морская политика; внешнеполитическая деятельность; визиты и деловые заходы; демонстрация силы.*

Конфликт интересов*: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Устинович Е. С., Шныптев М. М. Об основных задачах государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности в сфере внешней политики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 114–123. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-114-123.

Поступила в редакцию 20.02.2022 Принята к публикации 09.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Устинович Е. С., Шныптев М. М., 2022

On the Main Tasks of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Navigation Activities in the Sphere of Foreign Policy

Elena S. Ustinovich[1] ✉, Mikhail M. Shnyptev[2]

[1]Kursk State Agricultural Academy named after Professor I.I. Ivanova
70 Karl Marx str., Kursk 305004, Russian Federation

[2]Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
57/43 Srednij prospekt V. O., St. Petersburg 199178, Russian Federation

✉ e-mail: lenausti@mail.ru

Abstract

The relevance *of the topic of this study to the tasks of the Navy of the Russian Federation in the implementation of Russia's foreign policy activities. The tasks of the Russian navy are defined in political, doctrinal, strategic and legal documents.*

The purpose *of the study is to analyze the state of implementation of the tasks of visits and business calls of the Russian Navy, demonstration of strength and combat work in the conditions of a special operation in Ukraine.*

The objectives *of the study were: analysis of information and open access data on the number of visits and business calls of the Russian Navy for the period from 2018 to 2022; content analysis of certain provisions of documents of a political, doctrinal, strategic and legal nature that determine the modern vector of development of maritime activities in Russia until 2030; analysis of the research of modern Russian scientists - naval specialists, civilian political scientists on the problems of the tasks of the Russian navy in the foreign policy of the state, etc.; formulating conclusions about the directions of transformation of the tasks of the Russian Navy in the foreign policy sphere, taking into account the conduct of a special operation in Ukraine.*

Methodology*. The study used general scientific research methods - analysis and synthesis of information, including the methods of political analysis and political forecasting. The political and legal approach to the study is applied. The facts of the political reality of the end of February – the beginning of March 2022 are taken into account.*

Results*. The authors substantiate the transformation of the tasks of the Russian navy in the implementation of the foreign policy direction of its activities.*

Conclusions*. The assessment of the current military-political mechanisms in solving the tasks of the Navy of the Russian Federation in the foreign policy activities of Russia is given.*

Keywords*: state policy; maritime activities; naval policy; foreign policy activities; visits; business calls; show of force.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ustinovich E. S., Shnyptev M. M. On the Main Tasks of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Navigation Activities in the Sphere of Foreign Policy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 114–123. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-114-123.

Received 20.02.2022 Accepted 09.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Актуальность исследования проблемы задач Военно-морского флота России во внешнеполитической деятельности как инструмента государственной политики в сфере военно-морской деятельности обусловлена исключительно важной и государственно значимой проблемой защиты национальных интересов современного российского государства, российского общества в Мировом океане.

Современные геополитические интересы ряда государств все больше концентрируются в Мировом океане, что обу-

словлено вступлением человечества в новую стадию «передела глобальных ресурсов и сфер влияния» [1].

В Мировом океане увеличивается присутствие ведущих мировых держав, в связи с чем актуализируется проблема обеспечения комплексной безопасности не только в прибрежных территориях, но и в открытом море.

Геополитические интересы морских держав в начале XXI в. все больше обусловливаются целями и задачами так называемой «голубой экономики», связанной с их все возрастающей экономической деятельностью как в портовых прибрежных городах, так и собственно в Мировом океане, где сосредоточены значительные мировые запасы минерально-сырьевой базы, включая углеводороды, современные морские транспортные пути и логистические хабы, представляющие огромный экономический интерес и выгоду для государств, имеющих к ним доступ.

Глобальная геоэкономическая конкуренция обостряет военно-политическую ситуацию в Мировом океане и определяет новые требования к содержанию внешней политики в сфере морской деятельности для Военно-морского флота России.

Методология

Методология проведенного исследования включила в себя использование общенаучных методов исследования: анализа и синтеза информации, политико-правового подхода, политического анализа фактов политической реальности конца февраля – начала марта 2022 г., политического прогнозирования и др.

Использованы официальные источники политической и правовой информации (kremlin.ru, pravo.gov.ru), новостные материалы, статьи, размещенные на официальном портале Министерства обороны Российской Федерации по теме визитов и деловых заходов кораблей и судов Военно-морского флота в порты иностранных государств, демонстрации силы (https://mil.ru/) за последние 5 лет (2017–2021 гг.), СМИ и др.

Оригинальная авторская методика с включением междисциплинарного подхода позволила сформировать целостное представление о роли Военно-морского флота России как инструмента внешнеполитической деятельности и политики согласно Морской доктрине Российской Федерации.

Результаты и их обсуждение

Национальные интересы России в сфере военно-морской деятельности сосредоточены, прежде всего, в Мировом океане[1] [2; 3].

Еще более ста лет назад великий русский реформатор П. А. Столыпин говорил: «Великие мировые державы имеют и мировые интересы. Великие мировые державы должны участвовать и в международных комбинациях, они не могут отказываться от права голоса в разрешении мировых событий. Флот – это тот рычаг, который дает возможность осуществить это право, это необходимая принадлежность всякой великой державы, обладающей морем»[2].

Российская Федерация как современное государство, к сожалению, прошла и такие периоды своего государственного развития, которые не были благоприятными для военного флота России. Более чем десятилетний период так называемых 90-х годов прошлого, двадцатого века был судьбоносным для него, спорным и далеко не всегда однозначным даже с точки зрения государственной политики развития военно-морской деятельности.

[1] Интересы России в Мировом океане. Они должны быть надежно защищены. URL: http://old.redstar.ru/vmf/2000_05_24.html (дата обращения: 03.03.2022).

[2] Петр Столыпин: «России нужен могучий флот». URL: https://rusdozor.ru/2021/04/14/pyotr-stolypin-rossii-nuzhen-moguchij-flot_1058489/ (дата обращения: 03.03.2022).

Как отмечают многие специалисты [4, с. 142–151], отголоском данных проблем стало и современное сохраняющееся несовершенство документов стратегического характера в целях развития Военно-морского флота России, требующих детализации и конкретизации с учетом современной геополитической обстановки в 2022 г.[1]

Тем не менее, И. А. Умнова (Конюхова), В. С. Саранцева [5] положительно оценивают Морскую доктрину Российской Федерации как стратегический документ, определяющий основные векторы и направления деятельности Российской Федерации в Мировом океане в интересах национальной безопасности.

Документы стратегического характера в сфере морской деятельности современной России, безусловно, учитывают отдельные аспекты аналогичных документов ведущих мировых держав с точки зрения морской конкуренции, защиты национальных интересов и безопасности в Мировом океане.

А. А. Тушков и А. А. Тушков в этой связи подчеркивают, что сегодня нельзя не учитывать «расширение глобального американского внешнеполитического доминирования» и «развертывание американских военно-морских сил в Индо-Тихоокеанском регионе» [6]. Авторами также подчеркивается сильное изменение политических процессов за последние двадцать лет в Азиатско-Тихоокеанском регионе, характеризующееся их нарастающей остротой и фундаментальным изменением расстановки глобальных сил, где особое место отводится военно-морским силам США.

В связи со сказанным предметом исследования в настоящей статье стали задачи Военно-морского флота России во внешнеполитической деятельности России, механизмы их решения. Отметим, что они определены на уровне президентского указа. В Указе Президента Российской Федерации от 20 июня 2017 г.[2] (далее – Указ Президента 2017 г.) обозначены ряд задач в сфере внешнеполитической деятельности, которые носят комплексный и проблемный характер.

Военно-морской флот России – один из инструментов внешнеполитической деятельности России. Исследования роли Военно-морского флота России как инструмента внешнеполитической деятельности нашего государства находятся в центре научного внимания среди специалистов военно-политической науки, гражданских политологов, историков и др.

Проблематика понятия, сущности и содержания национальных интересов России в Мировом океане, в том числе арктических морях, включая вопросы стратегического значения Северного морского пути находятся в центре внимания таких ученых, как: А. И. Исмаилов, А. Н. Попов, В. В. Пучнин, И. А. Кононович [2], В. В. Круглов, М. А. Лопатин [8] и др. [9; 10; 11; 12; 13; 14] Так, в частности, указанными авторами проводится детальный и критический анализ национальной морской политики России. Обращается внимание на то обстоятельство, что при сохранении прежних рисков, появляются для Российской Федерации новые риски в Мировом океане, связанные с все более частными случаями военно-морского присутствия недружественных государств непосредственно у

[1] РСМД: Что скрывает новая военно-морская доктрина России? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-skryvaet-novaya-voenno-morskaya-doktrina-rossii/ (дата обращения: 27.02.2022); РСМД: Перспективы развития ВМФ России как военного инструмента глобальной политики. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-razvitiya-vmf-rossii-kak-voennogo-instrumenta-gl/ (дата обращения: 27.02.2022).

[2] Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года: указ Президента РФ от 20 июля 2017 г. № 327. URL: https://base.garant.ru/71725734/ (дата обращения: 27.02.2022).

берегов России. Разработано и обосновано положение, согласно которому предлагается расширить содержание национальных интересов Российской Федерации на весь Мировой океан в целях укрепления ее позиций среди ведущих мировых морских держав.

Правовые, законодательные вопросы глубоко проработаны М. А. Неупокоевым[1]. Им, в частности, сделаны предложения по совершенствованию документов государственно-правового характера в сфере стратегического планирования, управления военно-морской деятельностью, а также по ее ежегодному мониторингу.

Определена необходимость выстраивания современной целостной системы государственного управления морской деятельностью в целях повышения ее эффективности, обеспечения к ней интегрального подхода, совершенствования морского потенциала страны.

Л. А. Ожегова, Я. М. Ковалюк детально исследуют проблематику морских споров и конфликтов, механизмы их разрешения с учетом современных национальных управленческих и функциональных возможностей, включающих в себя нормы международного морского права. Авторами подчеркивается, что до самого последнего времени Военно-морские силы России не применялись в целях защиты морских рубежей страны. При этом они всегда находятся в состоянии боевой готовности на случай решения оперативных и стратегических задач на «океанических и морских театрах военных действий» [15].

Среди диссертационных исследований в первую очередь следует выделить докторскую диссертацию В. И. Куроедова [16], в которой национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане стали объектом исследования. В своей работе В. И. Куроедов критически отметил важнейшие проблемы военно-морской деятельности в девяностых годах XX века: ослабление роли государства, невыполнение задач военно-морского присутствия России в оперативно важных районах Мирового океана, нарастание процесса старения флота, незавершенное строительство кораблей и судов, исключенных из государственного оборонного заказа и др.

Однако данные исследования следует развивать активнее, постоянно внося предложения по корректировке документов военно-политического и стратегического характера, разработке механизмов государственной политики в сфере морской деятельности России в условиях стремительно меняющейся геополитической обстановки [17; 18].

Политическое, доктринальное, стратегическое и правовое обеспечение государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности при решении внешнеполитических задач представлено указами Президента Российской Федерации, федеральными законами Российской Федерации, Морской доктриной Российской Федерации, Стратегией развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года и другими документами.

В соответствии с п. «г» Указа Президента 2017 г. основными задачами государственной военно-морской деятельности в сфере внешнеполитической деятельности являются: «…обеспечение достаточного военно-морского присутствия Российской Федерации в стратегически важных районах Мирового океана, демонстрации флага Российской Федерации и военной силы; расширение географии визитов и деловых заходов кораблей и судов Военно-морского флота в порты иностранных государств».

Одна из важнейших задач – военно-морское присутствие Российской Федерации

[1] Неупокоев М. А. Векторы развития морской деятельности России (о разработке и корректировке нормативных правовых актов в области морской деятельности). URL: https://vm.ric.mil.ru/upload/site178/yQH4EuoqhP.pdf# (дата обращения: 27.02.2022).

рации в стратегически важных районах Мирового океана, демонстрация флага Российской Федерации и военной силы решается Военно-морским флотом на высоком уровне и постоянно демонстрирует свой океанский статус и способность действовать во всех широтах.

На основании анализа информации и данных открытого доступа, представленных на сайте Министерства обороны Российской Федерации, можно сделать вывод о регулярности визитов и деловых заходов кораблей и судов Военно-морского флота в порты иностранных государств. Так, в частности, за последние 5 лет Военно-морской флот России осуществил несколько сотен визитов и деловых заходов СВОИХ кораблей и судов в зарубежные порты. В 2018 г. осуществились заходы в порты Китая, Японии, Сингапура, Пороса, Шри-Ланки, Карачи, Таиланда и др. В 2019 г. визиты и заходы кораблей Военно-морского флота Российской Федерации состоялись в морские порты следующих государств: Филиппины, Актау (Казахстан), Куба, Вьетнам, Египет и др. В 2020 г. целями визитов стали Индонезия, Шри-Ланка, Бруней, Коломбо и др.; в 2021 г.– Греция, Сингапур, Лимасол и др.

Дружественная практика визитов и деловых заходов, как правило, представляет собой целую программу пребывания от нескольких дней до нескольких недель, с проведением различных мероприятий. Однако внешнеполитическая ситуация изменилась самым кардинальным образом с конца февраля 2022 г. Накануне начала спецоперации на Украине 24 февраля 2022 г. на заседании Совета Безопасности 21 февраля 2022 г. Президент России В. В. Путин подчеркнул: «…мы в последние месяцы, в конце прошлого года активизировали свою работу с нашими основными партнёрами в Вашингтоне и в НАТО, для того чтобы договориться в конце концов об этих мерах безопасности и обеспечить спокойное, благополучное развитие страны в мирных условиях. Для нас это задача номер один, это приоритет для нашей страны: не конфронтация, а обеспечение безопасности и условий для развития»[1].

С учетом начала 24 февраля 2022 г. спецоперации, изменения в этой связи уровня важности геополитических трансформаций и внешней политики, данные задачи все больше актуализировались. На самом высоком политическом уровне были приняты важные государственные решения по защите экономики страны. Ведь экономические санкции, объявленные западными странами в отношении Российской Федерации еще в 2014 г., в 2022 г. стали носить тотальный характер [19, с. 245–252; 20, с. 81–88]. В этой связи 8 марта 2022 г. был подписан Федеральный закон[2], направленный на защиту национальных интересов России от недружественных действий иностранных государств и международных организаций –. Данный закон призван защитить Российскую Федерацию от все большей эскалации санкционной политики зарубежных государств, направленных против России. Закон также существенно корректирует внешнюю политику Российской Федерации на более глубокий учет национальных интересов нашего государства.

Подчеркнем, что роль военно-морской деятельности, военно-морской политики и Военно-морского флота России как механизмов и инструментов внешнеполитической деятельности в этих условиях разительно возрастает.

Современная военно-политическая ситуация требует также возврата в арсе-

[1] Глава государства провёл в Кремле заседание Совета Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/security-council/67825 (дата обращения: 03.03.2022).

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203080001 (дата обращения: 09.03.2022).

нал деятельности Военно-морского флота Российской Федерации практики постоянного присутствия группировок ВМФ в оперативно важных морских районах и районах Мирового океана в целях защиты национальных интересов нашей страны.

В период проведения спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины на передний план выдвигается такое направление внешнеполитической деятельности как непосредственное участие Военно-морского флота России в спецоперации на Украине, его боевая работа. В частности, российский Военно-морской флот задерживает войска Украины в Одессе. С первых часов спецоперации на Украине Черноморскому флоту России было доверено выполнение части первых ударов по военной инфраструктуре демилитаризируемого противника. Принимает участие в нанесении точечных ударов по военной инфраструктуре Украины также и Каспийская флотилия.

Таким образом, российская военно-морская тактика и стратегия решения задач во внешней политике государства приобретает новые импульсы, продиктованные современными внешнеполитическими условиями.

Выводы

Государственная морская политика в девяностые годы XX века негативно сказалась на российской военно-морской деятельности. Страна находилась на грани потери не только своего военно-морского флота как вида Вооруженных сил Российской Федерации, но главное – своих позиций среди мировых морских держав.

Начало XXI в. отмечено достойным возвращением России в Мировой океан, усилением в нем своего геостратегического и военно-политического присутствия. Важнейшие задачи Военно-морского флота во внешней политике России в Мировом океане решаются сегодня на достойном уровне. Военно-Морской флот России решает поставленные перед ним задачи во внешней политике государства успешно на протяжении многих лет.

Внешнеполитическая ситуация конца февраля 2022 г. вносит определенные коррективы по направлениям работы Военно-морского флота России во внешнеполитической деятельности – от доминирования визитов и деловых заходов в порты современных морских государств, демонстрации силы до боевой работы российского флота.

Список литературы

1. Дружинин А. Г., Лачининский С. С. Россия в мировом океане: геоэкономические и геополитические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151, № 6. С. 1–19. http://doi.org/10.31857/S0869-607115161-19.

2. Кононович И. А. Национальные интересы России в арктических морях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 70, ч. 1. С. 198–201.

3. Хлопов О. А. Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии // Социология. 2021. № 2. С. 136–145.

4. Устинович Е. С., Цыбаков Д. Л. Доктринальное обеспечение государственной политики национальной безопасности России в контексте конституционной реформы 2020 года // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 4. С. 142–151. https://doi/org/10.22394/2071-2367-2020-15-4-142-151.

5. Умнова (Конюхова) И. А., Саранцева В. С. Программно-доктринальные и стратегические акты Президента Российской Федерации в системе конституционно-правового

регулирования обеспечения гражданского мира и безопасности // Образование и право. 2016. № 12. С. 29–36.

6. Тушков А. А., Тушков А. А. Военно-морское присутствие США в Индо-тихоокеанском регионе в контексте глобальной внешнеполитической стратегии // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2(104), ч. 2. С. 168–174.

7. Исмаилов А. И., Попов А. Н., Пучнин В. В. Национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане и инструменты государственной политики для их защиты // Военная мысль. 2020. № 12. С. 6–13.

8. Круглов В. В., Лопатин М. А. О стратегическом значении Северного морского пути // Военная мысль. 2020. № 9. С. 92–102.

9. Курылев К. П., Пархитько Н. П., Никулин М. А. Военно-морская сила России в Черноморском и Средиземноморском регионах // Постсоветские исследования. 2020. № 1. С. 26–39.

10. Политика современного государства: актуальные проблемы и приоритеты / Е. Н. Малик, В. А. Котельников, Б. В. Пикалов, Е. Н. Никитина. Орел: Академия ФСО России, 2020. 254 с.

11. Кравчук А. А. Основные угрозы национальной безопасности Российской Федерации в Арктике и формирование государственной политики по их нейтрализации: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2017. 225 с.

12. Султанов А. Д. Государственная политика обеспечения военной безопасности в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2016. 161 с.

13. Устинович Е. С., Бочанов М. А. Репутационный капитал государства: от теории к практике // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3(25). С. 259–269.

14. Чирков В. В. Государственная программа вооружения – документ среднесрочного планирования технического переоснащения армии и флота // Труды Крыловского государственного научного центра. 2020. № 3 (393). С. 113–120.

15. Ожегова Л. А., Ковалюк Я. М. Теоретико-методологические основы политико-географического изучения международных споров в Мировом океане // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2017. Т. 3(13). Вып. 3.

16. Куроедов В. И. Стратегия государства по защите и реализации национальных интересов России в Мировом океане: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2000. 261 с.

17. Рукавицын П. М. Становление и развитие немецкой классической геополитики: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009. 368 с.

18. Соколов Д. Е. Геополитическая теория П. Н. Савицкого: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008. 163 с.

19. Устинович Е. С. Санкционная экономическая политика США как геополитическая реальность // Международная экономика. 2021. № 4. С. 245–252. https://doi.org/10.33920/vne-04-2104-01.

20. Устинович Е. С., Келеман Л. А. Политические и экономические санкции в отношении России: вопросы региональной интеграции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 81–88.

References

1. Druzhinin A. G., Lachininskij S. S. Rossiya v mirovom okeane: geoekonomicheskie i geopoliticheskie interesy, masshtab i formaty "prisutstviya" [Russia in the world Ocean: geo-economic and geopolitical interests, the scale and formats of "presence"]. *Izvestiya Russkogo ge-*

ograficheskogo obshchestva = News of the Russian Geographical Society, 2019, vol. 151, no. 6, pp. 1–19. https://doi.org/10.31857/S0869-607115161-19

2. Kononovich I. A. Nacional'nye interesy Rossii v arkticheskih moryah [National interests of Russia in the Arctic seas]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2008, no. 70, pt. 1, pp. 198–201.

3. Hlopov O. A. Strategiya Rossii i NATO v Arktike: vozmozhnye scenarii [The strategy of Russia and NATO in the Arctic: possible scenarios]. *Sociologiya = Sociology*, 2021, no. 2, pp. 136–145.

4. Ustinovich E. S., Cybakov D. L. Doktrinal'noe obespechenie gosudarstvennoj politiki nacional'noj bezopasnosti Rossii v kontekste konstitucionnoj reformy 2020 goda [Doctrinal support of the state policy of national security of Russia in the context of the constitutional reform of 2020]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2020, vol. 15, no. 4, pp. 142–151. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-4-142-151

5. Umnova (Konyuhova) I. A., Saranceva V. S. Programmno-doktrinal'nye i strategicheskie akty Prezidenta Rossijskoj Federacii v sisteme konstitucionno-pravovogo regulirovaniya obespecheniya grazhdanskogo mira i bezopasnosti [Program-doctrinal and strategic acts of the President of the Russian Federation in the system of constitutional and legal regulation of ensuring civil peace and security]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2016, no. 12, pp. 29–36.

6. Tushkov A. A., Tushkov A. A. Voenno-morskoe prisutstvie SSHA v Indo-tihookeanskom regione v kontekste global'noj vneshnepoliticheskoj strategii [The US naval presence in the Indo-Pacific region in the context of the global foreign policy strategy]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Scientific Research Journal*, 2021, no. 2(104), pt. 2, pp. 168–174.

7. Ismailov A. I., Popov A. N., Puchnin V. V. Nacional'nye interesy Rossijskoj Federacii v Mirovom okeane i instrumenty gosudarstvennoj politiki dlya ih zashchity [National interests of the Russian Federation in the World ocean and instruments of state policy for their protection]. *Voennaya mysl' = Military Thought*, 2020, no. 12, pp. 6–13.

8. Kruglov V. V., Lopatin M. A. O strategicheskom znachenii Severnogo morskogo puti [About the strategic importance of the Northern Sea Route]. *Voennaya mysl' = Military thought*, 2020, no. 9, pp. 92–102.

9. Kurylev K. P., Parhit'ko N. P., Nikulin M. A. Voenno-morskaya sila Rossii v Chernomorskom i Sredizemnomorskom regionah [Naval power of Russia in the Black Sea and Mediterranean regions]. *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*, 2020, no. 1, pp. 26–39.

10. Malik E. N., Kotel'nikov V. A., Pikalov B. V., Nikitina E. N. Politika sovremennogo gosudarstva: aktual'nye problemy i prioritety [Politics of the modern state: current issues and priorities]. Orel, Akademiya FSO Rossii Publ., 2020. 254 p.

11. Kravchuk A. A. Osnovnye ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii v Arktike i formirovanie gosudarstvennoj politiki po ih nejtralizacii. Diss. kand. polit. nauk [The main threats to the national security of the Russian Federation in the Arctic and the formation of a state policy to neutralize them. Cand. polit. sci. diss.]. Vladivostok, 2017. 225 p.

12. Sultanov A. D. Gosudarstvennaya politika obespecheniya voennoj bezopasnosti v sovremennoj Rossii. Diss. kand. polit. nauk [State policy of ensuring military security in modern Russia. Cand. polit. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2016. 161 p.

13. Ustinovich E. S., Bochanov M. A. Reputacionnyj kapital gosudarstva: ot teorii k praktike [The reputation capital of the state: from theory to practice]. *Vestnik Diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir = Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world*, 2020, no. 3(25), pp. 259–269.

14. Chirkov V. V. Gosudarstvennaya programma vooruzheniya – dokument srednesrochnogo planirovaniya tekhnicheskogo pereosnashcheniya armii i flota [The state armament program is a document of medium-term planning of technical re-equipment of the army and navy]. *Trudy Krylovskogo gosudarstvennogo nauchnogo centra = Proceedings of the Krylov State Scientific Center*, 2020, no. 3 (393), pp. 113–120.

15. Ozhegova L. A., Kovalyuk Ya. M. Teoretiko-metodologicheskie osnovy politiko-geograficheskogo izucheniya mezhdunarodnyh sporov v Mirovom okeane [Theoretical and methodological foundations of the politico-geographical study of international disputes in the World Ocean]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov = Geopolitics and ecogeodynamics of regions,* 2017, vol. 3(13), is. 3.

16. Kuroedov V. I. Strategiya gosudarstva po zashchite i realizacii nacional'nyh interesov Rossii v Mirovom okeane. Diss. dokt. polit. nauk [The state's strategy for the protection and realization of Russia's national interests in the World Ocean. Dr. polit. sci. diss.]. Moscow, 2000. 261 p.

17. Rukavicyn P. M. Stanovlenie i razvitie nemeckoj klassicheskoj geopolitiki. Diss. dokt. polit. nauk [Formation and development of German classical geopolitics. Dr. polit. sci. diss.]. Moscow, 2009. 368 p.

18. Sokolov D. E. Geopoliticheskaya teoriya P. N. Savickogo. Diss. kand. polit. nauk [The geopolitical theory of P. N. Savitsky. Cand. polit. sci. diss.]. St. Petersburg, 2008. 163 p.

19. Ustinovich E. S. Sankcionnaya ekonomicheskaya politika SSHA kak geopoliticheskaya real'nost' [US Sanctions Economic Policy as a Geopolitical Reality]. *Mezhdunarodnaya ekonomika = International Economics*, 2021, no. 4, pp. 245–252. https://doi.org/10.33920/vne-04-2104-01.

20. Ustinovich E. S., Keleman L. A. Politicheskie i ekonomicheskie sankcii v otnoshenii Rossii: voprosy regional'noj integracii [Political and economic sanctions against Russia: issues of regional integration]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 81–88.

Информация об авторах / Information about the Authors

Устинович Елена Степановна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики, управления и гуманитарных наук, Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И. И. Иванова; руководитель Курского отделения Национального союза политологов, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lenausti@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7690-8504

Шныптев Михаил Михайлович, соискатель, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: fugas1623@yandex.ru

Elena S. Ustinovich, Dr. of Sci. (Political), Associate Professor, Head of the Department of Economics, Management and Humanities, Kursk State Agricultural Academy named after Professor I. I. Ivanova; Head of the Kursk branch of the National Union of Political Scientists, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lenausti@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7690-8504

Mikhail M. Shnyptev, Applicant, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: fugas1623@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-124-134

CC BY 4.0

Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года

Н. Е. Горюшкина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года не получило серьезной оценки в научной литературе. Представленная статья является первой попыткой оценить влияние сельского общества на размеры питейной торговли.*

Цель *– определить место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года.*

Задачи*, которые вытекают из поставленной цели, заключаются в том, чтобы: назвать нормативные акты, устанавливающие место сельского схода в открытии питейных заведений; засвидетельствовать способы, кои виноторговцы использовали для получения согласия; определить степень самостоятельности крестьян в принятии решений.*

Методология. *Исследование проведено на основе макро- и микроисторического анализа, были использованы проблемно-хронологический, историко-типологический и историко-генетический методы.*

Результаты. *Новое законодательство поставило открытие питейных заведений на землях, принадлежащих сельским обществам, в зависимость от сельских сходов. Крестьяне с охотой шли на сельский сход о питейном заведении, вели себя важно, что объяснялось не приверженностью морали, а желанием получить за свой голос деньги или выпивку. Недружелюбно отнеслись сельские общества к Закону от 14 мая 1885 года, запретившему получение платы за разрешительный приговор. Противодействие выразилось в росте запретов на питейную торговлю. Законом от 5 мая 1892 года сельские общества получили официальное разрешение открывать питейную торговлю за плату, но расходовать ее на уплату недоимок.*

Вывод. *Винная реформа 1863 года включила сельский сход в систему регулирования питейной торговлей. В пореформенный период пределы влияния сельского схода на питейный промысел менялись, крестьянское согласие во многом зависело от сельского начальства, мировых посредников, присутствий по питейным делам. Но предоставленная возможность открывать или запрещать питейную торговлю усилила у крестьян чувство собственной значимости. Предпочтение они отдавали местным торговцам и наиболее щедрым просителям. Виноторговцы, желая получить разрешительный приговор, в открытую поили или раздавали крестьянам деньги.*

Ключевые слова: *винная реформа; питейное заведение; крестьянство; сельский сход; виноторговец.*

Финансирование*: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 124–134. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-124-134.

Поступила в редакцию 24.01.2022 Принята к публикации 26.02.2022 Опубликована 04.04.2022

© Горюшкина Н. Е., 2022

The Place of the Rural Gathering in the Regulation of the Drinking Trade after the Wine Reform of 1863

Natalia E. Goryushkina[1] ✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The place of the rural gathering in the regulation of the drinking trade after the wine reform of 1863 has not received a serious assessment in the scientific literature. The presented article is the first attempt to assess the impact of rural society on the size of the drinking trade*

The purpose − *to determine the place of the rural gathering in the regulation of the drinking trade after the wine reform of 1863.*

The objectives *which follow from the goal set, are to: to name the normative acts establishing the place of the rural gathering in the opening of drinking establishments; to testify to the ways that wine merchants used to obtain consent; to determine the degree of independence of peasants in decision-making.*

Methodology. *The study was conducted on the basis of macro- and micro-historical analysis, problem-chronological, historical-typological and historical-genetic methods were used.*

Results. *The new legislation made the opening of drinking establishments on the lands belonging to rural societies dependent on rural gatherings. Peasants willingly went to a village meeting about a drinking establishment, behaved importantly, which was explained neither by adherence to morality, but by the desire to get money or booze for their vote. Rural societies reacted unfriendly to the Law of May 14, 1885, which prohibited receiving payment for a permissive sentence. The opposition was expressed in the growth of bans on the drinking trade. By law, on May 5, 1892, rural societies received official permission to open a drinking trade for a fee, but to spend it on paying arrears.*

Conclusions. *The wine reform of 1863 included the village assembly in the system of regulation of the drinking trade. In the post-reform period, the limits of the influence of the rural gathering on the drinking industry changed, peasant consent largely depended on the rural authorities, world intermediaries, and the presence of drinking affairs. But the opportunity to open or prohibit the drinking trade strengthened the peasants' sense of self-importance. They gave preference to local merchants and the most generous petitioners. Wine merchants, wanting to get a permissive verdict, openly watered or distributed money to the peasants.*

Keywords: *wine reform; drinking establishment; peasantry; rural gathering; wine merchant.*

Funding: *The publication was carried out within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Goryushkina N. E. The Place of the Rural Gathering in the Regulation of the Drinking Trade after the Wine Reform of 1863. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 124–134. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-124-134.

Received 24.01.2022 Accepted 26.02.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Манифест Александра II от 19 февраля 1861 г. велел «образовать в помещичьих имениях мирские управления» [1, с. 34]. Крестьянам предоставлялось право участвовать в сельском сходе. Отдельную крестьянскую семью на сельском сходе представлял хозяин или старший ее член, как правило, мужчина. Принять участие в сельском сходе могли женщины, если взрослых мужчин в доме не было. Не допускались на сход лица духовного звания, чины уездной полиции, состоявшие

под следствием или судом по преступлениям или проступкам, влекущим за собой потерю особенных прав и преимуществ, а также лица, отданные по решению суда под надзор полиции [2, с. 7].

Сельский сход созывался в воскресные и праздничные дни по окончании богослужения в местной церкви. Так как сельские общества состояли из одного селения или нескольких, местом проведения схода становилось «серединное» или наиболее «многолюдное» село. В ненастное время года и зимой сельский сход проходил в одной из просторных изб (с соблюдением очереди) или в здании волостного правления. «Ни под каким предлогом» сход не собирался в питейном заведении [3].

Принципы организации и функционирования крестьянского самоуправления не единожды становились объектом исторического анализа [4; 5; 6; 7]. Но, помимо вопросов о раскладе казенных, земских и общественных податей и повинностей, переделе полей, устройстве дорог, выгоне скота, покосах, презрения престарелых и увечных членов общества, обучения детей грамоте, сельский сход решал вопрос об открытии на общинной земле питейного заведения. Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 г. историками рассматривалось лишь попутно. Наиболее тщательный анализ был осуществлен Н. Е. Горюшкиной, И. Б. Русаковым [8] и С. В. Богдановым [9]. При этом нормативные акты, определившие права сельского схода в отношении питейных заведений, методы, к которым прибегали виноторговцы для склонения селян на свою сторону, степень самостоятельности сельского схода в принятии решений не становились предметом специального анализа, данная статья в некоторой мере восполнит имеющийся пробел.

В качестве ее источников выступили законодательные акты, собранные в Полном собрании законов Российской империи. Важный фактический материал почерпнут из документов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации, а также из свидетельств современников сельских сходов «о кабаках».

Методология

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория продемонстрировала эффективность при выявлении общих тенденций регулирования питейной торговли сельскими сходами в разные временные отрезки свободного оборота алкоголя; микроанализ позволил, сужая охват исследования до отдельного сельского схода, включить микрообъекты (конкретные сельские сходы) в широкий исторический контекст. Соединение общих и уникальных явлений позволило определить место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 г., объяснить поведение крестьянина на сходках.

Продуктивно были использованы проблемно-хронологический метод, в соответствии с которым «питейные» сельские сходы представлены в строгой временной последовательности, историко-типологический метод, позволивший рассмотреть место сельского схода в регулировании питейной торговли в исторической ретроспективе, историко-генетический метод, раскрывающий перемены изучаемой реальности в процессе ее развития под влиянием правительственных мер.

Результаты и их обсуждение

В русле популярной в конце 1850-х – начале 1860-х гг. теории эмансипации крестьян (превращения их в свободных и полноправных граждан), «Положение о питейном сборе» поставило открытие питейных заведений в зависимость: «а) в землях казачьих войск – от станичных сборов; б) в селениях колонистов, кресть-

ян: государственных, удельных и других наименований – от мирских приговоров; в) на землях, находящихся в непосредственном ведении Министерства государственных имуществ и уделов, − от палат государственных имуществ и удельных контор; г) на землях, принадлежащих частным лицам, − от владельцев земель, и д) на землях, принадлежащих сельским обществам, − от сельских сходов [10].

Законом от 2 мая 1864 г. был уточнен порядок открытия питейных заведений *с распивочной торговлей*, а именно кабаков, шинков, временных выставок, портерных лавок, корчем, постоялых дворов, погребов для продажи русских вин, ренсковых погребов, на землях, принадлежащих сельскому обществу [11].

Сельское общество принимало на себя функцию распорядителя, готового продемонстрировать коллективный ум, нравственную зрелость, мудрость и объективность. Решение должно быть разумным, учитывать местные обстоятельства.

Процедура была такова. «Охотник» открыть торговлю питиями обращался к старосте и просил разрешительный приговор. В редких случаях число «охотников» ограничивалось одним человеком. Даже в небольших селениях в конкурентную борьбу, как правило, вступало 2–3 торговца. Если же селение было крупным, торговым, то конкурентов было еще больше. Каждый из виноторговцев стремился получить разрешение и по возможности устранить конкурентов, чтобы его питейное заведение стало единственным в селе.

«Бумага» составлялась на сельском сходе. «За» разрешение должны были проголосовать не менее 2/3 селян, имеющих право голоса, «приложить руку» могли только те, кто действительно присутствовал на собрании. Заранее в ход шли все средства убеждения, законные и незаконные. Крестьян «подговаривали», задабривали, устрашали. Но самым распространенным способом добиться расположения крестьян было обещание им денег и вина [12, с. 26–27].

Крестьяне на сход, где решался вопрос о питейном заведении, собирались с охотой. Хотя дело было для них неизвестное, но каждый селянин чувствовал свою ценность, значительность, возможность изречь собственное суждение. Немаловажным фактором приподнятого настроения крестьян на сходке был слух об обещанной водке за разрешительный приговор. «Можно сказать положительно, что ни одна сельская сходка не обходится без водки, – сообщал корреспондент “Русского вестника”, подписавшийся “П.Б.”, – и народ так привык к этому, что, собираясь на сходку, он вполне уверен, что там предстоит ему “выпивка”; она-то, собственно, интересует и привлекает, а вовсе не то дело, которое будет там разбираться» [13, с. 465–466].

Сельская администрация старалась придать сходке организованный характер. Но избежать крика, перебранок, а порой и драк получалось не всегда. Средством убеждения противника часто служило крепкое слово. Известный публицист А. Н. Энгельгардт, воочию наблюдавший поведение крестьян на сельских сходках, писал: «Мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не поймем. Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел произведен математически точно – и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, – все принято в расчет, что счет сведен верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей,

убежден в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть хоть один сомневающийся. То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются – вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг ввернет слово – одно только слово, восклицание, – и этим словом, этим восклицанием перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное» [14, с. 233–234, 236].

Если кто-то из членов общины не соглашался с мнением большинства, в дело вступали уговорщики из числа уважаемых людей (старейшин). Даже заправские крикуны стихали, когда говорили старики. Конкурентную борьбу, как правило, выигрывал виноторговец, склонивший на свою сторону сельское начальство, уважаемых членов сельского общества и не поскупившийся на угощение селян. Преимущества имел «свой» кабатчик. Рассуждали крестьяне так: «кабатчик *чужой* человек, пришлый, с ветру; пусти его, он и будет нас обирать да наживаться, лишним грошем для нас не поступится, так уж пусть лучше *свой* человек – мы его знаем, он нас, ну и уважить» [15, с. 7].

Крестьяне в принципе не особо противились питейному заведению. По справедливому замечанию еще одного известного публициста Н. Б. Герсеванова, они были внутренне убеждены, что жить без водки нельзя, водка – «эликсир жизни, живая вода, универсальное лекарство; она греет его в стужу, прохлаждает в зной, предохраняет от действия сырости, утешает в скорби, веселит в радости, лечит наружные и часто внутренние болезни. Резь в животе, задержание мочи – врачуют водкой, настоянною перцем; болит ли голова, замочены ли ноги – тотчас примачивают сивухой; ушибся ли кто <…> – натирают водкой с камфарой; пьют с горя, с радости, с похмелья; за водкой решаются все важные дела, мирские сходки, выборы, рекрутские наборы; а о праздниках, свадьбах, радостных случаях и говорить нечего: без вина нет ни угощенья, ни крестин, ни похорон, ни проводов; без него дружба не в дружбу, радость не в радость» [16, с. 16–17].

Запретительный приговор, если таковой случался, при ближайшем рассмотрении был плодом не морали, а рационального желания селян получить за свои голоса, вдруг кому-то понадобившиеся, больше денег или больше выпивки. Доказательством того, что нравственность при вынесении запрета не играла роли, могут быть два частных случая.

В 1873 г. крестьяне одного из уездов Пензенской губернии поссорились с кабатчиком из-за того, что тот, сняв место под питейное заведение у соседнего помещика, отказался ставить сельскому обществу магарыч, что делал прежний целовальник. Крестьяне пришли в неистовство и решили «не ходить в тот кабак, пока кабатчик не уломается». Мировой посредник приписал делу нравственный характер. Он собрал сход и велел составить приговор, будто бы крестьяне «очувствовались», познали вред пьянства и, согласившись с антиалкогольными доводами посредника, вынесли решение запретить «пристанище Бахуса» [17].

Сохранился рассказ бывшего крестьянина, сделавшегося купцом-миллионером, Н. М. Чукмалдина о том, как он на протяжении 20 лет, желая противодействовать пьянству, платил от 100 до 200 руб. обществу родного села Кулакова близ Тюмени за запретительные приговоры. Когда питейное заведение открылось в «смежной» деревне Гусельниково, Николай Мартемьянович стал платить 100 руб. и этой деревне [18, с. 143–144]. Не все знали о чукмалдинских «вкладах», и в округе крестьяне этих двух деревень слыли большими трезвенниками.

Закон от 14 мая 1874 г. поставил в зависимость от мирских приговоров не

только распивочную, но и выносную торговлю питиями [19].

Законом от 1 января 1876 г. был введен запрет брать плату за разрешение питейной торговли [20]. Но эффективность нового правительственного узаконения оказалась сомнительной. Вымогательство сельских сходов стало «тайной». «Обход закона или его нарушение хранится в тайне, − писал по этому поводу "Вестник Европы", – но в данном случае о тайне большею частью может быть речь разве только в смысле „полишинелевского секрета". Сделки, посредством которых создается в деревне монополия питейной торговли, известны всем и каждому и едва скрываются крестьянами» [21, с. 348].

В этот временной отрезок питейная торговля в большей мере перешла в руки крупных торговцев. Высокий товарооборот некоторых сельских магазинов нередко превосходил обороты среднего размера оптовых складов. К примеру, в середине 1890-х гг. ведерная лавка [инициалы не указаны. – *Н. Г.*] Михеевой в Тимском уезде сбывала в год до 10 тыс. ведер вина [22]. Виноторговцы платили отступные за разрешительный приговор не сельскому сходу, а сельскому начальству – старосте, писарю, старшине, уряднику. Каждое разрешение имело цену, и в зависимости от выгод местности стоило от 100 руб. до 6 тыс. руб. [15, с. 8]

Разумеется, «целовальник» стремился как можно быстрее и с прибылью вернуть израсходованный капитал, и потому разбавлял вино, принимал заклады, отпускал вино в долг, поощрял беспатентную торговлю, но только при том условии, что беспатенщики брали спиртное у него.

Закон от 14 мая 1885 г. изменил порядок влияния сельских обществ на питейную торговлю. В местах значительного скопления народа – в селениях, где проживало 500 и более душ, а также в базарных, торговых, промышленных и фабричных селениях, при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов, на проезжих трактах, – питейная торговля была изъята из ведения сельских обществ и запрету не подлежала. Те селения, которые в указанную категорию не входили, получили возможность регулировать питейную торговлю в черте усадебной оседлости. Приговоры сельских обществ (разрешительные либо запретительные) должны были в строго установленные сроки представляться в учреждённые по Закону от 14 мая 1885 г. присутствия по питейным делам – уездные и губернские. Срок действия приговоров составлял три года. Присутствия по питейным делам могли отказать в удовлетворении запретительного приговора, в случае если ходатайства не были вызваны стремлением противодействия развитию пьянства и могли привести к беспатентной торговле или были составлены не по утверждённым правилам. В селениях, где проживало менее 500 душ, питейная торговля могла осуществляться только из одного питейного заведения, а в тех селениях, где торговля алкоголем не производилась ранее, сельские общества получили право ходатайствовать о полном запрещении питейной торговли [23].

Присутствия по питейным делам в разных частях России по-разному отнеслись к возложенной на них функции по охранению сельского населения от пьянства. Одни присутствия смотрели на питейные заведения как на сельский клуб, в котором крестьянин мог отдохнуть от трудов своих тяжких, другие не были столь лояльны и скупились на разрешения. Зато сельские общества единодушно осудили Закон от 14 мая 1885 г., отнявший у них возможность получить с виноторговцев плату за разрешительный приговор и убравший из «подчинения» самые прибыльные селения. Противодействие новым правилам выразилось в росте запретов на питейную торговлю, которые имели целью принудить виноторговцев к более значительным «магарычам».

По сведениям, приведенным непременным членом по питейным делам присутствия П. А. Роспоповым, в Богородском уезде Московской губернии запретительных приговоров в первое трехлетие (1886–1889 гг.) было составлено 112; а во второе трехлетие (1882–1892 гг.) – 302 [15, с. 7].

Выход был найден в том, что Законом от 5 мая 1892 г. сельским обществам было предоставлено право составлять приговоры о допущении на их землях питейной торговли за плату. При этом сельская администрация должна была отчитаться за деньги, полученные от виноторговцев, и направить большую их часть на уплату недоимок [24, с. 45].

В том самом Богородском уезде в третье трехлетие (1892–1895 гг.) численность запретительных приговоров сократилась до 84; а в четвертое трехлетие (1895–1898 гг.) – до 74 [15, с. 7].

Запретительные приговоры заключались еще и под давлением земских начальников. Побуждаемые намерением искоренить пьянство, они принуждали крестьян к запрету питейной торговли. Известно, в 1885 г. в 380 селениях Курской губернии сельские сходы воспретили питейную торговлю. Только в Новооскольском уезде было составлено 19 запретительных приговоров, т. к. среди крестьян распространилась «неизвестно откуда взятая молва», что в той деревне, где будет составлен разрешительный приговор, на посев не выдадут ни горсти купленного земством хлеба. «Если на сходе слышались голоса о желании разрешить питейную продажу, сейчас же следовал грозный вопрос: «Кто желает кабака, поди сюда!» Дело заканчивалось молчанием и постановлением единогласного запрета на питейную торговлю [25].

Число запретительных приговоров в начале 1890-х гг. росло так стремительно, что могла возникнуть мысль о необычайном росте сознания народа, вдруг возжелавшего уничтожить все «рассадники зла».

Как видим, права, предоставленные сельскому обществу в отношении питей, имели целью решить проблему «недоуправляемости» и сельской России, и питейной торговли. Но сельский сход не был самостоятельной единицей, за тем, чтобы «свобода» селян в отношении питей не выходила из очерченных рамок, зорко следили мировые посредники, старосты, урядники, а впоследствии по питейным делам присутствия и земские начальники.

Выводы

«Положение о питейном сборе», высочайше утвержденное 4 июля 1861 г., и принятые в его развитие законодательные акты определяли место сельского схода в открытии питейных заведений. Все сказанное позволяет однозначно заявить, что в разные периоды свободного оборота алкоголя возможности сельского схода менялись, усиливался контроль над крестьянами со стороны земств и присутствий по питейным делам. Сельские сходы, на которых решался вопрос «о кабаках», усилили у крестьян чувство собственной значимости. Предпочтение среди кандидатов на открытие питейной торговли они отдавали либо «своим» местным продавцам спиртного, либо более щедрым просителям. Большое влияние на выбор имела сельская администрация. Виноторговцы, желая склонить крестьян к нужному решению, охотно поили или раздавали деньги, которые опять-таки крестьяне несли в открывшийся кабак. Государство стремилось расширить круг учреждений, влияющих на питейную торговлю, но сельский сход, как показало время, не обладал самостоятельным голосом, его решения во многом зависели от размеров обещанного виноторговцем «магарыча».

Список литературы

1. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. К. А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1954. 500 с.

2. Масальский В. К. Сельский сход и сельские должностные лица: (Права и обязанности): по положению 19 февр. 1861 г. и другим позднейшим законоположениям и правительственным распоряжениям. Минск: Тип.-лит. Б. И. Соломонова, 1883. 166 с.

3. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36, ч. 1. №36657.

4. Вронский О. Г. Роль схода в системе крестьянского общинного управления пореформенной эпохи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1 (45). С. 58–62.

5. Старосек А. К. Роль сельских сходов в обеспечении участия местных сообществ в управлении на местах // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 105–113.

6. Прасолов Д. Н. Сельские сходы в местном самоуправлении кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. // История науки и техники. 2019. № 7. С. 47–53.

7. Кравцова Е. С. «Всегда бедны и безденежны»: Сельские сходы как элемент фискальной системы на рубеже XIX – XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 3. С. 24–33.

8. Горюшкина Н. Е., Русаков И. Б. Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894) Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3). С. 734–743.

9. Богданов С. В. Государство в борьбе за трезвое общество в начале 1880-х – начале 1890-х годов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. № 2. С. 56–73.

10. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 110 об. – 113 об.

11. О порядке открытия продажи питей в городах и селениях и о воспрещении продажи питей в лавках, торгующих другими товарами // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 39, ч. 3. №40833.

12. Быков Н. П. Сборник статей закона и правительственных распоряжений, касающихся наблюдения полиции за исполнением правил питейной торговли / сост. Н. П. Быков. Калуга: Тип. Губернского правления, 1876. 96 с.

13. П. Б. Крестьянский быт через два десятилетия после реформы // Русский вестник. М., 1880. Т. 149. С. 445–476.

14. Энгельгардт А. Из деревни. 12 писем. 1872−1887. М.: Сельхозгиз, 1960. 516 с.

15. Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии: [собраны и обработаны исполняющим дела непременного члена Богородского по питейным делам Присутствия П. А. Роспоповым. Приложение к статистическому ежегоднику Московской губернии за 1898 год]. М.: Московское губернское земство, 1898. 178 с.

16. Герсеванов Н. Б. О пьянстве в России // Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 25, декабрь. С. 13–26.

17. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 80. Л. 7–7 об.

18. Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Типо-лит. А. В. Васильева и К°, 1902. С. 143–144.

19. О порядке разрешения раздробительной продажи крепких напитков в селениях, в черте усадебной оседлости, об ограничении прав евреев на питейную торговлю и об устройстве постоялых дворов в городах // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 49, ч. 1. № 53524.

20. Об изменении примечания 1 и разъяснении примечания 5 к статье 310 Устава о питейном сборе // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 51, ч. 1. № 55458.

21. Положение нашей питейной торговли; необходимость коренной перемены в ее устройстве // Вестник Европы. Г. 16. 1881. Т. 5, кн. 9–10. С. 348–353.

22. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 37. Оп. 3. Д. 46. Л. 237 об.

23. Высочайше утвержденные Правила о раздробительной продаже напитков // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 5. № 2946.

24. Лебедев В. А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1898. 106 с.

25. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 361. Л. 7–7 об.

References

1. Krest'yanskaya reforma v Rossii 1861 goda. Sbornik zakonodatel'nyh aktov [The peasant reform in Russia in 1861. Collection of legislative acts]; ed. by K. A. Sofronenko. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1954. 500 p.

2. Masal'skij V. K. Sel'skij skhod i sel'skie dolzhnostnye lica: (Prava i obyazannosti): po polozheniyu 19 fevr. 1861 g. i drugim pozdnejshim zakonopolozheniyam i pravitel'stvennym rasporyazheniyam [Village assembly and village officials: (Rights and obligations): according to the regulations of February 19, 1861 and other later legislative provisions and government orders]. Minsk, Tip.-lit. B. I. Solomonova, 1883. 166 p.

3. Obshchee polozhenie o krest'yanah, vyshedshih iz krepostnoj zavisimosti [The general provision on peasants who came out of serfdom]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection. 2*, vol. 36, pt. 1, no. 36657.

4. Vronskij O. G. Rol' skhoda v sisteme krest'yanskogo obshchinnogo upravleniya poreformennoj epohi (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The role of the gathering in the system of peasant communal management of the post–reform era (the second half of the XIX - early XX centurie)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 1 (45), pp. 58–62.

5. Starosek A. K. Rol' sel'skih skhodov v obespechenii uchastiya mestnyh soobshchestv v upravlenii na mestah [The role of rural gatherings in ensuring the participation of local communities in local governance]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2019, vol. 25, no. 2, pp. 105–113.

6. Prasolov D. N. Sel'skie skhody v mestnom samoupravlenii kabardincev i balkarcev vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Rural gatherings in local self–government of Kabardians and Balkars in the second half of the XIX – early XX centurie]. *Istoriya nauki i tekhniki = History of Science and Technology*, 2019, no. 7, pp. 47–53.

7. Kravcova E. S. "Vsegda bedny i bezdenezhny": Sel'skie skhody kak element fiskal'noj sistemy na rubezhe XIX – XX vv. ["Always poor and penniless": Rural gatherings as an element of the fiscal system at the turn of the XIX – XX centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta dru-*

zhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia, 2008, no. 3, pp. 24–33.

8. Goryushkina N. E., Rusakov I. B. Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894) Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894). *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal = The old years. Russian Historical Journal*, 2016, no. 41-1 (3), pp. 734–743.

9. Bogdanov S. V. Gosudarstvo v bor'be za trezvoe obshchestvo v nachale 1880-h – nachale 1890-h godov [The state in the struggle for a sober society in the early 1880s – early 1890s]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Tver State University. Series: History*, 2008, no. 2, pp. 56–73.

10. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 1, d. 1, l. 110 ob. – 113 ob.

11. O poryadke otkrytiya prodazhi pitej v gorodah i seleniyah i o vospreshchenii prodazhi pitej v lavkah, torguyushchih drugimi tovarami [On the procedure for opening the sale of drinks in cities and villages and on the prohibition of the sale of drinks in shops selling other goods]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2*, vol. 39, pt. 3, no. 40833.

12. Bykov N. P. Sbornik statej zakona i pravitel'stvennyh rasporyazhenij, kasayushchihsya nablyudeniya policii za ispolneniem pravil pitejnoj torgovli [Collection of articles of the law and government orders concerning police surveillance of the implementation of the rules of the drinking trade]; ed. by N. P. Bykov. Kaluga, Tip. Gubernskogo pravleniya, 1876. 96 p.

13. P. B. Krest'yanskij byt cherez dva desyatiletiya posle reformy [P. B. Peasant life two decades after the reform]. *Russkij vestnik = Russian Bulletin*. Moscow, 1880, vol. 149, pp. 445–476.

14. Engel'gardt A. Iz derevni. 12 pisem [From the village. 12 letters]. 1872−1887. Moscow, Sel'hozgiz Publ., 1960. 516 p.

15. Dannye o polozhenii pitejnogo dela v Bogorodskom uezde Moskovskoj gubernii: [sobrany i obrabotany ispolnyayushchim dela nepremennogo chlena Bogorodskogo po pitejnym delam Prisutstviya P. A. Rospopovym. Prilozhenie k statisticheskomu ezhegodniku Moskovskoj gubernii za 1898 god] [Data on the state of the drinking business in the Bogorodsky district of the Moscow province: [collected and processed by P.A. Rospopov, the acting permanent member of the Bogorodsky Drinking Business Presence. Appendix to the statistical yearbook of the Moscow Province for 1898]]. Moscow, Moskovskoe gubernskoe zemstvo, 1898. 178 p.

16. Gersevanov N.B. O p'yanstve v Rossii [About drunkenness in Russia]. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. St. Petersburg, 1842, vol. 25, dekabr', pp. 13–26.

17. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 102, op. 76 b, d. 80, l. 7-7 ob.

18. Chukmaldin N. M. Zapiski o moej zhizni [Notes about my life], pt. 2. Moscow, Tipo-lit. A. V. Vasil'eva i K°, 1902, pp. 143–144.

19. O poryadke razresheniya razdrobitel'noj prodazhi krepkih napitkov v seleniyah, v cherte usadebnoj osedlosti, ob ogranichenii prav evreev na pitejnuyu torgovlyu i ob ustrojstve postoyalyh dvorov v gorodah [On the procedure for the resolution of the fragmentary sale of spirits in villages, within the boundaries of the estate settlement, on the restriction of the rights of Jews to the drinking trade and on the establishment of inns in cities]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2*, vol. 49, pt. 1, no. 53524.

20. Ob izmenenii primechaniya 1 i raz"yasnenii primechaniya 5 k stat'e 310 Ustava o pitejnom sbore [On the amendment of Note 1 and clarification of Note 5 to Article 310 of the Charter on the drinking collection]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1,* vol. 51, pt. 1, no. 55458.

21. Polozhenie nashej pitejnoj torgovli; neobhodimost' korennoj peremeny v ee ustrojstve [The situation of our drinking trade; the need for a radical change in its structure]. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, G. 16, 1881, vol. 5, kn. 9–10, pp. 348–353.

22. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 37, op. 3, d. 46, l. 237 ob.

23. Vysochajshe utverzhdennye Pravila o razdrobitel'noj prodazhe napitkov [Highly approved Rules on the fragmentary sale of beverages]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 3*, vol. 5, pp. 2946.

24. Lebedev V. A. Pitejnoe delo [Drinking business]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvuyushchego senata, 1898. 106 p.

25. GAKO, f. 37, op. 1, d. 361, l. 7-7 ob.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Fede-ration,
e-mail: gor046@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-135-144

CC BY 4.0

Императорская охота в Крыму как начало природоохранной деятельности в России (конец XIX – начало XX века)

А. А. Сироткина [1] ✉

[1]Крымское отделение Российского общества историков-архивистов
ул. Архивная 4, г. Ялта 298600, Республика Крым, Российская Федерация

✉ e-mail: sirotkina37@mail.ru

Резюме

Актуальность. *После возвращения Крыма в состав России началась очередная реорганизация системы особо охраняемых природных территорий полуострова на фоне перманентно усиливающейся рекреационной нагрузки на природные объекты. В этой связи назрела необходимость проследить становление природоохранной деятельности в Крыму в историческом контексте, проанализировать его состояние на начальном этапе.*

Цель *– объективное освещение и конкретно-исторический анализ процесса зарождения, становления и развития основ природоохранного дела в России на примере одного из уникальных в природном и историческом отношении региона – полуострова Крым.*

Задачи: *оценить сложный и долгий путь становления заповедного и природоохранного дела в России и в Крыму, восстановить в истории отечественной науки забытые имена пионеров заповедного дела, ученых, администраторов, внесших большой вклад в дело охраны природы.*

Методология*. Применен комплекс общенаучных и специальных методов исторического исследования: историко-сравнительный, историко-системный, структурный, факторный, социологический.*

Результаты. *В статье рассмотрены проблемы, связанные с историей становления и деятельности Императорской охоты в Крыму (конец XIX – начало XX века). Проанализированы меры, предпринятые царской администрацией по охране лесов и упорядочению охоты в Таврической губернии. Изучены предпосылки появления и развития на полуострове Императорской охоты. С помощью архивных документов выявлены тенденции развития природоохранных мер и становления Крымского национального заповедника. Разработка данной проблемы способствует более глубокому пониманию специфики таких понятий, как «охрана природы» и «заповедное дело» в Крымском регионе.*

Вывод. *Императорская охота в Крыму создала прочную материально-техническую и научную базу для создания на ее месте летом 1917 года одного из первых в России Крымского национального заповедника.*

Ключевые слова*: Крым; Таврическая губерния; Императорская охота; охрана природы; Крымский национальный заповедник.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Сироткина А. А. Императорская охота в Крыму как начало природоохранной деятельности в России (конец XIX – начало XX века) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 135–144. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-135-144.

Поступила в редакцию 27.01.2022 Принята к публикации 28.02.2022 Опубликована 04.04.2022

© Сироткина А. А., 2022

Tsarist Hunting in Crimea How Environmental Protection Initiated in Russia (Late XIX – Beginning XX Centuries)

Anna A. Sirotkina[1]✉

Russian Society of Historians-Archivists, member of the organization, Crimean branch
Archivnaya str. 4, Yalta 298600, Pepublic of Crimea, Russian Federation

✉ e-mail: sirotkina37@mail.ru

Abstract

Relevance. *After the return of Crimea to Russia, a new phase of protection system reorganization of the of natural sensitive areas at the peninsula began on the background of permanently increasing recreational load on ecological objects. In this regard, there is a need to trace the historic process of environment protection in Crimea and to analyze its state at the initial stage.*

Purpose. *coverage and specific historical analysis of the process of origin and process of environmental protection trend in Russia on the example of one of the region unique in natural and historical respect - the Crimean peninsula.*

Objectives: *to assess the complex and long process of the nature conservation and environmental protection in Russia and the Crimea and to recall for ecology science the forgotten names of the pioneers of environment conservation, scientists, administrators who have made a great contribution to environment protection.*

Methodology. *A system of general and special scientific methods of historical research were applied: historical-comparative, historical-systemic, structural, factorial, sociological ones.*

Results. *The article discusses issues associated with history of the Tsarist Hunting in Crimea (end of the 19th - beginning of the 20th century). The measures taken by the tsarist administration to protect forests and control hunting in the Taurida province are analyzed. The prerequisites for initiation and process of the Tsarist Hunting on the peninsula have been studied. Trends of environment protection and establishment of the Crimean National Wildlife Reserve were revealed based on archival documents. Study of this topic contributes to deeper understanding of the specifics of such concepts as "environment protection" and "nature reserve management" in the Crimean region.*

Conclusion. *The Tsarist Hunting in Crimea contributed to robust infrustructural and scientific base used for establishment here the Crimean National Wildlife Reserve, one of the first of its kind in Russia, in summer of 1917.*

Keywords: *Crimea; Tauride province; Tsarist Hunting; Environment Protection; Crimean National Wildlife Reserve.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Sirotkina A. A. Tsarist Hunting in Crimea How Environmental Protection Initiated in Russia (Late XIX – Beginning XX Centuries). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 135–144. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-135-144.

Received 27.01.2022 Accepted 28.02.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

История возникновения и становления Императорской охоты[1] в Крыму до сих пор не была исследована: темы, связанные с жизнью и бытом российской императорской семьи, не представляли

[1] Высочайшая, Императорская или Царская охота – охота, в которой принимали участие члены императорской семьи. Еще одно значение – государственная структура, отвечавшая за устройство охоты императорам России и членам августейшей семьи. В документах встречаются варианты названия: «Императорская охота», «Высочайшая охота», «Собственная Его Императорского Величества охота».

научного интереса для советских историков. На современном этапе можно отметить появление единичных публикаций, освещающих отдельные сюжеты природоохранной деятельности на полуострове [1; 2; 3; 4].

Первые охоты для императора Александра II в Крыму были устроены после приобретения Удельным ведомством имения «Ливадия» в начале 1860-х гг., т. е. практически одновременно с появлением и становлением Императорской охоты в Беловежской пуще и Спале. Основной причиной появления и развития этих структур стало желание императоров Александра II, Александра III и Николая II иметь в своем государстве правильно устроенные охотничьи хозяйства по типу западноевропейских. В свете требований того времени для них разрабатывались нормативные акты, должностные инструкции сотрудников охоты, осуществлялись акклиматизационные мероприятия, на основе специфики каждой местности вырабатывались правила лесопользования, охраны территорий от незаконных порубок и браконьерства, приглашались зарубежные специалисты. В начале XX в. на работу в Бешуйское лесничество направлялись опытные сотрудники из Спалы и Беловежской пущи, т. е. прослеживается очевидная связь между царскими охотами в разных регионах.

Методология

В ходе исследовательской работы были использованы традиционные методы историографического исследования: историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический, т. е. те, которые позволили рассмотреть предмет исследования в развитии. Первый из указанных методов направлен на изучение эволюции состояния отечественного природоохранного дела и существующих историографических концепций в области природоохранной деятельности, он позволяет раскрывать сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она неочевидна, на основе имеющихся фактов. Второй – на познание изучаемых общественно-исторических явлений, раскрытии их сущности.

Историко-генетический метод является наиболее распространенным в исторических исследованиях. Он состоит в последовательном обнаружении свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воссозданию реальной истории объекта (в данном случае к истории природоохранной деятельности в России).

Использованный комплекс методов позволяет получить достаточно надежные результаты исследования.

Результаты и их обсуждение

Практически одновременно с освоением Беловежской пущи под царскую охоту император Александр II обустраивал свою новую летнюю резиденцию неподалеку от Ялты. Первый приезд августейшей семьи в Ливадию состоялся в конце августа 1861 г. и продлился почти два месяца. В Крыму император продолжал заниматься государственными делами, знакомился с достопримечательностями этого края. Первая охота для императора Александра II была устроена 5 сентября 1861 г. в Ауткинской лесной даче [2; 5].

Постепенно география царской охоты в Крыму расширялась. Охоты государю и его спутникам чаще всего устраивали в Тавельской[1], Аянской, Шумской, Султанской, Коуш-Пикинской, Бешуйской казенных дачах Бешуйского лесничества, Ливадийской, Ай-Василь-Дерекойской, казенных дачах Южнобережского лесничества, в Алуштинском и в Бахчисарайском лесничествах. Если все

[1] Тавель (тавэли – горцы с кр.тат.) – название современного села Краснолесье до 1945 г. В настоящее время входит в состав Добровского сельсовета Симферопольского района.

лесничества полуострова относились к Таврическо-Екатеринославскому управлению земледелия и госимуществ, то Южнобережское лесничество и Бешуйская дача Бешуйского лесничества – к Удельному ведомству.

Губернским лесничим совместно с местными лесничими была проведена большая работа по определению наиболее удобных для охоты мест, продуманы линии загонов и номеров. К 1886 г. на карты казенных дач, предназначенных для высочайшей охоты, были нанесены охотничьи загоны, линии стрелков, линии загонщиков, охотничьи тропы, основные объекты рельефа местности (скалы, обрывы, речки). Некоторые карты дореволюционного периода в настоящее время хранятся в архиве Национального парка «Крымский».

В 1867 г. вышло «Высочайшее повеление о безусловности запрещения охоты на всякого рода дичь, кроме хищных животных, в Аянской казенной даче и дачах Южнобережского лесничества и охоты на самок коз и оленей вообще в дачах Бешуйского и Бахчисарайского лесничеств». Однако местные жители игнорировали данный закон и промышляли браконьерством. Это повлияло на плотность дичи в охотничьих угодьях – зверей стало мало, что стало причиной нескольких неудачных охот императора Александра II.

В результате самой подходящей во всех отношениях для императорских охот была определена Бешуйская казенная лесная дача Бешуйского лесничества, где в изобилии водятся олени и дикие козы. Бешуйское лесничество было разделено на 4 объезда и 13 обходов. Большие пожары там случались редко, основная его площадь была занята дубовыми, буковыми и порослевыми лесами. В 1864 г. в Бешуйском лесничестве леса занимали 17700 десятин 2000 сажен (в пересчете на современные единицы измерения – почти 20 тыс. гектаров). Самовольные рубки выявлялись и пресекались лесной стражей. Одной из главных их причин была неясность границ с частными лесами, где постоянно рубили лес, а также в недостаточном надзоре за охраняемой территорией.

Бешуйская дача расположена в котловине между горами Чатыр-Даг, Бабуган-яйлой и хребтом Синаб-Даг. Ее территория представляет собой исключительно горную местность. Склоны гор покрыты преимущественно низкорослыми дубовыми лесами из дуба пушистого, скального и черешчатого, грабово-буковыми лесами с примесью можжевельника, тиса ягодного, сосны крымской и обыкновенной. Самыми распространенными объектами охоты из млекопитающих в конце XIX в. в горах Крыма были заяц, лисица и волк, а из копытных единственными ценными охотничьими видами являлись крымский благородный олень и косуля европейская, которую тогда называли «козулей» или «дикой козой».

В 1870-х гг. цесаревич Александр Александрович несколько раз удачно охотился в окрестностях Косьмо-Дамиановского монастыря. Это место ему очень понравилось, там было много зверей, красивые горные пейзажи, чистейший воздух, а также возможность расположиться в монастыре и посещать церковные службы. С тех пор окрестности Косьмо-Дамиановского монастыря в Бешуйской даче на многие десятилетия стали любимым местом охот членов августейшей семьи.

В июне 1869 г. император Александр II по предложению министра государственных имуществ утвердил «Положение о лесной страже в казенных лесах» [3; 6]. Помимо прочих вопросов, этот документ предусматривал государственное финансирование строительства домов для лесной охраны. Количество сотрудников лесной стражи и домов для них определялось по представлению местных управлений и утверждалось министром государственных имуществ. Дом и земельный участок составляли собствен-

ность казны и сохранялись за работниками лесной стражи только на время их службы. В 1872 г. были построены дом заведующего Южнобережским лесничеством, его помощника и другие здания в лесничестве в горах над Ялтой; в это же время строились стражнические дома в Бешуйском, Бахчисарайском и других лесничествах Таврической губернии. Количество домов определялось количеством объездов [7; 8].

В первые годы своего правления неподалеку от Косьмо-Дамиановской киновии император Александр III построил небольшой охотничий домик. В фондах Государственного архива Республики Крым хранится дело «О составлении и утверждении дополнительной сметы на постройку Охотничьего дома в Бешуйской казенной даче» от 12 июля 1884 г. с чертежами и дополнительной сметой на сумму 15 102 рубля 25 копеек [9; 10]. К сентябрю 1884 г., ко времени возможного приезда императора Александра III, охотничий дом в Бешуйской даче был построен.

Бешуйская дача с северо-запада граничила с частновладельческой дачей И. Я. Каракаша[1], с востока – с владениями генерал-майора В. П. Попова[2], по юго-восточной границе – с лесами общины деревни Корбеклы и Алуштинской казенной лесной дачей, на Бабуган-яйле – с пастбищными землями разных деревень Южного берега Крыма, по юго-западной границе – с Султанской и Коуш-Пикинской казенными дачами. С владельцами некоторых частных дач Удельное ведомство заключало договоры аренды для проведения там императорских охот.

В начале XX в. в истории Царской охоты в Крыму начался новый этап, который из-за последовавших революций и войн продлился до 1917 г., хотя реорганизационные мероприятия были распланированы до 1925 г. Этот период отмечен повышенным интересом государя к развитию и выводу на новый уровень Крымской охоты, по типу Беловежской пущи и Спалы. Для этих целей в Крым были приглашены специалисты из других охотничьих хозяйств, преимущественно европейцы: Людвиг Францевич Люгмайер[3], Иван Иосифович Неврли и Эдмунд Владиславович Вагнер, а также егеря Беловежской пущи и Спалы [11].

Л. Ф. Люгмайеру принадлежит заслуга разработки должностных инструкций обер-егеря и объездчиков казенных лесных дач, которые он подготовил совместно с Лесным департаментом. Эти инструкции были утверждены великим князем Николаем Николаевичем-младшим 1 мая 1912 г. [11].

Помимо приглашения квалифицированных кадров, важнейшим инфраструктурным решением стала прокладка горной дороги, связавшей царскую резиденцию «Ливадия» с охотничьим домом в Косьмодемьянске. Эта дорога была построена под руководством лесничего Южнобережского лесничества А. Ф. Скоробогатого и начальника партии Крымских водных изысканий К. Д. Кельтсера.

За несколько месяцев до окончания строительства лесничий А. Ф. Скоробогатый обратился в Таврическо-Екатеринославское управление земледелия и Госимуществ, изложив обоснование своего предложения о наименовании новой горной дороги в Крыму «Романовской»:

[1] Каракаш Иван Яковлевич – коллежский регистратор, совладелец Бешуйской дачи примерно с 1840 г. и позже. Потом дачей владел его сын, Каракаш Николай Иванович (1862–1916) – профессор, русский геолог и палеонтолог, один из первых исследователей меловых отложений Крыма и Кавказа, дворянин Таврической губернии.

[2] Попов Василий Павлович – генерал-майор из рода Поповых, Таврический губернский предводитель дворянства.

[3] Для данной статьи за основу принимаем транскрипцию фамилии Люгмайер, хотя в документах начала XX в. встречаются разные варианты написания этой фамилии: Лугмайер, Лукмайер, Люгмаер.

«1. Дорога сооружается по личному желанию Государя Императора и ведет к охотничьему дому Его Величества.

2. Примерно половинная часть расходов по 2-му участку дороги покрывается из принадлежащих Императорской фамилии удельных сумм.

3. Как ныне царствующий Государь Император, так и в Бозе почившие Государи Александр II и Александр III неоднократно посещали многие из тех мест, по которым прокладывается новая шоссейная дорога.

4. Сооружаемая дорога является самой крупной доныне работой Лесного ведомства в горном Крыму, причем главная часть работ и полное завершение их производится в юбилейном 1913 году» [12].

7 июня 1913 г. начальником Таврическо-Екатеринославского управления земледелия и государственных имуществ Н. Н. Ярцевым было получено письмо из Главного управления землеустройства и земледелия за №72: «По всеподданнейшему докладу господина Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием последовало 3 июня сего года Высочайшее соизволение на наименование, в память исполнившегося 21 февраля сего года трехсотлетия Царствования Дома Романовых, Романовской шоссейной дороги, устраиваемой от Южнобережского лесничества до Козьмодемьяновского монастыря. О таковом Высочайшем повелении сообщаю Вам для надлежащего исполнения. За Главноуправляющего И. об. Товарища Главноуправляющего (подпись)» [12].

Общая стоимость Романовской дороги составила 200 тыс. руб., из которых 100 тыс. руб. ассигновало Удельное ведомство и 100 тыс. руб. – Лесной департамент. Первый проезд императора и свиты по Романовской дороге состоялся 23 октября (ст.ст.) 1913 г. [13]

В 1913 г. в Крымскую высочайшую охоту по представлению великого князя Николая Николаевича-младшего был приглашен егерь из Спалы Э. В. Вагнер[1]. В короткий срок с помощью трех беловежских егерей, прибывших с ним, он сумел создать необходимые условия для устройства охот императору в Бешуйской казенной лесной даче. После нескольких удачных охот император поручил Э. В. Вагнеру разработать план реорганизации Императорской охоты в Крыму, который в том числе предусматривал усиление охраны данной природной территории. В «Записках о мероприятиях, необходимых для Собственной Его Величества Охоты в Крыму» Э. В. Вагнер четко прописал обязанности сотрудников Императорской охоты в Крыму: «Вменить в обязанность лесным объездчикам: каждый услышанный выстрел в своем и соседнем обходе лесной объездчик обязан проверить и занести в особую, полученную из канцелярии Заведующего Охотой, контрольную книжку, отметить число, месяц, час и № квартала, а если стрелявший обнаружен, то записать имя и фамилию производившего выстрел и указать – по чем именно стрелял»[2].

В фондах Российского государственного исторического архива имеется несколько дел Императорской охоты в Крыму, датированных 1914–1916 гг. Согласно этим документам, коллежский регистратор Э. В. Вагнер был утвержден в должности заведующего охотой в Крыму 4 (17) апреля 1914 г. На тот момент в штате числилось всего несколько сотрудников:

– Люгмайер Людвиг Францевич, австрийскоподданный – младший помощник;

[1] Воспоминания Эдмунда Вагнера: [машинопись на польском языке] // Из фондов Национального парка «Беловежская пуща». Польша (личный архив автора).

[2] Записки о мероприятиях, необходимых для Собственной Его Императорского Величества Охоты в Крыму в целях надлежащей постановки охотничьего дела // Архив НП «Крымский».

– Рябов Петр Александрович, дворянин – шофер;

– Кусь Мартын Иванович, уроженец Варшавской губернии – младший егерь;

– Колесниченко (Бондаренко) Гавриил Семенович, мещанин из г. Бахчисарая – младший егерь;

– Колесниченко (Бондаренко) Михаил Семенович, мещанин из г. Бахчисарая – младший егерь;

– Грищенко Митрофан Титов из Курской губернии, с. Мартыновка – сторож [14].

В результате мероприятий, проведенных Э. В. Вагнером, в кратчайшие сроки в Бешуйской даче была налажена дисциплина, что сказалось на увеличении количества диких животных, в течение нескольких месяцев были телефонизированы Царский охотничий домик, казармы лесной стражи, что также положительно сказалось на качестве функционирования этой структуры, было завершено строительство Чучельского зверинца, где проходила акклиматизация беловежских зубров, европейских муфлонов, безоаровых козлов и кавказских оленей [15; 16; 17].

Последний приезд августейшей семьи в Косьмодемьянск состоялся в конце мая 1914 г. [4; 5; 18].

Февральская революция 1917 г. повлекла за собой крушение системы управления в Российском государстве в целом и в Таврической губернии в частности. С каждым днем в Крыму нарастала борьба различных политических сил за власть. Решение о ликвидации Царской охоты в Крыму было принято на съезде лесоводов и лесных техников Таврической губернии, проходившем в Симферополе в начале мая 1917 г. В этом съезде принимали участие лесничие Южнобережского и Бешуйского лесничеств А. Ф. Скоробогатый и И. И. Неврли. По 11 пункту порядка дня, где поднимался вопрос охраны дичи и редких пород животных в связи с выделением заповедного леса в Крыму, была принята следующая резолюция: «Существовавшая в горных лесничествах Крыма бывшая Царская охота, как таковая, с падением старого строя, естественно, должна быть уничтожена; однако ценные в научном отношении животные, охранявшиеся и разводившиеся ради охоты, должны быть сохранены. Мало того, Съезд считает необходимым возбудить вопрос о создании в лесах горного Крыма, на месте бывшей Царской охоты, национального заповедника для охраны ботанико-зоологического памятника природы. По затронутому вопросу Съезд поручает составить подробный доклад к следующему Съезду одному из своих членов – И. О. Неврли. До организации заповедника съезд считает целесообразным ныне же передать охрану животных лесному ведомству» [19].

В конце мая 1917 г. губернский комиссар Н. Н. Богданов[1] и комиссар Временного правительства Тавриды С. С. Крым[2] определились с кандидатурой комиссара по ликвидации Царской охоты в Крыму. Им стал молодой зоолог В. Э. Мартино, его заместителем стал студент последнего курса Московского университета М. П. Розанов. Эти молодые ученые были полны энтузиазма и горды, что именно им выпала честь возглавить один из первых заповедников России.

20 июня 1917 г. в 8 часов вечера в Симферополе состоялось заседание Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы (КОЕИЛП) под

[1] Богданов Николай Николаевич (1875-1930) – земский деятель, депутат Государственной думы II созыва от Рязанской губернии, с 1913 г. – председатель Ялтинской уездной управы, затем Таврической губернской земской управы, после Февральской революции – комиссар Временного правительства в Таврической губернии, депутат Всероссийского учредительного собрания от партии кадетов, министр внутренних дел в Крымском краевом правительстве.

[2] Крым Соломон Самуилович (1867–1936) – премьер-министр Крымского краевого правительства в 1919 г., ученый-агроном и филантроп, инициатор создания Таврического университета.

председательством инженера-технолога В. Ф. Конради. С докладом о научной ценности животного и растительного мира Крымских гор выступил В. Э. Мартино, «иллюстрируя его отдельными представителями», затем М. П. Розанов рассказал об отношении служащих и населения к личному составу бывшей Царской охоты и об идее создания на ее месте заповедника. Доклады не вызвали больших прений, но спор по поводу резолюции затянулся надолго. После общего собрания прошло еще одно заседание комиссии из представителей заинтересованных организаций, в результате которого было вынесено единогласное постановление о ликвидации личного состава Царской охоты [20; 21].

25 июня 1917 г. после всех формальностей начался процесс приема-передачи материальных ценностей, который растянулся почти на три недели.

Создаваемому заповеднику в наследство от Царской охоты достался Царский охотничий домик и все, что в нем находилось: автомобиль, лошади, фаэтон, ружья и весь остальной довольно обширный инвентарь. Персонал охоты, за исключением заведующего Э. В. Вагнера, обер-егеря Л. Ф. Люгмайера, шофера и письмоводителя, перешел на работу в Крымский национальный заповедник. Так прекратила свое существование Собственная его императорского величества охота в Крыму. На ее месте фактически с 20 июля 1917 г. начал действовать второй созданный в России Крымский национальный заповедник.

Выводы

Появление и развитие такой структуры, как Императорская охота, в разных регионах Российской империи, в том числе в Беловежской пуще, Спале и в Крыму, было обусловлено увлеченностью многих правителей России охотой. Хорошо организованная охрана царских охотничьих угодий, укомплектованность квалифицированным персоналом, планомерное проведение различных биотехнических, акклиматизационных мероприятий способствовали постепенному уверенному развитию и совершенствованию охотничьего хозяйства в стране в целом. Время правления императоров Александра II, Александра III и Николая II в конце XIX – начале XX в. ознаменовалось выходом на более высокий уровень развития и постановки охотничьего дела в стране: были приняты законодательные акты, направленные на урегулирование вопросов лесопользования и охоты, места высочайшей охоты были переданы Удельному ведомству, подбирался и воспитывался высокопрофессиональный кадровый состав охотничьих хозяйств, разрабатывались необходимые мероприятия по увеличению количества и улучшению качества дичи, создавалась необходимая инфраструктура: строились охотничьи дворцы, дома, лесные казармы, прокладывались дороги. Все это в целом явилось проявлением высокой культуры и цивилизованного подхода к реформированию охотничьего законодательства и постановке охотничьего дела в Российской империи.

Все материальные ценности Императорской охоты в Крыму стали прекрасной базой для научной и охранной работы Крымского национального заповедника: помимо зданий, хороших дорог, ценного оборудования, оружия, транспортных средств, заповеднику достался хорошо обученный и экипированный персонал лесной стражи.

В основу зоологической коллекции заповедника, которая впоследствии регулярно пополнялась вплоть до 1980-х гг., легла коллекция царских охотничьих трофеев – рогов крымского благородного оленя и косули европейской, представлявших огромную научную ценность, которые впоследствии стали первыми экспонатами в создаваемом Музее природы.

Вновь открывшиеся сведения о Высочайшей охоте в Крыму, равно как и биографии ее сотрудников, вскрыли ин-

тереснейший пласт истории участия последних монархов России в становлении охотничьего и природоохранного дела в Крыму, развитии транспортной инфраструктуры в ранее неприступной высокогорной местности полуострова, истории заповедного дела в нашей стране в целом и на полуострове в частности. Императорская охота в Крыму стала прекрасной базой для создания принципиально нового природоохранного научно-исследовательского учреждения – Крымского национального заповедника, который и в настоящее время является самой значительной особо охраняемой природной территорией Крыма.

Список литературы

1. Борщик Н. Д. Природоохранная деятельность и заповедное дело в Крыму в 1920-е гг. // Научный вестник Крыма: электронный рецензируемый журнал. 2021. № 6 (35). URL: https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/index (дата обращения: 10.01.2022).

2. Палькеева Е. А. Приезд императора Александра II в 1861 году // Крымский архив. 2002. № 8. С. 26–39.

3. Сироткина А. А. Главный заповедник Крыма: [к 100-летнему юбилею Крымского заповедника]. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 288 с.

4. Сироткина А. А. Царская охота в Беловежской пуще, Спале и в Крыму. Симферополь: Бизнес-Информ, 2021. 280 с.

5. Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Романовы и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. 320 с.

6. ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. 81. Оп. 1. Д. 1302.

7. ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 5006.

8. ГАРК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 2143.

9. ГАРК Ф. 27. Оп. 13. Д. 1698.

10. ГАРК. Ф. 78. Оп. 3. Д. 8.

11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1466. Оп. 1. Д. 4.

12. ГАРК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 4407.

13. ГАРФ. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 4.

14. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 478. Оп. 4. Д. 433.

15. Волох А. М. Интродукция охотничьих зверей в Крыму и ее результаты // Вестник охотоведения. 2012. Т. 9, № 2. С. 237–252.

16. Дулицкий А. И. Биоразнообразие Крыма. Млекопитающие: история, состояние, охрана, перспективы. Симферополь: СОНАТ, 2001. 208 с.

17. ГАРК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 371.

18. Дневники императора Николая II / сост., коммент., примеч., перечень имен, список сокр. В. П. Козлова [и др.]. М.: Орбита, 1991. 736 с.

19. ГАРК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 12.

20. Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1917. Т. VII-й / под ред. Н. И. Кузнецова. Симферополь: Тип. Таврич. губ. земства, 1920. 64 с.

21. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 473. Оп. 1. Д. 1.

References

1. Borshchik N. D. Prirodookhrannaya deyatel'nost' i zapovednoe delo v Krymu v 1920-e gg. [Nature protection activities and nature conservation in the Crimea in the 1920s.]. *Nauchnyi vestnik Kryma: ehlektronnyi retsenziruemyi zhurnal = Scientific Bulletin of Crimea: electronic*

peerreviewed journal, 2021, no. 6 (35). URL: https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/index. (accessed 10.01.2022)

2. Pal'keeva E. A. Priezd imperatora Aleksandra II v 1861 godu [Arrival of Emperor Alexander II in 1861]. *Krymskii arkhiv = Crimean archive*, 2002, no 8, pp. 26–39.

3. Sirotkina A. A. Glavnyi zapovednik Kryma. K 100-letnemu yubileyu Krymskogo zapovednika [The mine reserve of the Crimea. To the 100h anniversary of the Crimean Reserve]. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2019, 288 p.

4. Sirotkina A. A. Tsarskaya Okhota v Belovezhskoi pushche, Spale i v Krymu [Royal Hant in Belovezhskaya Pushcha, Spala and Crimea]. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2021. 280 p.

5. Kalinin N. N., Zemlyanichenko M. A. Romanovy i Krym [Romanovs and Crimea]. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2002. 320 p.

6. GARK, f. 81, op. 1, d. 1302.

7. GARK, f. 27, op. 13, d. 5006.

8. GARK, f. 81, op. 1, d. 2143.

9. GARK, f. 27, op. 13, d. 1698.

10. GARK, f. 78, op. 3, d. 8.

11. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii) [State Archive of the Russian Federation], f. 1466, op. 1, d. 4.

12. GARK, f. 81, op. 1, d. 4407.

13. GARF, f. 1112, op.1, d. 4.

14. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv) [Russian State Historical Archive], f. 478, op. 4, d. 433.

15. Volokh A. M. Introduktsiya okhotnich'ikh zverei v Krymu i ee rezul'taty [Introduction of hunting animals in the Crimea and its results]. *Vestnik okhotovedeniya = Bulletin of hanting science*, 2012, vol. 9, no. 2, pp. 237–252.

16. Dulitskii A. I. Bioraznoobrazie Kryma. Mlekopitayushchie: istoriya, sostoyanie, okhrana, perspektivy [Biodiversity of Crimea. Mammals: history, state, protection, prospects]. Simferopol', SONAT Publ., 2001. 208 p.

17. GARK (Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym) [State Archive of the Republic of Crimea], f. 78, op. 1, d. 371.

18. Kozlov V. P., eds. Dnevniki imperatora Nikolaya II [Diaries of Emperor Nicholas II]. Moscow, Orbita Publ., 1991. 736 p.

19. GARK, f. R-1694, op. 1, d. 12.

20. Zapiski Krymskogo obshchestva estestvoispytatelei i lyubitelei prirody. 1917. T. 7 [Notes of the Crimean society of naturalists and nature loves. 1917. Vol. 7]; ed. by N. I. Kuznetsov. Simferopol', Tip. Tavrich. gub. zemstvo, 1920. 64 p.

21. RGAEH (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ehkonomiki) [Russian State Archive of Economics], f. 473, op. 1, d. 1.

Информация об авторе / Information about the Author

Сироткина Анна Анатольевна, член Российского общества историков-архивистов, Крымское отделение, г. Ялта, Российская Федерация,
e-mail: sirotkina37@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3750-1784

Anna A. Sirotkina, Member of the Russian Society of Historians-Archivists, Crimean branch, Yalta, Russian Federation,
e-mail: sirotkina37@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3750-1784

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-145-153

(cc) BY 4.0

Учреждения начальной профессиональной музыкальной подготовки в России в 1990-е годы (на примере Ульяновской области)

И. Н. Суетин [1] ✉

[1]Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
пл. Ленина 4/5, г. Ульяновск 432071, Российская Федерация

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В первые десятилетия XXI века в России произошло снижение качества предпрофессионального музыкального образования. Общеразвивающие программы, реализуемые в детских музыкальных школах и на музыкальных отделениях детских школ искусств, не позволяют обучающимся полноценно осваивать игру на музыкальных инструментах и получить вокальные навыки, необходимые для продолжения профессионального образования. Благотворное влияние на совершенствование названной области может оказать анализ и последующее внедрение в практику опыта прошлого, достижений предшествующих поколений соотечественников.*

Цель *настоящей статьи состоит в освещении подходов к организации образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса в учреждениях начальной профессиональной музыкальной подготовки Ульяновской области в 1990-е годы.*

Задачи исследования: *определить базовые принципы государственной политики 1990-х годов в сфере отечественного образования в целом и музыкального образования в частности; изучить и обобщить опубликованные и неопубликованные материалы, содержащие информацию о подходах к организации образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса в детских школах искусств Ульяновской области в 1990-е годы.*

Методология. *В качестве источников настоящей работы выступили нормативные правовые акты и архивные документы. Исследование проводилось также с опорой на опубликованные материалы (монографии, статьи). В работе использовался ряд научных подходов, главными из которых являлись принцип объективности, метод системного анализа, историко-сравнительный и историко-типологический методы.*

Результаты. *Исследование показало, что в 1990-е годы в Ульяновской области был накоплен положительный опыт реализации образовательных программ в области музыкального искусства в учреждениях начальной профессиональной музыкальной подготовки, который можно использовать сегодня. В частности, эффективно решались вопросы с созданием общедоступности данного вида образования, обеспечения непрерывности подготовки обучающихся и преемственности образовательных программ.*

Вывод. *Результаты исследования представляется возможным использовать при создании образовательных программ в области музыкального искусства в Российской Федерации на современном этапе.*

Ключевые слова: *детские музыкальные школы; детские школы искусств; музыкальная подготовка; Ульяновская область.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Суетин И. Н. Учреждения начальной профессиональной музыкальной подготовки в России в 1990-е годы (на примере Ульяновской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 145–153. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-145–153.

Поступила в редакцию 13.02.2022 Принята к публикации 03.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Суетин И. Н., 2022

Institutions of Primary Professional Music Training in Russia in the 1990s (on the Example of the Ulyanovsk Region)

Ilya N. Suetin[1] ✉

[1]Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanova
4/5 Lenin square, Ulyanovsk 432071, Russian Federation

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Abstract

Relevance. *In the first decades of the XXI century, the quality of prefecting musical education occurred in Russia. Outlooking programs implemented in children's music schools and musical departments of children's art schools do not allow students to fully master the game on musical instruments and get vocal skills necessary to continue vocational education. The beneficial effect on the improvement of the named region may also have an analysis and subsequent introduction into the practice of past experience, the achievements of the preceding generations of compatriots.*

The purpose *of this article is to cover approaches to the organization of educational activities and the educational process in institutions of initial professional music training of the Ulyanovsk region in the 1990s.*

The objectives *of the study: to determine the basic principles of the state policy of the 1990s in the field of domestic education as a whole and musical education in particular; explore and summarize published and unpublished materials containing information on approaches to the organization of educational activities and educational process in the children's schools of the arts of the Ulyanovsk region in the 1990s.*

Methodology. *Regulatory legal acts and archival documents were made as sources of this work. The study was also carried out with a support for published materials (monographs, articles). The paper used a number of scientific approaches, the main of which were the principle of objectivity, the method of system analysis, historical and comparative and historical and typological methods.*

Results. *The study showed that in the 1990s, the Ulyanovsk region had accumulated positive experience in the implementation of educational programs in the field of musical art in institutions of primary professional music training, which can be used today. In particular, issues were effectively solved with the creation of the publicly available to this type of education, ensuring the continuity of the training of educational and continuity of educational programs.*

Conclusion. *The results of the study seems to be able to use when creating educational programs in the field of musical art in the Russian Federation at the present stage.*

Keywords: *children's music schools; children's art schools; music training; Ulyanovsk region.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Suetin I. N. Institutions of Primary Professional Music Training in Russia in the 1990s (on the Example of the Ulyanovsk Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 145–153. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-145-153.

Received 13.02.2022 Accepted 03.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Первые десятилетия XXI в. ознаменовались снижением качества отечественного музыкального образования. Так, в разговоре с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным дирижер Ростовского академического симфонического оркестра Валентин Урюпин выразил опасения, связанные с реформированием учреждений начальной профессиональной музыкальной подготовки – детских музыкальных школ (ДМШ) и детских школ искусств (ДШИ). Музыкант обратил внимание Главы государства на перспективу полной утраты подобными учреждениями предпрофессионального статуса, сведения обучения в них к

уровню любительских кружков: «Если наша система детских музыкальных школ перестанет существовать в нынешнем виде, гипотетически в очень скором времени в оркестрах некому будет играть»[1]. Все это связано с тем, что общеразвивающие программы, рассчитанные на четыре года обучения и активно реализуемые в учебных заведениях, не позволяют ученикам за такой короткий промежуток времени полноценно освоить исполнительское мастерство, сформировать необходимый уровень музыкальной эрудиции, увлечься музыкальной профессией.

Преподаватель по классу ударных инструментов ДШИ имени М. А. Балакирева г. Ульяновска Р. Р. Кульмагамбетова, говоря о контингенте обучающихся учебного заведения, отмечает: «Увеличился процент родителей, отдающих своих детей не с целью овладения профессиональными навыками игры на инструменте, а из-за желания увлечь ребенка чем-то другим, чтобы не сидели подолгу за компьютерными играми; из-за невозможности по причине здоровья посещать спортивные секции…»[2]. Педагог указывает на то, что зачастую целью обучения детей в ДМШ и ДШИ является подготовка любителей музыки, обладающих лишь элементарными навыками музыкального творчества.

Очевидно, что на современном этапе требуется обновление и совершенствование образовательных программ в области музыкального искусства, повышения статуса ДМШ и ДШИ как учреждений начальной профессиональной музыкальной подготовки. Этому может способствовать изучение и использование исторического опыта, в частности на уровне отдельного административно-территориального субъекта страны.

Цель настоящей статьи состоит в освещении подходов к организации образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса в учреждениях начальной профессиональной музыкальной подготовки в 1990-е гг.

Методология

В качестве источников настоящего исследования выступили актуальные для 1990-х гг. нормативные правовые акты, при рассмотрении которых представилось возможным определить базовые принципы государственной политики в сфере образования, на которых основывалась деятельность в том числе учреждений начальной профессиональной музыкальной подготовки. Работа проводилась также с опорой на архивные материалы, обоснованием использования которых выступает высокий объем содержащихся в них сведений, необходимых для проведения настоящего исследования: информация по кадровому составу образовательных учреждений, номенклатура специальностей, программы академических концертов, итоги переводных и выпускных экзаменов и др. В ходе исследования применялся принцип объективности, который позволил выделить как достижения, так и недостатки в работе учреждений начальной профессиональной музыкальной подготовки Ульяновской области в 1990-е гг. Метод системного анализа помог произвести осмысление правовой базы отечественного образования, определить основные направления государственной политики в образовательной сфере. Историко-сравнительный метод позволил установить различия и аналогии в функционировании детских школ искусств в вышеназванный период, сравнить некоторые показатели с пред-

[1] Репетиция оркестра. URL: https://rg.ru/2019/04/10/k-chemu-privedut-reformy-v-detskih-muzykalnyh-shkolah.html (дата обращения: 06.02.2022).

[2] Кульмагамбетова Р. Р. Актуальные проблемы современного музыкального образования. URL: https://5.uln.muzkult.ru/media/2019/04/26/1259175437/Aktual_ny_e_problemy_sovremennogo_muzy_k_razovaniya._Kul_magambetova_R.R.pdf (дата обращения: 06.02.2022).

шествующим этапом (конец 1980-х г.). При помощи историко-типологического метода в исследовании были выделены виды учебно-воспитательных мероприятий в учреждениях начальной профессиональной музыкальной подготовки Ульяновской области, типичные для 1990-х гг.

Результаты и их обсуждение

После распада СССР и смены политико-экономического курса в России произошли значительные реформы во всех сферах общества и государства, в частности в области образования. Положениями Конституции РФ 1993 года (ст. 43) было закреплено, что каждый имеет право на образование. Слово «каждый» подразумевало, что этим правом мог воспользоваться не только гражданин страны, но и иностранец и лицо без гражданства. Государством гарантировались бесплатность и общедоступность и бесплатность образования (среднего профессионального, основного общего, дошкольного) на предприятиях и в государственных (муниципальных) образовательных учреждениях. Каждый в Российской Федерации наделялся правом на получение высшего образования в государственном (муниципальном) учебном заведении (на предприятии) на конкурсной основе. Провозглашался обязательный характер общего образования, а ответственность за получение детьми данного уровня образования возлагалась на родителей (лиц их заменяющих). В соответствии с данным документом устанавливались федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОСы), поддерживались различные формы образования (самообразования)[1].

Правовые положения, отвечающие тенденциям времени, были сформулированы в Федеральном законе «Об образовании»[2]. В соответствии с данным нормативно-правовым актом образовательную сферу государство рассматривало как одну из ключевых. Наиболее важными принципами государственной политики в области образования являлись: единство федерального культурного и образовательного пространства, гуманистический характер образования, общедоступность образования, свобода и плюрализм в образовании, светский характер образования в государственных (муниципальных) учебных заведениях, свобода и плюрализм в образовании, автономность образовательных учреждений, государственно-общественный характер управления образованием и др.

В соответствии с настоящим законом реализация дополнительных предпрофессиональных общеобразовательных программ в области искусств (в частности, в области музыкального искусства) осуществлялась в детских школах искусств. К основным целям данных программ относились: выявление одаренных детей в раннем детском возрасте; создание условий для художественного образования и эстетического воспитания учащихся; приобретение обучаемыми знаний, умений и навыков в области выбранного вида искусства; приобретение воспитанниками опыта творческой деятельности; осуществление подготовки учеников к поступлению в образовательные учреждения, реализующие профессиональные образовательные программы в области искусств[2].

Итак, анализ нормативно-правовых документов показал, что в 90-е годы XX века политика государства была направлена на обновление нормативно-право-вой базы в сфере образования. В новых законах декларировались общедоступность и обязательность образования, поддержка различных форм образования, провозглашались свобода и плюрализм в

[1] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993] // Российская газета. 1993. № 237.

[2] Об образовании: федер. закон от 10 июля 1992 г. № 3266-1 // Высшее образование в России. 1992. № 3. С. 5–33.

образовании, гарантировалась защита конституционных прав граждан на образование. Государство проводило политику по интеграции отечественной системы образования в мировую систему образования при сохранении и развитии достижений и традиций российской школы, предоставлению широкой автономии образовательным организациям и др.

Определить степень эффективности организации и функционирования учреждений начальной профессиональной музыкальной подготовки Ульяновской области в 1990-е гг. поможет изучение архивных материалов и научных публикаций. Несмотря на то, что в этот период в целом в Российской Федерации происходит сокращение числа подобных организаций (в 1990–2001 гг. их число снизилось с 6591 до 5837) [1, с. 66; 2, с. 8-9], в Ульяновской области количество детских школ искусств в 1991–1999 гг. выросло с 53 до 58 (на 9,4%) [3, с. 134; 4, с. 103–104]. Множество подобных учреждений было открыто в сельской местности [5; 6; 7]. Таким образом, реализация принципа общедоступности начального профессионального музыкального образования на данной территории в этот период осуществлялась достаточно эффективно.

Реализации принципа непрерывности образования способствовало такое направление деятельности, как профориентация. В работе с контингентом необходимо было учитывать предпочтения учащихся в выборе музыкальной специальности. Согласно статистике по ДШИ Ульяновской области можно отметить снижение интереса учеников к одним специальностям и предпочтительное отношение к другим (1989 г.: «фортепиано» – 35,1%, «народные инструменты» – 64,9%; 1999 г.: «фортепиано» – 54%, «народные инструменты» – 46% [4, с. 71)].

В этот период удалось повысить уровень сохранности контингента во многих музыкально-образовательных учреждениях. Если в 1987/1988 учебном году в ДШИ г. Ульяновска было отчислено в среднем 7,2% учеников, то в 1997/1998 учебном году этот показатель составлял 6,4% [8, л. 16, 64, 140, 172; 9, л. 2–4, 49–51, 67; 10, л. 2–3, 16–18, 27–30, 83–87, 98–100].

Показателем эффективности функционирования учебных заведений является качество получаемых образовательных услуг, которое напрямую зависит от квалификации педагогических работников, опыта их работы. Исследованием установлено, что в этот период повысился образовательный уровень преподавателей ДШИ Ульяновской области, в частности увеличилось число педагогов, имеющих дипломы музыкальных вузов (сотрудников с высшим образованием в 1991 г. – 11,6%, в 1999 г. – 27,6%; со средним профессиональным образованием в 1991 г. – 82,6%, в 1999 г. – 70,9%; без оконченного профессионального образования в 1991 г. – 5,8%, в 1999 г. – 1,5%) [4, с. 70]. Увеличилось число опытных педагогов, имеющих стаж преподавательской работы более 10 лет (в 1989–1999 гг. на 13,2%) [11, л. 10; 12, л. 7; 13, л. 15; 14, л. 11–12, 60; 15, л. 38; 16, л. 28].

Повышению качества образования способствовало совершенствование учебно-воспитательной и методической работы. Для ДШИ Ульяновской области этого периода характерно повышение уровня преподавания, которое выражалось в усложнении технических навыков обучающихся, расширении их музыкальной грамотности и кругозора. Так, в Николаевской ДШИ в 1993/1994 учебном году регулярно проводились разнообразные учебные мероприятия (академические концерты, прослушивания, выпускные (переводные) экзамены, контрольные зачеты и уроки), которые демонстрировали высокий уровень знаний обучающихся и их профессиональной подготовки [17, л. 1–2]. В соответствии с планом учебно-воспитательной работы Карсунской ДШИ в первой четверти 1994/1995 учебного года планировались академические

прослушивания на ряде отделений учебного заведения (фортепианного, духовых инструментов, народных инструментов), предусматривающие исполнение двух разнохарактерных пьес. В зависимости от специализации ученикам предлагалось исполнить этюд и полифонию или народную обработку и этюд. В третьей четверти было запланировано прослушивание учащихся первого класса, технический зачет на отделении фортепиано (гаммы, арпеджио). На четвертую четверть были запланированы выпускные и переводные экзамены [18, л. 63].

Педагоги-теоретики ДШИ №2 г. Ульяновска в 1996/1997 учебном году принимали деятельное участие в методических секциях теоретиков на городском уровне. Преподавателями были подготовлены научно-методические доклады на дискуссионные и актуальные темы. Наибольший интерес среди педагогического сообщества города вызвали выступления И. А. Белохлебовой (на тему «Различные формы проведения одноголосных диктантов») и О. В. Горяевой (на тему «Творческие упражнения как средство активизации слуха») [8, л. 20]. В целях методического усовершенствования педагогами ДШИ № 8 г. Ульяновска проводились открытые уроки, организовывались посещения концертов с участием учащихся Ульяновского музыкального училища [8, л. 114–115]. Несколько преподавателей отделения народных инструментов учебного заведения (А. А. Болонкин, Н. П. Полосин, Г. М. Кириченко) принимали участие в создании обработок, переложений и инструментовок для оркестра [8, л. 121].

В этот период в учреждениях начальной профессиональной музыкальной подготовки участилось внедрение в учебный процесс новаторских и экспериментальных программ. Так, дифференцированный подход использовался в ДШИ № 4 г. Ульяновска в 1996/1997 учебном году, который состоял в том, что все обучающиеся разделялись на подгруппы в зависимости от уровня их подготовки (профессиональная, средняя, коррекционная). В результате подобного упорядочивания удалось повысить показатели на зачетах, контрольных уроках, академических концертах, переводных и выпускных экзаменах. Достоинством данного подхода являлось то, что учащиеся начинали демонстрировать стабильность и качество в интонировании, осознанное и вдумчивое исполнение музыкальных произведений [8, л. 53–54]. В ДШИ № 5 г. Ульяновска в этот период проводился эксперимент по изучению музыкальной литературы с углубленным рассмотрением отечественной духовной музыкальной культуры, который дал положительные результаты (расширились знания обучающихся, повысился методический опыт преподавателей) [19, л. 168–169]. В ДШИ № 6 г. Ульяновска в 1996/1997 учебном году были созданы различные виды коллективных форм музицирования, где, кроме традиционных коллективных составов (хор, оркестр народных инструментов), были созданы смешанные фольклорные группы, оркестр гитар, баяно-аккордеон-ный оркестр [8, л. 93].

В 1990-е гг. в учебных заведениях повышается роль концертной практики обучающихся, активизируется работа педагогов с родителями учеников. Так, в ДШИ № 10 г. Ульяновска в 1996/1997 учебном году педагогами важное значение отводилось опыту публичных выступлений обучающихся в хоровом классе. В результате ориентации на концертную деятельность происходило сплочение учеников, повышалась их работоспособность. Здоровая конкуренция заключалась в том, что каждый воспитанник стремится попасть в концертный состав. За отчетный период педагогами внимание уделялось также работе с солистами средних и младших хоров. Практика работы преподавателей демонстрировала эффективность, что подтвердилось победами обучающихся на областных фести-

валях и конкурсах [8, л. 143]. Анализ архивных документов показал, что в ДШИ № 3 г. Ульяновска в 1996/1997 учебном году педагоги и воспитанники ярко представили учебное заведение на мероприятиях муниципалитета и области (на концертах и конкурсах, на аттестации преподавателей и др.). Школа была представлена в концертных программах выступлениями хора, оркестра русских народных инструментов, инструментальных ансамблей, солистов. Учебной организации удалось в этот период завязать крепкие творческие связи с крупными коллективами Ульяновской областной филармонии [8, л. 49]. В Старомайнской ДШИ Ульяновской области в течение 1991/1992 учебного года проводились родительские собрания (организационные, итоговые, для выпускников, для учащихся первого года обучения), открытые уроки для родителей (сольфеджио, музыкальный инструмент), родительские дни и др. [20, л. 8]

Выводы

Исследование показало, что в 1990-е гг. в Ульяновской области был накоплен положительный опыт реализации образовательных программ в области музыкального искусства в учреждениях начальной профессиональной музыкальной подготовки. В частности, эффективно решались вопросы с созданием общедоступности данного вида образования посредством расширения сети ДМШ (ДШИ), как в городах, так и в сельской местности. Значительные усилия руководящих и педагогических работников были направлены на обеспечение непрерывности подготовки обучающихся и преемственности образовательных программ. С этой целью проводились мероприятия по профориентации и сохранению контингента. Направленность учреждений на предпрофессиональную подготовку кадров демонстрируют подходы преподавателей по совершенствованию учебно-воспитательной работы (усложнение программных требований для обучающихся, расширение их музыкальной грамотности), организации методических мероприятий (проведение семинаров на актуальные темы, подготовка экспериментальных учебных программ), проведению практики обучающихся (организация регулярных публичных выступлений обучающихся), работе с родителями воспитанников (устройство классных собраний, открытых уроков).

В современных условиях, когда подготовка молодых музыкантов в отечественных ДМШ (на музыкальных отделениях ДШИ) зачастую не ориентирована на воспитание профессиональных кадров, снижается качество знаний и умений выпускников, необходим пересмотр подходов к организации образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса в подобных учебных заведениях, чему могут способствовать результаты данного исследования.

Список литературы

1. Суетин И. Н. Проблемы реализации права на образование в музыкально-образовательных учреждениях Поволжья во второй половине XX – начале XXI века: монография. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2020. 140 с.

2. Аракелова А. О. О реализации дополнительных предпрофессиональных общеобразовательных программ в области искусств: сборник материалов для детских школ искусств. М.: Российская акад. музыки, 2012. 239 с.

3. Мухамедов Р. А., Суетин И. Н. Урбанизация как фактор диверсификации отечественного музыкального профессионального образования в 50–80-е годы XX века (на материалах Ульяновской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 130–145.

4. Юстус И. В., Суетин И. Н. Этапы развития музыкального профессионального образования в Симбирской губернии – Ульяновской области. Ульяновск: Изд. Качалин Александр Васильевич, 2013. 166 с.

5. Каторгина И. А. Музыкальная культура Симбирска-Ульяновска. XX век. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2005. 512 с.

6. Курушин В. И. Из опыта работы структуры «Школа-училище-вуз» в Ульяновском музыкальном училище // Проблемы непрерывного музыкального образования : история и современность: труды научно-практической конференции. Ульяновск, 2006. С. 5–11.

7. Саранцев И. П. Хронология открытия учебных заведений профессионального образования Симбирского-Ульяновского края (1840–2005 гг.). Ульяновск: УлГТУ, 2008. 83 с.

8. УГА (Ульяновский городской архив). Ф. 12. Оп. 2. Д. 294.

9. УГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 201.

10. УГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 202.

11. МАНРУО (Муниципальный архив Николаевского района Ульяновской области). Ф. 48. Оп. 1. Д. 293.

12. МАНРУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 308.

13. МАПРУО (Муниципальный архив Павловского района Ульяновской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 148.

14. МАУРУО (Муниципальный архив Ульяновского района Ульяновской области). Ф. 39. Оп. 1. Д. 223.

15. МАУРУО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 260.

16. МАУРУО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 254.

17. МАНРУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 259.

18. МАКРУО (Муниципальный архив Карсунского района Ульяновской области). Ф.4. Оп. 1. Д. 232.

19. УГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 268.

20. МАСРУО (Муниципальный архив Старомайнского района Ульяновской области). Ф. 38. Оп. 1. Д. 182.

References

1. Suetin I. N. Problemy realizacii prava na obrazovanie v muzykal'no-obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah Povolzh'ya vo vtoroj polovine XX – nachale XXI veka [Problems of realization of the right to education in music and educational institutions of the Volga region in the second half of the XX - beginning of the XXI century]. Ul'yanovsk, UlGPU im. I. N. Ul'yanova Publ., 2020. 140 p.

2. Arakelova A. O. O realizacii dopolnitel'nyh predprofessional'nyh obshcheobrazovatel'nyh programm v oblasti iskusstv. Sbornik materialov dlya detskih shkol iskusstv [On the implementation of additional pre-professional general education programs in the field of arts. Collection of materials for children art schools]. Moscow, Rossijskaya akad. muzyki Publ., 2012. 239 p.

3. Muhamedov R. A., Suetin I. N. Urbanizaciya kak faktor diversifikacii otechestvennogo muzykal'nogo professional'nogo obrazovaniya v 50–80-e gody XX veka (na materialah Ul'yanovskoj oblasti) [Urbanization as a factor of diversification of domestic musical professional education in the 50-80s of the XX century (based on the materials of the Ulyanovsk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 130–145.

4. Yustus I. V., Suetin I. N. Etapy razvitiya muzykal'nogo professional'nogo obrazovaniya v Simbirskoj gubernii – Ul'yanovskoj oblasti [Stages of development of musical professional education in Simbirsk province – Ulyanovsk region]. Ul'yanovsk, Ed. Kachalin Aleksandr Vasil'evich, 2013. 166 p.

5. Katorgina I. A. Muzykal'naya kul'tura Simbirska-Ul'yanovska. XX vek [Musical culture of Simbirsk-Ulyanovsk. XX century]. Ul'yanovsk, ULGU Publ., 2005. 512 p.

6. Kurushin V. I. [From the experience of the structure "School-college-university" in the Ulyanovsk Music College]. Problemy nepreryvnogo muzykal'nogo obrazovaniya: istoriya i sovremennost': trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii [Problems of continuous music education. History and modernity. Proceedings of the scientific and practical conference]. Ul'yanovsk, 2006, pp. 5–11.

7. Sarancev I. P. Hronologiya otkrytiya uchebnyh zavedenij professional'nogo obrazovaniya Simbirskogo-Ul'yanovskogo kraya (1840–2005 gg.) [Chronology of the opening of educational institutions of vocational education of the Simbirsk-Ulyanovsk region (1840-2005)]. Ul'yanovsk, UlGTU Publ., 2008. 83 p.

8. UGA (Ul'yanovskij gorodskoj arhiv) [Ulyanovsk City Archive], f. 12, op. 2, d. 294.

9. UGA, f. 12, op. 2, d. 201.

10. UGA, f. 12, op. 2, d. 202.

11. MANRUO (Municipal'nyj arhiv Nikolaevskogo rajona Ul'yanovskoj oblasti) [Municipal archive of the Nikolaevsky district of the Ulyanovsk region], f. 48, op. 1, d. 293.

12. MANRUO, f. 48, op. 1, d. 308.

13. MAPRUO (Municipal'nyj arhiv Pavlovskogo rajona Ul'yanovskoj oblasti) [Municipal Archive of the Pavlovsky district of the Ulyanovsk region], f. 4, op. 1, d. 148.

14. MAURUO (Municipal'nyj arhiv Ul'yanovskogo rajona Ul'yanovskoj oblasti) [Municipal Archive of the Ulyanovsk district of the Ulyanovsk region], f. 39, op. 1. d. 223.

15. MAURUO, f. 39, op. 1, d. 260.

16. MAURUO, f. 39, op. 1, d. 254.

17. MANRUO, f. 48, op. 1, d. 259.

18. MAKRUO (Municipal'nyj arhiv Karsunskogo rajona Ul'yanovskoj oblasti) [Municipal Archive of the Karsunsky district of the Ulyanovsk region], f. 4, op. 1, d. 232.

19. UGA, f. 12, op. 2, d. 268.

20. MASRUO (Municipal'nyj arhiv Staromajnskogo rajona Ul'yanovskoj oblasti) [Municipal Archive of the Staromainsky district of the Ulyanovsk region], f. 38, op. 1, d. 182.

Информация об авторе / Information about the Author

Суетин Илья Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ экономики и правоведения, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация,
e-mail: piazzolla73@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-2792-9085,
Researcher ID: AAH-1589-2020

Ilya N. Suetin, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Economics and Law, Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russian Federation,
e-mail: piazzolla73@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-2792-9085,
Researcher ID: AAH-1589-2020

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-154-163

(cc) BY 4.0

Роль Архитектурно-планировочного управления в организации строительства оборонительных рубежей под Ленинградом (июнь – сентябрь 1941 года)

Н. В. Мурга[1] ✉

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления
Средний проспект В.О. 57/43, г. Санкт-Петербург 199178, Российская Федерация

✉ e-mail: nikolay.murga@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Теме героической защиты Ленинграда посвящено множество изданий, книг, статей и исследований, опубликованы сборники рассекреченных документов и других материалов, раскрывающих нам беспримерный подвиг ленинградцев в обороне города. Однако эта большая и важная тема остаётся не исследованной в должной мере. Еще нет обобщающих трудов, которые бы воспроизвели полную картину участия Архитектурно-планировочного управления в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ленинграду в начальный период войны.*

Цели: *анализ деятельности Архитектурно-планировочного управления в период с июня по сентябрь 1941 года; формулировка выводов об участии Архитектурно-планировочного управления в строительстве оборонительных сооружений.*

Задачи: *исследовать новые архивные документы, отражающие деятельность Архитектурно-планировочного управления, проанализировать результаты деятельности Архитектурно-планировочного управления, отражающие события в обороне Ленинграда в первые месяцы войны; раскрыть роль и место Архитектурно-планировочного управления в период строительства оборонительных сооружений на дальних и ближних подступах к Ленинграду.*

Методология. *В ходе исследования использовались такие методы, как исторический, хронологический, а также системный подход методом структурно-функционального анализа.*

Результаты. *В статье, основанной на архивных документах Центрального государственного архива, архива историко-политических документов, ранее проведенных исследованиях, воспоминаниях участников блокады Ленинграда, исследуется деятельность Архитектурно-планировочного управления Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Ленинграда за период с июня по сентябрь 1941 года в ходе строительства оборонительных сооружений на дальних и ближних подступах к Ленинграду.*

Выводы. *Сделаны выводы о непосредственном участии Архитектурно-планировочного управления в строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом.*

Ключевые слова: *Архитектурно-планировочное управление; строительство; оборонительные сооружения; Лужский оборонительный рубеж; Красногвардейский укрепрайон; Пулковская оборонительная позиция.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Мурга Н. В. Роль Архитектурно-планировочного управления в организации строительства оборонительных рубежей под Ленинградом (июнь – сентябрь 1941 г.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 154–163. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-154-163.

Поступила в редакцию 15.02.2022 Принята к публикации 02.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Мурга Н. В., 2022

The Role of the Architectural and Planning Department in Organizing the Construction of Defensive Lines on the Outskirts of Leningrad (June – September 1941)

Nikolay V. Murga[1] ✉

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management 57/43 Srednii per. V. O., St. Petersburg 199178, Russian Federation

✉ e-mail: nikolay.murga@mail.ru

Abstract

***Relevance**. Numerous publications, books, articles and studies have been devoted to the topic of the heroic defense of Leningrad, collections of declassified documents and other materials have been published, revealing to us the unprecedented feat of the Leningraders in the defense of the city. However, this large and important topic has not yet been adequately explored. There are still no generalizing works that would reproduce the full picture of the participation of the Architectural and Planning Department in the construction of defensive structures on the outskirts of Leningrad in the first months of the attack by the Nazi invaders.*

***The purpose:** analysis of the activities of the Architectural and Planning Department during the first months of the attack of the Nazi invaders on the USSR; formulation of conclusions on the participation of the Architectural and Planning Department in the construction of defensive structures*

***Objectives:** explore new archival documents reflecting the activities of the Architectural and Planning Department; to analyze the results of the activities of the Architectural and Planning Department reflecting the events in the defense of Leningrad in the first months of the war; reveal the role and place of the Architectural and Planning Department during the construction of defensive structures on the far and near approaches to Leningrad.*

***Methodology.** In the course of the study, such methods as historical, chronological, as well as a systematic approach by the method of structural and functional analysis were used.*

***Results.** In an article based on archival documents of the Central State Archive, the Archive of Historical and Political Documents, previous studies, and memories of participants in the blockade of Leningrad. the activity of the Architectural and Planning Department of the Executive Committee of the Council of Workers' Deputies of Leningrad for the period from June 1941 to September 1941 during the construction of defensive structures on the distant and near approaches to Leningrad is studied*

***Conclusions.** Conclusions are drawn about the direct participation of the Architectural and Planning Department in the construction of defensive structures near Leningrad in the first months of the war.*

***Keywords:** Architectural and Planning Department; construction; defensive structures; Luga defensive line; Krasnogvardeisky fortified area; Pulkovo defensive position.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Murga N. V. The Role of the Architectural and Planning Department in Organizing the Construction of Defensive Lines on the Outskirts of Leningrad (June – September 1941). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 154–163. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-154-163.

Received 15.02.2022 Accepted 02.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Тема участия Архитектурно-планировочного управления в битве за Ленинград упоминается в немногих изданиях, в основном это воспоминания непосредственных участников событий, происходивших в Ленинграде в период блокады, и несколько статей по теме.

Ознакомление с этими работами приводит к выводу, что авторы внесли вклад в разработку этой темы, но незначительный, и в целом она не раскрыта.

Нет исследования, отражающего полную картину о деятельности Архитектурно-планировочного управления, где был бы отражен весь объём участия в строительстве оборонительных сооружений. Следовательно, тема нуждается в дальнейшей её разработке. В статье рассматривается роль Архитектурно-планировочного управления (далее – АПУ) в ходе строительства оборонительных сооружений на дальних и ближних подступах к Ленинграду.

Методология

Исследование подготовлено на основе принципов объективности и историзма. В ходе исследования использовались такие методы, как: исторический, позволивший проследить изменения в изучаемых явлениях, институтах, процессах; проблемно-хронологический, который способствовал рациональному распределению исследованного материала во временной последовательности; метод структурно-функционального анализа обеспечил выделение структурных составляющих и их роли в функционировании рассматриваемого объекта исследования. Использованные нами методы обеспечивают системный подход к рассмотрению заявленной проблемы.

Результаты и их обсуждение

Период блокады Ленинграда составляет одну из самых героических и одновременно трагичных страниц в истории нашего государства. Немало было написано книг и выпущено множество изданий про Битву за Ленинград и блокаду Ленинграда [1]. Не одним десятком исследований введено в научный оборот большинство рассекреченных архивных документов. Однако Блокада Ленинграда – столь многосторонний период, который требует детального изучения. В основу данной статьи положены воспоминания офицеров штаба Ленинградского фронта, руководителей Ленгорисполкома, сотрудников АПУ и других очевидцев тех тяжёлых дней [2].

По мнению Т. И. Савинченко, анализ последних публикаций позволяет выделить наиболее важные направления в современной историографии по блокадному Ленинграду. Среди множества различных проблем истории блокадного Ленинграда актуальной, в связи с публикацией новых архивных документов, по-прежнему остается строительство оборонительных рубежей [3, с. 40].

В планах немецко-фашистских захватчиков Ленинград представлял собой не только крупный экономический центр с развитой системой морских и сухопутных путей сообщения, но и выгодный плацдарм для нанесения удара по Москве в интересах группы армий «Центр» [4, с. 74].

Строительство оборонительных рубежей обсуждалось на Военном совете Северного фронта с первых дней вторжения фашистских захватчиков в пределы границ СССР. Утром 23 июня 1941 г. на заседании Военного совета Ленинградского военного округа выступал заместитель наркома обороны генерал К. А. Мерецков, который предложил немедленно организовать необходимые работы по строительству оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом [5, с. 38].

В своих мемуарах начальник инженерного управления подполковник Б. Ф. Бычевский отмечает, что уже на следующий день после начала войны вопрос строительства оборонительных рубежей решался в инженерном управлении штаба Ленинградского военного округа: «23 июня меня вызвал командующий войсками округа и предупредил, что мы будем создавать дополнительные рубежи в районе Луги, подробные указания необходимо получить у генерал-лейтенанта Пя-дышева. Вместе с Константином Павловичем мы разрабатывали схему новых оборонительных рубежей. Принципиально новый рубеж представлял собой ли-

нию от г. Кингисеппа до г. Луга и далее до оз. Ильмень» [6, с. 11].

Вторым рубежом в глубине намечалась линия Петергоф – Красногвардейск – Колпино. Её назвали «Внешним обводом» (впоследствии – Красногвардейский укрепленный район). На ней был резко выдвинутый вперёд «язык» городского Красногвардейского узла. В этот день Пулковский рубеж между Гатчиной и Средней Рогаткой не был нанесен на карту работ. Решение о нём пришло в очень критической обстановке, в ходе совсем близкого от города сражения [7, с. 64].

Так как направления главных ударов вражеских армий из Прибалтики нацеливались на Ригу и Псков, стало явным, что их основная цель – Ленинград. Разгадав замысел врага в отношении Ленинграда, и несмотря на все нерешенные проблемы, связанные со строительством оборонительных рубежей, 25 июня 1941 г. принципиальная схема строительства оборонительных рубежей на юго-западном направлении была утверждена Военным советом фронта. Однако враг рвался к Ленинграду. 26 июня 1941 г. немецко-фашистские войска прорвались к Даугавпилсу [5, с. 38].

В связи с резким увеличением объемов оборонительного строительства войск действующей армии стало недостаточно [6, с. 14]. По этой причине 27 июня 1941 г. решением Ленгорисполкома № 43-33-о граждане, проживавшие в Ленинграде и области, были привлечены к строительству оборонительных рубежей в виде трудовой повинности [8, л. 128]. Для оказания помощи в руководстве населением и организации взаимодействия с инженерным управлением Северного фронта были назначены особоуполномоченные: от Облисполкома – Бурилин, от Ленгорисполкома – Решкин [9, л. 106].

Увеличение привлекаемых сил и средств для оборонительного строительства повлекло за собой реорганизацию руководящих ими органов. Решением Военного совета Северного фронта от 28 июня 1941 г. из состава инженерного управления формируется новый руководящий орган – управление строительства тыловых оборонительных рубежей. Инженерному управлению фронта во главе с полковником Б. В. Бычевским, по-преж-нему отводилась роль руководства войсковыми оборонительными полосами [7, с. 64].

Контроль за оборонительным строительством взяли на себя с 27 июня комиссия по трудовой повинности, затем с 1 июля – комиссия по вопросам обороны. С 25 июля 1941 г. приказом Главнокомандующего северо-западным направлением была создана комиссия по строительству укрепленной полосы вокруг Ленинграда, под руководством члена Военного совета Северного фронта А. А. Кузнецова.

Важную роль этой комиссии отмечает в своей работе В. Н. Маляров: «Организация взаимодействия инженерного и строительного управлений штаба фронта, а также распределения материальных и трудовых ресурсов Ленинграда и области» [10, с. 38]. Несмотря на то, что формально о создании комиссии не было приказа, первое заседание было проведено 24 июля, в ходе заседания были распределены конкретные задачи между должностными лицами [11, с. 80]. С целью оказания помощи за секторами оборонительного строительства были закреплены заместители председателя горисполкома В. М. Решкин (Приморский сектор) и Н. Н. Шеховцов (Красносельский сектор), заведующий отделом строительства и городского хозяйства Горкома С. Е. Карасев (Слуцко-Колпинский), секретарь обкома ВКП (б) Г. Г. Воротов (Восточный сектор), начальник АПУ М. В. Морозов (Красногвардейский сектор) [12, л. 150].

Создание рубежей обороны на р. Луга было чрезвычайно сложным делом. В немыслимо короткие сроки были построены оборонительные укрепления большой протяженностью. В составе Ленгорисполкома архитекторы, инженеры и

другие сотрудники АПУ принимали непосредственное участие в планировании и строительстве оборонительных рубежей. Как вспоминал главный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов: «До июльских событий по захвату фашистами Пскова было начато строительство Лужской укрепленной зоны, которая должна была преградить наступление на Ленинград. Предстояло выполнить чрезвычайно сложную задачу, в немыслимо короткий срок необходимо было построить оборонительные укрепления протяженностью свыше 250 км. Под руководством военных инженеров были организованы строительные работы, где работали сотни тысяч ленинградцев. От оз. Ильмень до Финского залива рылись окопы и противотанковые рвы, строились огневые точки доты и дзоты. Большая группа работников АПУ тоже прибыла под Лугу. Работали постоянно, по 14 – 16 часов в сутки, ели что придется, спали в лучшем случае в палатках, или шалашах, а то и под открытым небом» [13, с. 26].

Задержка немцев на Лужском рубеже была эффективно использована для укрепления обороны города. Вслед за рубежом на р. Луга началось строительство оборонительных сооружений в Красногвардейском районе и на более близких подступах к городу. Вторая линия обороны проходила по линии южнее Тосно через Красногвардейск (ныне Гатчина) и далее к берегу Финского залива, севернее Ораниенбаума (ныне Ломоносов). Архитекторы и инженеры АПУ были на всех участках строительства. Они не только рыли окопы и блиндажи, но и участвовали в расчетах и проектировании узлов обороны, их маскировки и укрытии [14, с. 113]. Тем временем обстановка на фронте усложнялась, 9 июля силами 36-й моторизованной дивизии был захвачен Псков [6, с. 19].

На строительстве Красногвардейского укрепленного района в Красносельском секторе обороны специалисты АПУ также внесли свой трудовой вклад. Как вспоминал главный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов: «Западнее Красногвардейска, недалеко от Руско-Высоцкого, работала большая группа сотрудников АПУ и Ленпроекта, которые были направлены туда мной (Барановым Н.В.) в качестве инструкторов на строительстве этой линии. Возглавлял группу Григорий Аркадьевич Симонов. 20 августа Я и Гусев прибыли на Руско-Высоцкое и убедились, что строительство оборонительных рубежей было закончено» [12, с. 30].

Из воспоминаний секретаря Фрунзенского района РК ВКП(б) о строительстве оборонительных рубежей на Кингисеппском участке: «По отзывам командования, построенные оборонительные рубежи на участке Молосковицы – Волосово помогли Красной армии активной обороной выматывать врага. На этих рубежах немцы несли колоссальные потери. На этом участке блестяще дрались курсанты пехотной школы им. Кирова. Оборонительные рубежи в районе севернее Котлов по направлению к Ораниенбауму, построенные трудящимися этих районов и Фрунзенского района, укрепления вокруг так называемого Ораниенбаумского "пятачка" дали возможность бойцам Красной Армии и краснофлотцам, которые дрались на этом участке, задержать наступление немцев и сохранить этот участок» [15, л. 7].

Однако намеченный план строительства Красногвардейского укрепленного района был выполнен частично. Работы по оборудованию позиций, устройству заграждений на дорогах в глубине обороны, на подходах к отдельным населенным пунктам не были полностью закончены. Отсутствовали не только предполье, но и тыловой оборонительный рубеж. Чтобы устранить этот серьезный недостаток, 26 августа было начато строительство Пулковской позиции по линии Урицк – Пулковские высоты – Колпино, для немецко-фашистских захватчиков она навсегда останется роковой [16, с. 25]. Из воспоминаний генерал-майора инженер-

ных войск П. Г. Александрова (в начальный период войны офицер штаба инженерных войск): «Чем ближе враг подходил к Ленинграду, тем более упорное сопротивление он встречал. Ускоренными темпами создавалась Пулковская оборонительная позиция, внутри города строились баррикады, жилые и промышленные здания приспосабливались к обороне. К руководству этими работами были привлечены все организации города, также ученые и военные инженеры-фортификаторы. На оборонные работы было мобилизовано около 500 тыс. человек» [17, с. 13].

Пулковская оборонительная позиция входила в состав так называемого «Броневого пояса», историю его создания подробно вспоминает адмирал П. Г. Котов (в начальный период войны инженер-капитан 3-го ранга): «28 июня 1941 года на партийном активе Ленинградской городской организации ВКП(б) А. А. Жданов, К. Е. Ворошилов обратились к воинам фронта и всему населению Ленинграда с призывом "Все на защиту Ленинграда!" Как специалист, осведомленный по роду своей службы о запасах брони на предприятиях города, я предложил использовать ее на фронте для дотов» [17, с. 142]. В течение месяца была составлена докладная записка и через командование НК ВМФ направлена в Горком Ленинграда. Предложения заключались к созданию силами морских специалистов и заводов Ленинграда оборонительного пояса из мощных броневых сооружений.

Комиссия по строительству укрепленной полосы вокруг Ленинграда одобрила данные предложения и 30 июля 1941 г. предложила создать оперативную группу из морских инженеров. Так была создана оперативная группа научно-технического комитета НК ВМФ по строительству и монтажу броневых дотов. После согласования предложений с директором Кировского завода Зальцманом проект решения представили в Смольный. На следующий день комиссия по строительству укрепленной полосы вокруг Ленинграда приняла решение строить огневые точки из корабельной брони [17, с. 140].

Руководство оперативной группой было возложено на П. Г. Котова, начальник АПУ М. В. Морозов был членом этой оперативной группы. Оперативная группа распоряжалась всеми запасами брони, имевшейся в городе, на судостроительных заводах и полигонах. Вся броня, в зависимости от рода брони и потребностей фронта, была распределена для строительства дотов. Были разработаны более 40 проектов различных бронесооружений – от тяжелых артиллерийских дотов до пулеметных точек и броневых пунктов для стрелков. На фронте использовались сооружения 17 типов, строили их на ленинградских заводах. Чертежи проектируемых оборонительных сооружений выпускались в АПУ. Вначале были установлены доты на дальних рубежах, из 180–200 мм гнутых броневых плит, предназначенных для защиты береговой башенной артиллерии крупных калибров [17, с. 141].

Также процесс установки дотов из брони подтверждает в своих воспоминаниях Н. В. Баранов: «Основные силы были брошены на укрепление передового рубежа Пулково – Урицк (Лигово). Здесь днем и ночью под огнем врага строились доты и дзоты, устанавливались броневые колпаки и подвижные амбразуры. На Пулковских высотах морской офицер Котов и начальник АПУ Морозов руководили установкой снятых с кораблей тяжелых орудий» [13, с. 36].

Все усилия трудящихся Ленинграда были направлены на помощь фронту. Активно помогали военному командованию работники Архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома во главе с главным архитектором города Н. В. Барановым. Они разрабатывали проекты оборонительных сооружений и сами участвовали в их возведении [17, с. 9].

В результате работы оперативной группы по строительству огневых точек

из корабельной брони на Ленинградском фронте было установлено 7312 бронесооружений и укрытий, на эти цели было использовано 18400 тонн корабельной брони, в том числе 363 артиллерийских дота (под орудия колибром от 45 до 152 мм), 1761 пулеметный дот, 588 – под противотанковые ружья, 2300 трехамбразурных щитков для снайперов, 2300 плит с амбразурами и заслонками для дзотов. Это был настоящий огневой пояс [17, с. 144].

На подступах к городу и в самом Ленинграде на случай уличных боев было построено 570 артиллерийских дотов, 3600 пулеметных гнезд, 17 тыс. артиллерийских и пулеметных точек в домах, около 25 км баррикад и более 12 тыс. стрелковых ячеек. Эти укрепленные позиции, имевшие развитую систему траншей и ходов сообщения, дополненные броневыми, бетонными и деревоземляными огневыми сооружениями, плотно прикрытые минно-взрывными и другими видами заграждений, вплоть до 10 января 1944 г. являлись ключевыми позициями обороны [17, с. 14].

Заместитель начальника АПУ Ф. П. Гусев, погибший на фронте, до мобилизации в Красную армию работал начальником оборонительного участка в Красногвардейском секторе обороны. Из сводной ведомости построенных оборонительных сооружений внутригородских секторов и секторов внешнего обвода города [18, л. 89] мы можем увидеть, что Красногвардейский сектор входил в состав внутренней обороны.

Начальник группы экспертиз спецсооружений С. М. Шифрин был уполномоченным Военного совета фронта по строительству укрепленных рубежей в Кингисеппском и Петергофском районах [19, л. 50]. Кингисеппский сектор обороны входил в состав Лужского оборонительного рубежа. Красногвардейский укрепрайон проходил западнее Петергофского района, поэтому было бы справедливо полагать, что Петергоф и район входил в состав Красногвардейского укрепрайона.

Начальник отдела проектирования Б. В. Рубаненко возглавлял работу по маскировке крупнейшего промышленного района, затем работал на строительстве оборонительных рубежей и возглавил всю архитектурно-строительную работу по восстановлению и проектированию специальных объектов. С. М. Дребезгов и М. П. Булышкин обеспечивали нужды фронта съемочно-изыскательными и проектными материалами [19, л. 49].

Начальник АПУ М. В. Морозов на протяжении многих месяцев был уполномоченным Военного совета по строительству укрепленной полосы по Красногвардейскому и Московскому секторам.

Указом Президиума Верховного Совета от 8 декабря 1942 г. за строительство оборонительных рубежей вокруг Ленинграда начальник АПУ М. В. Морозов и главный архитектор города Ленинграда Н. В. Баранов были награждены орденом Трудового Красного Знамени [19, л. 49]. Кроме того, Н. В. Баранов и И. И. Фомин решением Ленгорисполкома от 3 июня 1943 г. № 92-22 одними из первых были награждены медалью «За оборону Ленинграда» [20, л. 2].

Особая значимость оборонительных рубежей на подступах к Ленинграду заключается в том, что, заставив врага перейти к обороне, командование фронтом выиграло время, столь необходимое для укрепления подступов к Ленинграду [21, л. 210]. Как следствие, важнейшие группировки группы армий «Север» были скованы на подступах к городу. Это, в свою очередь, означало крах замысла авторов плана «Барбаросса». Судьба города на Неве была теснейшим образом связана с общей ситуацией на всех театрах военных действий [11, л. 79]. К 26 сентября 1941 г. фронт на южных подступах к Ленинграду окончательно стабилизировался. Измотанный и обескровленный враг вынужден был перейти к обороне и «зарыться» в землю [11, л. 79].

Все попытки противника осуществить прорыв в Ленинград были отбиты.

Гитлеровцам не удалось продвинуться вперед ни на одном участке. Их расчеты войти в город в походных колоннах провалились. Фон Леебу пришлось отменить намеченный и широко разрекламированный бал в Ленинградской гостинице «Астория» [22, л. 51].

Выводы

Из воспоминаний участников и организаторов строительства оборонительных рубежей мы можем увидеть, что в условиях постоянного нарастания угрозы Ленинграду сотрудники АПУ не только разрабатывали проекты оборонительных сооружений, но и сами участвовали в их возведении. Кроме того, они организовывали строительство укрытий и убежищ для ленинградцев, участвующих в строительстве оборонительных рубежей.

Также специалисты АПУ оказывали помощь в проектировании оборонительных сооружений из прочной брони для военных кораблей, участвовали в комиссии по строительству оборонительной полосы в виде контролеров, были уполномоченными Военным советом фронта для оказания помощи.

Список литературы

1. Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. 6-е изд., испр. и доп. Л.: Лениздат, 1985. 238 с.

2. Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. 640 с.

3. Совинченко Т. И. Современные публикации и новые документы по блокаде Ленинграда // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 31–40.

4. Владимиров В. Разногласия в командной верхушке вермахта в июле – августе 1941 года // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 70–79.

5. Очерки истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. / Академия наук СССР, Ин-т истории. М.: Наука, 1967. 748 с.

6. Бычевский Б. В. Город-фронт. Л.: Лениздат, 1967. 431 с.

7. Бычевский Б. В. В начале войны под Ленинградом // Военно-исторический журнал. 1963. № 1. С. 60–69.

8. ЦГА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1420. Л. 128.

9. ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга). Ф. 24. Оп. 2а. Д. 182. Л. 106.

10. Маляров В. Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны: Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб.: ВИТУ, 2000. 348 с.

11. Гриднев В. П. Руководство оборонительным строительством // Управленческое консультирование. 2017. № 2. С. 78–84.

12. ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 151. Д. 3. Л. 150.

13. Баранов Н. В. Силуэты блокады: записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. 175 с.

14. Гриднев В. П., Мурга Н. В. Архитектурно-планировочное управление в битве за Ленинград // Управленческое консультирование. 2018. № 1. С. 105–113.

15. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3180. Л. 7–7 об.

16. Книга памяти. Российская Федерация. Ленинградская обл. 1941–1945 / В. С. Белоус [и др.]. СПб.: Вести, 1995. Т. 1. 318 с.

17. Инженерные войска города-фронта. Л.: Лениздат, 1979. 320 с.

18. ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 12. Д. 13. Л. 89.

19. ЦГА ИПД СПб. Ф. 2183. Оп. 2. Д. 6. Л. 49, 50.

20. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 38. Д. 909. Л. 1–7.

21. История ордена Ленина Ленинградского военного округа / Н. И. Барышников, Н. Ф. Варгин, Л. Г. Винницкий [и др.]. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1988. 445 с.

22. Фидюнинский И. И. Поднятые по тревоге. 2-е изд. испр. М.: Воениздат, 1961. 247 с.

References

1. Pavlov D. V. Leningrad v blockade [Leningrad is under siege]. 6th ed. Leningrad, Lenizdat Publ., 1985. 238 p.

2. Leningrad v osade. Sbornik dokumentov o geroicheskoj oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1944 [Leningrad under Siege. Collection of documents about the heroic defense of Leningrad during the Great Patriotic War, 1941–1944]; ed. by A. R. Dzeniskevich. St. Petersburg, Liki Rossii, 1995. 640 p.

3. Sovinchenko T. I. Sovremennye publikacii i novye dokumenty po blokade Leningrada [Modern publications and new documents on the siege of Leningrad]. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*, 2020, no. 3, pp. 31–40.

4. Vladimirov V. Raznoglasiya v komandnoj verhushke vermahta v iyule – avguste 1941 goda [Disagreements in the command top of the Wehrmacht in July – August 1941]. *Voenno-istoricheskij zhurnal = Military History Magazine*, 1966, no. 1, pp. 70–79.

5. Ocherki istorii Leningrada. Vol. 5. Period Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. [Essays on the History of Leningrad. Vol. 5. The Period of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 748 p.

6. Bychevskij B. V. Gorod-front [City-front]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1967. 431 p.

7. Bychevskij B. V. V nachale vojny pod Leningradom [At the beginning of the war near Leningrad]. *Voenno-istoricheskij zhurnal = Military History Magazine*, 1963, no. 1, pp. 60–69.

8. CGA SPb (Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga) [Central State Archive of St. Petersburg], f. 7384, op. 18, d. 1420, l. 128.

9. CGAIPD SPb (Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskih dokumentov Sankt-Peterburga) [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. 24, op. 2a, d. 182, l. 106.

10. Malyarov V. N. Stroitel'nyj front Velikoj Otechestvennoj vojny: Sozdanie strategicheskih rubezhej i placdarmov dlya obespecheniya oboronitel'nyh operacij vooruzhennyh sil v gody vojny 1941–1945 gg. [The Construction Front of the Great Patriotic War: The creation of strategic frontiers and bridgeheads to ensure the defensive operations of the armed forces during the war of 1941–1945]. St. Petersburg, VITU Publ., 2000. 348 p.

11. Gridnev V. P. Rukovodstvo oboronitel'nym stroitel'stvom [Management of defensive construction]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting, 2017, no. 2, pp. 78–84.

12. CGAIPD SPb, f. 24, op. 151, d. 3, l. 150.

13. Baranov N. V. Siluety blokady: zapiski glavnogo arhitektora goroda [Silhouettes of the blockade: notes of the chief architect of the city]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1982. 175 p.

14. Gridnev V. P., Murga N. V. Arhitekturno-planirovochnoe upravlenie v bitve za Leningrad [Architectural and planning management in the Battle for Leningrad]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2018, no. 1, pp. 105–113.

15. CGAIPD SPb, f. 4000, op. 5, d. 3180, l. 7–7 ob.

16. Belous V. S., eds. Kniga pamyati. Rossijskaya Federaciya. Leningradskaya obl. 1941–1945 [The memory book. Russian Federation. Leningrad Region. 1941–1945]. St. Petersburg, Vesti Publ., 1995, vol. 1. 318 p.

17. Inzhenernye vojska goroda-fronta. Leningrad, Lenizdat Publ., 1979. 320 p.

18. CGAIPD SPb, f. 25, op. 12, d. 13, l. 89.

19. CGAIPD SPb, f. 2183, op. 2, d. 6, l. 49, 50.

20. CGA SPb, f. 7384, op. 38, d. 909, l. 1–7.

21. Baryshnikov N. I., Vargin N. F., Vinnickij L. G., eds. Istoriya ordena Lenina Leningradskogo voennogo okruga [History of the Order of Lenin of the Leningrad Military District]. 3th ed. Moscow, Voenizdat Publ., 1988. 445 p.

22. Fidyuninskij I. I. Podnyatye po trevoge [Alerted]. 2th ed. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 247 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Мурга Николай Валериевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: murga.kolya@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2445-4416

Nikolay V. Murga, Post-Graduate Student of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: murga.kolya@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2445-4416

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-164-176

(cc) BY 4.0

Немецкая пропаганда антисемитизма и политика геноцида евреев: реакция местного населения и его политические настроения (на примере Генерального округа Беларусь)

Е. А. Пушкаренко[1] ✉

[1]Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В статье исследуется актуальная проблема современной отечественной историографии – реакция населения на антисемитскую пропаганду и политику геноцида евреев немецких оккупационных властей (на примере Генерального округа Беларусь).*

Цель *– определить специфику политических настроений населения Генерального округа Беларусь в период немецкой оккупации 1941–1944 годов и его реакции на пропаганду антисемитизма и политику холокоста.*

Задачи: *выявить исторические факторы, определившие отличительные черты менталитета народов Беларуси и их восприятия военной повседневности.*

Методология. *В исследовании используются методы анализа, синтеза, сравнения.*

Результаты. *Определены специфические черты белорусской ментальности, отразившиеся на восприятии населением Генерального округа Беларусь антисемитской пропаганды и геноцида евреев.*

Выводы. *Политические настроения населения округа формировались под влиянием ряда объективных исторических факторов, к числу которых следует отнести длительное совместное проживание белорусов и евреев, толерантное восприятие белорусским населением проявлений еврейской культуры и религии. Общее толерантное отношение к соседям-евреям со стороны этнических белорусов было обусловлено как фактом их длительного совместного проживания, так и ограничениями их собственных этнических прав и в составе Польского государства, и в составе Российской империи. Кроме того, имел место достаточно низкий уровень этнического самосознания белорусов, которые зачастую именовали себя «тутэйшыя», то есть местные, как следствие, в белорусской среде отсутствовали проявления радикального национализма и шовенизма. Именно эти обстоятельства во многом обусловили специфику политических настроений населения Генерального округа Беларусь. Антисемитская пропаганда и политика геноцида евреев не нашли поддержки у белорусов, большая часть проявлений антисемитизма была характерна для более западных регионов оккупированной территории БССР, не входивших в состав округа, с преимущественно польским населением.*

Ключевые слова*: немецкая пропаганда; антисемитизм; холокост; Генеральный округ Беларусь; Великая Отечественная война; менталитет.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Пушкаренко Е. А. Немецкая пропаганда антисемитизма и политика геноцида евреев: реакция местного населения и его политические настроения (на примере Генерального округа Беларусь) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 164–176. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-164-176.

Поступила в редакцию 07.02.2022 Принята к публикации 02.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Пушкаренко Е. А., 2022

German Propaganda of Anti-Semitism and the Policy of the Genocide of Jews: the Reaction of the Local Population and its Political Sentiments (on the Example of the General District of Belarus)

Elena A. Pushkarenko[1] ✉

[1]Belgorod State National Research University,
85 Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract

Relevance. *The article examines the actual problem of modern Russian historiography – the reaction of the population to anti-Semitic propaganda and the policy of genocide of Jews by the German occupation authorities (using the example of the General District of Belarus).*

The purpose: *the aim of the work is to determine the specifics of the political sentiments of the population of the General District of Belarus during the period of the German occupation of 1941-1944 and its reaction to the propaganda of anti-Semitism and the policy of the Holocaust.*

Objectives: *to identify historical factors that have determined the distinctive features of the mentality of the peoples of Belarus and their perception of military everyday life.*

Methodology: *analysis, synthesis, comparison.*

Results. *The specific features of the Belarusian mentality reflected in the perception of the population of the General District of Belarus of anti-Semitic propaganda and the genocide of Jews are determined.*

Conclusion. *the political sentiments of the population of the district were formed under the influence of a number of objective historical factors, which include the long-term cohabitation of Belarusians and Jews, the tolerant perception of the Belarusian population of manifestations of Jewish culture and religion. The general tolerant attitude towards Jewish neighbors on the part of ethnic Belarusians was due both to the fact of their long-term cohabitation and to restrictions on their own ethnic rights both within the Polish state and within the Russian Empire. In addition, there was a rather low level of ethnic consciousness of Belarusians, who often called themselves "tuteyshy", that is, local, as a result, there were no manifestations of radical nationalism and chauvinism in the Belarusian environment. It was these circumstances that largely determined the specifics of the political sentiments of the population of the General District of Belarus. Anti-Semitic propaganda and the policy of genocide of Jews did not find support among Belarusians, most of the manifestations of anti-Semitism were characteristic of the more western regions of the occupied territory of the BSSR, which were not part of the district, with a predominantly Polish population.*

Keywords: *German propaganda; anti-Semitism; Holocaust; General District of Belarus; Great Patriotic War; mentality.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Pushkarenko E. A. German Propaganda of Anti-Semitism and the Policy of the Genocide of Jews: the Reaction of the Local Population and its Political Sentiments (on the Example of the General District of Belarus). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 164–176. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-164-176.

Received 07.02.2022 Accepted 02.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

История Холокоста и геноцида европейских народов в период Второй мировой войны – это тема, которая вряд ли исчерпает себя в ближайшем историческом будущем. Актуальность этой проблемы только возрастает в условиях современной тенденции к фальсификации истории и искажения исторических фактов. Особый интерес в этой связи представляет пока еще мало исследованная проблема реакции населения оккупиро-

ванных европейских стран на нацистскую пропаганду антисемитизма и политику систематического и планомерного уничтожения евреев. В данной статье речь пойдет об особенностях политических настроений и реакции местного населения на немецкую пропаганду антисемитизма на территории Генерального округа Беларусь в 1941–1944 гг. Округ занимал около ¼ довоенной территории Советской Белоруссии и включал в основном ее западные районы. Следует отметить, что политические настроения населения округа складывались под влиянием целого ряда исторических обстоятельств и объективных факторов.

Методология

Исследование проведено на материалах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). В частности, были проанализированы документы немецкой гражданской администрации округа (отчеты, приказы, распоряжения относительно решения «еврейского вопроса»), а также материалы оккупационной антисемитской пропаганды на русском и белорусском языках (газеты, плакаты, радиопрограммы, брошюры и т. д.). Отдельным источником стали имеющиеся исследования в области данного вопроса отечественных и зарубежных историков. Исследование основано на принципе историзма, что даёт возможность объективно определить особенности политических настроений и реакции населения Генерального округа Беларусь на немецкую пропаганду антисемитизма и политику холокоста. Проблемно-хронологический метод даёт возможность проследить эволюцию восприятия местным белорусским населением геноцида евреев и пропаганды антисемитизма. Помимо этого, в исследовании применялись общенаучные методы – анализ, синтез, сравнение.

Результаты и их обсуждение

Земля Беларуси с давних времен была родиной для целого ряда народов – белорусов, поляков, украинцев, литовцев, латышей, цыган, татар, русских и евреев. Как известно, Беларусь, будучи в составе Российской империи, входила в так называемую «зону оседлости», в черте которой могли селиться евреи. Многочисленные белорусские местечки были населены евреями-ремесленниками, которые стали неотъемлемой частью белорусской культуры. О соотношении еврейского населения с другими народами на территории округа к началу Великой Отечественной войны говорят следующие цифры. Из 56 городов Западной Беларуси (в границах современной РБ) в семи евреи составляли более 75%. В целом 283,3 тыс. человек, или 8,8% от общего числа жителей Западной Беларуси, исповедовали иудаизм [1, с. 97–121]. С началом немецкой оккупации Польши, спасаясь от нацистского преследования, многочисленные группы евреев осуществляли попытки перехода на территорию БССР. Всего к началу 1940 г. на территории Советской Белоруссии насчитывалось около 110 тыс. беженцев, в основном еврейского происхождения, из которых 86 890 пребывали на территории Западной Беларуси [2, л. 235–238; 3, л. 275–287].

Столетия совместной жизни евреев и белорусов в пределах единого культурно-исторического пространства приучили их к взаимной терпимости. При этом белорусы и евреи в Польском государстве в период 1921–1939 гг. находились на положении национальных меньшинств, что, безусловно, сближало их. Если в белорусском языке есть три слова – «яўрэі, габрэі, жыды», то в польском языке одно – «żyd», обозначающее слово «еврей». Слово «жид» часто несло в себе отрицательные коннотации, иногда использовалось как нейтральное [4, с. 135–136]. При этом на территории Беларуси местное население толерантно и даже заинтересованно относилось к проявлениям еврейской культуры и религии. Так, по воспоминаниям известного белорусского поэта З. Бядули: «местные жители уважали

раввина не меньше православного священника» [5, с. 11].

Проявления антисемитизма на территории Западной Беларуси в предвоенный период имели преимущественно польские корни и были обусловлены государственной политикой Польши. Общее толерантное отношение к соседям-евреям со стороны этнических белорусов было обусловлено как фактом их длительного совместного проживания, так и ограничениями их собственных этнических прав и в составе Польского государства, и в составе Российской империи. Кроме того, имел место достаточно низкий уровень этнического самосознания белорусов, которые зачастую именовали себя «тутэйшыя», т. е. местные, как следствие, в белорусской среде отсутствовали проявления национализма и шовенизма. Именно эти обстоятельства во многом обусловили специфику политических настроений и реакции населения Генерального округа Беларусь на немецкую пропаганду антисемитизма и геноцида евреев. Известно, что население многих европейских государств весьма активно сотрудничало с немецкими оккупационными властями в реализации антиеврейской политики (в Польше, Венгрии, Прибалтике), однако на территории Беларуси сложившаяся практика взаимодействия с местным населением в «решении еврейского вопроса» дала сбой. «Белорусы практически не участвовали в организации "нового порядка"; в отличие от Украины и Прибалтики здесь было сложно создать полицейские батальоны и национальную администрацию», – отмечает польский исследователь Ю. Туронок [6, с. 113].

Стремление немецкой администрации привлечь местное население к участию в антиеврейских акциях не реализовалось, поэтому к уничтожению евреев, кроме айнзацгрупп и частей вермахта, привлекались войска СС, полицейские формирования, подразделения полиции порядка. В Беларуси немцы старались не привлекать к акциям уничтожения полицию из местных жителей. Как правило, антиеврейские акции проводились здесь силами привезенных украинских и литовских полицейских батальонов [7, с.16].

Методы проведения антиеврейских акций вызывали ужас перед немецкими властями и их неприятие местным населением. Чиновники немецкой гражданской администрации округа неоднократно обращали внимание руководства на неблагоприятные политические и морально-психологические последствия публичных акций геноцида. В рапорте комиссара г. Слуцка Карла от 30.10.1941 г. констатировалось: «Что касается самого способа проведения акции, я должен с глубокой скорбью отметить, что она граничила с садизмом. С неописуемой жестокостью, как со стороны немецких, так и со стороны литовских полицейских, еврейское население, а также немало белорусов было выведено из домов и согнано в одно место. Мало того, что с еврейским населением, в том числе и с ремесленниками, обходились зверски прямо на глазах у белорусского населения, но и само белорусское население таким же образом подвергалось избиению кожаными дубинками и прикладами... Белорусское население, чье полное доверие мы завоевали, находится в растерянности. Хотя люди напуганы и не решаются открыто высказывать свое мнение, есть основания считать, что этот день не забыт. Я считаю, что пройдет еще немало времени, прежде чем мы вернем утраченное доверие населения» [8, pp. 4–8].

Приведенная цитата показывает, какое значение администрацией Кубе придавалось политическим настроениям населения, его реакции на действия немецких властей. При этом сам Вильгельм Кубе преимущество отдавал идеологическим средствам. Ранее отмечалось: «В. Кубе …сделал ставку на пропаганду, как средство реализации оккупационных и политических задач. Его двухлетняя деятельность в должности Генерального

Комиссара была направлена на приобретение симпатий населения путем определенных уступок, по крайней мере, внешних, в области культуры, религии, образования» [9, с. 168]. Это отнюдь не означает, что Кубе был противником базисных постулатов нацизма и не разделял политической линии имперского руководства «рейха» в решении «еврейского вопроса». Однако подразделения СС и СД, действовавшие на территории округа, но не подчинявшиеся ему, вершили на глазах у местных жителей расправы с евреями. Противоречие двух подходов в методах управления вылились в конфликт Кубе и СС. Глава округа Беларусь неоднократно писал рапорты о негативных политических последствиях карательных экспедиций СС и полиции. При этом вся аргументация Кубе сводилась к предупреждениям о неблагоприятных экономических и психологических последствиях подобных методов управления краем для интересов «рейха». Этой же политической линии придерживались и подчиненные Кубе – сотрудники так называемой гражданской администрации. Например, вышеназванный комиссар Карл на совещании, проходившем в Генеральном комиссариате в Минске в апреле 1943 г., отмечал: «В связи с ликвидацией евреев я сразу потерял 1400 рабочих… Евреи были хорошими ремесленниками. Мои сегодняшние ремесленники слишком примитивные, их необходимо еще обучать» [10, с. 348].

Публичный характер практики холокоста и ее отрицательные экономические и политические последствия вызывали наибольшую обеспокоенность генерального комиссара округа. Реакция местного населения от увиденного граничила с ужасом и паникой. Она не давала надежд на сотрудничество с немецкими властями в дальнейшем. Преследования и убийства евреев, проходившие в ряде европейских стран при участии и активной поддержке местных жителей, на территории Беларуси не получили одобрения. Более того, белорусы не воспринимали соседей-евреев как некий чужеродный элемент и экстраполировали происходящую практику массового уничтожения на себя. В подобной ситуации любая пропаганда была непродуктивна и не могла принести ожидаемого результата.

Тем не менее уже с первых дней оккупации и установления «нового порядка» население округа испытало на себе массированное идеологическое воздействие. Одним из центральных направлений немецкой пропаганды стал антисемитизм. Евреев обвиняли в создании Советского государства, захвате в нем всех руководящих постов, развязывании Второй мировой войны, стремлении осуществить мировую революцию и установить свою власть во всем мире. Подчеркивалось, что именно евреи составляют основное число «бандитов» (в немецкой трактовке партизан. – *Авт*.) и виноваты в репрессивной политике немецких властей, которую они осуществляют в отношении местного населения в районах наибольшей активности партизан. Утверждалось, что именно евреи, составлявшие верхушку советского партийного руководства БССР в довоенный период, несут ответственность за политику русификации и ущемления национальных интересов белорусов.

Агрессивная риторика должна была легитимировать ежедневную практику холокоста и вызвать заинтересованность в ее проведении со стороны местного населения. Одновременно с этим происходила практическая реализация «еврейского вопроса»: в 153-х населенных пунктах Беларуси было организовано 163 гетто. В их числе на территории Генерального округа в минском гетто находилось до 100 тыс. человек, в слонимском – около 30 тыс., в двух новогрудских – свыше 24 тыс. В начале марта 1942 г. начались первые крупные акции по уничтожению евреев. Только в течение двух месяцев погибло от 2300 до 3400 человек в Барановичском гетто, 5670 человек – в

Лиде [11, с. 118, 131]. В отчете комиссара Глубокского округа от 1.07.1942 г. содержатся сведения об уничтожении в период мая – июня 1942 г. 2653 евреев в Докшицах, 528 – в Лужках, 419 – в Плиссе, 779 – в Миорах, 2200 – в Глубоком, ликвидации гетто в Дисне (2181 чел.) [12, л. 45].

К лету 1942 г. уничтожение евреев приобрело еще большие масштабы. В своем отчете на имя рейхскомиссара «Остланда» Г. Лозе от 31.07.1942 г. В. Кубе сообщал: «За последние десять недель в Беларуси ликвидировано 55 000 евреев. На территории Минского округа евреи были полностью устранены, но это не привело к потерям в рабочей силе» [13, с. 94–95]. Далее Кубе ссылался на экономические потребности вермахта, которые вынуждают немецкие власти сохранить в округе определенное число лиц еврейской национальности: «В Минске и в будущем останется значительный контингент еврейской рабочей силы, поскольку производство на военных предприятиях и железнодорожном транспорте временно этого требует. Во всех остальных областях число евреев, используемых в качестве рабочей силы, устанавливается СД и мною в количестве, самое большое 800 человек, а по возможности не более 500… Поэтому больше нет опасности, что в будущем партизаны будут существенным образом опираться на еврейство» [14, с. 118–119].

В документе евреи упоминаются также в контексте угрозы развития партизанского движения. В материалах пропаганды для белорусского населения акцентировалось внимание на взаимосвязи «бандитизма» и евреев. Утверждалось, что евреи заняли должности политруков, но сами участия в боевых операциях не принимают, что действия «партизанских банд» влекут за собой проведение карательных акций. Внушалась мысль, что именно евреи навлекают все несчастья на белорусов, виноваты и в развязывании войны, и в довоенных репрессиях. Таким образом, немецкая администрация пыталась привлечь местное население к сотрудничеству в политике и практике холокоста, выдаче мест дислокации партизанских отрядов и лиц еврейского происхождения. В пропагандистских изданиях к числу партизан, в первую очередь, причисляли евреев, а также членов ВКП (б) и сотрудников НКВД [15, л. 1].

Представители СС и полиции постоянно актуализировали окончательное решение «еврейского вопроса», аргументируя его «бандитской угрозой». На совещании в Генеральном комиссариате в апреле 1943 г. бригаденфюрер СС Готтберг заявил: «Как мы установили, решающим для всех округов является еврейский вопрос. Даже если еврей не является руководителем банды, то он или поставщик сведений, или иной… Судя по обнаруженным у бандитов записям, все их разведывательные сведения являются результатом деятельности, прежде всего, евреев. Мне думается, что если в Беларуси не останется ни одного еврея, то этим будет избавлен от смерти еще один порядочный немецкий солдат» [16, с. 173].

Как следствие, активная деятельность главы округа Беларусь В. Кубе в области пропаганды ретранслировала основные постулаты нацизма в отношении к евреям. Инициированная им политика «белорусизации» была построена на сочетании пропаганды идей «возрождения Беларуси», ее языка и культуры с грубыми антисемитскими лозунгами. В одном из обращений Кубе к белорусам содержатся следующие утверждения: «В годы советской власти на белорусских землях хорошо жили евреи и русские, а местные рабочие, крестьяне, ученые находились под жидовским гнетом. Культура Беларуси уничтожалась…» [17, с. 81]. В разнообразных оккупационных изданиях фигурировали выражения «жид» в негативной коннотации, «мировой еврейский заговор», «жидовство».

Идейно-политическая работа с местным населением была построена на сле-

дующих утверждениях: во-первых, именно евреи виноваты в низком уровне национального самосознания белорусов, т. к. в советский период многие из них входили в состав советских и партийных органов и осуществляли политику русификации и борьбы с «нацдемовщиной»; во-вторых, евреи являются истинными поджигателями войны; в-третьих, руководство ВКП (б), представленное в основном евреями, стремится через эскалацию войны «добиться мирового господства»; в-четвертых, подавляющую часть в соединениях белорусских партизан составляют евреи-большевики или красноармейцы, попавшие в окружение, но не белорусы; в-пятых, возвращение советской власти, а значит, «советского крепостничества и террора НКВД», принесет смерть белорусскому народу. Эти положения стали идеологической и моральной основой для объяснения причин холокоста и его оправдания в глазах белорусов. Политические настроения местного населения должны были формироваться не под впечатлением кровавых акций СС и СД, а многочисленных антисемитских кампаний, «разоблачавших» евреев во всевозможных бедах и несчастьях белорусов.

Большой резонанс в пропаганде вызвало обращение И. В. Сталина к народам СССР и провозглашение им отечественного характера войны. Опровергая сталинский тезис, немецкие пропагандисты апеллировали к национальным чувствам белорусов и пытались связать неудавшиеся попытки национально-государственного строительства в Беларуси с происками «мирового сионизма». Для этого был разработан ряд пропагандистских клише. В основном их содержание базировалось на следующих утверждениях: «Для народов СССР война не может быть отечественной, так как большевики (евреи. – *Авт*.) лишили их этого Отечества, уничтожили культурные традиции и национальные чувства». Пропагандисты доказывали, что отсутствуют главные предпосылки и условия для такой войны, а именно национальная идея. Не менее важным аргументом было утверждение, что «идеалом большевиков был бескровный интернационализм», что «властители России вообще не были русскими, наоборот чужаками, евреями». Отсюда делался вывод о том, что их целью является достижение «мирового еврейского господства», поэтому они и борются против национальных понятий, противопоставляя им лозунг – «Пролетариат не признает Отечества!». Главный тезис антисемитской пропаганды звучал: «у белорусов нет будущего, за которое стоило бы бороться на стороне большевиков» [18, л. 40–47].

Манипуляции с проблематикой в области белорусской национальной идеи вылились в систему спланированных публикаций на страницах оккупационных изданий. Например, в сентябре 1942 г. «Менская газэта» писала: «Интересы жидов и нежидов – несовместимы, жидовская этика и мораль не должны отравлять другие нации, жидам вообще нет места среди нас» [19, л. 7]. К антисемитским пропагандистским акциям привлекали белорусских коллаборационистов. Например, глава так называемого «Союза белорусской молодежи» М. Ганько выступал со страниц «Беларускай газэты» со статьями в антисемитском духе. В одной из них он писал: «Жид был, есть и будет жидом, он никогда не изменится и не станет лучше, никогда не станет другом белоруса» [20, л. 46]. В 1943 г. Кубе санкционировал организацию специальной группы пропагандистов белорусского происхождения, члены которой выступали перед местным населением с сообщениями и докладами антисемитского содержания, например: «Почему мы должны сражаться с еврейско-большевистской угрозой?», «Что белорусы должны знать о евреях?» [21, л. 66].

Особым направлением антисемитской пропаганды стало создание и распространение псевдонародных частушек

и пословиц о евреях. В них белорусских крестьян запугивали возвращением колхозного строя, а интеллигенцию, рабочих и служащих – политическими репрессиями. В отделе пропаганды для белорусского населения округа была подготовлена целая подборка подобных «произведений», правда на русском языке. Среди них: «При Сталине жить – надо жидам служить», «Если б не сталинская власть – нам бы в тюрьму не попасть», «На Сталина злоба до самого гроба», «Один жил – в кафтане ходил, в колхоз записался – голым остался». Еще более дико и оскорбительно звучали так называемые частушки:

«Все жиды, да все жиды –
Не податься никуды.
Жид заведует в колхозе –
Мужик роется в навозе».

«Клим коровушку пасет,
Жид подойничком трясет.
Для егоной Ривочки
Нужны к чаю сливочки».

«Долго жили мы в беде
И не ждали помочи.
Слава Богу, Гитлер спас
От жидовской сволочи» [22, с. 3].

Однако стремление нацистов разжечь национальную неприязнь белорусов к евреям не нашло поддержки у местного населения, тем более им не удалось организовать в Беларуси еврейские погромы [23, с. 30]. Население стремилось быть в стороне от осуществляемой политики уничтожения, сострадало и симпатизировало евреям. Более того, имели место примеры чисто человеческого самопожертвования. Например, в Минском гетто был случай неповиновения белорусов в акции по уничтожению евреев (им было приказано засыпать еще живых людей землей), тогда были расстреляны и евреи, и белорусы [24, с. 376–381].

Немецкий исследователь Х. Герлах отмечает, что помощь евреям в Беларуси в сравнении с другими регионами «никак нельзя назвать незначительной». «Это подчеркивают как советские отчеты, так и воспоминания спасшихся евреев», – указывает автор [25, с. 747].

Известные исследователи холокоста уровень антисемитизма на территории Беларуси в годы немецкой оккупации 1941–1944 гг. оценивают как низкий, по сравнению с соседними оккупированными территориями Литвы, Латвии, Украины, Польши. Белорусский историк Э. Г. Иоффе считает: «В отличие от республик Прибалтики и Украины в расстреле белорусских евреев в годы Великой Отечественной войны, кроме белорусских националистов, приняли участие (и причем самое активное) литовские, латышские, украинские, эстонские и польские коллаборационисты. В целом, по сравнению с другими регионами, отношение местного нееврейского населения к евреям в Беларуси было лучшим» [26, с. 88].

Даже в сообщениях айнзацгрупп звучали нарекания на отсутствие антисемитизма в Беларуси. Так, в рапорте за 5.07.1941 г. говорится: «Однако организовать антиеврейские погромы до этой поры почти не удается из-за пассивности и политической тупости белорусов» [27, с. 195]. В другом отчете, составленном через месяц, отмечалось: «Практически никаких проявлений белорусского самосознания в этой местности не наблюдается. Яркий антисемитизм также отсутствует» [28, с. 357].

Конечно, нельзя говорить о полном отсутствии проявлений антисемитизма со стороны нееврейского населения, под которым подразумеваются и белорусы, и украинцы, и поляки, и русские, и татары и ряд других народов, проживавших на территории округа. Антисемитизм населения Западной Беларуси, территория которой в основном и входила в состав округа, был основан на восприятии евреев как основных помощников в установлении советской власти после сентября 1939 г. Главными «обиженными» были

представители польских привилегированных сословий, которые рассчитывали вернуть утраченные позиции с приходом немцев. Д. Романовский отмечает: «белорусы (то есть нееврейское население. – *Авт*.) воспринимали "расовую войну" против евреев, затеянную нацистами, как очередную социальную революцию. …Введение тяжелых работ для евреев, переселение их из "хороших квартир" в гетто казалось многим белорусам справедливым и достаточным наказанием евреям за их довоенную "сладкую жизнь"» [29, с. 117–120]. Его мнение подтверждает свидетельство гродненской еврейки, оказавшейся в начале войны в варшавском гетто: «Ненависть стала еще сильнее, чем была перед войной». Она объясняет это особым привилегированным положением евреев в период советского правления, в то время как поляки испытывали состояние угнетенности [30, с. 210].

Имели место и случаи доносов на евреев, разграбления их домов. При этом в источниках отсутствуют указания на этническую принадлежность участников подобных действий и акций [31, с. 31]. Л. Смиловицкий отмечает, что накануне акции по ликвидации у стен гетто собирались местные жители с тележками, ожидая момента, когда бойня закончится и можно будет «начать дикую оргию мародерства» [32, с. 95]. В ряде немецких источников отмечалось, что администрация испытывала нехватку в штатных сотрудниках полиции, «чтобы утихомирить жажду населения к грабежу» [33, л. 21].

Говоря о нееврейском населении Генерального округа Беларусь, следует отметить особо активное участие в антисемитских акциях со стороны белорусских коллаборационистов, например, в таких городах и местечках, как Барановичи, Минск, Кореличи [26, с. 88]. Леонид Рейн отмечает: «если в Западной Беларуси главным мотивом антиеврейских настроений был национализм…, то в Восточной Беларуси в ряды преступников людей чаще всего толкало простое приспособленчество» [28, с. 343–385].

В целом же отношение белорусского населения как к факту немецкой оккупации, так и к преступной политике и практике холокоста можно охарактеризовать обычным человеческим стремлением выжить. Первоначальная пассивная выжидательная позиция большинства белорусского населения постепенно трансформировалась. Антиеврейская политика и карательные экспедиции в зонах действия партизан против мирного населения полностью девальвировали содержание немецкой пропаганды о национальном «возрождении Беларуси» в составе так называемой «Новой Европы».

Выводы

Таким образом, политические настроения населения Генерального округа Беларусь формировались под влиянием ряда объективных исторических факторов, к числу которых следует отнести длительное совместное проживание белорусов и евреев, толерантное восприятие белорусским населением проявлений еврейской культуры и религии, низкий уровень национализма белорусов и, как следствие, терпимое отношение к проявлениям иных культур. Общее толерантное отношение к соседям-евреям со стороны этнических белорусов было обусловлено как фактом их длительного совместного проживания, так и ограничениями их собственных этнических прав и в составе Польского государства, и в составе Российской империи. Кроме того, имел место достаточно низкий уровень этнического самосознания белорусов, которые зачастую именовали себя «тутэйшыя», т. е. местные, как следствие, в белорусской среде отсутствовали проявления радикального национализма и шовенизма. Именно эти обстоятельства во многом обусловили специфику политических настроений и реакции населения Генерального округа Беларусь на немецкую пропаганду антисемитизма и

геноцида евреев. Если население многих европейских государств весьма активно сотрудничало с немецкими оккупационными властями в реализации антиеврейской политики (в Польше, Венгрии, Прибалтике), то на территории Беларуси сложившаяся практика взаимодействия с местным населением в «решении еврейского вопроса» дала сбой. Белорусы практически не участвовали в организации «нового порядка». Стремление немецкой администрации привлечь местное население к участию в антиеврейских акциях не реализовалось. Поэтому к уничтожению евреев, кроме айнзацгрупп и частей вермахта, привлекались войска СС, полицейские формирования, подразделения полиции порядка, а также украинские и литовские полицейские батальоны. В заключение подчеркнем, антисемитская пропаганда и политика геноцида евреев не нашли поддержки у белорусов, большая часть проявлений антисемитизма была характерна для западных регионов оккупированной территории БССР, не входивших в состав округа, с преимущественно польским населением.

Список литературы

1. Эберхардт П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1898–1989. Минск (Берасьце): Белфорт, БФС, 1997. С. 97–121.

2. НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь). Ф. 4. Оп. 21. Д. 1683. Л. 235–238.

3. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 2075. Л. 275–287.

4. Струнец С. В. Еврейский вопрос в национальной политике II Речи Посполитой // Моладзь Берасцейшыны: зборнік студэнцкіх навуковых прац. Брэст: Академия, 2006. С. 135–136.

5. Бядуля З. Жыды на Беларусі. Бытавыя штрыхі. Менск: Друкарня Я. А. Грынблята, 1918. 32 с.

6. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкая акупацыяй. Минск: Беларусь, 1993. 235 с.

7. Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941–1944): сборник материалов и документов / отв. ред. Р. А. Черноглазова. Минск: Изд. Э. С. Гальперин, 1995. 361 с.

8. Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, November 1945 – Oktober 1946. München: Delphin Verlag, 1984.

9. Пушкаренко Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссии в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–174. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174.

10. Стэнаграма нарады вышэйшага кіраўніцтва Генеральнай акругі Беларусь (Мінск, 8–10 красавіка 1943 г.) // ARCHE. 2010. № 7–8. С. 348.

11. Иоффе Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси: краткий научно-популярный очерк. Минск: АРТИ-ФЕКС, 1996. 294 с.

12. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 483. Л. 15.

13. Из отчета генерального комиссара Белоруссии В. Кубе об уничтожении евреев и борьбе против партизан Белоруссии // Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941–1944): сборник материалов и документов. Минск: Изд. Э. С. Гальперин, 1995. С. 94–95.

14. Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Политиздат, 1968. 383 с.

15. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

16. Стенограмма Совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8-10 апреля 1943 года). Минск: Минский гос. лингвистический ун-т, 2006. 219 с.

17. Мамаева Т. П., Пушкаренко Е. А. Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4. С. 80–88. http://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88.

18. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 9. Л. 40–47.

19. НАРБ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

20. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 399. Л. 46.

21. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 400. Л. 66.

22. Должник (анекдот) // За Родину. 1943. № 12. С. 3.

23. Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. Минск: Логвинов И. П., 2011. 191 с.

24. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) / редкол.: У. Л. Міхнюк (старшыня) [и др.]. Мінск: БелНДЦДААС, 1995. 416 с.

25. Gerlach C. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition, 2000. 1231 p.

26. Иоффе Э. Г. Особенности Холокоста на территории Беларуси // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэралы Міжнар. навук. канф. Вып. 7, кн. 2. Мінск: МДЛУ, 2009. С. 83–89.

27. Gartenschläger U. Die Stadt Minsk während der deutschen Besetzung (1941–1944). Köln, 1988.

28. Рэйн Л. Удзел мясцовых калабарантаў у «канчатковым вырашэнні» яўрэйскага пытання ў акупаванай Беларусі // ARCHE. 2008. № 5. С. 343–385.

29. Романовский Д. Отношения между евреями и окружающим нееврейским населением в Восточной Белоруссии в период Второй мировой войны: к постановке проблемы // Евреи Беларуси: история и культура: сборник научных трудов. Вып. V. Минск: Четыре четверти, 2000. С. 117–120.

30. Акерман Ф. Нямецкая акупацыя Горадні ў чэрвені 1941 – ліпені 1944 г. // ARCHE. 2010. № 7–8(94–95). С. 204–269.

31. К’яры Б. Лёс беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спроба наблізіцца да незразумелага // Беларускі гістарычны агляд. 2000. № 7. С. 31.

32. Смиловицкий Л. Л. Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 гг. Тель-Авив: Б-ка Матвея Черного, 2000. С. 95.

33. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 486. Л. 21.

References

1. Eberhardt P. [Demographic situation in Belarus: 1898-1989]. Minsk (Beras'ce), Belfort, BFS, 1997, pp. 97–121. (In Belarus.)

2. NARB (Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus') [The National Archive of the Republic of Belarus (NARB)], f. 4, op. 21, d. 1683, l. 235–238.

3. NARB, f. 4, op. 21, d. 2075, l. 275–287.

4. Strunec S. V. Evrejskij vopros v nacional'noj politike II Rechi Pospolitoj [The Jewish question in the National Policy of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Moladz' Berascejshyny. Zbornik studentskih navukovyh Prac* [Brest youth. Collection of student scientific papers]. Brest, Akademiya, 2006, pp. 135–136.

5. Byadulya Z. [Jews in Belarus. Household touches]. Mensk, Drukarnya Ya. A. Grynblyata, 1918. 32 p. (In Belarus.)

6. Turonak Yu. [Belarus under German occupation]. Minsk, Belarus', 1993. 235 p. (In Belarus.)

7. Tragediya evreev Belorussii v gody nemeckoj okkupacii (1941–1944). Sbornik materialov i dokumentov [The tragedy of the Jews of Belarus during the German occupation (1941–1944). Collection of materials and documents]; ed by R. A. Chernoglazova. Minsk, E. S. Gal'perin Publ., 1995. 361 p.

8. Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, November 1945 – Oktober 1946. München, Delphin Verlag, 1984.

9. Pushkarenko E. A. Nemeckaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussii v 1941–1944 godah [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941–1944]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = News of Saratov University. A new series. Series: History. International relations,* 2021, vol. 21, is. 2, pp. 167–174. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174.

10. [Transcript of the meeting of the top leadership of the General District of Belarus (Minsk, April 8-10, 1943)]. *ARCHE*, 2010, no. 7–8, pp. 348. (In Belarus.)

11. Ioffe E. G. Stranicy istorii evreev Belarusi: kratkij nauchno-populyarnyj ocherk [Pages of the History of the Jews of Belarus: a short popular science essay]. Minsk, ARTI-FEKS Publ., 1996. 294 p.

12. NARB, f. 370, op. 1, d. 483, l. 15.

13. Iz otcheta general'nogo komissara Belorussii V. Kube ob unichtozhenii evreev i bor'be protiv partizan Belorussii [Pages of the History of the Jews of Belarus: a short popular science essay]. *Tragediya evreev Belorussii v gody nemeckoj okkupacii (1941–1944). Sbornik materialov i dokumentov* [The tragedy of the Jews of Belarus during the German occupation (1941–1944). Collection of materials and documents]. Minsk, E. S. Gal'perin Publ., 1995, pp. 94–95.

14. Prestupnye celi – prestupnye sredstva: dokumenty ob okkupacionnoj politike fashistskoj Germanii na territorii SSSR (1941–1944 gg.) [Criminal goals – criminal means: documents on the occupation policy of nazi Germany on the territory of the USSR (1941–1944)]. Moscow, Polittzdat Publ., 1968. 383 p.

15. NARB, f. 411, op. 1, d. 10, l. 1.

16. Stenogramma Soveshchaniya vysshego rukovodstva General'nogo okruga "Belorussiya" (Minsk, 8-10 aprelya 1943 goda) [Transcript of the Meeting of the top leadership of the General District "Belarus" (Minsk, April 8-10, 1943)]. Minsk, Minskij gos. lingvisticheskij Univ. Publ., 2006. P. 173.

17. Mamaeva T. P., Pushkarenko E. A. Belorusskaya nacional'naya ideya kak instrument nemeckoj propagandy na territorii General'nogo okruga Belarus'[The Belarusian National Idea as a tool of German propaganda on the territory of the General District of Belarus]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University,* 2021 (4), pp. 80-88. http://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88.

18. NARB, f. 370, op. 1, d. 9, l. 40–47.

19. NARB, f. 569, op. 1, d. 7, l. 7.

20. NARB, f. 370, op. 1, d. 399, l. 46.

21. NARB, f. 370, op. 1, d. 400, l. 66.

22. Dolzhnik (anekdot) [Debtor (anecdote)]. *Za Rodinu = For the Motherland*, 1943, no. 12. P. 3.

23. Evrejskoe soprotivlenie nacizmu na territorii Belarusi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1944 gg. [Jewish resistance to Nazism on the territory of Belarus during the Great Patriotic War of 1941–1944]. Minsk, Logvinov I. P. Publ., 2011. 191 p.

24. [The Nazi Genocide in Belarus (1941–1944)]; ed. by U. L. Mihnuk, eds. Minsk, BelNDCDAAS Publ., 1995. 416 p. (In Belarus.)

25. Gerlach C. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg, Hamburger Edition, 2000. 1231 p.

26. Ioffe E. G. Osobennosti Holokosta na territorii Belarusi [Features of the Holocaust on the territory of Belarus]. Belarus' i Germaniya: gistoryya i suchasnasc'. Materialy Mizhnarodnoi navukovoi kanferentsii [Belarus and Germany: History and modernity. Materials of International Scientific conference]. Is. 7, kn. 2. Minsk, MDLU Publ., 2009, pp. 83–89.

27. Gartenschläger U. Die Stadt Minsk während der deutschen Besetzung (1941–1944). Köln, 1988.

28. Rejn L. [Participation of local collaborators in the "final solution" of the Jewish question in occupied Belarus]. *ARCHE*, 2008, no. 5, pp. 343–385. (In Belarus.)

29. Romanovskij D. Otnosheniya mezhdu evreyami i okruzhayushchim neevrejskim naseleniem v Vostochnoj Belorussii v period Vtoroj mirovoj vojny: k postanovke problem [Relations between Jews and the surrounding non-Jewish population in Eastern Belarus during the Second World War. Towards the formulation of the problem]. *Evrei Belarusi: Istoriya i kul'tura. Sbornik nauchnyh trudov* [Jews of Belarus: history and culture. Collection of scientific works]. Vyp. V. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2000, pp. 117–120.

30. Akerman F. [German occupation of Grodno in June 1941-July 1944]. *ARCHE*, 2010, no. 7–8, 204–269 p. (In Belarus.)

31. [The fate of Belarusian Jews in "The General Commissariat of Belarus". An attempt to get closer to the incomprehensible]. *Belaruski gistarychny aglyad = Belarusian Historical Review*, 2000, no. 7, pp. 31. (In Belarus.)

32. Smilovickij L. L. Katastrofa evreev v Belorussii 1941–1944 gg. [The catastrophe of the Jews in Belarus 1941–1944]. Tel'-Aviv, B-ka Matveya Chernogo, 2000. P. 95.

33. NARB, f. 370, op. 1, d. 486, l. 21.

Информация об авторе / Information about the Author

Пушкаренко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pushkarenko-elena@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3048-9321

Elena A. Pushkarenko, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorodsky State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pushkarenko-elena@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3048-9321

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-177-190

(cc) BY 4.0

«Посольство Русской Церкви»: восстановление отечественных паломнических связей с Ближним Востоком в 1964 году

А. В. Апанасенок[1] ✉

[1]Региональный открытый социальный институт
ул. Маяковского 85, г. Курск 305090, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования обусловлена значимостью научного осмысления феномена православного паломничества на Святую землю граждан СССР, а также необходимостью вписать этот феномен в историю международных связей Русской православной церкви.*

Цель исследования *– выявление основных особенностей первой паломнической поездки советских граждан на Ближний Восток в 1964 году.*

Задачи: *изучение организационных характеристик и событийного содержания путешествия группы верующих из СССР на территорию исторической Палестины в 1964 году, установление степени соответствия этого путешествия традиционным паломническим нормам; характеристика особенностей репрезентации поездки в воспоминаниях членов паломнической группы; анализ влияния фактора советского гражданства паломников на их поведение и коммуникацию в Святой земле.*

Методология*. Проведенное исследование сочетало в себе работу с архивными документами, отразившими цели и ход паломнической поездки 1964 года, а также опубликованными воспоминаниями его участников. В процессе анализа воспоминаний применялся метод контент-анализа – качественно-количественное исследование их содержания. Кроме того, в ходе решения поставленных задач использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы.*

Результаты*. В работе продемонстрировано несоответствие первой паломнической поездки советских граждан на Ближний Восток традициям православного паломничества, сформировавшимся в рамках отечественной культуры в предшествующие столетия. Это несоответствие определялось отсутствием личной инициативы, жертвенности, аскетизма со стороны членов группы, их зависимостью от церковных и государственных инстанций, а также возложенными на них представительскими функциями. Исследование продемонстрировало наличие у отправившейся в Святую землю делегации важных церковно-дипломатических задач, которые не позволили верующим сосредоточиться на религиозных практиках. Необходимость соблюдать политическую лояльность советскому государству обусловила ограниченность паломников в словах и действиях, а также определила избирательность их последующих воспоминаний.*

Выводы. *В статье делается вывод о том, что предпринятая в 1964 году поездка верующих из СССР в Святую землю стала значимым событием в истории международных отношений Русской православной церкви и имела широкий резонанс в православных кругах Ближнего Востока. Это событие номинально возродило практику русского паломничества в историческую Палестину, однако собственно паломническая составляющая путешествия оказалась далека от традиционных идеалов и норм.*

Ключевые слова: *история СССР; православие; паломничество; Ближний Восток; святыни; церковная дипломатия*

Финансирование*: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №20-09-41017.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Апанасенок А. В. «Посольство Русской Церкви»: восстановление отечественных паломнических связей с Ближним Востоком в 1964 году // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 177–190. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-177–190.

Поступила в редакцию 10.02.2022 Принята к публикации 04.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Апанасенок А. В., 2022

"Embassy of the Russian Church": restoration of Russian Pilgrimage ties With the Middle East in 1964

Alexander V. Apanasenok[1] ✉

[1]Regional Open Social Institute
85 Mayakovsky str., Kursk 305090, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the research topic is due to the significance of the academic understanding of the phenomenon of Orthodox pilgrimage to the Holy Land of the citizens of the USSR, as well as the need to fit this phenomenon into the history of international relations of the Russian Orthodox Church.*

The purpose *of the research is to identify the main features of the first pilgrimage trip of Soviet citizens to the Middle East in 1964.*

Objectives: *to study the organizational characteristics and event content of the journey of a group of believers from the USSR to the territory of historical Palestine in 1964, to identify degree of compliance of this journey with traditional pilgrimage norms; to characterize the features of the representation of the trip in the memoirs of members of the pilgrimage group; to analyze the influence of the factor of Soviet citizenship of pilgrims on their behavior and communication in the Holy Land.*

Methodology. *The conducted research combined work with archival documents reflecting the goals and progress of the 1964 pilgrimage trip, as well as published memoirs of its participants. In the process of analyzing memories the method of content analysis was used - a qualitative and quantitative study of their texts. In addition, historical-genetic and historical-comparative methods were used in the course of solving the tasks.*

Results. *The paper demonstrates the inconsistency of the first pilgrimage trip of Soviet citizens to the Middle East with the traditions of Orthodox pilgrimage formed within the framework of Russian culture in the previous centuries. This discrepancy was determined by the lack of personal initiative, sacrifice, asceticism on the part of the group members, their dependence on church and state institutions, as well as the representative functions assigned to them. The study demonstrated that the delegation that went to the Holy Land had important church-diplomatic tasks that did not allow believers to focus on religious practices. The need to observe political loyalty to the Soviet state caused the pilgrims to be limited in words and actions, and also determined the choice of their subsequent memories.*

Conclusions. *The article concludes that the trip of believers from the USSR to the Holy Land undertaken in 1964 became a significant event in the history of international relations of the Russian Orthodox Church and had a wide resonance in Orthodox circles of the Middle East. This event nominally revived the practice of Russian pilgrimage to historical Palestine, but the actual pilgrimage component of the journey turned out to be far from traditional ideals and norms.*

Keywords: *history of the USSR; Orthodoxy; pilgrimage; Middle East; shrines; church diplomacy.*

Funding*: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for basic research, project no. 20-09-41017.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Apanasenok A. V. "Embassy of the Russian Church": restoration of Russian Pilgrimage ties With the Middle East in 1964. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 177–190. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-177-190.

Received 10.02.2022 Accepted 04.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

В 1964 г., на излете последней масштабной советской антирелигиозной кампании, произошло событие, явно шедшее вразрез с распространенными на тот момент установками о скорой победе над религиозными «предрассудками»: было продекларировано возрождение традиции

русского паломничества к христианским святыням Ближнего Востока. Состоявшая из четырнадцати советских граждан делегация отправилась в Иорданию, чтобы поклониться Гробу Господню и встретить Пасху на территории Иерусалима, затем последовательно побывала в Сирии, Ливане, Греции (покинув в этом случае на 10 дней территорию Библейского региона), Израиле. Передвижения делегации формально определялись религиозными целями, связанными с посещением храмов, монастырей, а также иных мест священной истории.

Чтобы оценить значимость данного события (не становившегося пока предметом отдельных обстоятельных исследований), необходимо иметь в виду, что паломничество в Святую землю играло чрезвычайно большую роль в духовной жизни дореволюционной России. В подзнеимперский период его масштабы постоянно росли. Массовый интерес верующих к ближневосточным святыням, а также организационные усилия Императорского Православного Палестинского общества привели к тому, что в начале XX в. Российская империя оказалась на первом месте в мире по количеству подданных, посещавших Иерусалим [1, с. 55–56]. Ежегодно сюда прибывало несколько тысяч русских «поклонников» [2, с. 346–357]. Гораздо больше людей (например, в 1902 г. – до 5 млн) участвовали в ежегодных Палестинских чтениях в самой России, пытаясь хотя бы опосредованно приобщиться к образам Святой земли [3, с. 101]. «Никакая страна в Европе… не испытывает такой сильной тоски по святыням Востока, как Россия», – замечала по этому поводу в 1901 г. известная европейская писательница М. Серао [цит. по: 4, с. 8].

С началом Первой мировой войны в 1914 г. паломничество российских подданных на Ближний Восток прекратилось. Революционные события, установление советской власти и ярко выраженная атеистическая политика последней не дали ему возможности восстановиться в последующие десятилетия. До Второй мировой войны не только паломнические, но и официальные международные религиозные контакты у Русской православной церкви (далее – РПЦ) практически отсутствовали. По сведениям Н. Пивоварова, в 1920–30-е гг. советское руководство лишь дважды рассматривало возможность допущения поездки церковных делегаций за пределы СССР и в обоих случаях были приняты отрицательные решения [5, с. 189]. В военные и первые послевоенные годы ситуация несколько изменилась: в процессе улучшения государственно-церковных отношений в стране ее руководство признало потенциальную эффективность «церковной дипломатии» [6; 7; 8] и взяло курс на использование возможностей Русской православной церкви в достижении Советским Союзом его внешнеполитических целей [9, с. 108–109]. Одним из важных направлений при этом стало укрепление взаимоотношений с восточными православными патриархатами, возрождение Русской духовной миссии в Иерусалиме (состоялось в 1948 г.) и в конечном счете рост политического и культурного влияния в регионе [10]. В рамках этой стратегии правительство разрешило патриарху Алексию I дважды (в 1945 и 1960 гг.) посетить страны Ближнего Востока. Ждали здесь и рядовых верующих: судя по сообщениям ближневосточных изданий, уже в конце 1940-х гг. Иерусалим готовился принимать до 30 тыс. православных граждан СССР [11, л. 99]. С середины 1950-х гг. в церковных и дипломатических кругах начала обсуждаться возможность ограниченного восстановления паломничества в Палестину [12, с. 409–416]. Для верующих людей это могло стать символом благоприятных для церкви перемен, для РПЦ – возможностью возродить традиционные связи с Библейским регионом [13] и сделать шаг для преодоления влияния «холодной войны» на судьбы православия [14]. С точки зре-

ния далекой от православия советской номенклатуры возрождение древней конфессиональной практики могло бы способствовать улучшению имиджа страны, декларировавшей наличие реальной свободы совести и вероисповедания у ее граждан. Политическая и военная напряженность в ближневосточном регионе, а также хрущевская антирелигиозная кампания задержали реализацию соответствующих планов, однако в 1964 г. они все-таки стали реальностью.

В силу изложенных обстоятельств формальное восстановление многовековой традиции после пятидесятилетнего перерыва было обречено стать важным событием не только для церкви. При этом нужно подчеркнуть, что паломничество 1964 г. происходило в принципиально иных социально-культурных и политических условиях по сравнению с поездками православных подданных России начала XX в. Волей-неволей его участники должны были де-факто выполнять представительские функции, а также согласовывать свои действия и высказывания с требованиями советской власти. «Вы... не только паломники, – сказал патриарх Алексий I, напутствуя отправлявшуюся на Ближний Восток группу, – так как на вас будут смотреть как на людей, приехавших из другого мира. Будьте достойными чадами Русской церкви и достойными сынами своей Родины» [15, с. 15].

Представляется довольно важным выяснить, что именно ожидал от напутствуемых Патриарх и что подразумевало выполнение его установок. Ответ на этот вопрос стал бы вкладом как в историю православных практик советского периода, так и в историю церковной дипломатии. Цель данной статьи – проанализировать содержание и особенности паломничества 1964 г. на основе отчетных материалов и воспоминаний ее участников. В частности, предполагается ответить на следующие вопросы. Насколько поездка советских граждан на Ближний Восток соответствовала сложившимся до революции паломническим нормам? Каким образом представляли свою миссию его участники? Осознавалась ли ими дипломатическая составляющая поездки? Насколько сильно фактор проживания в СССР повлиял на их поведение, а также впечатления? Наконец, уместно ли говорить о том, что в Советском Союзе 1960-х гг. было возможно «настоящее» паломничество за рубеж, обусловленное прежде всего религиозными, а не какими-либо другими мотивами?

Методология

Решение исследовательских задач потребовало использования как архивных, так и опубликованных источников. Первые оказались представлены материалами по Иерусалимской патриархии и Русской духовной миссии в Иерусалиме за 1964 г., включающими в себя развернутый отчет главы паломнической группы архимандрита Ювеналия (Пояркова) для Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии [16]. Вторую группу источников составили изданные воспоминания участников паломничества. С одной стороны, это заметки трех членов группы, опубликованные в первых четырех выпусках «Журнала Московской Патриархии» в 1965 г. и, очевидно, прошедшие своего рода цензуру (либо самоцензуру) [17], а с другой – неопубликованная в советское время работа старосты одного из ленинградских храмов Н. С. Людоговского (она увидела свет в виде отдельной книжки только в 2008 г.) [15]. Автор последней (выходец из дворянской семьи), несмотря на внешнюю лояльность советской власти, очевидно, не испытывал по отношению к ней особого энтузиазма. Не рассчитывая на издание своих воспоминаний, он не пытался выстроить их в строгом соответствии с официальным дискурсом, что делает заметки особенно интересными.

В процессе работы был использован метод контент-анализа названных воспоминаний, т. е. качественно-количествен-

ное исследование их содержания с целью выявления и измерения отраженных здесь фактов и тенденций. Как известно, специфика контент-анализа исторических источников по сравнению с другими методами исследования заключается в том, что его процедура предусматривает подсчет частоты упоминаний тех или иных смысловых единиц исследуемого текста. В нашем случае были выбраны смысловые единицы, отразившие сосредоточенность авторов воспоминаний на разных аспектах их поездки – религиозном, представительском, рекреационном, познавательном (слова «паломничество», «храм», «молитва», «прием», «посольство», «обед», «кофе», «красивый» и т.д.). Подсчет количества соответствующих упоминаний, наряду с анализом цитат, позволил составить представление о том, чему паломники уделяли внимание и придавали значение в ходе своего путешествия на Ближний Восток.

В ходе изучения поставленных в статье проблем также использовались историко-генетический и историко-сравнительный методы. Первый определил внимание к духовным истокам феномена православного паломничества, второй позволил сопоставить особенности дореволюционных и советских паломнических практик.

Результаты и их обсуждение

Материалы отчета, представленного руководителем Русской духовной миссии в Иерусалиме (и одновременно главой паломнической группы) архимандритом Ювеналием по итогам поездки, дают возможность охарактеризовать последнюю формально, в том числе с точки зрения событийного наполнения. В состав группы вошли, кроме самого Ювеналия, инспектор Московской духовной академии архимандрит Филарет; доцент Ленинградской духовной академии протоиерей Л. Воронов; секретарь Ярославского епархиального управления протоиерей П. Красноцветов; диакон Никольского кафедрального собора в Ленинграде Б. Глебов; доцент Ленинградской духовной академии А. Ф. Шишкин; член Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии Б. С. Кудинкин; преподаватель и помощник инспектора Московской духовной академии П. Горбачев; преподаватель Московской духовной академии Б. А. Нелюбов; редактор журнала Среднеевропейского экзархата «Голос Православия» Г. Ф. Троицкий; преподаватель Ленинградской духовной академии Н. А. Заболотский; староста Троицкого собора в Ленинграде Н. С. Людоговский; переводчик В. П. Котелкин, а также секретарь редакции «Журнала Московской Патриархии» Е. А. Карманов [16, л. 76].

Как видно, для путешествия на Ближний Восток были выбраны «респектабельные», хорошо знакомые отделу внешних церковных связей люди. 1 мая они вылетели в Каир, затем, после однодневной остановки в столице Египта, опять же по воздуху отправились в Иерусалим (последний был на тот момент поделен между Иорданией и Израилем, паломники из СССР прибыли в иорданскую часть). После официального визита в резиденцию Патриарха Иерусалимского Венедикта группа вместе с предстоятелем отправилась на предпасхальное богослужение и, таким образом, открыла свою паломническую программу. На протяжении следующей недели советские граждане побывали у всех наиболее известных христианских святынь, расположенных на территории Иордании: посетили храм Воскресения (Гроба Господня) в Иерусалиме, а также другие древние храмы и монастыри старого города, съездили на Иордан и в Самарию (в том числе побывали у руин храма Иоанна Крестителя, колодца Иакова, в монастыре Самарянки), были в Гефсимании, в Лавре Саввы Освященного, в Хевроне, у Мамврийского дуба, а также на месте рождения Иисуса Христа в Вифлееме. Кроме того, им пришлось трижды побывать на приемах у

Иерусалимского патриарха, не менее шести раз участвовать в официальных обедах и ужинах, встретиться с губернатором, съездить в посольство СССР в Амман, как минимум дважды общаться с местной прессой [16, л. 77–87].

С 9 по 12 мая паломники находились на территории Сирии, где были приняты Патриархом Антиохийским Феодосием, участвовали в торжественном богослужении в Дамаске, посетили два православных монастыря, два дипломатических приема, детский приют, а также две школы (в одной из них А. Ф. Шишкин выступал с речью «О положении религии в СССР») [16, л. 87–89]. С 12 по 15 мая группа пребывала в Ливане. Здесь ее члены посетили два монастыря и бегло осмотрели три храма, провели несколько (не менее шести) встреч с местными православными иерархами (сопровождавшихся торжественными трапезами), побывали в госпитале, пяти (!) учебных заведениях, участвовали в заседании общества «Союз Православия», где выступали с речью об особенностях жизни РПЦ в Советском Союзе и получили ордена «Неопалимая Купина». Закончилось пребывание в Ливане пресс-конференцией и официальным приемом в Бейруте [16, л. 90–93].

На протяжении следующих десяти дней паломники путешествовали по Греции [16, л. 93–99], а 25 мая вернулись на Ближний Восток, теперь оказавшись в Израиле. Здесь они посетили Русскую духовную миссию на территории израильской части Иерусалима, съездили к Тивериадскому озеру, в Назарет, на горы Фавор и Сион. Также было организовано торжественное богослужение, несколько официальных обедов и «дипломатический» ужин с представителями правительства Израиля и сотрудниками советского посольства. 29 мая паломники покинули Израиль и отправились домой [16, л. 94–101]. Ко всему перечисленному стоит добавить, что во время пребывания во всех названных странах некоторое время было отведено на прогулки с познавательно-экскурсионными целями.

Если не углубляться во внутреннее содержание охарактеризованной поездки, а оценить ее исключительно на основе формальных черт, бросаются в глаза большие различия по отношению к традиционным дореволюционным практикам, не раз описанным специалистами [2; 4; 18; 19]. Во-первых, до 1914 г. паломничество осуществлялось исключительно по собственной инициативе, без всякого отбора, определялось личной духовной потребностью и личными возможностями; в случае с поездкой 1964 г. очевидно, что она была запланирована и спроектирована высшими церковными (при участии государственных) инстанциями. Во-вторых, в дореволюционной России паломники тратили собственные средства (или средства благотворителей) на путешествие, тем самым принося своего рода жертву; советская же группа оказалась на содержании все тех же вышестоящих инстанций. В-третьих, традиция паломничества (как внутреннего, так и внешнего) всегда предполагала аскетизм: нормой считались несмягчаемые тяготы длительного пути к месту паломничества, пешие передвижения между святынями, скромное питание. После пятидесятилетнего перерыва паломники из СССР прибыли в Святую землю на самолете, перемещались между посещаемыми странами также на самолетах, к местным святыням ездили исключительно на автомобилях; проживание в дорогих гостиницах, множество торжественных обедов и прочих подобных мероприятий явно не позволяли говорить о какой-либо аскезе. В-четвертых, ярко выраженная представительская и даже туристическая составляющая поездки явно мешали членам группы достичь сосредоточения на духовных переживаниях, что также всегда составляло неотъемлемую черту паломничества. Наконец, даже гендерный состав группы (14 мужчин) шел вразрез с традицией: в императорской России большинство прибывавших на Святую землю (до

двух третей) составляли женщины [18, с. 651].

Что же дало основания назвать поездку именно паломнической? Очевидно, сам факт посещения множества христианских святынь, а также традиционная приуроченность путешествия к Пасхе. Впрочем, несоответствие обычаям вполне осознавалось как группой, так и церковным руководством. Отчет архимандрита Ювеналия назывался «Отчетом о поездке по святым местам Востока» – слово «паломническая» было опущено [16, л. 76]. В тексте практически нет указаний на особое духовное состояние членов группы, однако обстоятельно характеризуется содержание приветственных телеграмм и переговоров, сопутствовавших поездке. Подводя итоги отчета, его автор опять же не говорит о важности возрождения традиции, а замечает, что путешествие «явилось свидетельством о жизни Русской православной церкви в Советском Союзе, о ее деятельности, содействовало братскому общению между Церквами и дружбе между народами» [16, л. 102]. Здесь же он делится практическими соображениями относительно дальнейших переговоров с Патриархом Иерусалимским, уменьшения влияния Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) в Палестине, а также участия делегации РПЦ в открытии госпиталя в Ливане. Из отчета следует, что в ходе переговоров в Иерусалиме был окончательно согласован визит Патриарха Иерусалимского в Москву, что рассматривалось в качестве достижения.

Содержание других документов из недр Русской духовной миссии в Иерусалиме также не оставляет сомнений в том, что и организаторы поездки 1964 г., и их оппоненты из РПЦЗ видели в ней проявление церковной дипломатии. Так, в отчете Русской духовной миссии в Иерусалиме за январь-февраль 1964 г. на имя председателя отдела внешних церковных связей РПЦ говорится об обстоятельной подготовке православных церковных кругов исторической Палестины к приезду представителей СССР. В том числе встречаем такую фразу: «раскольнические группы по-своему готовятся к приезду нашего Посольства. Они обращаются заранее в различные иорданские инстанции, желая заручиться поддержкой. Во всяком случае они не хотят, как выражаются, “покориться безблагодатной церкви, слугам дьявола и безбожникам“» [16, л. 26]. Другими словами, паломническая группа, прибытие которой так долго анонсировалось на Ближнем Востоке, воспринималась как «посольство», призванное укрепить позиции РПЦ и подорвать влияние РПЦЗ в регионе.

Итак, мотивы высших церковных структур (и, вероятно, государственных внешнеполитических инстанций), организовавших поездку 1964 г., более-менее ясны: они носили церковно-дипломатический характер. Однако значило ли это, что и сами участники паломнической группы видели свою миссию именно так? Разобраться (хотя бы отчасти) здесь помогает анализ их воспоминаний, упомянутых выше. Первый их блок, подготовленный церковными журналистами Е. Кармановым и Г. Троицким, а также сотрудником Московской духовной академии П. Горбачевым, был опубликован в «Журнале Московской Патриархии» через полгода после поездки. Второй блок, изначально не предназначавшийся для публикации, принадлежит старосте ленинградского Троицкого собора Н. С. Людоговскому. Основываясь на частоте упоминания авторами определенных слов (для контент-анализа были взяты полные тексты, за исключением разделов, посвященных Греции), можно составить представление о том, что именно они сочли нужным отразить в своих воспоминаниях. Результаты соответствующих подсчетов (выполнены автором статьи) приведены в таблице. При оценке полученных данных нужно иметь в виду, что воспоминания Н. С. Людоговского примерно в три раза объемнее заметок, опубликованных его спутниками в 1965 г.

Таблица. Результаты контент-анализа воспоминаний членов паломнической группы 1964 года

Table. Results of content analysis of the 1964 pilgrimage group members memoirs

№	Смысловые единицы (с учетом склонений)	Количество в воспоминаниях, опубликованных в 1965 г.	Количество в воспоминаниях, опубликованных в 2008 г.
1	Паломник(и), паломничество	58	138
2	Храм	87	235
3	Монастырь	38	125
4	Молитва	1	35
5	Гроб Господень	27	38
6	Прием, визит	26	64
7	Дипломат, посольство	7	15
8	Речь	4	13
9	Русский(ие)	40	86
10	Советский(ие)	6	3
11	Трапеза, обед, ужин, завтрак	17	124
12	Кофе	-	30
13	Конфеты, сладости	-	20
14	Коньяк	-	7
15	Хороший, красивый	9	123

Как видно из таблицы, авторы опубликованных в 1965 г. воспоминаний довольно часто используют слова «храм» (87), «паломник/паломничество» (58), «монастырь» (38), «Гроб Господень» (27), что естественно, т. к. без этого они просто не смогли бы описать программу своей поездки. Однако при этом во всех четырех заметках лишь один раз используется слово «молитва». Как известно, смысл паломничества заключается как раз в том, чтобы помолиться в особом, наделенном божественной благодатью месте. Пребывание же у святыни без молитвы превращается в туризм. Если сравнить такое «туристическое» описание поездки к восточным святыням с аналогичными текстами начала XX в. [20; 21], наполненными описаниями религиозного опыта и внутренних переживаний, разрыв с дореволюционной традицией оказывается очевиден.

Довольно часто используются в заметках 1965 г. термины «прием», «визит» (26), нередки упоминания трапез (17), прежде всего – официальных обедов. Эти обстоятельства подчеркивают представительский характер поездки. Усиливают соответствующее ощущение упоминания (и описания) речей (4), использование слов «дипломат» и «посольство» (7). «Дипломатическая» миссия прямо признается Е. Кармановым: «В нашем лице Иордания принимала первую после восстановления нормальных дипломатических отношений делегацию из Советского Союза», – пишет он в первой заметке [17, №1, с. 38]. Впрочем, контент-анализ убеждает, что члены группы чувствовали себя прежде всего представителями РПЦ, а не СССР – об этом говорит гораздо более частое упоминание слова «русский» (40) по сравнению со словом «советский» (6). Бремя дипломатии, видимо, предопределило безоценочность суждений. В большинстве случаев авторы воздерживаются от эмоций: слова «хороший» и «красивый» встречаются в четырех заметках всего 9 раз.

Отвлекаясь от количественных характеристик текста, необходимо обратить внимание и на некоторые его посылы. Прежде всего обращает на себя внимание некоторый скепсис авторов по отношению к реалиям Святой земли. Так, здесь говорится о чувстве «невольного недоумения», порожденного несоответствием традиционных представлений о святых местах их современному виду. Иерусалим характеризуется как «слегка разочаровывающий» [17, №2, с. 35]. Кувуклия называется «безвкусным мраморным сооружением». Про Иордан говорится, что он илистый и мутный, вокруг чувствуется «давящая духота». Затем автором описывается трехдневное недомогание, которое может быть связано читателем с купанием в священной реке [17, №3, с. 31–34]. Поездка в Сирию и Ливан вообще оказывается неоправданной с паломнической точки зрения, поскольку «Антиохийская церковь не богата достопоклоняемыми местами» [17, №4, с. 28].

Не особенно привлекательны и описания ближневосточных пейзажей. Про дорогу, ведущую из Иерусалима на север, говорится, что она «ничем не привлекательна… одни только камни и скалы, обожженные солнцем» [16, №3, с. 36]. Дамаск в описании выглядит как «обычный современный город с многоэтажными зданиями», прогулка по которому оказалась «бесцельной». Бейрут характеризуется как «город-гараж», пострадавший от «катастрофической автомобилизации» [17, №4, с. 26, 28].

В некоторых случаях в заметках 1965 г. ощущается легкая грусть из-за несоответствия поездки древним традициям, в том числе отсутствия в ней христианской аскезы. «Нам, паломникам середины XX века, – пишет Е. Карманов, – было несравненно легче добраться до Святого Града… но зато нам не дано было испытать и яркой радости встречи с Иерусалимом» [17, №1, с. 39]. Он же жалуется на то, что на гору Фавор попал на автомобиле, а не пешком [17, №4, с. 38]. В целом, у читателя остается ощущение, что публикация в «Журнале Московской Патриархии» как будто призвана сказать советскому читателю: РПЦ – полноправная организация, уважаемая в своей стране и в мире, паломничество на Святую землю для ее представителей возможно, однако на деле такая поездка не так уж и привлекательна.

Иное впечатление складывается после знакомства с воспоминаниями Н. Людоговского. Контент-анализ их текста также указывает на большое количество слов «храм» (235), «монастырь» (135), «паломник/паломничество» (138). При этом, в отличие от опубликованных в советский период воспоминаний, здесь относительно часто встречается слово «молитва» (35). Автор не предназначенных для публикации очерков, очевидно, не стеснялся говорить о своих духовных переживаниях, а потому предстает перед читателем не как турист, а как настоящий паломник. Например, очень проникновенно описывает Н. Людоговский свои ощущения во время пребывания у Гроба Господня в Храме Воскресения в Иерусалиме: «Склонившись в благоговейной молитве перед ложем Спасителя, я сразу почувствовал перемену в своем душевном состоянии. В душу мою снизошел необыкновенный покой, сердце исполнилось тихой радости с оттенком легкой грусти. Печали, огорчения, тревоги, невзгоды, пережитые за годы жизни, и все, что смущало душу – все это потускнело, казалось ничтожным и отошло в сторону. Умиленную душу охватила необыкновенная, особенная любовь к Богу, ко всем людям, ко всему живущему, ко всему миру» [15, с. 25].

Подобные трогательные комментарии, относящиеся к моментам пребывания около святынь, встречаются в воспоминаниях Н. Людоговского ещё несколько раз. Однако немало внимания он уделяет и представительской деятельности своей группы. Термины «прием», «визит» встречаются у него 64 раза, упоминания о

трапезах – 124. При этом он часто и без стеснения рассказывает об обилии последних. Кроме того, автор часто упоминает небольшие угощения во время коротких визитов, в том числе кофе (30), разные сладости (20) и коньяк (7). С заметным удовольствием автор рассказывает о красивых пейзажах в окрестностях Иерусалима, Дамаска и Бейрута, часто (более десяти раз) упоминает высокое качество дорог на Ближнем Востоке.

Если в сюжете об Иордании описания святынь, характеристика приемов и страноведческие зарисовки распределяются по тексту относительно равномерно, то в сюжетах о пребывании в других странах (особенно Сирии и Ливане) «паломническая» составляющая явно уступает место другим. Характеризуя свое пребывание в Ливане, Н. Людоговский, например, пишет: «Думается мне, что и в Сирии и здесь мы совсем не похожи на паломников и, вероятно, со стороны производим впечатление какого-то посольства Русской церкви. Официальные приемы, обеды, ужины, торжественные речи – все это великолепно, красиво и, главное, весьма необычно, но все же никак не паломничество. Даже наши неизменные пасхальные песнопения принимают какой-то светский характер. Шикарные гостиницы тоже не для паломников» [15, с. 62]. Как член «посольства» он часто характеризует повестку официальных мероприятий и иллюстрирует «дипломатическую» функцию своей группы, в том числе описывает содержание речей коллег по делегации относительно положения церкви и верующих в СССР.

Как и его спутники, Н. Людоговский чувствует себя прежде всего представителем РПЦ. Соотношение терминов «русский» и «советский» в его тексте имеет характер гораздо более выраженной диспропорции: 86 к 3. Но в отличие от авторов воспоминаний, опубликованных в 1965 г., он оценивает реалии Святой земли не как дипломат, активно используя этические и эстетические категории. Слова «хороший» и «красивый» у него встречаются 123 раза, поэтому и оценка пережитому на Ближнем Востоке, которую Н. Людоговский дает в заключительной части своих воспоминаний, выглядит очень последовательной. Он, в частности, пишет: «Все, пережитое и перечувствованное в благодатные дни паломничества, остается самым ярким воспоминанием и, озаряя немеркнущим светом полностью душу мою, служит мне постоянной духовной пищей и великим утешением в старости» [15, с. 115].

Чувствуя себя «послами Русской церкви», члены паломнической группы все же оставались гражданами СССР, что накладывало отпечаток на их поведение. Судя по текстам воспоминаний, их авторы прекрасно осознавали, что содержание речей во время приемов, а также простых разговоров с местными жителями должно было свидетельствовать о благополучии религиозной обстановки в стране победившего социализма. При этом «наговорить лишнего» было гораздо хуже, чем сохранить молчание. В опубликованных записках 1965 г. нет упоминаний о пространных разговорах с посторонними людьми. Отмечает ограниченность в общении и Н. Людоговский. При этом он вспоминает о предупреждении, которое услышал еще в начале поездки: «Ничему не удивляйтесь и меньше говорите. Отвечайте только на вопросы, и то, по возможности, уклончиво» [15, с. 115].

Тексты воспоминаний демонстрируют также избирательность наблюдений паломников. Например, авторы ничего не говорят про Спасо-Вознесенский монастырь и его знаменитую колокольню «Русская свеча» на Елеонской горе. Находясь в Иерусалиме, невозможно было не заметить его архитектурную доминанту, однако нахождение последней в ведении «враждебной» РПЦЗ заставило советских граждан проигнорировать выдающийся памятник храмостроительства и русской культуры.

Выводы

Итак, можно ли дать ответы на сформулированные во вводной части работы вопросы? Думается, что рассмотренные источники дают достаточно информации для этого. Предпринятая в 1964 г. поездка верующих из СССР в Святую землю, несомненно, стала значимым событием в истории международных отношений Русской православной церкви и имела широкий резонанс в православных кругах Ближнего Востока. Номинально она возродила практику русского паломничества в историческую Палестину, однако собственно паломническая составляющая оказалась далека от традиционных идеалов и норм. Путешествие к восточным святыням 1964 г. не было инициативой самих паломников, не потребовало от них каких-либо жертв и проявлений аскетизма. Кроме того, перенасыщенная официальными встречами программа не позволила членам группы сосредоточиться на своих религиозных чувствах.

Содержание официального отчета о поездке не оставляет сомнений в ее церковно-дипломатической направленности. Воспоминания членов делегации, местами яркие, все же представляют путешествие как представительское, туристически-познавательное, а уже затем – религиозное мероприятие. Они же показывают ограниченность паломников в словах и действиях, обусловленную их советским гражданством. Впрочем, наличие «протокола» не исключило возможности испытать возвышенные религиозные чувства при посещении главных святынь христианского мира, и в этом смысле члены советской делегации оказались похожи на своих предшественников из предыдущих столетий.

Возможно ли было в Советском Союзе «настоящее» паломничество за рубеж в 1960-е гг.? Нет, если подходить к оценке описанных обстоятельств с традиционными критериями. Да, если сделать большую скидку на политический и социально-культурный контекст эпохи и согласиться считать паломничеством сам факт посещения гражданами СССР древних святынь.

Список литературы

1. Балахонова М. А., Околотин В. С. Роль Императорского Православного Палестинского общества в паломничестве на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4 (18). История. С. 53–62.

2. Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 510 с.

3. Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского общества в 1901/1902 году // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Т. XIII. СПб., 1902. С. 98–105.

4. Дмитриевский А. А. Типы современных русских паломников в Святую Землю. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1905. 40 с.

5. Пивоваров Н. Кого приглашали в СССР и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943 – 1985 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35, №1. С. 185–215.

6. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943-1948 гг. М.: Российская академия наук, 1999. 212 с.

7. Каиль М. В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // Государство, церковь, религия в России и за рубежом. 2017. № 1 (35). С. 22–24.

8. Каиль М. В. Расширение влияния Московской Патриархии на Ближнем Востоке: миссия митрополита Григория (Чукова) на Святой Земле 1946 г. // Вопросы истории. 2021. №11–1. С. 236–244.

9. Белякова Н. А., Каиль М. В. Советское присутствие на Ближнем Востоке в условиях разворачивающейся холодной войны: церковные институты и акторы влияния в Палестине // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65, №6. С. 107–120.

10. Каиль М. В. Ближневосточное направление в дипломатической миссии Московского патриархата 1943 – середины 1950-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 8 (106). URL: https://history.jes.su/s207987840016650-4-1/ (дата обращения: 02.02.2022).

11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 15.

12. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в. / М. С. Шаповалов [и др.]. СПб.: Нестор-История, 2021. 776 с.

13. Gerd L. Russian policy in the Patriarchate of Antioch from the 1840s to 1914: "soft power" in Syria and Lebanon // Contemporary Levant. 2021. Vol. 6/1 P. 9–23.

14. Beglov A., Beliakova N. International activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study // Christian World Community and the Cold War. International Research Conference / ed. J. Filo. Bratislava, 2012. P. 171–192.

15. Людоговский Н. С. Записки паломника. М.: Сатисъ, 2008. 203 с.

16. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 554.

17. Карманов Е., Троицкий Г., Горбачев П. Путешествие русских паломников по святым местам Востока (воспоминания паломников) // Журнал Московской Патриархии. 1965. №1–4.

18. Хитрово В. Н. Русские паломники в Святую землю в 1899–1900 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1900. Т. XI. С. 648–655.

19. Хитрово В. Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники (опыт статистического исследования) // Собрание сочинений и писем. Т. 2. М.: Императорское Православное Палестинское общество, 2011. С. 269–284.

20. Дорошевич В. М. В Земле обетованной (Палестина). М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1900. 232 с.

21. Балдин К. Е. Паломнические мемуары конца XIX – начала XX в. как исторический источник // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3 (7). Филология. История. Философия. С. 15–28.

References

1. Balahonova M. A., Okolotin V. S. Rol' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v palomnichestve na rubezhe XIX–XX vv. [The role of the Imperial Orthodox Palestinian society in pilgrimage at the turn of the XIX-XX centuries]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities,* 2018, is. 4 (18). History, pp. 53–62.

2. Lisovoj N. N. Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the middle East in the XIX and early XX centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 510 p.

3. Deyatel'nost' otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v 1901/1902 godu [Activities of the Imperial Orthodox Palestine Society departments in 1901/1902]. Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva [Reports of the Imperial Orthodox Palestine Society]. Vol. XIII. St. Petersburg, 1902, pp. 98–105.

4. Dmitrievskij A. A. Tipy sovremennyh russkih palomnikov v Svyatuyu Zemlyu [Types of modern Russian pilgrims to the Holy Land]. St. Petersburg Tip. V. Kirshbauma, 1905. 40 p.

5. Pivovarov N. Kogo priglashali v SSSR i kogo otpravlyali za granicu po religioznoj linii (1943 – 1985 gg.) [Who was invited to the USSR and who was sent abroad along religious lines (1943 – 1985)]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, religion, church in Russia and abroad,* 2017, vol. 35, no. 1, pp. 185–215.

6. Vasilyeva O.Y. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg. [The Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet state in 1943-1948]. Moscow, Russian Academy of Sciences, 1999. 212 p.

7. Kail M. V. "Pravoslavnyj faktor" v sovetskoj diplomatii: mezhdunarodnye kommunikacii Moskovskogo Patriarhata serediny 1940-h gg. ["The Orthodox factor" in Soviet diplomacy: international communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940s.]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom = State, Church, religion in Russia and abroad,* 2017, no. 1 (35), pp. 22–24.

8. Kail M. V. Rasshirenie vliyaniya Moskovskoj Patriarhii na Blizhnem Vostoke: missiya mitropolita Grigoriya (Chukova) na Svyatoj Zemle 1946 g. [Expanding the influence of the Moscow Patriarchate in the Middle East: the mission of Metropolitan Gregory (Chukov) in the Holy Land in 1946]. *Voprosy istorii = Questions of History,* 2021, no. 11-1, pp. 236–244.

9. Belyakova N. A., Kail M. V. Sovetskoe prisutstvie na Blizhnem Vostoke v usloviyah razvorachivayushchejsya holodnoj vojny: cerkovnye instituty i aktory vliyaniya v Palestine [The Soviet Presence in the Middle East in the Context of the Unfolding Cold War: Church Institutions and Actors of Influence in Palestine in 1940–50th]. *Novaya i novejshaya istoriya =Modern and recent history*, 2021, vol. 65, no. 6, pp. 107–120.

10. Kail M. V. Blizhnevostochnoe napravlenie v diplomaticheskoj missii Moskovskogo Patriarhata 1943 – serediny 1950-h gg. [The Middle East direction in the diplomatic mission of the Moscow Patriarhat 1943 – mid–1950s.]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" = Electronic academic and educational journal "History"*, 2021, vol. 12, is. 8 (106). Available at: https://history.jes.su/s207987840016650-4-1/. (accessed 02.04.2022)

11. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [The State Archive of the Russian Federation], f. 6991, op. 1, d. 15.

12. Shapovalov M. S., eds. Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XXI v. [Imagining Palestine: the Holy Land and russian identity in the XIX – early XXI century]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 776 p.

13. Gerd L. Russian policy in the Patriarchate of Antioch from the 1840s to 1914: "soft power" in Syria and Lebanon. *Contemporary Levant*, 2021, vol. 6/1, pp. 9–23.

14. Beglov A., Beliakova N. International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study. *Christian World Community and the Cold War. International Research Conference*; ed. by J. Filo. Bratislava, 2012, pp. 171–192.

15. Ludogovsky N.S. Zapiski palomnika [Notes of a pilgrim]. Moscow, Satis Publ., 2008. 203 p.

16. GARF, f. 6991, op. 2, d. 554.

17. Karmanov E., Troitsky G., Gorbachev P. Puteshestvie russkih palomnikov po svyatym mestam Vostoka (vospominaniya palomnikov) [The journey of Russian pilgrims to the holy places of the East (memoirs of pilgrims)]. *Zhurnal Moskovskoj Patriarhii = Journal of the Moscow Patriarchate*, 1965, no. 1–4.

18. Hitrovo V.N. Russkie palomniki v svyatuyu Zemlyu v 1899–1900 g. [Russian pilgrims to the Holy Land in 1899–1900]. *Soobshcheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva = Proceedings of the Imperial Orthodox Palestinian society*, 1900, vol. XI, pp. 648–655.

19. Hitrovo V. N. Otkuda idut v Svyatuyu Zemlyu russkie palomniki (opyt statisticheskogo issledovaniya) [Where do Russian pilgrims go to the Holy Land (experience of statistical research)]. *Sobranie sochinenij i pisem* [Collection of works and letters]. Moscow, Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo Publ., 2011, Vol. 2, pp. 269–284.

20. Doroshevich V. M. V Zemle obetovannoj (Palestina) [In the promised Land (Palestine)]. Moscow, Tip. T-va I. D. Sytina, 1900. 232 p.

21. Baldin K.E. Palomnicheskie memuary konca XIX – nachala XX v. kak istoricheskij istochnik [Pilgrimage memoirs of the late XIX – early XX centuries as a historical source]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2014, is. 3 (7). Philology. History. Philosophy, pp. 15–28.

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович,
доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Vice-Rector on Research and International Relations,
Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-191-205

(cc) BY 4.0

Развитие советско-японских литературных связей во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х годов

Д. В. Киба[1] ✉

[1]Комсомольский-на-Амуре государственный университет
ул. Ленина 27, г. Комсомольск-на-Амуре 681013, Российская Федерация

✉ e-mail: darya.kiba.80@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Литература России оказала значительное влияние на культуру Японии, позволяя японскому читателю соприкоснуться с тайной русской души. Изучение советско-японских литературных связей позволяет выявить сближающие мировоззренческие основы наций. Литературное взаимодействие Японии и СССР в послевоенное время исследователями прослеживалось фрагментарно. В настоящий момент необходимо, используя архивные документы, впервые введенные в научный оборот, обратиться к изучению советско-японских литературных связей в послевоенные десятилетия.*

Цель *исследования – определить формы взаимного проникновения японского и русского литературного творчества в 1940–1980-е годы.*

Задачи *исследования: выявить вклад субъектов литературного взаимодействия в развитие советско-японских литературных связей, изучить механизм литературного взаимодействия двух культур.*

Методология*. В работе использовались сравнительно-исторический и хронологический методы.*

Результаты*. Автором прослежена деятельность литературных обществ, общественных организаций Японии, вклад японских обществ дружбы в развитие советско-японских литературных связей. Изучена деятельность американских оккупационных властей, препятствовавших распространению русской и советской литературы в Японии, определена деятельность японской общественности, пытавшейся преодолеть препоны и старавшейся консолидироваться и объединить усилия по налаживанию культурного взаимодействия с СССР. Автор выявил вклад частных издательств Японии в распространение русской литературы.*

Выводы*. Преобладающими формами взаимного проникновения японской и русской литературы являлись перевод произведений литературы одной страны на язык другого народа, а также восприятие и воспроизведение в литературном творчестве писателей одного народа идей и смыслов текстов авторов другой культуры. Идеи, заложенные в произведениях русской классической литературы, часто встречали понимание в душах японских читателей. Данный факт демонстрируют театральные постановки пьес русских писателей в Японии и реакция на них японского зрителя. Таким образом, литературные связи двух стран порождали взаимодействие в сфере театра и иных областях, способствуя близости и более тесному соприкосновению двух культур.*

Ключевые слова: *советско-японские связи; антивоенная литература; Япония; русисты; литературные общества; социалистический реализм.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Киба Д. В. Развитие советско-японских литературных связей во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 191–205. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-191-205.

Поступила в редакцию 04.02.2022 Принята к публикации 02.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Киба Д. В., 2022

The Development of the Literary ties Between Russia and Japan During the Second Half of the 20th Century (1940–1980s)

Darya V. Kiba[1] ✉

[1]Komsomolsk-on-Amur State University
27 Lenina str., Komsomolsk-on-Amur 681013, Russian Federation

✉ e-mail: darya.kiba.80@mail.ru

Резюме

Relevance. *The literature of Russia had a significant impact on the culture of Japan, allowing the Japanese reader to get in touch with the secret of the Russian soul. The study of Soviet-Japanese literary ties makes it possible to identify the ideological foundations of nations that bring them together. Literary interaction between Japan and the USSR in the post-war period was traced by researchers in fragments. At the moment, it is necessary, using archival documents, as well as Japanese periodicals, for the first time introduced into scientific circulation, to turn to the study of Soviet-Japanese literary relations in the post-war decades.*

The ***purpose*** *of the study is to determine the forms of mutual penetration of Japanese and Russian literary creativity in the 1940-1980s.*

Objectives*: to reveal the contribution of the subjects of literary interaction to the development of Soviet-Japanese literary ties, to study the mechanism of literary interaction between the influence of two cultures.*

Methodology. *The comparative-historical and chronological methods were used in the work.*

Results. *In the study we talk about Japanese literary movements and public organizations, the contribution of Japan's friendship societies to the development of literary ties between Russia and Japan. The article also explores the actions of American occupation authorities preventing the spread of Russian and Soviet literature in Japan in the early post World War II years. Furthermore, we trace the activity of the Japanese public who attempted to overcome the obstacles, consolidate and unite efforts for the cultural cooperation with the USSR. The author highlights the contribution of the Japan's private press to the spread of Russian literature.*

Conclusion. *The predominant forms of mutual penetration of Japanese and Russian literature were the translation of works of literature of one country into the language of another people, as well as the perception and reproduction in the literary work of writers of one people, ideas and meanings of texts by authors of another culture. The ideas embodied in the works of Russian classical literature often met with understanding in the souls of Japanese readers. This fact is demonstrated by theatrical performances of plays by Russian writers and the reaction of the Japanese audience to them. Thus, the literary ties between the two countries gave rise to interaction in the field of theater and other areas, contributing to the proximity and closer contact between the two cultures.*

Keywords*: Soviet-Japanese relations; anti-war literature; Japan; Rusists; literary societies; socialist realism.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kiba D. V. The Development of the Literary ties Between Russia and Japan During the Second Half of the 20th Century (1940–1980s). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 191–205. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-191-205.

Received 04.02.2022 Accepted 02.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Советское государство и Япония являлись державами, находящимися на разных идеологических и политических полюсах. Отношения между ними осложнили итоги Второй мировой войны, территориальный вопрос. Со второй половины 1940-х гг. на протяжении не одного десятилетия диалог двух стран затрудняли идеологический и политический факторы. Надежды на постепенное решение разногласий пришли с началом перестроечных процессов в СССР. Во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х

годов странам удалось наладить культурное взаимодействие, опыт которого необходимо учитывать в настоящее время.

Изучение культурных связей двух стран в послевоенный период, вплоть до начала эпохи М. С. Горбачева, позволит выявить особенности литературного взаимодействия как одной из самых интенсивных форм гуманитарных контактов Советского государства и Японии. Исследование позволит учесть опыт партнерских проектов и программ предшествующих лет и использовать его в современных реалиях двусторонних гуманитарных отношений России и Японии. В рамках данной статьи целесообразно затронуть период второй половины 1940-х – первой половины 1980-х гг., во время которого были заложены основы современных гуманитарных связей. Верхняя граница работы определена началом эпохи перестройки в СССР. Эпоха перестройки рассматриваться не будет, т. к. породила кардинальные и сложные изменения двусторонних отношений, в том числе на гуманитарной арене, которые необходимо изучить более глубоко в рамках отдельного самостоятельного исследования.

Во второй половине 1940-х – 1980-е гг. культурные связи являлись средством постижения образа «другого» и способствовали активизации двустороннего непростого политико-экономического диалога. Росийско-японское сотрудничество в сфере культуры многогранно и включало в себя взаимодействие в области музыки, театра, кино, балета и литературного творчества. Литература России оказала значительное влияние на культуру Японии, позволяя японскому читателю соприкоснуться с тайной русской души. Изучение советско-японских литературных связей позволяет выявить сближающие мировоззренческие основы наций, найти общие точки соприкосновения двух культур.

Проблема взаимного влияния русской и японской литературы затрагивалась в работах советских ученых [1, с. 198–209; 2, с. 38–60; 3, с. 475; 4, с. 327; 5, с. 92–112; 6, с. 136–147; 7, с. 162; 8, с. 148–197]. Обращались к данной проблематике и японские исследователи [9, с. 24–35; 10, с. 18–21; 11, с. 91–94]. Следует выделить работу современного исследователя Н. И. Чегодарь, в которой автор, рассматривая советско-японские литературные связи, затронула предвоенный период [12]. Следует отметить, что литературное взаимодействие Японии и СССР в послевоенное время исследователями прослеживалось фрагментарно. В настоящий момент необходимо, используя документы Государственного архива Российской Федерации, материалы отечественной, а также японской периодической печати, впервые введенные в научный оборот, обратиться к изучению советско-японских литературных связей в послевоенные десятилетия.

Исходя из вышеизложенного, *цель* настоящего исследования – определить формы взаимного проникновения японского и русского литературного творчества в 1940–80-е гг.

Методология

В работе использовались сравнительно-исторический и хронологический методы. Сравнительно-исторический метод позволил выявить специфику проникновения советской и японской литературы в общественную среду страны-партнера. Хронологический метод позволил поэтапно проследить процесс развития литературных связей в его историческом контексте, соотнести особенности и динамику советско-японских литературных контактов с общественно-политическими реалиями прошлого.

Результаты и их обсуждение

После окончания Второй мировой войны советско-японские литературные связи из всех гуманитарных контактов активизировались одними из первых. В 1945 г. в Японии была создана Ассоциация изучающих СССР, провозгласившая

цель укрепления культурных связей с Советским государством. В состав общества вошли литературоведы Иноуэ Мицуру и Курахара Корэхито, переводчик Иваками Дзюнъити. Общество издавало журналы «Советская культура», «Исследование русской литературы», «Информация о советской литературе». Ведущим направлением деятельности организации был перевод и издание на японском языке произведений советских ученых и писателей, организация публичных обсуждений. В дальнейшем на базе Ассоциации был создан Институт по изучению СССР, который способствовал объединению разрозненных общественных сил Японии.

С 1946 г. в Токио существовало некоммерческое Общество советской культуры, директором которого являлся бывший корреспондент газеты «Майнити» в Москве Баба Хидко. Членами общества являлись выпускники отделения русской литературы университета Васэда, преподаватели, а также любители русской литературы – всего 100 человек. Общество было разделено на группы, которые постигали историю русской литературы, новейшие произведения советских авторов, издавали ежемесячник «Советская жизнь».

14 июня 1946 г. в Токио с целью укрепления дружбы товарищей по профессии и повышения квалификации был организован Союз работников по русской литературе. Членами его являлись Нобори Сёму, Ёнэкава Масао, Накамура Ёсикадзу, объединившиеся в Союз без учета политических взглядов.

Причиной столь раннего проявления интереса к русской литературе в послевоенный период был богатый довоенный опыт изучения русского литературного наследия. Переводческой деятельностью продолжали заниматься Ёнэкава Масао, профессор русской филологии Хисаитиро Хара, переводчик произведений Л. Н. Толстого Нобори Сёму. Таким образом, для скорого возрождения интереса японцев к русской литературе и дальнейшего изучения советской литературы уже была создана прочная основа.

Осенью 1945 г. Японию посетила делегация Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), в которую в качестве корреспондентов центральных газет вошли советские писатели К. Симонов, Б. Горбатов, Б. Агапов. В Японии они неоднократно встречались с Ё. Хидзикатой и другими представителями японской интеллигенции, связанными с Россией. Результатом этих встреч стало создание Общества японо-советских культурных связей 22 мая 1946 г. Таким образом, советские писатели подтолкнули японскую интеллигенцию к объединению сил, интересующихся СССР.

Штаб Макартура и реакционные силы Японии в период американской оккупации чинили препятствия работе японских просоветских обществ. В 1946 г. штабом была выпущена директива, требовавшая разрешения советского представительства на перевод и публикацию любой статьи о СССР, перепечатку материалов советских газет и журналов [13, л. 35]. В 1945–1946 гг. самым распространенным способом получить информацию об СССР были именно периодические издания. В связи с этим запрет на печатную продукцию общества дружбы с СССР восприняли болезненно. По данным Союза работников по русской литературе, в 1947 г. американцами было не пропущено около 60 переводов, среди них переводы профессора Масао Ионэкава сочинений Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, сборник рассказов советских писателей [13, л. 103–107]. Не разрешили печатать переводы профессора Сёму Нобори: Л. Н. Толстой «Воскресенье», М. А. Шолохов «Они сражались за Родину», сборник рассказов Ф. К. Сологуба. Для решения данной проблемы Общество японо-советских культурных связей обратилось к Союзу работников по русской литературе за поддержкой. В результате в ВОКС в 1947 г. было подано совместное письмо, в котором описывалась пробле-

ма, заботившая членов организаций [14, л. 135].

Таким образом, японская общественность не только пыталась преодолеть препоны американских оккупационных властей, препятствующих культурным связям с СССР, но и старалась консолидироваться. В декабре 1948 г. на совместном заседании правлений Общества изучающих Советский Союз и Общества японо-советских культурных связей было решено начать подготовку к созданию общенационального Общества японо-советской дружбы. В результате 22 апреля 1949 г. оно было учреждено.

Важными центрами русской литературы в Японии являлись библиотеки. В 1950-е гг. значительно расширилась библиотека при Обществе японо-советской дружбы. Она стала важным центром по распространению знаний об СССР. Её посещало 5 000 человек в год [15, с. 40]. В связи с ростом спроса на советскую литературу Общество открыло филиалы библиотеки в г. Осака, Киото, Кобэ.

Изучая газету «Асахи симбун» за 1953 г., мы встретили заметку о подготовке с лета 1952 г. к открытию японо-советской библиотеки в Синдзюку. Свыше 200 человек издателей российской литературы принимали участие в ее создании. Начальный фонд библиотеки насчитывал 10 тыс. экземпляров [16].

В послевоенной Японии возникали литературные организации, объединяющие писателей. В декабре 1945 г. было учреждено Общество новой японской литературы «Син Нихон бунгакукай», объединившее писателей демократического направления. Общество выпускало свой журнал и являлось крупной литературной организацией, члены которой регулярно собирались на съезды [17, с. 108–115]. В январе 1955 г. в Токио проходил Всеяпонский съезд писателей – участников «Син Нихон бунгакукай». Съезд показал, что это движение стало играть заметную роль в литературной жизни Японии [18, с. 4]. В 1946 г. возобновила свою работу Ассоциация литературоведов «Бунгейка Кёкай», возникшая в 1926 г. и во время Второй мировой войны прекратившая свое существование. Члены данного литературного общества поддерживали связи с СССР [19, с. 4]. Таким образом, в Японии во второй половине XX в. не было единой структуры, объединяющей литераторов Страны восходящего солнца. Существовал ряд литературных объединений, организующих творческие силы страны.

В предвоенный период в Японии издавалось много произведений русских классиков. В числе первых книг, изданных в 1946 г., оказался роман Л. Н. Толстого «Война и мир». С 1946 по 1955 г. вышли следующие издания: собрание сочинений Л. Н. Толстого в 23 томах, собрание шедевров Л. Н. Толстого в 12 томах, собрание сочинений Л. Н. Толстого в 14 томах, собрание сочинений Л. Н. Толстого в 47 томах [20, с.180]. За тот же период роман «Анна Каренина» издавался 16 раз, «Воскресение» – 22 раза.

В 1946 г. Нобори Сёму перевел рассказы «Маленький герой» и «Четный вор», в 1948 г. написал монографию о Ф. М. Достоевском [3, с. 417]. В 1951 г. вышло в свет полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, в 1953 г. – Н. В. Гоголя.

Чрезвычайно популярен в Японии был А. П. Чехов. Следует отметить близость рассказов русского писателя мировоззрению японцев. В первую очередь их привлекала малая форма повествования, которая была доминирующим жанром японской литературы до середины XX в. В послевоенное время наступил новый этап изучения творчества А. П. Чехова в Японии. Изменился сам подход исследователей к творчеству писателя. В предшествующий период преобладали работы эссеистского плана, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. стали появляться монографии. На японский язык были переведены работы В. Ермилова «А. П. Чехов» и «Драматургия А. П. Чехова», И. Эрен-

бурга «Перечитывая Чехова», Г. Бердникова «Драматургия А. П. Чехова». В 1960–1976 гг. в Японии были опубликованы 13 книг, а также 54 статьи о русском писателе.

В послевоенные годы в Японии значительно возрастает количество изданных произведений М. Горького. В 1946–1955 гг. их выпускали издательства «Кларте» «Акиморися», «Аоки сётэн». На японский язык произведения М. Горького были переведены почти полностью.

В 1955 г. была издана «История русской и советской литературы» Нобори Сёму. Автор, обладавший значительным опытом перевода произведений русских классиков и советских авторов, смог увидеть отличия литературы дореволюционной и постреволюционной. По мнению Нобори Сёму, для русской литературы характерен герой индивидуалист, предававшийся рефлексии, для которого приоритетными являлись личные вопросы любви, вечная проблема смерти. Нобори Сёму писал, что советский «новый герой не предается пустым умствованиям, его главной заботой является жизнь, жизнь как борьба. Он не знает, что такое сантименты, “стремится понимать точно, строить уверенно, разрушать убежденно”» [Цит. по: 3, с. 492].

Профессор университета Васэда Хидэтора Окадзава, рассматривая советскую литературу, писал, что ей не удалось превзойти русскую дореволюционную литературу. Первая развивалась в строгих рамках метода социалистического реализма [21, с. 4]. Таким образом, важно, что японские писатели не только переводили произведения советских авторов, они подвергали анализу, сравнивали дореволюционных и советских авторов, оказавших на развитие японской литературы значительное воздействие.

Значительные усилия по переводу русских изданий на японский язык предпринимали отдельные издательства. В 1954 г. Обществом японо-советской дружбы была организована конференция переводчиков произведений советских писателей. В работе конференции приняло участие 150 переводчиков и 39 крупных издательств, что свидетельствует о значительном количестве лиц, заинтересованных в издании и переводе русской литературы.

В 1950-е гг. в Японии публиковались произведения русских писателей, следствием чего стало появление специального журнала «Русские записки». В этом библиографическом издании упоминались опубликованные переводы и исследования, посвященные русской и советской литературе. Журнал играл огромную роль в ознакомлении японских читателей с советской литературой [22, л. 254]. Первоначально планировалось, что журнал будет выходить четыре раза в год, однако в 1966 г. было решено делать шесть выпусков [22, л. 43]. Главным редактором журнала был профессор университета Васэда Курода Тацуо. Он предпринимал активные действия по распространению издания, направлял письма в писательские организации, руководству японских городов, породненных с городами СССР, с просьбой оказать содействие в распространении журнала.

С 1964 г. Общество изучения советской литературы Японии ежеквартально стало выпускать журнал «Советская литература». О возможностях японских писателей знакомиться с советской литературой свидетельствует читательская конференция, организованная в Японии. Конференция состоялась 12 марта 1966 г. по инициативе советского посольства и редакции журнала «Советская литература». В ней приняли участие известные японские писатели и читатели, всего 90 человек [22, л. 251]. Писатель Нома Хироси сказал, что он испытал влияние советской литературы, но были большие трудности с ознакомлением с ней, т. к. в Японии она мало переводилась. С выходом журнала «Советская литература» ситуация изменилась в лучшую сторону. Писатель Томура Тайдзиро отметил, что

в последнее время у него также появилось больше возможностей познакомиться с советской литературой.

В 1960-е гг. по-прежнему вызывала интерес Японии русская классическая литература. В Токио, Осаке и других городах возрос спрос на произведения Л. Толстого и литературу о нем среди молодого поколения [23, л. 17]. В феврале 1967 г. в Японии прошла выставка, посвященная жизни и творчеству писателя. Она пользовалась большим успехом. Выставку посетило около 80 тыс. человек. Первый отдел выставки комплектовался из экспонатов, привезенных из СССР, второй отдел – из экспонатов, хранящихся в Японии [23, л. 19].

Японские писатели проявляли интерес к особенностям литературного творчества в условиях советской политической системы. Переводчик и литературовед Ёнекава Масао в начале 1950-х гг. побывал в СССР и опубликовал в газете «Асахи симбун» заметки об СССР. В статье «Положение дел в советской культуре» он писал о строгом контроле за искусством в Советском государстве. Автор рассматривал работу Союза писателей, описывал механизмы выплаты материальной помощи советским литераторам. Отмечал, что в СССР взаимная критика имела цель повысить общий уровень литературы и культуры. Он писал: «Писатели стирают друг друга в порошок, но не для того, чтобы уничтожить, а для того, чтобы помочь» [24]. Ёнэкава Масао указывал, что критике подвергаются произведения А. Ахматовой, М. Зощенко, повесть В. Госмана «За правое дело».

Японскими литераторами поднималась тема свободы творчества в СССР. В 1965–1966 гг. в Советском государстве прошел судебный процесс по делу писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. Японские литераторы откликнулись на это событие. В 1966 г. в Японии на читательской конференции журнала «Советская литература» обсуждалось дело преследуемых авторов. Писатель Томура Тайдзиро в своей речи подчеркнул, что в СССР нет ограничений свободы творчества, и произведения Е. Евтушенко и В. Аксенова это подтверждают [22, л. 252]. По его мнению, приговор Синявскому и Даниэлю был строгим. Из рассказа Томура Тайдзиро явствовало, что в японском «Пен-клубе» обсуждался вопрос о протесте против приговора писателей. Часть членов предлагали заявить протест, но сам Томура Тайдзиро и ряд писателей не согласились. По мнению Томура Тайдзиро, поведение Синявского и Даниэля, которые на протяжении десяти лет критиковали советские порядки в заграничной прессе, а в своей хвалили, характеризует их как людей двуличных. В результате «Пен-клуб» вынес решение в виде пожелания предоставить большую свободу творчества в СССР.

Переводчик господин Эгава заявил, что «многие японские читатели высоко оценивают Аксенова, Евтушенко, Вознесенского, однако в СССР они подвергаются критике». Переводчик отметил, что это дело вкуса. Одним нравится М. Шолохов, другим – Е. Евтушенко» [22, л. 252].

Критик Окуно Такэо во время своего выступления отметил, что в 1965 г. посетил СССР и участвовал в симпозиуме советских и японских писателей. Во время симпозиума было много разговоров о социалистическом реализме. Беседуя с советскими писателями, Окуно Такэо понял, что в официальных заявлениях они придерживались метода социалистического реализма, а в личных беседах говорили о нем лишь как о символе [22, л. 253]. Таким образом, японские писатели стремились постичь теоретические основы метода социалистического реализма и разобраться в вопросах свободы творчества в СССР.

Произведения японских авторов в СССР издавались редко. По данным Всесоюзной книжной палаты, в 1956 г. в СССР было издано 5 книг японских авторов, в 1957 г. – 13, в 1958 г. – 26, в 1959 г. 35 [25, л. 87]. К концу 1950-х гг. по срав-

нению с довоенным временем выпуск произведений иностранных авторов на русском языке, в том числе и японских, значительно снизился. Увеличение количества изданных в СССР книг японских авторов приходится на 1960–70-е гг.

В СССР публиковались отдельные произведения японских авторов демократического направления, литераторов, придерживающихся коммунистических взглядов, произведения поэтов. На страницах советских периодических изданий в 1950-е гг. печатались стихи японского поэта Хироси Нома, произведения Син Катаяма. В начале 1953 г. в СССР был напечатан перевод рассказа Такакура Тэру «Песенка свиньи», в 1954 г. его произведение «Воды Хаконэ». В журнале «Иностранная литература», выходившем с 1955 г., японские писатели публиковались нечасто. Об этом писала японская газета «Иомиури симбун», рассказывая о визите главного редактора журнала А. Чаковского в Японию в 1960 г. [26, с. 3]

Переводчиками произведений японских авторов являлись В. Н. Маркова, Е. М. Пинус, И. Л. Львова, В. Логунова, А. Е. Глускина. Именно переводчики способствовали тому, что японская поэзия стала понятна советскому читателю, который «получил возможность приблизиться к пониманию японской поэзии, а стало быть, и японской культуры» [27, с. 270].

Следует отметить, что сложности изучения японской литературы были связаны с ограничениями на использование иностранной литературы в СССР. 14 сентября 1946 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О выписке и использовании иностранной литературы»[1], в котором было заявлено, что слишком много организаций выписывают иностранную литературу, содержащую антисоветскую пропаганду. Постановление предписывало сократить выписку иностранных изданий и ограничить перечень ведомств, имеющих на это право.

Ценным каналом поступления книг на японском языке был международный библиотечный обмен. В конце 1950-х гг. активный книгообмен с Японией наладили ряд советских библиотек, в частности Государственная публичная библиотека г. Ленинграда. В конце 1977 г. этой деятельностью стали заниматься Государственная публичная научно-техническая библиотека СССР, Государственная библиотека СССР им. Ленина, Библиотека Академии наук СССР и ИНИОН СССР.

В рассматриваемый период происходили встречи советских и японских литераторов, которые позволяли обмениваться опытом, идеями, способствовали развитию советско-японского взаимодействия. В 1955 г. СССР посетили японские литераторы Токунага Сунао и Иваками Дзюнъити, которые встретились с членами Союза писателей, преподавателями и научными сотрудниками [28, с. 1]. Данным визитом контакты с японскими писателями не ограничились. «Литературная газета» приглашала японских писателей в качестве внештатных корреспондентов. Литераторы Токунага Сунао, Нома Хироси посылали заметки, письма в газету, знакомя советских читателей с состоянием дел в японской литературе. В 1957 г. в газету пришли письма-отклики трех японских писателей на просьбу рассказать о книгах, особенно взволновавших их в предыдущем году, поделиться своими мыслями. Письмо прислал японский поэт Нома Хироси. Он писал: «Учитывая все растущую необходимость постоянных культурных связей, я очень хочу сотрудничать с вами и в ответ на вашу просьбу посылаю вам три своих стихотворения» [28, с. 1].

Во второй половине 1950-х гг. контакты с японскими писателями поддерживали не только советские периодические издания, но и Союз писателей

[1] О выписке и использовании иностранной литературы: постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 14 сент. 1946 г. URL: https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69311 (дата обращения: 30.01.2022).

СССР. В Советском Союзе в 1958 г. по приглашению последнего гостила делегация видных литераторов Японии – один из руководителей «Бунгэйка кёкай» Абэ Томодзи, японский критик и публицист, член японской академии изящных искусств Суэкити Аоно Даюн Такими.

Осенью 1961 г. СССР по приглашению Союза писателей посетил молодой японский писатель Оэ Кэндзабуро, который по возвращении опубликовал серию статей о советском государстве [29, л. 208].

В 1960 г. в Японию с визитом прибыл главный редактор журнала «Иностранная литература» А. Чаковский. Упоминание об этом событии мы обнаружили в японской прессе. В статье, освещавшей визит редактора в Страну восходящего солнца, описывалась биография А. Чаковского, указывалось, что последний является вице-президентом Общества «СССР – Япония». В Японии А. Чаковский встречался с писателями Аохара Рико, Исисаки Ёси, Рю Таками. Редактор журнала заявлял, что литература может стать настоящим мостом между СССР и Японией [26, с. 3].

На 1960–70-е гг. пришелся пик интереса в СССР к японской литературе. В основном печатались произведения авторов, принадлежащих к демократическому направлению или затрагивающих острые социальные вопросы. Пацифизм японских авторов приветствовался как проявление антимилитаризма и протеста против политики США. По мнению Я. Д. Галимовой, в эти годы «значительное влияние на формирование представлений о Японии оказали японские художественные выставки, выступления театральных коллективов, демонстрации японских кинофильмов и особенно переводная японская литература» [30, с. 93].

Современный исследователь А. Чанцев полагает, что успехи японской литературы в СССР были определены японским кинематографом, фильмами Акира Куросава, фактом признания японскими авторами влияния на них русской классики [31]. Однако следует отметить, что интерес к японской литературе следует рассматривать в неразрывной связи с интересом к Японии вообще. Последний в СССР был вызван интенсивным экономическим развитием страны. Её «экономическое чудо» порождали стремление к постижению Страны восходящего солнца. Д. В. Стрельцов указывал, что интерес к экономическому японскому чуду выразился в «появлении большого количества академических работ, посвященных японскому менеджменту, уникальной японской бюрократии, уникальному японскому менталитету» [32, с. 193]. Успехи Страны восходящего солнца делали ее притягательной и для неакадемических кругов советского общества.

Вторая причина заключалась в экзотичности Японии. Для большинства советских граждан она оставалась закрытой, неизвестной страной. Успех японской литературы у советского читателя также определялся идеями, заложенными в произведениях японских писателей. Здесь следует согласиться с А. Чанцевым, который писал, что «нонконформистская советская интеллигенция нашла в творчестве послевоенных японских авторов аналоги собственным настроениям. Для советского читателя сосредоточенная интимность и подспудный или открыто описанный трагизм одиночества японской литературы оказались открытием, которое помогало решить сугубо советские психологические проблемы» [31]. Японская литература ставила перед читателями вечные вопросы человеческого бытия. Она заставляла страдать и сострадать, что также было близко советскому человеку. На близость социопсихологических характеристик японского и советского общества указывал и Е. Штейнер [33, с.172].

Несмотря на популярность японских авторов они, по признанию Б. Акунина, не оказали серьезного влияния на русских

авторов[1]. Безусловно, Япония оказала воздействие на творчество отдельных советских писателей, посещавших эту страну. Следует отметить влияние японского минимализма на творчество московского поэта Всеволода Некрасова, создававшего в 1960–70-е гг. стихи, которые отказывались издавать в СССР. Однако единичные случаи не создают массового влияния одной культуры на другую.

В 1980-е гг. начинается период научного сотрудничества ученых Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР с японскими коллегами. Достигнута договоренность о проведении совместных симпозиумов, посвященных творчеству крупнейших русских писателей. Встречи наметили проводить поочередно в Токио и в Москве. Партнером выступала «Японская ассоциация русских», стремившаяся «внести свой вклад в здоровое развитие японской культуры путем изучения и популяризации русского языка и литературы в Японии». Первый симпозиум состоялся в декабре 1980 г. в Токио на тему «Чехов и современность». Спустя год, к столетию со дня смерти Ф. М. Достоевского, в Москве обсуждалось значение русской литературы XIX в. Постепенно встречи советских и японских литературоведов стали традицией. В 1983 г. в Токио был проведен третий советско-японский симпозиум, посвященный творчеству Н. В. Гоголя [34, с. 2].

В механизме литературного влияния двух культур действующими, по мнению Н. И. Конрада, являются три фактора: «дающий», «принимающий» и «передающий» (посредник). Последний может быть отдельным человеком, а может быть литературным объединением или журналом. Рассмотрим действие данных факторов на примере советско-японского литературного взаимодействия.

Посредниками – субъектами литературного японско-советского взаимодействия являлись как отдельные писатели, так и организации: Общество новой японской литературы «Синнихон бунгакукай», Ассоциация литературоведов «Бунгейка Кёкай», Союз писателей СССР, советские и японские библиотеки, журналы СССР и Японии.

Рассматривая советско-японское взаимодействие в сфере литературного творчества, необходимо подчеркнуть, что именно русская литература оказывала большее воздействие на японскую и в XIX, и в XX в., являясь «дающей» стороной. Японская литература в большей степени являлась «принимающей» стороной. Русские писатели поднимали острые социальные вопросы, волнующие японского читателя. Формы литературных произведений, их идеи были понятны и близки японской душе. Огромное влияние на японскую литературу оказали идеи пролетарской революции. Японские авторы воспринимали не только их, но и приемы описания действительности, определенные черты и методы русской литературы.

Таким образом, японская литература, вобрала в себя все лучшее, что она смогла взять от русской, советской литературы, что было естественно. Современный исследователь М. П. Герасимова, затрагивая вопрос механизма заимствования в японской культуре, отмечает, что «Япония открыта чужому знанию и чужому опыту в силу своих национальных убеждений» [35, с. 208].

Формы проникновения одной литературы в другую страну могут быть разными. Первой формой является проникновение произведения в другую культуру в своем языковом выражении, т. е. в подлиннике. В рассматриваемый период данная форма советско-японского литературного взаимодействия не являлась преобладающей. Существование данной формы обеспечивали международные

[1] Акунин Б. Я всегда был пристрастен и субъективен в оценках литературы, потому что отношусь к ней серьезно: [интервью от 14 декабря 2016]. URL: https://eksmo.ru/ interview/intervyu-s-borisom-akuninym-ID4145698/ (дата обращения: 30.01.2022).

книгообмены, главными субъектами которых были японские и советские библиотеки. В СССР доступ к литературе на японском языке имело ограниченное число представителей интеллигенции.

Другая форма проникновения – перевод произведений литературы одной страны на язык другого народа. Разноязычное существование выявляет в произведении то общее, что значимо для всех. В рассматриваемый период появляются переводы на японский язык книг советских авторов, а также на русский произведений японских писателей и поэтов. Литература в СССР и Японии становилась доступной читателям благодаря журналам и книжным издательствам. К данной форме советско-японского литературного взаимодействия примыкают международные встречи, обмены, симпозиумы, во время которых происходило знакомство с литературными произведениями, идеями писателей СССР и Японии, что способствовало взаимному обогащению.

Третья форма проникновения заключается в восприятии и воспроизведении в литературном творчестве писателей одного народа идей и смыслов текстов авторов другой культуры. Пример подобной формы проникновения мы видим, рассматривая произведения представителей японской демократической литературы, авторы которой пытались изобразить нового японца – борца за мир и освобождение японского народа. Однако для японских мастеров сложен был вопрос социалистического реализма, без постижения сути которого они не могли постичь подлинный смысл идей, заложенных в советских произведениях. Идеи, заложенные в произведениях русской классической литературы, часто встречали понимание в душах японских читателей. Данный факт демонстрируют и театральные постановки пьес русских писателей и реакция на них японского зрителя. Последний знакомился с русской литературой не только благодаря деятельности издательств и журналов, но и театральным коллективам Японии. Уникальным является творческий опыт Куросава Акира, снявшего художественные фильмы по произведениям Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Горького, сумевшего показать сложный внутренний мир героев русской классики на примерах японской действительности.

Выводы

Советско-японские связи в сфере литературного творчества в 1940–80-е гг. во многом предопределялись теми процессами, которые происходили в литературных мирах двух стран в предвоенный период. Именно тогда были заложены основы литературного взаимодействия, которые получили дальнейшее развитие в послевоенный период. Речь идет о деятельности японских специалистов-русистов, переводчиков, получивших образование и познакомившихся с русской литературой в первой половине XX в., традиции постижения русской классики, которая продолжалась изучаться в послевоенный период.

Безусловно, в советско-японском взаимодействии появлялись новые характерные для второй половины XX в. черты. В Японии появляются монографии, посвященные русской классике, ведется работа по изданию трудов советских писателей, расширяются контакты японских издателей и советских структур, что приводит к увеличению изданий на русском языке. В рассматриваемый период налаживается научное советско-японское сотрудничество в сфере литературы, подписываются совместные меморандумы и соглашения, что обеспечивало взаимные поездки, контакты советских и японских писателей.

Литературные связи двух стран порождали взаимодействие в сфере театра, кино и иных областях культуры, способствуя близости и более тесному сопри-

косновению двух культур. Именно литература помогала раскрыть глубинные основы мировоззрения другой нации и создавала основы для выстраивания дальнейшего диалога.

Список литературы

1. Гришина В. А. Достоевский в японской пролетарской литературе 20–30-х гг. XX в. // 100 лет русской культуры в Японии. М.: Наука, 1989. С. 198–209.

2. Кожевникова И. П. Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры в Японии. М.: Наука, 1989. С. 41.

3. Конрад Н. И. Японская литература: от «Кодзики» до Токутоми. М.: Наука, 1974. 566 с.

4. Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 385 с.

5. Малинина Е. Е. И. С. Тургенев и Кавабата Ясунари. Опыт типологического сопоставления // 100 лет русской культуры в Японии. М.: Наука, 1989. С. 92–112.

6. Мещеряков А. Н. Русская и японская классическая литература. Черновики несгоревших рукописей // 100 лет русской культуры в Японии. М.: Наука, 1989. С. 136–147.

7. Рехо К. М. Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1965. 352 с.

8. Сараскина Л. И. Достоевский и Акутагава. Заметки русского читателя // 100 лет русской культуры в Японии. М.: Наука, 1989. С. 148–197.

9. Цукахара Такаси. Роман Арцебашева «Санин», ранее переведенный в Японии. Исследование русской культуры // Васэда дайгаку Росиа бунка кахэн. 2006. (13). С. 24–35.

10. Накамура Ёсикадзу. Взаимоотношения Пильняка с У. Акита в дневниках Кэндзо Наруми // Наука. 1998. № (106). С. 18–21.

11. Саканива Ацуси. Достоевский и японская культура // Исследования русской культуры. 2012. № 19. С. 91–94.

12. Чегодарь Н. И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М.: Восточная литература РАН, 2004. 222 с.

13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 184.

14. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 545.

15. Угринович Б. И. Япония: движение за добрососедство с Советским Союзом. М.: Наука, 1984. 112 с.

16. Открытие японо-советской библиотеки // Асахи симбун. 1953. № 288.

17. Гривнин В. С. Общество новой японской литературы и демократическое литературное движение в Японии // Народы Азии и Африки. 1966. № 2. С. 108–115.

18. Цехоня И. Против угрозы атомной войны // Советская культура. 1955. 19 апреля. С. 4.

19. Суэкити Аоно. Война несовместима с гуманизмом // Литературная газета. 1958. 30 мая. С. 4

20. Рехо К. М. М. Горький и японская литература. М.: АН СССР, Ин-т народов Азии, 1965. 162 с.

21. Хидэтора Окадзава. Положение дел в советской культуре // Асахи симбун. 1953. № 188. С. 4.

22. ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 1062.

23. ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 1066.

24. Ёнекава Масао. Положение дел в советской культуре // Асахи симбун. 1952. № 189.

25. ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 473.

26. Заметки // Иомиури симбун. 1960. 22 января. С. 3.

27. Герасимова М. П. Культура перевода // Япония. Ежегодник. 2009. М.: АИРО–XXI, 2009. С. 260–270.

28. Встреча с японскими литераторами // Литературная газета. 1955. 8 января. С. 1.

29. ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 480.

30. Галимова Я. Д. Образ Японии в советском обществе (середина 1960-х – середина 1980-х гг.) // Российская история. 2010. № 5. С. 89–95.

31. Чанцев А. После моды на Мураками: японская литература в России нового века // Новое литературное обозрение. 2004. № 69.

32. Стрельцов Д. В. Особенности идентичностей Советского Союза и Японии в послевоенный период (1945–1991) // Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей (сходство и различие). М.: Международные отношения, 2016. С. 178–194.

33. Штейнер Е. Больше не волшебная, но еще более привлекательная – меняющийся образ Японии в воображении русских // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 171–191.

34. Бердников Г. Наследие сатирика // Литературная газета. 1983. 26 октября. С. 2.

35. Герасимова М. П. Механизм заимствований в японской культуре // Япония 2010. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 192–208.

References

1. Grishina V. A. Dostoevskij v yaponskoj proletarskoj literature 20–30-h gg. XX v. [Dostoevsky in Japanese proletarian literature of the 20-30s of the XX century]. 100 let russkoj kul'tury v Yaponii [100 years of Russian culture in Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 198–209.

2. Kozhevnikova I. P. Universitet Vaseda i russkaya literatura [Russian Russian Literature and Waseda University]. 100 let russkoj kul'tury v Yaponii [100 years of Russian Culture in Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1989, p. 41.

3. Konrad N. I. Yaponskaya literatura: ot "Kodziki" do Tokutomi [Japanese Literature: From "Kojiki" to Tokutomi]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 566 p.

4. Kutakov L. N. Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 385 p.

5. Malinina E. E. I. S. Turgenev i Kavabata Yasunari. Opyt tipologicheskogo sopostavleniya [Turgenev and Kawabata Yasunari. Experience of typological comparison]. 100 let russkoj kul'tury v Yaponii [100 years of Russian culture in Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 92–112.

6. Meshcheryakov A. N. Russkaya i yaponskaya klassicheskaya literatura. Chernoviki nesgorevshih rukopisej [Russian and Japanese classical literature. Drafts of unburned manuscripts]. 100 let russkoj kul'tury v Yaponii [100 years of Russian culture in Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 136–147.

7. Rekho K. M. Russkaya klassika i yaponskaya literatura [Russian classics and Japanese literature]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 352 p.

8. Saraskina L. I. Dostoevskij i Akutagava. Zametki russkogo chitatelya [Dostoevsky and Akutagawa. Russian Russian Reader's Notes]. 100 let russkoj kul'tury v Yaponii [100 years of Russian culture in Japan]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 148–197.

9. Cukahara Takasi Roman Arcebasheva "Sanin", ranee perevedennyj v Yaponii. Issledovanie russkoj kul'tury [Artsebashev's novel Sanin, previously translated in Japan. The study of Russian culture]. *Vaseda dajgaku Rosia bunka kahen = Vaseda daigaku Rosia bunka gaken*, 2006, (13), pp. 24–35.

10. Nakamura Yosikadzu. Vzaimootnosheniya Pil'nyaka s U. Akita v dnevnikah Kendzo Narumi [Pilnyak 's relationship with U. Akita in the diaries of Kenzo Narumi]. *Nauka = Science*, 1998, no. (106), pp. 18–21.

11. Sakaniva Acusi. Dostoevskij i yaponskaya kul'tura [Dostoevsky and Japanese culture]. *Issledovaniya russkoj kul'tury = Studies of Russian Culture*, 2012, no. 19, pp. 91–94.

12. Chegodar' N. I. Literaturnaya zhizn' Yaponii mezhdu dvumya mirovymi vojnami [The literary life of Japan between the two World Wars]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2004. 222 p.

13. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. R-8581, op. 2, d. 184.

14. GARF, f. 5283, op. 4, d. 545.

15. Ugrinovich B. I. Yaponiya: dvizhenie za dobrososedstvo s Sovetskim Soyuzom [Japan: the Movement for Good Neighborliness with the Soviet Union]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 112 p.

16. Otkrytie yapono-sovetskoj biblioteki [Opening of the Japanese-Soviet Library]. *Asahi Simbun = Asahi Shimbun*, 1953, no. 288.

17. Grivnin V. C. Obshchestvo novoj yaponskoj literatury i demokraticheskoe literaturnoe dvizhenie v Yaponii [The Society of New Japanese Literature and the democratic literary movement in Japan]. *Narody Azii i Afriki = Peoples of Asia and Africa*, 1966, no. 2, pp. 108–115.

18. Cekhonya I. Protiv ugrozy atomnoj vojny [Against the threat of atomic war]. *Sovetskaya kul'tura = Soviet culture*, 1955, April 19, p. 4.

19. Suekiti Aono. Vojna nesovmestima s gumanizmom [War is incompatible with humanism]. *Literaturnaya gazeta = Literary newspaper*, 1958, May 30, p. 4.

20. Rekho K. M. M. Gor'kij i yaponskaya literatura [Gorky and Japanese literature]. Moscow, AN SSSR Publ., In-t narodov Azii, 1965. 162 p.

21. Hidetora Okadzava. Polozhenie del v sovetskoj kul'ture [The state of affairs in Soviet culture]. *Asahi Shimbun = Asahi Simbun*, 1953, no. 188, p. 4.

22. GARF, f. 9518, op. 1, d. 1062.

23. GARF, f. 9518, op. 1, d. 1066.

24. Yonekava Masao. Polozhenie del v sovetskoj kul'ture [The State of Affairs in Soviet culture]. *Asahi Simbun = Asahi Shimbun*, 1952, no. 189.

25. GARF, f. 9518, op. 1, d. 473.

26. Zametki [Notes]. *Iomiuri simbun = Iomiuri Shimbun*, 1960, January 22, p. 3.

27. Gerasimova M. P. Kul'tura perevoda [Culture of translation]. Yaponiya 2009. Ezhegodnik [Japan. 2009. Yearbook]. Moscow, AIRO–XXI Publ., 2009, pp. 260–270.

28. Vstrecha s yaponskimi literatorami [Meeting with Japanese writers]. *Literaturnaya gazeta = Literary newspaper*, 1955, January 8, p. 1.

29. GARF, f. 9518, op. 1, d. 480.

30. Galimova Ya. D. Obraz Yaponii v sovetskom obshchestve (seredina 1960-h – seredina 1980-h gg.) [The Image of Japan in Soviet Society (mid-1960s – mid-1980s)]. *Rossijskaya istoriya = Russian History*, 2010, no. 5, pp. 89–95.

31. Chancev A. Posle mody na Murakami: yaponskaya literatura v Rossii novogo veka [After the fashion for Murakami: Japanese literature in Russia of the new century]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*, 2004, no. 69.

32. Strel'cov D. V. Osobennosti identichnostej Sovetskogo Soyuza i Yaponii v poslevoennyj period (1945–1991) [Features of the identities of the Soviet Union and Japan in the post-war period (1945–1991)]. Russkaya i yaponskaya civilizacii. Istoricheskij analiz stanovleniya i razvitiya nacional'nyh identichnostej (skhodstvo i razlichie) [Russian and Japanese

civilizations. Historical analysis of the formation and development of national identities (similarities and differences)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2016, pp. 178–194.

33. Shtejner E. Bol'she ne volshebnaya, no eshche bolee privlekatel'naya – menyayushchijsya obraz Yaponii v voobrazhenii russkih [No longer magical, but even more attractive is the changing image of Japan in the imagination of Russians]. Yaponiya i Rossiya. Nacional'naya identichnost' skvoz' prizmu obrazov [Japan and Russia. National identity through the prism of images]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2014, pp. 171–191.

34. Berdnikov G. Nasledie satirika [The Satirist's Legacy]. *Literaturnaya gazeta = Literary newspaper*, 1983, October 26, p. 2.

35. Gerasimova M. P. Mekhanizm zaimstvovanij v yaponskoj kul'ture [The mechanism of borrowing in Japanese culture]. Yaponiya. 2010. Ezhegodnik [Japan 2010. Yearbook]. 2010, pp. 192–208.

Информация об авторе / Information about the Author

Киба Дарья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «История и культурология», Комсомольский-на-Амуре государственный университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Российская Федерация,
e-mail: darya.kiba.80@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1013-2659

Darya V. Kiba, Cand. of Sci. (Historical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Cultural, Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation,
e-mail: darya.kiba.80@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1013-2659

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-206-218

(cc) BY 4.0

Художественная интеллигенция Байкальской Сибири в процессе организации научных экспедиций во второй половине XIX – начале XX века

В. В. Ткачев[1] ✉

[1]Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность *статьи определена тем, что восстановлена работа художественной интеллигенции Байкальской Сибири в процессе организации научных экспедиций во второй половине XIX – начале XX века. Исследование даёт возможность по выявленным свидетельствам рассмотреть подробно основные этапы организации экспедиционной и выставочной работы научных объединений. В статье показано то, как на основе результатов изучения культурного наследия коренных народов и природных богатств отдалённых территорий формировались художественные коллекции в музеях и галереях, материалы выставлялись на общедоступных городских площадках.*

Цель *работы – по выявленным в архивах свидетельствам представить работу художественной интеллигенции Байкальской Сибири в процессе организации научных экспедиций во второй половине XIX – начале XX века.*

Задачи *исследования состоят в следующем: провести анализ источников из Государственного архива Иркутской области, Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева о жизни и деятельности мастеров, организации экспедиционной и выставочной работы; выявить трудности, которые были определены в результате деятельности художников.*

Методология. *Работа придерживается принципов историзма, системности и научной объективности. Используется историко-генетический и проблемно-хронологический методы.*

Результаты. *В результате использования выявленных в Государственном архиве Иркутской области и Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева исторических документов восстановлена история выставочной и экспедиционной работы художественной интеллигенции Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Подтверждается то, что деятельность мастеров влияла на формирование собраний предметов искусства в музеях и галереях.*

Выводы. *Исследование выявило основные этапы участия художественной интеллигенции в экспедициях по изучению культурного наследия коренных народов и природных богатств Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века. В работе представлены документы из сибирских архивов, что даёт возможность восстановить деятельность мастеров.*

Ключевые слова: *История Сибири; Байкальская Сибирь; городская культура; городское общество; просвещение; художественная интеллигенция; художественная жизнь.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ткачев В. В. Художественная интеллигенция Байкальской Сибири в процессе организации научных экспедиций во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 206–218. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-206-218.

Поступила в редакцию 31.01.2022 Принята к публикации 28.02.2022 Опубликована 04.04.2022

© Ткачев В. В., 2022

The Artistic Intelligentsia of Baikal Siberia in the Process of Organizing Scientific Expeditions in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Vitaliy V. Tkachev[1] ✉

[1] Irkutsk State University
K. Marx str. 1, Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

The relevance *of the article is determined by the fact that the work of the artistic intelligentsia of Baikal Siberia was restored in the process of organizing scientific expeditions in the second half of the 19th - early 20th centuries. The study makes it possible to consider in detail the main stages of the organization of expeditionary and exhibition work of scientific associations, based on the identified evidence. The article showed how art collections in museums and galleries were formed based on the results of studying the cultural heritage of indigenous peoples and the natural resources of remote territories, materials were exhibited at public city sites.*

The purpose *of the work is to present the work of the artistic intelligentsia of Baikal Siberia in the process of organizing scientific expeditions in the second half of the 19th - early 20th centuries, based on evidence found in the archives.*

The objectives *of the study are as follows: to analyze sources from the State Archives of the Irkutsk Region, the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukachev about the life and work of masters, the organization of expeditionary and exhibition work; identify the difficulties that were identified as a result of the activities of artists.*

Methodology*. The work adheres to the principles of historicism, consistency and scientific objectivity. The historical-genetic and problem-chronological methods are used.*

Results*. As a result of the use of those identified in the State Archives of the Irkutsk Region and the Irkutsk Regional Art Museum. V. P. Sukachev of historical documents, the history of the exhibition and expeditionary work of the artistic intelligentsia of Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries was restored. It is confirmed that the activity of the masters influenced the formation of collections of art objects in museums and galleries.*

Conclusions*. The study revealed the main stages of participation of the artistic intelligentsia in expeditions to study the cultural heritage of indigenous peoples and the natural resources of Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries. The work presents documents from the Siberian archives, which makes it possible to restore the activities of the masters.*

Keywords: *History of Siberia; Baikal Siberia; urban culture; urban society; education; artistic intelligentsia; artistic life.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tkachev V. V. The Artistic Intelligentsia of Baikal Siberia in the Process of Organizing Scientific Expeditions in the Second Half of the 19th – early 20th centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 206–218. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-206-218.

Received 31.01.2022 Accepted 28.02.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Во второй половине XIX – начале XX в. в городах Российской империи научные и общественные организации руководили исследованиями в разных областях, в том числе по изучению культуры коренных народов и природных богатств государства. По результатам наблюдений, анализа увиденного учёными был собран большой объём материалов, как этнографических, так и зафиксированных свидетельств на холстах и бу-

маге мастерами. Изобразительные источники, созданные художниками, которых включали в состав экспедиций в отдалённые населённые пункты, даёт представление об уникальности, расширяет знания о регионе. Возможность знакомства с наблюдениями известных общественных деятелей прошлого в сибирских архивах предполагает определение особенностей формирования художественного пространства Байкальской Сибири, которая включает в себя Иркутскую губернию и Забайкальскую область.

Во многом для понимания исторических процессов необходимо подробное изучение основных этапов освоения территории разными представителями общественности: учёными, коллекционерами, художниками. Так купечество собирало уникальные предметы искусства, которые вошли в состав научных, общественных, частных музеев и галерей, где экспозиции раскрывали основные этапы развития всего Байкальского региона. Художники создавали живописные полотна в ходе самих походов и выставляли в городских общедоступных местах.

Как известно, исследования современных историков в большей части сосредоточены на том, чтобы восстановить историю организации этнографических экспедиций, которые были направлены на улучшение экономического, социального положения населения отдалённых территорий, окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Научные труды отмечали обширную деятельность разных представителей художественной интеллигенции (художников и коллекционеров) в событиях. Необходимо не только исследовать во всех подробностях жизнь известных участников процесса, но и их работу по организации и проведению выставок, экскурсий и других важных мероприятий. Так деятельность художников Ф. М. Белкина, Н. А. Андреева, Б. И. Лебединского, Н. В. Лодейщикова, которые участвовали в экспедициях по изучению Байкальской Сибири, была направлена на просвещение, приобщение к искусству, росту интереса к истории культуры народов среди жителей городов. Создание исторических полотен, пейзажей, портретов, которые отражали уникальность сибирской речной системы, озера Байкал, Севера, формировали определённый образ единого региона в контексте его экономического, культурного, научного развития. Мастера и коллекционеры считали, что сохранение и изучение художественных ценностей данных территорий и включение их в программу развития Сибири поможет сохранить их уникальность.

Работа Ф. М. Белкина, Н. А. Андреева, Б. И. Лебединского, Н. В. Лодейщикова в составе научных и творческих организаций представлена во многих трудах исследователей, которые занимались и занимаются изучением истории Сибири. Так определённые сюжеты из жизни художников можно встретить в статьях и книгах В. Ф. Чиркова, Б. С. Шостаковича, Л. Н. Снытко [1; 2; 3]. Организация научных исследований и участие в них художественной интеллигенции Байкальской Сибири рассматривались в подробных исследованиях В. П. Шахерова, Н. И. Гавриловой, Т. В. Паликовой и многих других [4; 5; 6; 7; 8].

Большинство опубликованных за последнее время работ о коллекционерах, художниках, собраниях предметов искусства, которые входят в состав крупных музеев Иркутска, Улан-Удэ, Читы и Нерчинска, используются в настоящем, т. к. большинство документов об исторических событиях второй половины XIX – начала XX в. исследователями были введены впервые в современный период [9]. Так статьи и монографии Е. С. Манзыревой, Т. Г. Ларевой, В. П. Токарева дают представление о том, как формировалась художественная жизнь в Иркутской губернии и Забайкальской области [10; 11; 12; 13]. Большая часть работ известного искусствоведа, историка А. Д. Фатьянова была посвящена восстановлению свиде-

тельств о включении мастеров в состав научных экспедиций по изучению истории коренных жителей Байкальской Сибири, выявление особенностей природных объектов. Также автор прослеживал судьбы воспитанников Академии художеств, изучал живописные полотна, которые появились в фондах Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева в разное время [14; 15; 16].

Основные этапы организации научных исследований и включение в состав экспедиций художников на всей территории Байкальской Сибири в начале XX в. были представлены в статьях и монографиях иркутского историка Ю. П. Лыхина [17; 18]. Значение данных работ заключается в том, что исследователем были опубликованы исторические источники о жизни и деятельности мастеров, которые активно участвовали в работе научных организаций. Были выявлены воспоминания, которые передают впечатления о том, как художественная интеллигенция знакомилась с отдалёнными регионами. Историю развития взаимоотношений между разными представителями городского общества Иркутской губернии представили иркутские историки в известных монографиях разных лет [19; 20]. Также роль художественной интеллигенции в приобщении жителей Байкальской Сибири к предметам искусства продолжает изучать настоящий автор статьи [21].

Таким образом, сибирские исследователи изучали экспедиционную и выставочную работу Ф. М. Белкина, Н. А. Андреева, Б. И. Лебединского, Н. В. Лодейщикова, но многие аспекты, связанные с историей создания живописных полотен, включение их в состав научных музеев во второй половине XIX – начале XX в. не рассматривались в полной степени. Включая новые выявленные документы, настоящая работа раскрывает исторические сюжеты участия художественной интеллигенции в экспедициях по изучению Байкальской Сибири и формированию на основе полученных материалов постоянных экспозиций в музеях и галереях.

Методология

Данное исследование руководствуется принципом историзма, что даёт возможность подробно представить историю участия мастеров в научных экспедициях и формирования на их основе художественных коллекций в музеях и галереях Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. В работе применяется системный подход, благодаря которому анализируются исторические свидетельства и документы из Государственного архива Иркутской области и Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. В результате использования историко-генетического метода изучены экспедиционная и выставочная работа художественной интеллигенции в составе научных организаций, что даёт представление об особенностях формирования художественного пространства Байкальской Сибири. Также в исследование включается проблемно-хронологический метод, который помогает подробно изучить жизнь и деятельность известных мастеров (Ф. М. Белкина, Н. А. Андреева, Б. И. Лебединского, Н. В. Лодейщикова) в процессе организации исследовательской работы научных объединений и демонстрации полученных материалов на общедоступных художественных площадках в городах Байкальской Сибири.

В работе используются документы из фонда Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО) (ГАИО. Ф. 293), входящего в Государственный архив Иркутской области, и личные дела художников, которые участвовали в научных экспедициях, из собрания Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева. Рассматриваются исторические свидетельства о Ф. М. Белкине, Н. А. Андрееве, Б. И. Лебединском, Н. В. Лодейщикове,

которые активно занимались исследовательской, выставочной работой в составе творческих и научных организаций. Ценность и актуальность данных источников состоит в том, что художественная интеллигенция оставляла свои впечатления о тех событиях, которые происходили в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Деятелей искусства интересовало то, как общество стремилось развивать регион в разных направлениях, в том числе рассматривали проекты по изменению экономического, культурного положения жителей.

Результаты и их обсуждение

Деятельность разных представителей культуры, художественной интеллигенции, к которым можно отнести Ф. М. Белкина, Н. А. Андреева, Б. И. Лебединского, Н. В. Лодейщикова, заключалась в том, чтобы поднять интерес жителей к искусству, развивать художественное пространство. Известно то, что во второй половине XIX – начале XX в. общественные и научные объединения Байкальской Сибири организовывали экспедиции по изучению природных богатств, культурного наследия коренных народов. В результате создания живописных полотен, сбора материалов, устраивались выставки, читались лекции, проводились экскурсии. Необходимо понимать, что в организации художественных событий принимали участие мастера, которые занимались актуальными для общества исследованиями, представляли то, как лучше включать предметы в экспозиции, музейные фонды. Современные исторические труды сосредоточены на том, чтобы изучить подробности экспедиционной и выставочной работы мастеров в Иркутской губернии и Забайкальской области. Данные исследования рассматривали и трудности, с которыми сталкивались учёные при составлении планов построения маршрутов. Учитывая полученные результаты по научной и просветительской работе с жителями, можно заметить, что художественная интеллигенция Байкальской Сибири применяла как новые, так и традиционные способы взаимодействия посетителей с выявленными материалами, уникальными предметами искусства. Сибирские и западные мастера активно сотрудничали с научными, общественными организациями, исследователями. Также в данный период формировались устойчивые связи со специалистами из Европы, Москвы и Санкт-Петербурга по проектированию выставочных пространств, где жители узнавали об авторах живописных полотен и многих других ценных предметов. Архивные документы свидетельствуют о том, что в городах Иркутской губернии и Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в. происходит утверждение социокультурных связей между разными представителями общественности. Таким образом, события благоприятно влияли на то, чтобы включать мастеров в процесс развития художественного пространства Байкальского региона.

По историческим документам можно подтвердить участие в научных, экспедиционных исследованиях ВСОИРГО мастеров и коллекционеров из Иркутской губернии и Забайкальской области. Их интерес к развитию интеллектуального сибирского общества подтверждается через результаты в сфере благотворительности, по итогам тяжёлой работы над созданием уникальных собраний предметов искусства, которые с разных сторон показывали историю Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в.

В данный период можно наблюдать активное участие общественности в решении важных и сложных проблем: политических, экономических, культурных и т. д. Представители купечества, городской интеллигенции (учителя, учёные, художники) проявляли интерес к изучению Байкальской Сибири: природных объектов, истории заселения территории, культуры коренных народов, сибирской

речной системы. Они думали о том, как эффективно реализовать свои проекты на новом месте, как развить транспортные артерии, торговые отношения и т. д. Как отметил сибирский историк, профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета Вадим Петрович Шахеров: «В 1870–1880-х гг. им (А. М. Сибиряковым. – *В. Т.*) был разработан грандиозный проект оживления и расширения сибирской торговли на севере и северо-востоке Сибири. Как и многие другие сибирские купцы, он прекрасно понимал, что основой торгового развития такого удалённого от России и обширного края может стать только более эффективное использование естественных сибирских путей сообщения. Он предложил использовать возможности арктических морских путей для увеличения потенциала водной системы Сибири. Но главную задачу он видел в изучении возможности судоходства по сибирским рекам с целью поиска и прокладки путей сообщения с Европой. В будущем он надеялся проложить непрерывный водный путь от восточного подножия Урала до Байкальского озера и далее до Амура» [22].

Поддержание торгового движения было важно для благополучного развития экономического положения региона, поэтому общественность обсуждала строительство железной дороги. Данное событие имело общегосударственное значение, являлось одним из самых важных моментов и в истории самой Сибири. С проведением железной дороги начинается новый период в развитии и освоении региона, когда каждый пункт её магистрали, а впоследствии и очень многие другие пункты, связанные с магистралью подъездными путями, войдя в прямые сношения как со старой культурой запада, так и с новой жизнью, появляющейся на берегах Тихого океана, и друг с другом, станут играть совершенно новую и немаловажную роль в экономической и культурной жизни государства. Прошлое Сибири с её каторгой, малолюдьем, угнетающими расстояниями, ненадлежащими естественными богатствами отойдёт окончательно в область преданий. Будущее Байкальского региона определяется двумя данными от правильной эксплуатации богатствами и обширностью территории. При наличии нового момента – железнодорожного пути эти постоянные данные Сибири должны будут преимущественно выступать на первое место. Обширность территории даёт возможность переселения из Урала части населения Европейской России, новый приток людей и капиталов даёт возможность для развития, более интенсивной эксплуатации естественных богатств, которыми известна Сибирь, которые оставались нетронутыми в данный период. Общеизвестного мнения о богатстве и обширности Байкальского региона слишком было бы мало для тех лиц и учреждений, которые будут работать в Иркутской губернии и Забайкальской области в новом для территорий времени. Научные экспедиции, которые проводились на протяжении всего XIX в., подтвердили то, что Байкальская Сибирь является уникальным регионом с плохо изученной историей, природными и культурными объектами. Работа учёных по поиску этнографических, минералогических, геологических и других ценных и редких предметов была направлена на формирование и пополнение фондов в музеях при общественных организациях. Для того чтобы познакомить с полученными результатами и материалами, культурные учреждения и научные объединения реализовывали выставочные проекты, такие как научно-промышленная выставка в Иркутске в 1903 г.

О средствах, необходимых для выставки, в официальных документах сообщалось следующее: «Осуществление идеи выставки, кроме того, потребует более или менее значительной затраты денежных средств, которыми сам Восточно-Сибирский отдел не располагает. Но,

основываясь на общегосударственном значении проектируемой выставки и на том сочувствии, которое изволил выразить Господин министр финансов этому делу, приняв при посещении музея Восточно-Сибирского отдела докладную записку Председателя отдела, отдел питает надежду, что осуществлению выставки Министерство финансов не откажет в материальной помощи отпуском необходимой суммы. Приступить к делу выставки, по сделанному расчёту, было бы возможно лишь с капиталом не менее 40 тысяч рублей» [23, л. 12].

Во второй половине XIX – начале XX в. на выставках показывали работы мастеров, которые участвовали в освоении и изучении региона. Одним из исследователей водного пространства Севера и Байкальской Сибири является Ф. М. Белкин (1869-?). Фёдор Михайлович – известный военный моряк, гидрограф, исследователь Онежского озера (1894 г.) и озера Байкал (1897 г., 1900–1902 гг.), Северного Ледовитого океана (1898–1899 гг.), Балтийского моря (1907–1909 гг., 1913–1917 гг.), один из первых русских офицеров-подводников, изобретатель и художник. Ф. М. Белкин участвовал в научных гидрографических экспедициях, которые организовывало ВСОИРГО. 6 января 1897 г. был подписан «высочайший приказ по флоту» о назначении подполковника Ф. К. Дриженко начальником экспедиции, а 22 января помощник начальника гидрографической экспедиции Байкальского озера мичман Ф. М. Белкин уже отправился в село Лиственичное, чтобы «озаботиться» подготовкой судовых средств для будущих работ. Его главной задачей было наблюдение за постройкой в мастерских по сборке парома 8 гребных судов (4 весельных катеров и 4 весельных ялов). Кроме того, мичман должен был проконтролировать приготовления к плаванию парохода «Иннокентий» и заняться наймом рабочих. В результате подробного изучения местного ландшафта, водного пространства, коренного населения он создавал живописные полотна, которые затем демонстрировались жителям на общедоступных выставках в музее ВСОИРГО. В память о трудовом подвиге моряков вернувшийся из экспедиции лейтенант Ф. М. Белкин напишет картину с видом скалы Большая Колокольня. Работа будет находиться в доме Ф. К. Дриженко в Санкт-Петербурге [24, л. 9].

В научных экспедициях ВСОИРГО по изучению сибирских рек: Енисея, Ангары, Лены, Северного Ледовитого океана, озера Байкал – принимал участие Н. А. Андреев (1889–1938). Николай Андреевич – известный сибирский художник, исследователь. Активно принимал участие в выставках Иркутского общества художников, показывал свои работы не только в Иркутске, Красноярске, Новосибирске, но и далеко на Севере – в Якутске. Н. А. Андреев был одним из создателей общества «Новая Сибирь», также поддерживал инициативу об учреждении единого Союза советских художников в Иркутске в 1932 г. Сохранились живописные полотна художника, которые создали образ Севера Сибири: «Якуты» (1924 г.), «На крайнем севере» (1922 г.), «Пуговичник (Такмосит)» (1925 г.), «Тунгусы» и «Собаки Севера» (1935 г.) и др.

В процессе полярной гидрографической экспедиции на Северный Ледовитый океан в 1921 г. мастер выбирал обширные виды с берегов рек, океана, чтобы было хорошо видно зрителям знаменитые северные пейзажи. Многие сюжеты узнавали и учёные, гидрографы. По результатам научной работы произведения Н. А. Андреева были представлены на осенней выставке Иркутского общества художников в 1919 г., где общественность их высоко оценила. Как писали о нём современники: «Н. А. Андреев, как художник, много работал над собой, он любил Север. Чтобы лучше изучить его, весной нанимался в организацию продавцом на торговые судна и плыл на них до Якутска, с остановкой на пристанях для тор-

говли. В Иркутск возвращался с последним пароходом. Такие путешествия повторялись несколько лет. Во время плавания он зарисовывал особо интересные и нужные ему места на Лене для задуманной им картины» [25, л. 6]. Таким образом, Николай Андреевич создавал уникальные живописные полотна, которые вошли в состав научных музеев и частных коллекций.

В городах Иркутской губернии и Забайкальской области в начале XX в. многие мастера стремились создать новое общественное объединение. Они считали, что только с организацией плановой работы в творческой среде возможно улучшить положение художников, решить многие хозяйственные, финансовые проблемы. Также было определено, что привлечение профессиональных мастеров поможет развивать в общем художественное образование и небольшие рисовальные школы. Как отмечали современники в источниках периодической печати, когда организовывались творческие собрания: «Только тот способен постичь величие действительности, стать подлинным творцом, достойным признания и любви народа, кто всеми силами, со всей творческой страстностью участвует в титанических преобразованиях, в кипучей жизни страны. В неразрывной связи искусства с жизнью народа – залог действительно творческих, поистине непреходящих его успехов» [26, л. 4]. Постоянно чувствовать себя в сплочённом строю народа, верно следовать принципам сохранения и изучения культурного наследия Российской империи, и на основе глубокого изучения действительности создавать жизненные, общественно значимые произведения, в котором и заключался смысл творческого развития. Такие художники, как Н. В. Лодейщиков, А. П. Жибинов, А. И. Вологдин и многие другие, воспользовались возможностями государства и постоянно совершенствовали своё мастерство на выставках в данный период.

В качестве примера активной выставочной и экспедиционной работы в научных организациях можно представить Б. И. Лебединского. В его ранних и поздних работах можно увидеть стремление к сохранению и развитию классической художественной школы, где главное место занимает человек, историческое прошлое древних городов, природные богатства Сибири.

Б. И. Лебединский (1891–1972) – иркутский график, живописец, работал в Комитете Севера. Борис Иванович активно сотрудничал с западными мастерами, которые вместе с ним принимали участие в исследовании Байкальской Сибири и Севера. Так, в 1969 г. вышла статья А. Д. Фатьянова в газете «Восточно-Сибирская правда», которая показала участие Бориса Ивановича совместно с другими западными художниками в создании в 1920-е гг. иллюстраций для первых журналов Советского государства. Искусствовед пишет следующее: «В Иркутском областном художественном музее имеется редкий рисунок Куно Гоппе, изображающий прижизненный портрет В. И. Ленина. Упоминалось также и том, что обнаружена открытка, воспроизведённая с этого уникального портрета, изданная Иркутским отделом Центропечати в 1920 году» [26, л. 8]. В результате поиска сведений об авторе изображения на письма откликнулся В. Я. Лэлайс – житель села Большой Кашелак Куйтунского района, который сообщил, что у него тоже имеется открытка с этого портрета, но издана не Центропечатью, а Государственным издательством в Иркутске в 1920 г. Библиотекарь Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева Н. Н. Донской обнаружил третье воспроизведение данного портрета в журнале «Пламя революции» № 1 за 1920 г., изданный в Иркутске Дорполитотделом Забайкальской железной дороги. Обложка журнала, где был опубликован портрет В. И. Ленина, изображающая рабочего, срывающего оковы, выполнена бывшим

военнопленным художником (немцем) Рудольфом Шейном, который с установлением Советской власти в Иркутске перешёл на сторону революционного народа. Также был опубликован портрет Карла Маркса, где стоят инициалы (подпись) «Б. Л.». Автор данного изображения, как установили сотрудники Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева, был Б. И. Лебединский.

Борис Иванович ответил А. Д. Фатьянову о немецком художнике: «Да, помню Куно Гоппе – создателя портрета Ленина. Он тоже был военным и вместе со мной работал в экспедиции заготовительных государственных бумаг. Здание это сохранилось и сейчас. Оно находится в Маратовском предместье. Сейчас в нём ликёрно-водочный завод. Позднее Куно Гоппе вместе с другими бывшими военнопленными художниками первой империалистической войны выехал в Читу, а затем к себе на родину – в Европу» [26, л. 15].

В результате исследования портрета В. И. Ленина было определено, что работа выполнена в 1920 г. в Иркутске тонким пером чёрной тушью на тонированном серой акварелью фоне небольшого листа полуватмана. Позднее достаточно часто создавались копии с оригинала в разных издательствах. В 1960–70-е гг. сотрудники Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева обратились в разные учреждения культуры для выявления новых сведений о художнике. Центральный музей им. В. И. Ленина ответил, что им неизвестно о Куно Гоппе, но считают целесообразным передать уникальный портрет в Москву. Венгерский журнал эсперантистов опубликовал статью о портрете, ссылаясь на сведения из газеты «Восточно-Сибирская правда» (1969 г.), где обращается к читателям с просьбой помочь в поиске материалов об авторе портрета. Многие факты о данной работе остаются малоизвестными в наше время и требуют продолжения более глубокого исследования о тех мастерах, кто начинал свою творческую деятельность в процессе создания научных объединений.

Таким образом, участие Ф. М. Белкина, Н. А. Андреева, Б. И. Лебединского, Н. В. Лодейщикова в экспедиционной и выставочной работе научных и общественных организаций влияла на формирование художественного пространства, развитие образования и искусства, создание собраний живописи, графики, скульптуры в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Мастера поддерживали актуальные и значимые исследовательские проекты, которые были направлены на развитие экономической, культурной и других сфер жизни. Многие из общественных деятелей были связаны с художественной средой и хорошо понимали настоящее положение региона. Также было отмечено, что коллекционеры создавали уникальные собрания предметов искусства, изучали материалы, которые были получены в результате продолжительных экспедиций в отдалённые территории. Данные свидетельства подтверждают то, что в процессе участия художественной интеллигенции в исследованиях формировалось и собственное представление о регионе.

Выводы

Таким образом, данная работа представила деятельность художественной интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в. по созданию выставочных пространств, где демонстрировались материалы, полученные в результате научных экспедиций. Многие уникальные предметы вошли в состав постоянных экспозиций музеев и галерей. Главным результатом данного процесса можно считать то, что жители знакомились с традициями коренных народов, культурными и природными памятниками Байкальской Сибири. Посещая художественные мероприятия, жители проявляли интерес к живописи, увеличивались знания об историческом прошлом. Активная выставочная и экспедиционная работа раз-

ных представителей общественности влияла на развитие художественного пространства. Коллекционеры и мастера постоянно собирали материалы, изучали историю, традиционное искусство коренных народов, природные богатства отдалённых территорий.

Как было замечено, современные научные исследования по изучению Сибири направлены на восстановление истории организации этнографических экспедиций, актуальность и значимость которых была основана на стремлении всего научного сообщества к улучшению экономического, социального положения населения окраинных территорий Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Научные труды отмечали обширную деятельность разных представителей художественной интеллигенции (художников и коллекционеров) в событиях.

В результате активной работы Ф. М. Белкина, Н. А. Андреева, Б. И. Лебединского, Н. В. Лодейщикова в составе научных экспедиций по изучению культурного и природного наследия Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. осваивались отдалённые территории, которые постепенно включались в единый экономический, культурный процесс. Художественная интеллигенция участвовала в формировании коллекций предметов искусства в музеях и галереях. В данный период мастера подробно изучают собранный материал, раскрывающий особенности окраин Российской империи. Многие предметы демонстрируются для жителей на общедоступных площадках. Также их включают в состав и международных выставочных проектов: научно-технических, сельскохозяйственных выставок. Данные выявленные материалы были высоко оценены экспертами, учёными на разном уровне. Организаторы, оформители павильонов получали высшие награды от членов экспертных комиссий. Просветительские, научные проекты поддерживала общественность: купечество, представители губернской и городских властей и многие другие.

Стоит отметить то, что изучение собранных и включённых в состав музейных фондов предметов проводится и в настоящее время. Необходимо продолжить восстанавливать исторические сюжеты, связанные с экспедиционной и выставочной работой художественной интеллигенции. На данный момент не хватает достаточного объёма документов, которые бы помогли раскрыть тему, ответить на спорные вопросы. Использование новых источников из музейных, личных архивов родственников художников позволит подробно рассмотреть участие мастеров в научных экспедициях по изучению культурных и природных богатств Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. С. 81−82.

2. Завещано потомкам: художественная коллекция В. П. Сукачева в Иркутске : художественный альбом / Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 8–13.

3. Русское искусство XVII – начала XX века: Иконопись. Деревянная скульптура. Живопись. Иркутск: Артиздат, 2008. С. 4–5.

4. Шахеров В. П. Купеческие библиотеки в культурном наследии Иркутска // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22, № 3. С. 518–528.

5. Шахеров В. П. Иркутск купеческий : история города в лицах и судьбах. Хабаровск : Приамурские ведомости, 2006. С. 15–22.

6. Гаврилова Н. И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории / Иркутский национальный исследовательский технический университет; Музей истории г. Иркутска им. А. М. Сибирякова. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 15−17.

7. Паликова Т. В. Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX–XX веков // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 148–15

8. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 16–18.

9. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348−349.

10. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX – начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. С. 21−26.

11. Токарев В. П. Изобразительное искусство Сибири XIX в. Новосибирск: Наука : Сиб. изд. фирма, 1973. С. 8−10.

12. Токарев В. П. Художники Сибири XIX в. Новосибирск: Наука : Сиб. изд. фирма, 1993. С. 4−6.

13. Манзырева Е. С. Развитие художественной культуры в городах Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 18–22.

14. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. С. 19−20.

15. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 12−13.

16. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 51−54.

17. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. С. 35−38.

18. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библ. словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. С. 122−126.

19. Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков / науч. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 248−249.

20. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. С. 50−53.

21. Ткачев В. В. Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 216–227.

22. Шахеров В. П. Исторический опыт участия иркутского купечества в эффективном развитии сибирской экономики XIX в. // Сибиряковские чтения: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения Н. Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рождения А. М. Сибирякова. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 143–156.

23. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). 293. Оп. 1. Д. 282.

24. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 809.

25. ИОХМ (Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева). Личное дело Н. А. Андреева.

26. Архив ИОХМ. Личное дело Б. И. Лебединского.

References

1. Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine arts of Siberia of the XVII – early XXI centuries]. Tobol'sk, Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", 2014, pp. 81−82.

2. Zaveshchano potomkam: khudozhestvennaya kollektsiya V. P. Sukacheva v Irkutske [Bequeathed to descendants: art collection of V. P. Sukachev in Irkutsk]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2009, pp. 8–13.

3. Russkoye iskusstvo XVII – nachala XX veka: Ikonopis'. Derevyannaya skul'ptura. Zhivopis' [Russian art of the 17th – early 20th centuries: Iconography. Wooden sculpture. Painting]. Irkutsk, Artizdat Publ., 2008, pp. 4–5.

4. Shaherov V. P. Kupecheskiye biblioteki v kul'turnom nasledii Irkutska [Merchant libraries in the cultural heritage of Irkutsk]. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya = Historical and economic research*, 2021, vol. 22, no. 3, pp. 518–528.

5. Shakherov V. P. Irkutsk kupecheskiy: istoriya goroda v litsakh i sud'bakh [Merchant Irkutsk: the history of the city in persons and destinies]. Khabarovsk, Priamurskiye vedomosti Publ., 2006, pp. 15–22.

6. Gavrilova N. I. Kupecheskiy rod Sibiryakovykh: stranitsy istorii [Merchant family of Sibiryakovs: pages of history]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2017, pp. 15−17.

7. Palikova T. V. Formirovaniye muzeynogo prostranstva gorodov Zabaykal'ya rubezha XIX–XX vekov [Formation of the museum space of the cities of Transbaikalia at the turn of the XIX – XX centuries]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of social and economic development of Siberia*, 2020, no. 1, pp. 148–154.

8. Palikova T. V. Razvitiye kul'tury gorodov Zabaykal'skoy oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Development of the culture of the cities of the Trans-Baikal region (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Ulan-Ude, Buryat. St. Univ. Publ., 2008, pp. 16–18.

9. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 348−349.

10. Lareva T. G. Istoriya izobrazitel'nogo iskusstva Pribaykal'ya XX – nachala XXI veka [History of the fine arts of the Baikal region of the XX beginning of the XXI century]. Irkutsk, Print Layn Publ., 2015, pp. 21−26.

11. Tokarev V. P. Izobrazitel'noye iskusstvo Sibiri XIX v. [Fine arts of Siberia of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma, 1973, pp. 8−10.

12. Tokarev V. P. Khudozhniki Sibiri XIX v. [Siberian artists of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma, 1993, pp. 4−6.

13. Manzyreva Ye. S. Razvitiye khudozhestvennoy kul'tury v gorodakh Vostochnoy Sibiri (XIX – nachalo XX vv.) [Development of artistic culture in the cities of Eastern Siberia (XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv = Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Arts*, 2014, no. 2 (7), pp. 18–22.

14. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1995, pp. 19−20.

15. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. Izdvo Publ., 1967, pp. 12−13.

16. Fat'yanov A. D. Vladimir Sukachev [Vladimir Sukachev]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1990, pp. 51−54.

17. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2002, pp. 35−38.

18. Lyhin Yu. P., Kryuchkova T. A. Ikonopiscy, mastera i hudozhniki Irkutska (XVII vek – 1917 god) [Icon painters, masters and artists of Irkutsk (XVII century – 1917)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2000, pp. 122−126.

19. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX – nachala XX vekov [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk pro-vince of the XIX – early XX centuries]; ed. by L. M. Dameshek. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, pp. 248−249.

20. Irkutskiy kray. Chetyre veka: istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti) XVII-XXI vv. [Irkutsk region. Four centuries: the history of the Irkutsk province (region) of the XVII-XXI centuries]; ed. by L. M. Dameshek. Irkutsk, VostSibkniga Publ., 2012, pp. 50−53.

21. Tkachev V. V. Organizatsiya khudozhestvennykh meropriyatiy Vostochno-Sibirskim otdelom Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Organization of artistic events by the East Siberian Department of the Imperial russian geographical society in the second half of the 19th - early 20th centuries]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law,* 2021, vol. 11, no. 4, pp. 216–227.

22. Shakherov V. P. [The historical experience of the participation of the Irkutsk merchants in the effective development of the Siberian economy in the 19th century]. *Sibiryakovskiye chteniya. Materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 210-letiyu so dnya rozhdeniya N. N. Murav'yeva-Amurskogo i 170-letiyu so dnya rozhdeniya A. M. Sibiryakova* [Siberian Readings. Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 210th anniversary of the birth of N. N. Muravyov-Amursky and the 170th anniversary of the birth of A. M. Sibiryakov]. Irkutsk, Ottisk, 2020, pp. 143–156. (In Russ.)

23. GAIO (Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti) [State Archives of the Irkutsk Region], f. 293, op. 1, d. 282.

24. GAIO, f. 293, op. 1, d. 809.

25. IOHM (Arkhiv Irkutskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya im. V. P. Sukacheva) [Archive of the Irkutsk regional art museum V. P. Sukacheva]. Lichnoye delo N. A. Andreeva [Personal file of N. A. Andreeva].

26. Archive IOHM. Lichnoye delo B. I. Lebedinskiy [Personal file B. I. Lebedinsky].

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Vitaliy V. Tkachev, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-219-233

(cc) BY 4.0

Лекарственное обеспечение и развитие аптечной сети Курской области в первое послевоенное двадцатилетие (1945–1965 годы)

М. В. Яценко[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: masha.yatzencko@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В данной статье исследованы вопросы, связанные с лекарственным обеспечением и развитием аптечной сети Курской области в первое послевоенное двадцатилетие (1945–1965 гг.), когда наша страна не только восстановила разрушенное войной, но и сделала значительный шаг вперёд по многим направлениям, в том числе в сфере здравоохранения. Весьма большой интерес представляет опыт, накопленный в этот период, в развитии такого аспекта здравоохранения, как лекарственное обеспечение и развитие аптечной сети. Это тем более актуально, так как в настоящее время мировая цивилизация, в том числе и наша страна, столкнулись с таким вызовом, как пандемия коронавируса.*

Цель *– исследование проблем восстановления и развития лекарственного обеспечения и аптечной сети Курской области в первое послевоенное двадцатилетие.*

Задачи: *изучить процесс восстановления и развития аптечной сети, изменения её материально-технической базы и кадрового оснащения; рассмотреть основные формы лекарственного обеспечения населения; проанализировать направления и пути снабжения региона лекарствами и медицинским оборудованием, в том числе через изготовление лекарств на местном уровне; изучить влияние государственной политики в сфере здравоохранения на развитие лекарственного обеспечения и аптечной сети области.*

Методология. *Автор статьи при изучении данной темы опирается на принципы историзма, системности и научной объективности. Все это предполагает взвешенное, всестороннее исследование изученных архивных документов и опубликованных источников с применением проблемно-хронологического и системно-структурного методов. Кроме них применялись основополагающие аналитические методы, включающие анализ, синтез, сравнение. Это позволило объективно оценить проблемы, основные направления и результаты восстановления и развития лекарственного обеспечения и аптечной сети Курской области в первое послевоенное двадцатилетие.*

Результаты. *На основе архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот, в статье раскрыты проблемы, с которыми столкнулось лекарственное обеспечение и развитие аптечной сети в регионах нашей страны в первое послевоенное двадцатилетие, игравших важную роль в развитии здравоохранения в целом. Это позволило объективно оценить основные направления этого развития, в том числе выявить его трудности и недостатки.*

Выводы. *Автор делает вывод о том, что лекарственное обеспечение и аптечная сеть Курской области в первое послевоенное двадцатилетие добились ощутимых результатов. Удалось восстановить не только разрушенное во время войны, но и сделать значительный шаг вперёд в этом направлении. Однако многие проблемы в развитии аптечной сети были решены не до конца.*

Ключевые слова: *Курская область; аптечная сеть; лекарственное обеспечение; фармацевтика; аптеки; медицинские товары; медикаменты; фармацевтические кадры.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Яценко М. В. Лекарственное обеспечение и развитие аптечной сети Курской области в первое послевоенное двадцатилетие (1945–1965 годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 2. С. 219–233. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-219-233.

Поступила в редакцию 09.02.2022 Принята к публикации 04.03.2022 Опубликована 04.04.2022

© Яценко М. В., 2022

Drug Supply and Development of the Pharmacy Network of the Kursk Region in the First Post-War Twentieth Anniversary (1945–1965)

Maria V. Yatsenko[1] ✉

[1]Southwest State University
50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: masha.yatzencko@yandex.ru

Abstract

Relevance. *This article examines issues related to the provision of medicines and the development of the pharmacy network of the Kursk region in the first post-war twentieth anniversary (1945-1965), when our country not only restored what was destroyed by the war, but also made a significant step forward in many areas, including in the field of healthcare. The experience gained during this period in the development of such an aspect of healthcare as drug provision and the development of a pharmacy network is of great interest. This is all the more relevant, since at present the world civilization, including our country, is facing such a challenge as the coronavirus pandemic.*

The purpose *– the study of the problems of restoration and development of drug supply and pharmacy network of the Kursk region in the first post-war twentieth anniversary.*

Objectives: *to study the process of restoration and development of the pharmacy network, changes in its material and technical base and personnel equipment; consider the main forms of drug provision for the population; to analyze the directions and ways of supplying the region with medicines and medical equipment, including through the manufacture of medicines at the local level; to study the impact of state policy in the field of healthcare on the development of drug provision and pharmacy network of the region.*

Methodology. *The author of the article, when studying this topic, relies on the principles of historicism, consistency and scientific objectivity. All this implies a balanced, comprehensive study of the studied archival documents and published sources using problem-chronological and system-structural methods. In addition, fundamental analytical methods were used, including analysis, synthesis, and comparison. This made it possible to objectively assess the problems, main directions and results of the restoration and development of the drug supply and pharmacy network of the Kursk region in the first post-war twentieth anniversary.*

Results. *On the basis of archival materials, which are being introduced into scientific circulation for the first time, the article reveals the problems faced by the provision of medicines and the development of the pharmacy network in the regions of our country in the first post-war twentieth anniversary, as important aspects of the development of healthcare in general. This made it possible to objectively assess the main directions of this development, including identifying its difficulties and shortcomings.*

Conclusion. *The author concludes that the drug supply and pharmacy network of the Kursk region in the first post-war twentieth anniversary achieved tangible results. It was possible to restore not only what was destroyed during the war, but also to make a significant step forward in this direction. However, many problems in the development of the pharmacy chain still remained unresolved.*

Keywords: *Kursk region; pharmacy chain; drug supply; pharmaceuticals; pharmacies; medical products; medicines; pharmaceutical personnel.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Yatsenko M. V. Drug Supply and Development of the Pharmacy Network of the Kursk Region in the First Post-War Twentieth Anniversary (1945–1965). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 219–233. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-219-233.

Received 09.02.2022 Accepted 04.03.2022 Published 04.04.2022

***

Введение

Великая Отечественная война была тяжелейшим испытанием для нашего народа. Она стала на многие годы вперёд не только примером выдающегося героизма советских людей, но и принесла ко-

лоссальные страдания и жертвы, в том числе материальные. Одной из первоочередных задач в послевоенные годы, без решения которой невозможно было дальнейшее развитие, стало возрождение и развитие социальной сферы, в том числе здравоохранения.

Полноценное функционирование здравоохранения было невозможно без возрождения фармацевтической отрасли, производства лекарств и выстраивания системы по снабжению ими населения.

В послевоенное двадцатилетие в стране проводилась разносторонняя работа по развитию аптечного дела, через которое решались проблемы по лекарственному обеспечению населения.

На наш взгляд, следует согласиться с мнением О. В. Степановой о том, что в этот период можно выделить следующие основные этапы в развитии лекарственного обеспечения и аптечной сети, как в масштабах всей страны, так и в отдельных её регионах. Если в 1945–1949 гг. упор делался на восстановление аптечной инфраструктуры, в 1950-е – на расширение аптечной сети и приближение её к населению, то в первой половине 1960-х гг., наряду с этим, решались вопросы улучшения качества и внедрения новых организационных форм лекарственного обслуживания [1, с. 17–18].

Методология

Автор статьи при изучении данной темы опирается на принципы историзма, системности и научной объективности. Все это предполагает взвешенное, всестороннее исследование изученных архивных документов и опубликованных источников с применением проблемно-хронологического и системно-структурного методов. Кроме них применялись основополагающие аналитические методы, включающие анализ, синтез, сравнение. Это позволило объективно оценить проблемы, основные направления и результаты восстановления и развития лекарственного обеспечения и аптечной сети Курской области в первое послевоенное двадцатилетие.

Результаты и их обсуждение

Историографический анализ литературы, вышедшей в нашей стране, показывает, что проблемы лекарственного обеспечения и развития аптечной сети в СССР и его отдельных регионах в послевоенный период не получили должного освещения.

Имеется ряд обобщающих работ по истории развития фармацевтики и аптечного дела в России с древнейших времён и до наших дней, в которых в самом общем виде затрагивается исследуемый период, таких авторов, как В. Ф. Семенченко [2], В. М. Сало [3], Л. А. Гравченко, Л. Н. Геллер [4], Н. Н. Караева, Н. В. Марченко и др. [2–5]

Значительно больше имеется исторических работ по развитию аптечного дела в России в дореволюционный период, изучение которых позволяет воссоздать целостную картину становления и развития аптечной сети в нашей стране и в отдельных регионах, в том числе в Курском крае. Здесь, прежде всего, уместно назвать ряд работ Н. Н. Коротеевой [6–9], а также работы А. Н. Юшковой и И. А. Филиной [10], Е. Л. Коноплёвой и О. А. Коноплёва [11].

Что касается специальных работ по развитию аптечного дела в 1945–1965-х гг., то, на наш взгляд, следует обратить внимание на диссертацию О. В. Степановой, в которой нашли освещение и некоторые проблемы развития аптечной сети в исследуемый период [1, с. 17–18].

В целом, историографический анализ вышедших по нашей проблематике работ позволяет сделать вывод о том, что история развития лекарственного обеспечения и аптечной сети в нашей стране и в её отдельных регионах в послевоенное двадцатилетие требует более глубокого изучения и исследования. Одним из таких типичных регионов нашей страны является Курская область, подвергшаяся оккупации, ставшая ареной кровопролит-

ных сражений, в которой влияние войны сказывалось на протяжении многих десятилетий.

После войны, когда значительная часть медицинской промышленности была разрушена и она не могла полностью обеспечить нужды страны в медикаментах и медицинском оборудовании, возникла необходимость концентрации в едином центре планирования потребностей и распределения выпускаемых медицинских изделий. Кроме того, необходимо было координировать ход развития и восстановления аптечной сети по регионам страны. С этой целью в июле 1945 г. при Народном комиссариате здравоохранения СССР (с 1946 г. – Министерство) было организовано Главное аптечное управление, на которое было возложено руководство аптечным делом в стране и организация лекарственного обслуживания населения. В 1946 г. было образовано Министерство медицинской промышленности, объединившее работу фармацевтических заводов СССР и научно-исследовательских химико-фармацевтических лабораторий и институтов. Для квалифицированного решения важных вопросов в 1950 г. при Главном аптечном управлении СССР был создан Аптечный совет, в состав которого вошли научные и наиболее опытные практические работники. Этой же цели служил организованный в 1944 г. Центральный аптечный научно-исследовательский институт (ЦАНИИ) Министерства здравоохранения СССР. Благодаря самоотверженной работе и грамотно выстроенной политике в данной сфере, только за годы четвёртой пятилетки было открыто около 2900 аптек и свыше 40 000 аптечных пунктов. Увеличилось и количество молодых специалистов, начавших работать в аптечных учреждениях [4, с. 75–76].

О том, как развивались лекарственное обеспечение и аптечная сеть в первое послевоенное двадцатилетие в регионах, можно проследить на примере Курской области.

Аптечная сеть Курской области после её освобождения от немецко-фашистских оккупантов находилась в разрушенном состоянии. Свыше 70% сети аптек была частично или полностью уничтожена. Прекрасно оборудованные и оформленные до войны аптеки в Старом Осколе, Белгороде, Льгове, Фатеже, Короче, Валуйках, Коренево, Понырях, Прохоровке, Кривцово и многих других населённых пунктах были разрушены. Поэтому основной задачей в этой сфере в первые послевоенные годы являлось восстановление аптечной сети, её оснащение и оборудование, обеспечение медикаментами [12].

Особенно тяжёлыми были первые послевоенные годы, когда очень часто не хватало самого необходимого. Хотя в 1946 году наблюдалась тенденция по увеличению снабжения области медицинскими товарами по сравнению с 1945 г., в том числе по группе медикаментов, хирургического инструментария, что дало возможность улучшить снабжение лечебных учреждений и лекарственное обслуживание населения, положение в этой сфере оставалось сложным.

Имели место перебои в снабжении и несвоевременной отгрузке поставщиками ряда медикаментов: хлористого кальция, борной кислоты, атропина, пилокарпина, эфедрина, сантонина, папаверина и многих других.

Катастрофически не хватало нашатырного и медицинского спирта, соляной кислоты, серного эфира, сернокислой меди, препаратов железа, пергидроля и т. д. В некоторых случаях приходилось обращаться за помощью по их снабжению в аптекоуправления Украины [12].

Тяжёлое положение сложилось с перевязочным материалом, с реактивами и лабораторным оборудованием, предметами ухода за больными.

В недостаточном количестве выделялись предметы ухода за больными. Так, в 1946 г. в область не были отгружены

кружки Эсмарха, стеклянные мочеприёмники, подкладные судна и т. д.

Исключительно тяжёлое положение было с реактивами и лабораторным оборудованием, их выделявшееся количество и номенклатура были абсолютно недостаточными для удовлетворения потребностей лабораторий органов здравоохранения Курской области.

Была острая нужда в детских весах, паровых ингаляторах, инструментальных столиках, инструментальных шкафах, зубоврачебных прессах, термостатах, центрифугах и т. д. В малых количествах выделялись зубоврачебные рукава и наконечники, зубоврачебные щипцы, протезное оборудование, автоклавы, костыли и т. д.

В 1946 г. области было выделено только три рентгеноаппарата против девяти в 1945 г. [12]

В течение 1946 г. лечебные учреждения области получили товаров на сумму около шести миллионов рублей, в том числе хирургического инструментария, предметов ухода за больными на сумму свыше двух миллионов рублей. Однако этого явно не хватало с учётом того, что область долгое время находилась в оккупации и большинство лечебных учреждений было разорено.

Имело место, особенно со второй половины 1946 г., отсутствие средств у многих лечебных учреждений на оплату медикаментов аптечным предприятиям [12].

Несмотря на имеющиеся трудности и проблемы, в целом по итогам проведения работ за период со дня освобождения области аптечная сеть по состоянию на 1 января 1947 г. была в большей степени восстановлена и по количественным показателям приблизилась к довоенному уровню. Она имела 115 аптек, в том числе городских 25, в сельской местности – 90, 140 аптечных пунктов при врачебных участках и фельдшерских пунктах, центральный склад в городе Курске, 2 межрайонные конторы со складами при них в Старом Осколе и Белгороде, галеново-фармацевтическую лабораторию, контрольно-аналитическую лабораторию, 2 контрольно-аналитических кабинета и т. д. Все районные центры области были обеспечены аптеками, в некоторых районах имелось по 2-3 аптеки. За три года в порядке внелимитных капитальных затрат было вложено на ремонт и восстановление аптечной сети области около 1 500 тыс. рублей. Из разрушенных зданий были восстановлены и капитально отремонтированы здания аптек в Валуйках, Свободе, Кшени, Лачиново, Ракитном, Золотухино, Конышёвке, Готне, Любимовке, Старом Осколе. Тем не менее имелось ещё около 40 аптек, которые требовали капитального ремонта, а в некоторых, как в Микояновке, Понырях, Кривцово, и нового строительства [12].

В крайне тяжёлых условиях были размещены 16 аптек области, которые имели по одной небольшой комнате при больницах и амбулаториях. Это Солнцевская, Черновецкая, Веленихинская, Прохоровская, Хомутовская аптеки и ряд других [13].

Несмотря на принятые решения о возврате Курскому областному аптекоуправлению зданий, где ранее находились аптеки, часть из них не были освобождены и занимались различными организациями.

Значительно была укреплена аптечная сеть области квалифицированными кадрами, как за счёт возвратившихся из эвакуации и демобилизованных лиц, так и за счёт проведённых курсов повышения квалификации и переподготовки, что дало возможность обеспечить квалифицированную помощь населению [12].

К 1947 г. общее количество фармацевтов включало в себя 360 человек со средним фармацевтическим образованием и 26 человек – с высшим [13].

В 1948–1949 гг. в Курской области продолжалась работа по дальнейшему восстановлению аптечной сети, улучшению организации медицинского снабжения лечебных учреждений и качественно-

го обслуживания лекарственной помощью населения.

План товарооборота медицинскими препаратами и оборудованием в 1948 г. был выполнен на 30 422,8 тыс. рублей, а в 1949 г. – 33 243,7 тыс. рублей, что было на 11% выше. В сельской местности товарооборот увеличился на 7%, а через сельские аптечные пункты было продано простейших медикаментов на 2 498,8 тыс. рублей, или на 113,5% плана.

Лечебные учреждения области оснащались новой современной медицинской аппаратурой и важнейшими медикаментами, которые отпускались по рецептам врачей. Если в 1947 г. пенициллин был редкостью для Курской области, то в 1948 г. имелось уже значительное поступление этого препарата, а уже в 1949 г. была полностью решена проблема с беспрепятственным отпуском пенициллина не только в городах, но и в любой отдалённой сельской местности.

К концу 1949 г. в области имелось 122 аптеки, из них на селе было 96 аптек.

За 1948 г. было вложено в ремонт, строительство и оборудование аптечной сети 724 тыс. рублей, в 1949 г. – 971 тыс. рублей.

В 1948 г. были построены аптеки в Кривцово, Томаровке, Головчино, Коренево, Крупце. Были капитально отремонтированы аптеки: в Старом Осколе – аптека №44, в Ястребовке, Горшечном, Грайвороне, Голофеевке, Михайловке, Верхнем Любаже, Понырях, Лачиново, Рыльске, Тиме.

В 1949 г. были вновь построены аптеки в Шебекино, Микояновке, заканчивалось строительство аптеки в Волово; были капитально отремонтированы аптеки в Щиграх, Льгове, Обояни, Свободе, Кшени, Глушково, Б. Солдатском, Конышёвке, Расховце, Касторном, Ракитном, Красной Яруге, Сажном, Будёновке, Готне.

В 1948 г. Курское аптекоуправление было дважды награждено почётной грамотой Главаптекоуправления РСФСР и ЦК Союза Медсантруд, а областная аналитическая лаборатория дважды награждалась переходящим Красным Знаменем.

В 1949 г. Курскому аптекоуправлению было присуждено переходящее Красное Знамя Главаптекоуправления и ЦК Союза Медсантруда. Вторым знаменем было отмечено галено-фасовочное производство [14].

Знамёна были присуждены за работу по улучшению лекарственного обслуживания на селе, за снабжение десятью тысячами аптечек колхозников в период сельскохозяйственных работ, за тысячу выездов непосредственно на поля и оказание первой помощи, за перевыполнение плана сбора лекарственных растений на 128% и изготовление галеновых (жидких) медикаментов.

Для расширения ассортимента в снабжении в 1948 г. было организовано производство галеновых препаратов, а в 1949 г. был дополнительно организован таблеточный цех с производственной программой до 2 тонн таблеток в год, было расширено галеновое производство с выпуском до 60 тонн и фасовочный цех с выпуском до 3 млн единиц фасовки. Кроме того, на базе местного сырья был организован выпуск дезинфекционного средства в виде препарата дуст гексоопок – препарата для борьбы с паразитами, мухами, личинками малярийных комаров, а также для борьбы с сельскохозяйственными вредителями (было реализовано 100 тонн). Дуст гексоопок в летне-осенний период имел большой спрос и давал положительные результаты в его применении в сельском хозяйстве в борьбе с долгоносиком на свекле и мошкой на овощных культурах [14].

В 1948 г. в области продолжалась работа по укреплению материально-технической базы аптечной сети, было открыто 2 аптеки, 36 аптечных пунктов, 6 аптечных ларьков, развивалась система разносно-лотковой торговли простейшими медикаментами и предметами гигиены. Все 62 района области имели свои апте-

ки. Общее количество аптечной сети превысило довоенный уровень.

Аптечные пункты снабжались на 85–90% готовыми лекарственными формами, которые изготавливались с учётом запросов врачебных и фельдшерских участков.

В 1948 г., кроме сухих предметов, было отпущено для аптечных пунктов большое количество жидких лекарственных форм. Среднемесячный оборот одного аптечного пункта составлял 616 рублей.

В 1948 г. в 14 аптеках городов Курской области были введены ночные дежурства для экстренного обслуживания населения. В области 4 аптеки работали в две смены, 12 аптек – в 1,5 смены.

План поступления лекарств, медицинских товаров и оборудования в 1948 г. был в целом выполнен [15].

Область получала довольно большое количество различных лекарств. Например, неплохо она снабжалась противогриппозными средствами, в период обострения желудочно-кишечных инфекций аптечная сеть и лечебные учреждения вполне удовлетворительно обеспечивались основными лекарственными препаратами. Не наблюдалось перебоев в снабжении лечебных учреждений и населения области сыворотками, за исключением столбнячной. Регулярно перевыполнялись планы по заготовке лекарственного сырья, в том числе корня валерианы, шиповника, горицвета и других лекарственных растений [15].

Однако многие медикаменты выделялись в гораздо меньших объёмах, чем просила область. Это касалось, например, аспирина, пирамидона, камфоры и ряда других лекарств [15].

Не хватало перевязочного материала, ваты. Не были выполнены в полном объёме заявки на физиоаппаратуру, рентгеноаппаратуру и другое оборудование. В недостаточном количестве выделялись предметы ухода за больными, исключительно тяжёлое положение сложилось с реактивами и лабораторным оборудованием [15].

Были перебои со снабжением дезинфицирующими средствами, в том числе хлором и известью.

Кислородом были обеспечены только города Курск, Белгород и Старый Оскол. Районные аптеки испытывали дефицит кислорода из-за отсутствия кислородных баллонов [15].

Вырисовывалась следующая картина со снабжением населения очками и различными видами протезов. Продажа очков производилась во всех аптеках области, а также ларьках сангигиены и в некоторых аптечных пунктах, благодаря чему была организована полная обеспеченность населения области очками [15].

Продажа глазных протезов производилась в городах Курске, Белгороде, Старом Осколе, Новом Осколе и Валуйках при аптеках. Специальный пункт по подбору глазных протезов с их отпуском непосредственно на месте был организован в Курске при центральной поликлинике №1, в остальных вышеуказанных городах подбор протезов производился главными врачами.

Пункт по слухопротезированию был организован при поликлинике № 2 в Курске.

Торговля медицинским инструментарием и оборудованием производилась по следующим направлениям: через специализированный отдел центрального аптечного склада в Курске, который снабжал как лечебные учреждения, так и аптечную сеть по их требованиям; через розничный отдел при магазине «Сангигиены» в Курске; через районные аптеки (главным образом, мелкий хирургический инструментарий).

С целью информирования лечебных учреждений и населения области о наличии тех или иных медицинских товаров, была издана книга «Новые лекарственные препараты», которая была разослана медицинским учреждениям и имелась в продаже в аптеках. Также информация

доносилась через доклады на областных и межрайонных конференциях врачей и через рекламу в аптеках, объявления по радио [15].

В области имелась одна контрольно-аналитическая лаборатория в городе Курске и два кабинета в городах Белгороде и Старом Осколе с общим количеством аналитиков в 6 человек, из них с высшим образованием были 3 человека. Аналитическая лаборатория в Курске была хорошо оснащена лабораторным оборудованием. Что касается кабинетов, то они ещё были недостаточно оборудованы. Так, например, в них не было аналитических весов, микроскопов, имелось недостаточное количество лабораторного стекла.

В 14 аптеках области имелись контрольные столы, из них в 1948 г. было организовано 10. Через контрольно-аналитические столы было проведено 12 176 качественных анализов.

Общее количество проведённых анализов лабораториями и кабинетами за 1948 г. составило 6 591, из них по рецептурным формам – 4 890, по складам – 1 309 и по галеновой лаборатории – 392 [15].

В справке, подготовленной Курским областным комитетом КПСС, указывалось, что в конце 1940-х гг. аптекоуправление области со снабжением основными медикаментами справлялось относительно удовлетворительно. Но наряду с этим отмечались определённые недостатки. Главный из них – это количественная сеть аптек. Как справедливо утверждалось в документе, надо стремиться к тому, чтобы в ближайшем будущем каждый врачебный участок региона был обеспечен полноценной аптекой, а не просто аптечным пунктом. Также говорилось о том, что аптекоуправлению необходимо принять все необходимые меры к тому, чтобы полностью ликвидировать отсутствие снабжения лечебных учреждений предметами ухода за больными. Обращалось внимание на дефицит ряда медикаментов: соляной и борной кислоты, эфира, соды, сульфамидных препаратов, перевязочных материалов, спирта. Детские учреждения практически не снабжались детскими весами, инструментальными столиками и шкафами, центрифугами, рентгеном и т. п. Эти недостатки значительно тормозили работу по улучшению качества работы лечебных учреждений региона [16].

Аптекоуправление в течение 1947 г. выделило инструментария на сумму 2 683 000 рублей, из них крупной аппаратуры – на 997 715 рублей, мелкого инструментария и предметов ухода – на сумму 1 685 871 рублей [16].

В 1954 г. произошло изменение административно-территориального устройства области, часть районов и городов были переданы вновь образованным Белгородской и Липецкой областям. Это не могло не сказаться на количественных показателях в развитии аптечной сети.

Переходу фармацевтики и аптечного дела на новый уровень развития в 1950-е гг. способствовало принятие в СССР в 1949–1955 гг. ряда организационных мер, направленных на улучшение работы аптечной сети. В 1949 г. была введена премиальная система за выполнение и перевыполнение плана товарооборота, которая создала материальную заинтересованность аптечных работников в увеличении реализации медикаментов и предметов санитарии и гигиены. Введена система раздельной материальной ответственности за товарно-материальные ценности, позволившая навести порядок в сохранности товаров. В связи с этим были пересмотрены типовые штаты аптек с учетом сложившегося повышения производительности труда. Введена подготовка провизоров путем заочного обучения, что дало возможность многим практическим работникам получить высшее образование без отрыва от производства. Аптекоуправлениям было разрешено использовать сверхплановые накопления для строительства аптек и аптечных складов, а также приобретения оборудо-

вания. Это позволяло построить новые аптеки и приобрести мебель, холодильники и аптечное оборудование. Центральный научно-исследовательский институт из Министерства здравоохранения РСФСР был передан в союзное подчинение, что значительно расширило круг исследуемых вопросов. В 1952 г. при Центральном институте усовершенствования врачей в Москве был организован факультет усовершенствования провизоров. В 1956 г. были разработаны новые документы, регламентирующие работу аптечных предприятий по санитарному режиму в аптеках, по организации контроля за качеством лекарств, установлены новые требования к прописыванию рецептов медицинскими работниками, усовершенствованы методы планирования и учета финансово-хозяйственной деятельности аптек. Утвержден широкий комплексный план работы по механизации трудоёмких процессов в аптеках [4].

В 1950-е гг. в Курской области продолжалось расширение аптечной сети и приближение её к населению. Только в 1955 г. в сельской местности было развёрнуто 14 новых аптечных пунктов. Улучшилось медикаментозное снабжение, стали более доступными населению ранее остродефицитные антибиотики, противотуберкулёзные препараты и ряд других лекарств [17, с. 101].

К концу 1950-х гг. значительно улучшилось оснащение больниц области рентгеновскими аппаратами, лабораториями, физиотерапевтической и другой аппаратурой, что способствовало улучшению качества диагностики и лечения больных. Только в 1958 г. область получила 12 рентген-аппаратов, 11 из них были направлены в сельские больницы. Наличие в Курских областном и городском тубдиспансерах и городской объединённой больнице №2 флюорографов позволило в 1958 г., с целью ранней диагностики туберкулёза лёгких, профилактически осмотреть более 180 тыс. человек. Рост физиотерапевтических кабинетов (с 38 в 1954 г. до 64 в 1958 г.) и аппаратуры (соответственно с 626 до 1078 единиц) способствовал использованию этого эффективного в лечении многих болезней метода. Качеству диагностики и лечения помог также рост за этот же период клинических лабораторий – с 50 до 96; во многих городах и районах начали производить биохимические анализы [17, с. 163].

К 1959 г. на территории Курской области функционировали 72 аптеки, в том числе на селе – 51 и 21 – в городах. Сеть включала в себя 684 аптечных пункта II категории при фельдшерско-акушерских пунктах на селе, 26 аптечных пунктов I категории с одним выделенным фармацевтическим работником, имеющим право на изготовление лекарств, 25 киосков сангигиены, областную контрольно-аналитическую химическую лабораторию и областной центральный склад.

В 1958 г. были открыты аптеки на аккумуляторном заводе и на заводе запасных тракторных запчастей. Капитально были отремонтированы здания аптек в Горшечном, Рыльске, Глушково, Золотухино, Лукашёвке, Орехово, Судже, Льгове с общей затратой в 98 тыс. рублей [18].

Были переведены в новые помещения и оборудованы современным технологическим аптечным оборудованием аптека в Рышково и аптека № 5 города Курска. При этом аптека № 5 по оснащению и оборудованию являлась образцовой для многих центральных областей, которую посетили делегации из городов Брянска, Смоленска, Тюмени и Москвы. Всего новым оборудованием в 1958 г. было оснащено 32 аптеки на сумму 144 тыс. рублей.

В конце 1950-х гг. численность фармацевтических кадров, занятых в аптечной сети, составила 357 человек, в том числе 38 человек с фармацевтическим образованием [18].

В лечебную практику активно внедрялись новые эффективные современные

лекарственные препараты в количестве 93-х наименований, что способствовало повышению качества медицинского обслуживания населения [18].

На областном совещании актива работников здравоохранения 20 мая 1959 г. управляющий областным аптекоуправлением Хацкевич в своём выступлении отметил, что в Курской области несколько улучшилось обеспечение лечебных учреждений медикаментами и медицинским оборудованием. Так, за 1958 г. и I квартал 1959 г. областью было получено и передано лечебным учреждениям 50 рентгенаппаратов. Это весьма внушительная цифра, чтобы улучшить качество медицинского обслуживания населения. Также было получено около 20 клинико-диагностических лабораторий, 12 зубоврачебных установок, около 10 сельских наборов, ряд новых операционных современных столов и т. д. Очень много нового медицинского оборудования было направлено в региональную лечебную сеть, что поспособствовало оснащению лечебной сети более современным оборудованием.

В своём выступлении управляющий областным аптекоуправлением высказался и о снабжении области лекарственными препаратами. Так, в лечебную сеть было направлено 120 новых лекарственных препаратов [19].

Одним из ключевых факторов обеспечения населения и лечебных учреждений медикаментами и медицинским оборудованием стала организация галенофармацевтической фабрики по производству медикаментов на базе местного сырья с производственной программой на сумму 3 500 тыс. рублей с количеством 126 лекарственных наименований [18]. К концу 1958 г. фабрикой было изготовлено около 4 млн штук разной лекарственной фасовки простейших медикаментов, что способствовало улучшению снабжения сельских глубинных мест [18].

Но промышленный потенциал области не использовался в полной мере. В частности, в Курской области имелся фармацевтический завод, который ничего не производил для региона. В Курске также работал стекольный завод, но при этом аптеки не имели необходимого количества посуды. Курская область получала данный инвентарь из других областей, и даже из далёкой Сибири [19].

Следует иметь в виду, что уровень материальной базы аптечной сети области в 1950-е гг. оставался ещё довольно низким. На совместном совещании медицинских и фармацевтических работников, проводившемся в 1956 г., отмечалось, что из 8 аптек города Курска по-настоящему назвать аптекой можно было только одну-две [20]. Что касается других аптек, то они занимали помещения, которые не соответствовали установленным требованиям.

Ещё хуже обстояли дела с аптеками в сельской местности. Аптеки нередко размещались в помещениях, где не было никаких условий для работы. Чаще всего они занимали одну комнату, в которой совмещалось и хранение, и приготовление, и отпуск лекарств [20].

В первой половине 1960-х гг. развитие лекарственного обеспечения и аптечной сети Курской области вышло на новый уровень в количественном и качественном отношении. Этому способствовало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР», принятое 14 января 1960 г. Данное постановление предусматривало осуществление широких мер по развитию сети лечебно-профилактических и аптечных учреждений, строительству заводов медицинской промышленности, изысканию и расширению промышленного производства новых лекарственных средств и изделий медицинской техники[1].

[1] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР», принятое 14 января 1960 г. // Собрание Постановлений Правительства СССР. 1960. №3, ст. 14.

В целях более рационального размещения и планомерного развития аптечных учреждений Министерство здравоохранения СССР в 1961 г. утвердило нормативы расширения и дислокации аптечной сети, которыми предусматривается:

– в сельских и промышленных районах – одна аптека на 6000 жителей;

– в городах с населением до 100 000 человек – одна аптека на 10 000 жителей;

– в городах с населением от 100 000 до 500 000 человек – одна аптека на 12 000 жителей;

– в городах с населением свыше 500 000 человек – одна аптека на 15 000 жителей.

Эти нормативы являются оптимальными и распространяются на все области Советского Союза со средней плотностью населения свыше 5000 человек на 1 км^2. Чтобы выполнить данное постановление, Курская область должна была в 1960–1965 гг. открыть 75 новых аптек [21].

На областном совещании актива работников здравоохранения 29 мая 1961 г. управляющим областным аптекоуправлением отмечалось, что в 1960 г. было отпущено медикаментов и медицинских изделий из аптек почти в 5 раз больше, чем в 1940 г., и на 2,5 млн рублей больше, чем в 1959 г. Однако потребность в них ещё росла. Аптечная сеть области увеличилась по сравнению с 1958 г. на 21%. В 1960 г. было открыто 8 новых аптек, 10 киосков по продаже медикаментов в поликлиниках, 3 киоска при автобусных станциях и в посёлке Рышково, а также 12 аптечных пунктов [22]. Целый ряд районов области проявил инициативу по привлечению к строительству аптечной сети колхозов. Так, благодаря такой инициативе была построена хорошая аптека в селе Охочевка Щигровского района [23].

В 1961 г. аптечная сеть Курской области включала в себя 81 аптеку, из них в городах – 29, в сельской местности – 52 аптеки, 2 магазина, 27 киосков, 32 пункта первой категории, 673 пункта второй категории, областной аптечной склад, галено-фармацевтическую фабрику с оптической мастерской, областную контрольноопылительную лабораторию. В аптечных учреждениях области работало 816 человек, в том числе 423 фармацевта.

Лучшими аптеками Курской области по праву считались Щигровская, Фатежская, Медвенская, Конышёвская, Железногорская, Рыльская, Кореневская и Глушковская аптеки [22]. К образцовым аптекам города Курска относились аптеки № 1, № 2, № 4, а также магазин «Оптика-хирургия».

В аптеках активно внедрялись новые прогрессивные формы обслуживания. Это работа и обслуживание населения аптечными заведениями в ночное время, организация аптечных киосков при поликлиниках, изучение часто повторяющихся лекарственных прописей и их предварительная заготовка, что позволило увеличить процент готовых лекарственных форм с 43% в 1959 г. до 52% в 1960 г., а также позволило сразу же отпускать лекарство больному [22].

Продажа лекарств через аптечные пункты, а также обслуживание киосками сангигиены отдалённых сельских местностей способствовала повышению среднего оборота аптечных пунктов с 600 рублей в 1959 г. до 711 рублей в 1960 г. Активную работу в данном направлении провели Хомутовский, Конышёвский и Глушковский аптечные пункты [22].

Реализация медикаментов и предметов сангигиены аптеками области по отношению к 1958 г. выросла на 26% и составила в 1960 г. 51 300 тыс. рублей, в том числе было отпущено непосредственно населению 32 924 тыс. рублей или более по отношению к 1959 г., когда было отпущено 2 700 тыс. рублей.

Исходя из задач более широкого внедрения новых эффективных лекарственных препаратов и медицинской техники, вырабатываемых медицинской промышленно-

стью, в лечебную практику внедрилось свыше 60 новых лекарственных препаратов – это антибиотики, противораковые препараты, лекарства, применяемые при гипертонической болезни [22].

Значительно возросло потребление предметов санитарной гигиены, в том числе через специальные аптечки для доярок. Организация аптечек на местах значительно облегчила труд животноводов и имела большое значение в деле оказания им своевременной помощи [22].

Однако достижения в аптечном деле не означали, что в 1960-е гг. не было проблем в его развитии. Одна из проблем заключалась в том, что заявки, подаваемые областным аптекоуправлением на получение необходимых лекарств, очень часто не удовлетворялись в полном объёме [22]. Так, поданные областным аптекоуправлением заявки на 1961 г. были удовлетворены следующим образом: анальгин – в размере 5%, анестазин – 20%, кордиамин – 35%, бромистый натрий – 8%, аллохол – 5%, салол, ментол – 0%, рентгеноплёнка – 30%, вата – 40%, марля – 45%, шприцы – 30% [22].

О качественном развитии отрасли, оснащении её совершенно новым оборудованием свидетельствует следующий факт. После долгих обращений облздравотдела в Министерство здравоохранения была получена рентгенофлюорографическая передвижная установка для удовлетворения нужд областного тубдиспансера. Она представляла собой автобус из 12 отделений, прибывший из Чехословакии, стоимостью в 125 тыс. рублей. Данный факт позволил врачам туберкулёзного диспансера и туберкулёзной больницы улучшить качество обслуживания больных. Важно отметить, что это первый автобус данного типа, прибывший в Советский Союз, и он был направлен именно в Курскую область [21].

На областном совещании актива работников здравоохранения 29 марта 1965 г. управляющим областным аптекоуправлением было подчёркнуто, что к 1965 г., благодаря закону о повышении заработной платы медицинским работникам, кадры аптечных работников возросли на 25%, что позволило снизить нагрузку на одну аптеку с 23 тыс. человек в 1959 г. до 13 тыс. в 1964 г. Это значительно улучшило обслуживание населения в плане снабжения их лекарственными препаратами. В области функционировало 110 аптек, кроме того, было открыто 670 аптечных пунктов, в том числе и в медицинских учреждениях [24].

Было построено 15 новых помещений для аптек в Хомутовке, Медвенке и Щиграх. 30 аптек были переведены в более благоустроенные помещения, например, аптека № 85 в посёлке завода «Волокно» и № 72 в районе КЗТЗ.

Наряду с расширением аптечной сети совершенствовались организационные формы лекарственного обслуживания населения. Многими аптеками был налажен контакт с лечебными учреждениями в области информирования о наличии тех или иных лекарственных препаратов. Активно проводились совместные конференции врачей и фармацевтов в Рыльске, Обояни, Глушково, Льгове, Медвенке с целью максимального использования имеющихся лекарственных средств [24].

Проведённое с 1 января 1965 г. снижение розничных цен на отдельные виды медикаментов дало возможность сэкономить населению 200 тыс. рублей. Но уровень развития аптечной сети ещё оставался недостаточным. В ряде районов нагрузка на одну аптеку по обслуживанию населения ещё была велика и достигала 18–20 тысяч [24].

Выводы

Подводя итоги вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что лекарственное обеспечение и аптечная сеть Курской области в первое послевоенное двадцатилетие добились ощутимых результатов.

Удалось восстановить не только разрушенное во время войны, но и сделать

значительный шаг вперёд в своём развитии.

Это нашло выражение в следующем:

– во-первых, аптечная сеть области не только была восстановлена, но и существенно превысила довоенные показатели. Укрепилась её материально-техническая база и оснащённость новым оборудованием, существенно возросла обеспеченность квалифицированными кадрами;

– во-вторых, в указанный период получили распространение различные формы аптечного обслуживания населения с целью максимального его приближения к населению, в том числе к сельскому в отдалённых местностях. С этой целью, кроме аптек в классическом виде, создавались и развивались аптечные пункты, в том числе при фельдшерско-акушерских пунктах на селе, киоски сангигиены, развивалась торговля простейшими лекарствами через передвижные лотки и другие формы лекарственного обслуживания населения;

– в-третьих, если в первые послевоенные годы существовала острая нужда в обеспечении населения самыми необходимыми лекарствами, медицинским инвентарём, то уже начиная с конца 1940-х гг. в этом вопросе начали происходить качественные сдвиги. Это стало возможным как за счёт централизованного снабжения области лекарствами, медицинскими материалами и оборудованием, в том числе новейшими на тот период, так и за счёт развития местной фармацевтики, заготовки лекарственного сырья и изготовления различных лекарств на региональном уровне;

– в-четвёртых, развитию лекарственного обеспечения и аптечной сети области способствовала грамотно выстроенная государственная политика, в рамках которой признавалась важность решения данной проблемы для качественного улучшения медицинского обслуживания населения, повышение его уровня жизни.

Однако многие проблемы в развитии аптечной сети по-прежнему оставались нерешёнными. Прежде всего они были связаны с тем, что её развитие не вышло на запланированный уровень к концу 1965 г. В ряде районов нагрузка на одну аптеку по обслуживанию населения достигала 18–20 тыс. человек вместо запланированных 6 тысяч.

Не до конца была решена проблема снабжения населения необходимыми лекарственными препаратами, в том числе новейшими современными.

Эти задачи предстояло решить уже на следующем этапе развития страны.

Список литературы

1. Степанова О. В. Здравоохранение в Алтайском крае в 1945 – середине 1960-х гг.: анализ исторического опыта: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2008. 23 с.

2. Семенченко В. Ф. История фармации. 2-е изд. М.: Альфа-М, 2011. 590 с.

3. Сало В. М. История фармации в России. М.: Литтерра, 2007. 253 с.

4. Гравченко Л. А., Геллер Л. Н. История фармации. Иркутск: ИГМУ, 2014. 111 с.

5. Карева Н. Н., Марченко Н. В. Государственное регулирование развития аптечного дела в России: уроки истории // Фармация. 2017. № 66 (6). С. 33–37.

6. Коротеева Н. Н. Аптечное дело в Курской губернии в середине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2004. 29 с.

7. Коротеева Н. Н. Исторический опыт становления российского аптечного дела в XVI – XVII веках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 3(24). С. 68–75.

8. Коротеева Н. Н. Источники по истории российской фармации // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Т. 7, № 4-3(68). С. 118–122.

9. Коротеева Н. Н. Становление и развитие аптечной службы в России в XVI – начале XX вв.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Курск, 2011. 43 с.

10. Юшкова А. Н., Филина И. А. История развития аптечного дела в Орловской губернии в дореволюционный период // Учёные записки Орловского государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 98–103.

11. Коноплёва Е. Л., Коноплёв О. А. Аптечное дело в Смоленской губернии (XVIII – начало XX века) // Ремедиум. 2021. № 4. С. 98–102.

12. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 11. Л. 61–65.

13. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 323. Л. 72.

14. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1388. Л. 34–35.

15. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 205. Л. 145–149.

16. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 901. Л. 72–73.

17. Язвин М. А. Очерки по истории здравоохранения Курской области. Ч. 3, вып. 2: Здравоохранение Курской области (1934–1965 гг.): Восстановление и дальнейшее развитие здравоохранения области (1946–1965 гг.) / Курский областной отдел здравоохранения; Курский государственный медицинский институт. Воронеж: Центр.-Чернозём. кн. изд-во, 1969. 326 с.

18. ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3148. Л. 103–106.

19. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 911. Л. 97, 100.

20. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 877. Л. 95–96.

21. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 940. Л. 12–13.

22. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 927. Л. 107–111.

23. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 918. Л. 47–48.

24. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 1971. Л. 35–37.

References

1. Stepanova O. V. Zdravoohranenie v Altajskom krae v 1945 – seredine 1960-h gg.: analiz istoricheskogo opyta. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Healthcare in the Altai Territory in 1945–mid – 1960s: analysis of historical experience. Cand. hist. sci. abstract diss.]. Barnaul, 2008. 23 p.

2. Semenchenko V. F. Istoriya farmacii [History of pharmacy]. 2th ed. Moscow, Al'fa-M Publ., 2011. 590 p.

3. Salo V. M. Istoriya farmacii v Rossii [History of pharmacy in Russia]. Moscow, Litterra Publ., 2007. 253 p.

4. Gravchenko L. A., Geller L. N. Istoriya farmacii [History of pharmacy]. Irkutsk, IGMU Publ., 2014. 111 p.

5. Kareva N. N., Marchenko, N. V. Gosudarstvennoe regulirovanie razvitiya aptechnogo dela v Rossii: uroki istorii [State regulation of pharmacy development in Russia: history lessons]. *Farmaciya = Pharmacy*, 2017, no. 66 (6), pp. 33–37.

6. Koroteeva N. N. Aptechnoe delo v Kurskoj gubernii v seredine XIX – nachale XX vv. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Pharmacy business in Kursk province in the middle of the XIX – early XX centuries. Cand. hist. sci. abstract diss.]. Kursk, 2004. 29 p.

7. Koroteeva N. N. Istoricheskij opyt stanovleniya rossijskogo aptechnogo dela v XVI – XVII vekah [Historical experience of the formation of Russian pharmacy in the XVI – XVII centuries]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 7, no. 3(24), pp. 68–75.

8. Koroteeva N. N. Istochniki po istorii rossijskoj farmacii [Sources on the history of Russian pharmacy]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of the Altai State University*, 2010, vol. 7, no. 4-3(68), pp. 118–122.

9. Koroteeva N. N. Stanovlenie i razvitie aptechnoj sluzhby v Rossii v XVI – nachale XX vv. Avtoref. diss. dokt. ist. nauk [Formation and development of pharmacy service in Russia in the XVI – early XX centuries. Dr. hist. sci. abstract diss.]. Kursk, 2011. 43 p.

10. Yushkova A. N., Filina I. A. Istoriya razvitiya aptechnogo dela v Orlovskoj gubernii v dorevolyucionnyj period [The history of pharmacy development in the Orel province in the pre-revolutionary period]. *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of the Orel State University*, 2016, no. 3 (72), pp. 98–103.

11. Konoplyova E. L., Konoplyov O. A. Aptechnoe delo v Smolenskoj gubernii (XVIII–nachalo XX veka) [Pharmacy business in Smolensk province (XVIII–early XX century)]. *Remedium*, 2021, no. 4, pp. 98–102.

12. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-4929, op. 1, d. 11, l. 61–65.

13. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 323, l. 72.

14. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk region], f. 1, op. 2, d. 1388, l. 34–35.

15. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 205, l. 145–149.

16. GAOPIKO, f. 1, op. 2, d. 901, l. 72–73.

17. Yazvin M. A. Ocherki po istorii zdravoohraneniya Kurskoj oblasti. Chact' 3, vyp. 2: Zdravoohranenie Kurskoj oblasti (1934–1965 gg.): Vosstanovlenie i dal'nejshee razvitie zdravoohraneniya oblasti (1946–1965 gg.) [Essays on the history of healthcare in the Kursk region. Vol. 3, is. 2. Health care of the Kursk region (1934-1965): Restoration and further development of the health care of the region (1946–1965)]. Voronezh, Centr.-Chernozyom. kn. izd-vo, 1969. 326 p.

18. GAOPIKO, f. 1, op. 2, d. 3148, l. 103–106.

19. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 911, l. 97, 100.

20. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 877, l. 95–96.

21. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 940, l. 12–13.

22. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 927, l. 107–111.

23. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 918, l. 47–48.

24. GAKO, f. R-4929, op. 1, d. 1971, l. 35–37.

Информация об авторе / Information about the Author

Яценко Мария Владимировна, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: masha.yatzencko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1208-2037

Maria V. Yatsenko, Post-Graduate Student of the Departments of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: masha.yatzencko@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1208-2037

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1]Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**